

фонд
либеральная
миссия

библиотека

фонда

либеральная

миссия

Евгений Ясин
Приживется ли демократия
в России

Евгений Ясин
Приживется ли демократия
в России

фонд
либеральная
миссия

новое
издательство

УДК 321.7
ББК 66.3(2Рос)6
Я81

Редакторы	Анна Красильщик, Михаил Велижев
Дизайн серии	Анатолий Гусев

Ясин Е.
Я81 Приживется ли демократия в России
М.: Новое издательство, 2005. — 384 с.
(Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).

ISBN 5-98379-039-0

Новая книга Евгения Ясина посвящена истории и перспективам развития демократии в России. Рассматривая демократию в рамках политической и экономической теории и анализируя российскую историческую практику, Ясин демонстрирует политические и экономические преимущества демократической формы правления и убедительно опровергает распространенный тезис о ее несоответствии задачам и свойствам современного российского общества.

УДК 321.7
ББК 66.3(2Рос)6

ISBN 5-98379-039-0

© Фонд «Либеральная миссия», 2005
© Новое издательство, 2005

Оглавление

Предисловие	13
<hr/>	
Часть I. Теория и история	
<hr/>	
Глава 1. Зачем нам демократия	19
1.1. Две оценки текущего момента	19
1.2. Преимущества демократии	21
Издержки демократии	23
1.3. Трудности перехода	24
Смена власти	26
Глава 2. Теория демократии: равновесие, согласие, авторитет	29
2.1. Теория всеобщего блага	29
Общественный договор	29
Теория равновесия в экономике	29
2.2. Политическая конкуренция	30
Демократия и равенство	31
Теоретико-игровой подход	31
Пример 1: гражданское правительство и военные	32
Равновесие при демократии спонтанно	33
Пример 2: согласие дополняет равновесие	33
Гэрри Беккер: самоуправление минимизирует политическое давление	35
Парадокс Эрроу и как его решает демократия	36
Глава 3. Какая демократия	38
3.1. Минимальный набор: семь признаков демократии	38
3.2. Формы правления	39
Слабое государство, хаос	39
Авторитарные системы	40
Демократия участия и гражданское общество	40
Элитарная демократия	41
Зрелая и молодая демократия	44
Управляемая демократия	46
Связи форм правления	50
3.3. Молодость демократии: очерк истории	52

Глава 4. Российская демократическая традиция	56
4.1. Самодержавие	56
Демократизация как проникновение простых людишек во власть	58
Традиции законности: слово и дело	58
Пять эпизодов	59
4.2. Смутное время	59
«Подкрестная запись» Василия Шуйского	60
Договор 4 февраля 1610 года	61
4.3. Земский собор 1684–1649 годов	61
Московское восстание 1684 года	64
Земский собор и требования сословий	64
4.4. Либеральные реформы Александра II	66
Царь и народное представительство	66
Состояние общества	67
4.5. Революция 1905–1907 годов	68
Необходимость перемен	68
Манифест 17 октября	68
Элита и революция	69
Государственная дума	70
4.6. От Февральской революции до Учредительного собрания	72
Готовность к демократии	72
4.7. Уроки истории	74
Глава 5. Новая демократическая волна: еще эпизод или надолго?	77
5.1. Перестройка и демократизация	77
Стратегический выбор Горбачёва	77
Через пропасть в три прыжка	80
Протодемократия	80
Революция	82
5.2. Реформы или демократия	85
Рыночные реформы	85
Горбачёвский этап	86
Ельцинский этап	86
Противостояние	91
Начало управляемой демократии	94
Реформаторы и олигархи	99

Часть II. Настоящее

Глава 6. Путинский этап	105
6.1. Смена вех. Новый триумф управляемой демократии	105
6.2. Либеральные реформы в экономике	107
6.3. Укрепление государства	108
6.4. Угрозы стабилизации	110
Глава 7. Федерация. Построение вертикали власти	112
7.1. Усмирение губернаторов	112
Отмена прямых выборов губернаторов	114
7.2. Местное самоуправление и гражданское общество	115
Безразличие к «средней культуре»	116
Международный опыт: федерализм конкурентный или кооперативный	117
Первые шаги	118
Комиссия Козака и новый закон	119
Будут ли назначать мэров	122
Глава 8. Партии и парламент	124
8.1. Партийное строительство	124
Вырождаются ли политические партии?	125
Новейшее развитие	128
8.2. Избирательная система	131
Представительность или эффективность	131
Эволюция системы	133
Партийные списки	137
Парламент: неразрешимый конфликт — послушность — равновесие	143
8.3. Смена власти и парламентская республика	146
Три варианта для команды Путина	147
Глава 9. Контроль над СМИ	152
9.1. Экономические основы свободы слова	152
Каков информационный рынок?	152
Кто хуже — олигарх или государство?	153
Социальная функция СМИ	155
9.2. Хроника событий: 2000–2004 годы	156
История с НТВ	157
Сегодняшний день	159

9.3. СМИ и власть в регионах	162
9.4. «Плохие журналисты»	164
Хуже всего — послушность!	165
9.5. Закон о СМИ	166
Игроки на информационном рынке	168
Закон о СМИ — правила игры	169
Государство — «самый равный» игрок	170
Интернет	172
Глава 10. Усмирение бизнеса	175
10.1. Бюрократия и бизнес: симбиоз и конфликты	175
Демократия и бизнес	175
Бюрократия и бизнес: созревание конфликта	176
В поисках ренты	178
Бюрократия в России	180
10.2. Российский бизнес: жизнь в тени и наяву	181
Обстоятельства рождения и родовые травмы	181
Сегодняшний день	183
Эволюция отношений бизнеса и власти	185
Этап IV: компромисс и сотрудничество	186
10.3. Перелом: дело ЮКОСа	189
Самое главное — методы	189
Обвинения	190
Победоносный позор: «Юганскнефтегаз»	191
Фронтальная атака	193
«Вымпелком»	194
Возврат к итогам приватизации	196
10.4. Идеологическое наступление бюрократии	197
Белковский и Павловский: заговор удался	199
Еще один аргумент в пользу демократии	200
Глава 11. Главное оружие власти	201
11.1. Суд и судебная реформа	202
Второй этап	202
Инициативы Сергея Миронова	204
11.2. Прокуратура	206
Возможна ли независимая прокуратура?	206
«Государево око»	207
11.3. Полиция и другие	208
Налоговая служба и таможня	209

11.4. Спецслужбы	211
Плохие прецеденты	214
<hr/>	
Часть III. Россия перед вызовом	
<hr/>	
Глава 12. Общество	219
12.1. Мнения о демократии в России	219
Либеральная позиция	220
Консервативная позиция	220
Эволюционная позиция	221
12.2. Национальный характер и культура	222
Семь свойств	223
Факторы формирования	225
Как меняются институты	227
Современные тенденции	230
12.3. Бедность и неравенство	233
Мера и профиль бедности	234
Неравенство	239
Что делать?	240
12.4. Средние классы	242
Три подхода к определению	243
Ядро, полуядро и совокупный средний класс	244
12.5. Демография и здоровье	245
Причины демографического кризиса	245
Геноцид по-советски	246
Урбанизация и сокращение рождаемости	247
Смертность высока	248
Цена человека и реформа здравоохранения	249
Прогнозы	250
Демография и демократия	251
12.6. Динамика общественных настроений	252
Оперативная и долговременная память	252
Демократия в ряду ценностей	253
Экономика растет, приверженность к демократии снижается	255
Глава 13. Элита	260
13.1. Определения	260
Собрание лучших	260
Балласт	261

Виды элит	261
Солидарная ответственность и игра по правилам	263
13.2. Судьба номенклатуры	264
13.3. Деловая элита	266
13.4. Интеллектуальная элита	267
Три идейных течения	268
СМИ и развлечения: медиакратия	271
13.5. Политическая элита и бюрократия	275
Ельцинский призыв	276
Поколение Путина — политический пейзаж	277
13.6. Социальный лифт	281
Реформа образования	282
13.7. Раскол и консолидация	283
Элита и общество	283
Четыре раскола	288
Демократия — основа новой консолидации	290
Глава 14. Альтернативы и перспективы	295
14.1. Стартовая площадка	295
Революция: три фундаментальных изменения	295
Управляемая демократия приводит к нестабильности	296
Экономическая динамика: мотор сломан?	297
14.2. Две главные альтернативы	301
14.3. Игра в модернизацию сверху	303
Вводные замечания	303
Первый раунд	309
Второй раунд	315
14.4. Игра вторая: демократическая модернизацию «снизу»	316
Первый раунд	317
Второй раунд	319
14.5. А как будет на самом деле? Реалистический прогноз	320
Сравнение вариантов	320
Непопулярные реформы	322
Реальности политики	325
Три сценария для начала проекта	331
Период неустойчивого развития	333
Демократия начинается	335

Два приложения вместо заключения

Приложение I. Широкая демократическая платформа (проект)	343
Приложение II. Программа демократической модернизации (проект)	344
1. Демократизация	344
2. Свободная экономика	354
3. Гуманизация	358

Постскриптум 370 Литература 379 Summary 383

Трем моим музам, Лиде, Ирине и Варе, посвящаю

Предисловие

В этой книге речь идет о событиях, произошедших до конца 2004 года. Жизнь продолжается, но надо поставить точку, тем более что я писал не «хронограф».

Первые десять дней нового, 2005 года, т.е. все новые каникулы, мы с женой болели и вынужденно были прикованы к телевизору. Десять дней — одни эстрадные концерты с диким шумом, миганием и мерцанием, парад смехачей во главе с Е. Петросяном и фильмы, фильмы — старые, по пять раз виденные; сравнительно новые, но с теми же стрелялками, ментами и бандитами. На худой конец, после полуночи — сладкая эротика от Эммануэль. По «Эхо Москвы» Матвей Ганапольский обсуждает с Михаилом Леонтьевым вопросы кулинарии, и слушатели благодарят их за то, что они наконец не говорят о политике, не портят людям нервы.

Мне вдруг пришла в голову ужасная мысль: а если так будет весь год? А что, вполне может быть, к этому все и идет. Ужасная тоска! А потом что — вообще одно «Лебединое озеро»? Поэтому я сел за предлагаемую вниманию читателя книгу. Она написана человеком, который тешит себя иллюзией о своей принадлежности к ученому сословию. Но это не научный трактат, а что-то вроде публицистики, в общем, не мой жанр. Это книга гражданина, который озабочен судьбами своей страны и тревожится за ее будущее.

Я торопился, стараясь успеть. Не знаю, правда, к чему и почему. Видно, казалось, что, если мои сограждане поскорей прочтут мою книгу, они станут хоть немного другими, поймут что-то важное. Конечно, я знаю, что это не так. Но здесь дело не в разуме, а в эмоциях — ведь это они движут человеком в момент опасности, когда нужна мобилизация сил.

Торопясь, я рассчитывал уложить задуманное в 50–80 страниц. Но не вышло. Над текстом работал впопыхах, вопреки научным нормам: я отказался от идеи давать обзор отечественной и иностранной литературы, посвященной разбираемым мной темам; вместо этого брал работы одного–двух уважаемых мною специалистов в каждой такой области, привлекал материалы текущей прес-

сы — что попадалось под руку, только бы скорей. И все равно работа затянулась, а объем возрос многократно.

Я попытался сделать книгу максимально доступной, хоть фрагментарно, именно для этого я разбил текст на главы, параграфы и рубрики. Читать ее можно выборочно. В тексте много врезок с цитатами и примерами, они не всегда сделаны в традиционной манере. Это тоже от спешки: хотелось дать иные мнения, интересные факты, подтолкнуть размышления читателя, при этом не вдаваясь в дискуссии.

Теперь, так и не чувствуя, что работа завершена, я отдаю свой труд на суд читателя.

В 2004 году мне исполнилось 70 лет. На юбилейном вечере Егор Гайдар в своем выступлении сказал: «Вы создали в России рыночную экономику (такое, знаете, юбилейное преувеличение. — Е.Я.). Теперь, я знаю, Вы тревожитесь о российской демократии. Ну надо же что-то оставить молодому поколению». Согласен, и думаю, что все равно мало уже что успею.

Мне, разумеется, знаком философский взгляд Егора Тимуровича на сегодняшнюю ситуацию (он детально изложен в его только что вышедшей фундаментальной книге «Долгое время»): такое время, неизбежная полоса неустойчивого развития, в которой власть оказывается попеременно в руках разных сил; используя имеющиеся возможности, необходимо делать то, что будет содействовать развитию страны завтра, а сегодня стараться не допустить до власти демагогов и экстремистов. Правда, чтобы следовать этой концепции, у самого Гайдара порой не хватает выдержки.

Тем более не хватает ее у меня. Так случилось, что я имел отношение к тем переменам, которые произошли в нашей стране в последнее десятилетие XX века. Дело вовсе не в заслугах, которые я сам оцениваю более чем скромно. Когда судьба позвала меня во власть, я понимал, меня будет ждать не слава, а попреки. Но мне казалось, я обязан выполнить свой долг: да, на поприще реформ не сыщешь ни славы, ни благодарности, но страна сможет встать на ноги и двинуться на пути к процветанию. Так оно и вышло. Я радовался всем продвижениям реформ, всем позитивным изменениям, которые эти реформы вызывали. Однако с середины 2003 года дела у нас стали поворачиваться таким образом, что экономические и политические преобразования в России, за которые я переживал, оказались под угрозой. Именно это заставило меня взяться за книгу не по

моей специальности, однако именно эта проблема кажется мне сегодня самой важной для нашей страны.

Россияне не больно-то ценят демократию как в силу отсутствия привычки и вкуса к ней, так и потому, что в недавнем прошлом она не оправдала, как многим из них кажется, их ожиданий; другие считают, что демократия и вовсе не подходит России, у которой свой, особый исторический путь. Но я убежден, что демократия жизненно необходима для нас. Именно сейчас пришло ее время. Но власть предрержащим, похоже, дело представляется иначе, и они пытаются нас убедить, что лучше знают, что нам нужно. В книге я пишу, почему это не так.

Сразу скажу: я не против Путина, в 2000 году я голосовал за него в надежде на продолжение курса рыночных реформ и демократии. Второй раз я уже не мог отдать ему свой голос. Еще раз: я вообще не против кого-либо — я за! — за демократию, за новую демократическую Россию под российским триколором, под которым в августе 1991 года мои сограждане защищали Белый дом.

Я уже не буду голосовать за Путина, впрочем, он и сам вроде бы уважает Конституцию. Но я также не хочу, чтобы преемником Путина оказался еще один выходец из спецслужб, чтобы эти ребята создали из своей корпорации правящую династию. Не потому что я против безопасности, а потому что полагаю их власть опасной для страны. И еще больше я не хочу, чтобы при их попустительстве, пользуясь недовольством народа, к власти пришла оголтелая кучка националистов и популистов, уже сейчас разжигающая и эксплуатирующая народный гнев. Я хочу, чтобы все мы захотели и привыкли быть свободными людьми и свободно выбирали своих представителей для управления страной. Чтобы они служили нам и были бы ответственны перед нами. Я хочу, чтобы частная инициатива бурлила и поднимала экономику, делая нас богаче. Я хочу, чтобы всем было интересно смотреть телевизор — кому «Аншлаг», а кому Л. Парфенова и В. Шендеровича.

О том, можно ли это сделать и как, написана эта книга.

Огромная благодарность моим товарищам, которые способствовали ее написанию. Спасибо тем из них, кто согласился прочесть рукопись и высказал свои замечания — Е. Гайдару, И. Клямкину, Д. Зимину, Г. Сатарову, Л. Шевцовой. Я также хочу выразить глубокую признательность всем моим коллегам по Высшей школе экономики и Фонду «Либеральная миссия» — С. Авдашевой, Ф. Алескерову,

В. Бессонову, Е. Гавриленкову, В. Гимпельсону, В. Голиковой, Т. Долгопятовой, Д. Драгунскому, Л. Ионину, Я. Кузьминову, Л. Любимову, В. Радаеву, Е. Серовой, М. Урнову, О. Шкаратану, Л. Якобсону А. Яковлеву, а также С. Алексашенко, Л. Алексеевой, Ю. Афанасьеву, А. Аузану, А. Белоусову, М. Бергеру, А. Венедиктову, А. Вишневскому, Л. Григорьеву, Е. Гурвичу, М. Дмитриеву, Т. Заславской, А. Иванченко, А. Кара-Мурзе, Н. Косаревой, М. Краснову, Б. Кузнецову, О. Лацису, М. Либоракиной, Т. Малевой, В. Мау, Э. Набиуллиной, Л. Овчаровой, В. Преображенскому, А. Рогинскому, Е. Сабурову, Б. Салтыкову, С. Синельникову-Мурылёву, Я. Уринсону, Т. Шанину, К. Юдаевой, И. Юргенсу, Александру Николаевичу Яковлеву и многим другим — тем, кто образует мою узкую интеллектуальную среду, жизненно необходимую для творческой работы. Политиков, чиновников и бизнесменов не называю, чтобы не сказали, что подлизываюсь.

Мне очень помогли Г. Трубецкая, Н. Давиденко, И. Разумов, И. Евницкая, А. Косыгина, А. Венедиктов, И. Толмачева — спасибо им всем. А за все, что вам не понравится, отвечаю я сам.

Часть I Теория и история

Глава 1 Зачем нам демократия

После последних президентских выборов и политических реформ, предложенных В. Путиным 13 сентября 2004 года, вопрос о судьбах демократии в России встал весьма остро.

Начало демократическим преобразованиям в нашей стране положила горбачевская перестройка. Гласность, общечеловеческие ценности и альтернативные выборы получили в России права гражданства. На широкой волне массового демократического движения был устранен коммунистический режим, просуществовавший 74 года. Потом прошли трудные рыночные реформы, развалился СССР, над страной нависала угроза сепаратизма, развивался дикий капитализм эпохи первоначального накопления капитала, предпринимались попытки стабилизации. В. Путин, сменивший Б. Ельцина на посту президента, продолжил политическую стабилизацию и как бы для ее завершения предпринял ряд мер, которые, по мнению многих экспертов, привели к свертыванию демократических свобод. Это касалось установления контроля за СМИ (прежде всего за федеральными телеканалами), за выборами, деятельностью парламента и политических партий, за властью регионов с утверждением так называемой «вертикали власти» и, наконец, за крупным бизнесом как последним форпостом независимой общественной силы. Арест М. Ходорковского обозначил апогей этой кампании, а выборы — парламентские и президентские — подвели итог этих действий. На политической арене осталась одна сила — исполнительная власть с ее реальным главой — президентом. И вдруг, когда дело было сделано и все независимые силы в публичной сфере были поставлены под контроль, движение снизу — против монетизации льгот и против отмены отсрочек от военного призыва — показало, что происходит, когда публичной жизни нет.

1.1. Две оценки текущего момента

Оценки этих итогов, естественно, разнятся. Победители, сторонники президента и новой партии власти «Единой России», утверждают, что все хорошо. Мы пользуемся достоинствами поли-

тической стабильности. Все демократические институты работают. Есть оппозиционные партии — слева и справа, хотя последние и не прошли в Думу. Но они сами виноваты, не нашли пути к сердцу избирателя. Коммунисты потеряли много голосов, но ведь нельзя бесконечно жить вчерашним днем, пора считаться с реальностью.

Есть оппозиционные газеты, в том числе принадлежащие опальным олигархам. Их читают мало, ну что ж, значит, нет спроса. Да, у Гусинского отняли НТВ, но ведь он не возвращал кредит; и вообще, телевидение должно быть свободно от влияния олигархов в еще большей степени, чем от влияния государства.

Выборы стали намного чище, сейчас уже нельзя снять кандидата за сутки до голосования. Манипулирование административным ресурсом может быть и есть, но давайте смотреть на вещи реалистично: разве можно *в нашей стране* столь ответственное дело пустить на самотек? Мало ли кого навывает наш великий, но неискушенный в предвыборной демагогии народ? (Со слов известного правозащитника С. Ковалева: «Один из критиков избирательных ограничений добрался до Администрации Президента, и там ему ответили, что он, конечно, прав, но если бы Вешняков в 1933 году руководил выборами в Германии, то Гитлер не победил бы» [Независимая газета. 2003. № 41].)

И вообще, результаты выборов отражают настроения большинства россиян. Они высоко ценят президента, доверяют ему. Разве это плохо? Россия всегда нуждалась в твердой руке. И президент использует народное доверие, проводит либеральные рыночные реформы, жизненно важные для страны. События развиваются по нормальному сценарию. Будут условия, будет и демократизация. Недовольны только проигравшие. Ну и бог с ними.

Оценки проигравших — прежде всего правых либеральных партий — иные. Коротко их можно выразить так: демократические завоевания 90-х годов утрачены, установлен авторитарно-бюрократический режим так называемой «управляемой демократии». Мы движемся вспять, под влиянием политики властей в обществе растут консервативные, державно-националистические и популистские настроения, составляющие серьезную угрозу для цивилизованного развития страны. Поэтому необходимо решительно противостоять политике Путина. Чем дальше, тем меньше возможностей будет у оппозиции. Если все демократические силы не найдут пути к объединению и не смогут привлечь голоса демократиче-

ски настроенных избирателей и в 2007 году, то сползание России к авторитаризму станет неизбежным.

Выбор первой оценки означает переход на позиции власти: можно вступать в «Единую Россию». Выбор второй оценки влечет за собой маргинализацию демократического движения, превращение его в кучку диссидентов, которых почти никто не хочет слышать, которые ни до кого не могут достучаться. И в том, и в другом случае — снижение способности демократических сил влиять на развитие событий, потеря перспективы.

Между тем именно для будущего демократии в России крайне важно как можно точнее оценить суть происходящего. Тогда можно будет верно выбрать образ действий для тех, кто все же лелеет надежду увидеть Россию демократической и процветающей страной.

1.2. Преимущества демократии

Лично у меня есть желание во всем разобраться с самого начала. Прежде всего, что такое демократия? Правление народа? Если понимать эти слова буквально, то становится ясно, что в сложных современных обществах оно либо невозможно, либо неэффективно. Более точно с учетом имеющегося опыта можно сказать, что это способ организации управления государством, а стало быть, и применения власти, который обеспечивает реализацию воли большинства, соблюдение прав меньшинства и исключает возможность злоупотребления властью в личных интересах. Государство есть организация, обладающая правом применения насилия. Поэтому крайне важно, чтобы это право применялось под надежным контролем общества.

Антитеза демократии — диктатура, олигархия, авторитаризм, которые дают правителям, т.е. людям, имеющим доступ к средствам государственного насилия, применять их бесконтрольно, в своих интересах, в том числе для захвата и удержания власти.

Поэтому *первое, зачем нужна демократия, — недопущение применения государственного насилия в частных интересах*. Опыт нашей страны говорит о том, что нам это нужно как, наверное, никому. Деспотизм терзал нашу страну большую часть ее истории и во многом является причиной ее отсталости. Всем любителям твердой руки стоит напомнить об этом.

Второе, зачем нужна демократия, — соблюдение прав и свобод личности. Демократия — это такой порядок организации государства, который предоставляет гражданам максимум свободы

и гарантирует их права. *Это порядок для свободных людей. В этом связь либерализма и демократии.* Либерализм — идейное течение, ставящее выше других ценность свободы. Демократия — нечто иное, и порой либерализм и демократия плохо сочетаются, поскольку демократия — это в конечном итоге воля большинства, а большинство далеко не всегда более всего ценит свободу. Оно может предпочесть, например, равенство и справедливость. Но демократия создает наилучшие возможности для тех, кто предпочитает свободу и гарантирует права меньшинства.

Обеспечивая свободу личности, демократия создает в конечном счете и наилучшие условия для развития и благосостояния общества. Как говорил Дж. Локк, — точную ссылку я не нашел, — свобода на самом деле нужна немногим, но они должны обмануть остальных, убедив их, что она нужна всем. Но поскольку она — неперемненное условие творчества, а творчество — неперемненное условие развития, плодами творчества пользуются все, в конечном счете все от свободы выигрывают. И чем большую роль в приросте общественного богатства играют инновации, тем выше ценность свободы. Отсюда, кстати, следует, что сейчас, на пороге постиндустриального общества, ценность свободы и демократии возрастает как никогда ранее.

Третье, зачем нужна демократия, — она предоставляет гражданам *наилучшие возможности для защиты их основополагающих интересов.* Конечно, демократия сама по себе не дает гарантий, что будут учтены и удовлетворены интересы каждого. Для этого требуется воля и настойчивость тех, кто хочет, чтобы его интересы были приняты во внимание. Но если вы исключены из сообщества избирателей в демократической стране или же живете в стране недемократической и не причастны к кругу власть предержащих, можно не сомневаться, что вашими интересами пренебрегут. Демократия — это строй, основанный на открытом столкновении и согласовании интересов разных людей, разных социальных групп и предоставляющий каждой из них наилучшие условия для защиты ее интересов.

Четвертое, зачем нужна демократия, — *гибкость и динамичность социальной организации*, позволяющей экономике и обществу развиваться в условиях политической стабильности, без серьезных потрясений, без революций, вынуждаемых неспособностью и нежеланием правящих элит уступить власть или поделиться ею, когда их неэффективность становится очевидной для большинства.

Демократия, как и рыночная экономика, характеризуется некоторой *врожденной неопределенностью*, которая связана с известными рисками, но эти риски и являются ценой свободы, конкуренции и развития.

Вообще между рыночной экономикой и демократией есть органическая связь, обусловленная сходной гибкой сетевой структурой социальных взаимодействий в экономической и политической областях. Рыночная экономика без демократии возможна, но она будет прозябать. Теоретически возможна и демократия без рыночной экономики, но недолго и с дурными последствиями. История позитивных примеров такого рода практически не знает. Соединение же рыночной экономики и демократии органично и дает синергический эффект, ведущий к процветанию.

Сколько раз предрекали гибель капитализма и демократии, сколько раз на самом деле казалось, что очередной кризис закончится катастрофой. Но именно в силу этой неопределенности, в силу свободы, в которой происходила игра экономических и политических сил, демократия всегда выходила из кризисов и всегда побеждала в конфликтах.

Издержки демократии

У противников демократии — а среди них много могущественных людей, которым она мешает воспользоваться своим могуществом в полной мере, — всегда есть доводы, чтобы доказывать обратное.

Даже в обычной жизни каждый из нас сталкивался с ситуациями, когда, например, надо было в ходе споров разных людей прийти к согласию и это никак не получалось в силу, например, противоречий их интересов. И тогда приходила мысль: ну его к черту, пусть лучше кто-то один примет решение за всех и покончит с этим занудством. Или: пусть все действуют как хотят, а там посмотрим.

В других случаях согласию препятствуют не только различия интересов, но и невежество, предрассудки, эмоции. Бывает, какой-то красноречивый увлекает демагогией участников собрания, и они перестают руководствоваться рациональными доводами.

Таким образом, не факт, что согласованное решение будет наилучшим. Зачастую оптимальным оказывается решение авторитетного специалиста (профессионала, технократа). То есть демократическому по процедуре решению противостоит то, что я назвал бы *преимуществом технократии*. Очевидно, в определенных случаях

целесообразны не коллективные, а единоличные решения умного и авторитетного профессионала или группы экспертов.

Точно так же не только при неосведомленности заинтересованных сторон, но и в случае столкновения их интересов зачастую наиболее эффективна единая воля к достижению той или иной цели. Для этого кто-то наделяется правом принуждения, устанавливается подчинение, субординация. Я назвал бы это *преимуществом единоначалия*, однозначно признаваемого, например, в армии. Также можно считать это преимуществом бюрократии.

Третья группа доводов против демократии признает ее достоинство, но утверждает, что воспользоваться ими можно только в том случае, если члены общества обладают необходимыми свойствами, в частности, такими, как образованность, рациональность, терпимость, ответственность, готовность считаться с интересами и мнениями других сограждан. Словом, утверждается, что, *для демократии нужно зрелое гражданское общество*. Если же его нет, то от нее будет больше вреда, чем пользы. Люди должны созреть. В той или иной мере эти доводы справедливы. Вопрос в том, как они будут зреть — под опекой монархии или бюрократии?

И все же имеется множество аргументов, позволяющих понять, что справедливость приведенных выше доводов против демократии относительна, а ценность демократической организации общества, несмотря на многочисленные изъяны, абсолютна. Тем более что в социальной практике вырабатываются формы демократии, позволяющие сводить ее минусы к минимуму и использовать в ее рамках достоинство технократии и бюрократии. Недаром У. Черчилль говорил, что демократия — очень плохая система, но она лучше всех остальных. Сегодня это утверждение еще более справедливо, чем во времена великого британца.

1.3. Трудности перехода

Последний из приведенных выше аргументов против демократии особенно часто выдвигается в связи с развивающимися странами, еще только переходящими к демократическому обществу. Наиболее популярен так называемый «тезис Ли» (по имени Ли Куан Ю, бывшего премьер-министра Сингапура, приведшего, кстати, свою страну к процветанию). Суть его состоит в том, что демократические права и свободы тормозят экономический рост и развитие.

Амартия Сен в этой связи замечает: «Мы не можем признать высокий экономический рост в Китае или Южной Корее за

неоспоримое доказательство большей эффективности авторитарного режима в обеспечении экономического роста точно так же, как мы не можем сделать противоположный вывод, исходя из того факта, что самая быстроразвивающаяся африканская страна (и одна из самых быстроразвивающихся в мире), а именно Ботсвана, является оазисом демократии на беспокойном африканском континенте» (Сен 2004: 173). Ниже мы вернемся к обсуждению этой проблемы, но здесь все же замечу, что у тезиса Ли есть много поклонников и их доводы часто выглядят весьма убедительно, особенно если речь идет о странах, осуществляющих переход от аграрного общества к индустриальному, реализующих модель догоняющего развития на основе индустриализации. Но если, скажем, страна прошла этот этап и уже, подобно Германии после Второй мировой войны или России после 1991 года, является индустриальной и урбанизированной, как по отношению к ней сморится «тезис Ли»?

Другая проблема демократии в развивающихся странах — опасность ее легкого превращения в диктатуру. С одной стороны, для бедняков, составляющих подавляющее большинство населения развивающихся стран, средства пропитания важнее гражданских прав, и они вряд ли будут отстаивать свои свободы. С другой, предоставление прав и свобод массам бедняков, не приученных социальной практикой к ответственному поведению, будет приводить только к череде беспорядков, к появлению на политической арене ловких демагогов, которые, пользуясь демократией, способны внушить людям убеждение в том, что порядок важнее свобод и именно он, лидер имярек, может спасти свою страну от хаоса. В итоге такой лидер получает власть в результате свободных выборов, чтобы уже никогда с ней не расставаться. Это более чем серьезная проблема. Пример А. Лукашенко в Беларуси — один из многих, до него именно таким образом пришли к власти Луи Наполеон, Б. Муссолини, А. Гитлер и многие другие диктаторы. Ленина и Сталина я не ставлю в этот ряд только потому, что они получили власть благодаря революции, а не выборов, т.е. не демократическим путем.

Таким образом, важность наличия у населения демократического опыта не может вызвать сомнений, а период неустойчивости и многообразных негативных инцидентов, вызывающих критическое отношение к демократическим процедурам, видимо, можно считать закономерностью при переходе к демократии.

Урок для сторонников демократии: Карл Люгер — мэр Вены 1895 года

Эту поучительную историю напоминает нам Фарид Закария, индийский мусульманин из Бомбея, видный американский политолог, главный редактор журнала *Newsweek International*.

В марте 1895 года Вена избрала своим мэром ультрационалиста Карла Люгера, который сравнивал евреев с саранчой и призывал смести их с земель в качестве удобрения. Император Франц-Иосиф пошел на беспрецедентный шаг — он отказался утвердить полномочия Люгера на том основании, что его избрание создает угрозу гражданским свободам. Через 38 лет в Германии такого императора не оказалось, и Гитлер, бывший свидетелем успеха Люгера, стал фюрером германской нации. К устойчивой либеральной демократии континентальная Европа смогла перейти лишь после Второй мировой войны, и то не сразу.

Ф. Закария отмечает, что Люгер появился вследствие развития демократии в Австрии: «В 1860–1870 годы в стране господствовали только богачи и образованный средний класс, причем их высшими целями были свобода слова, конституционализм и экономический либерализм. Слава Вены как центра космополитизма и прогресса проистекала из ограничения права

на участие в выборах. В 1880–1890-х годах состав электората был расширен (причем, по иронии судьбы, именно по настоянию либералов), что позволило принимать участие в голосовании большинству взрослых мужчин: и атмосфера в стране быстро изменилась. Рабочие и крестьяне, недавно получившие политические права, не были заинтересованы в гражданских реформах, к которым призывала буржуазия. Они легко поддались пламенной риторике социалистов (звывавших к рабочим) и ультрационалистов (адресовавших к крестьянам). Люгер блестящим образом сконструировал программу, объединявшую националистические и коммунистические призывы...» (Закария 2004: 52–53).

Этот случай может и сейчас послужить важным уроком: более чем через 100 лет в России снова складывается подобная обстановка. У нас уже давно действует всеобщее избирательное право, и расширение электората не может стать причиной событий, подобных событиям в Вене 1895 года, но активизация масс, побуждаемых бедностью, несправедливостью, игрой политиков на мифах и предрассудках, может еще сыграть злую шутку с теми, кто борется за свободу и демократию.

Возможность миновать подобные препятствия целиком зависит от поведения элиты, ее способности придерживаться установленных правил и поддерживать их. Если целью элиты действительно является демократия, любые массовые беспорядки, вызванные сложностями перехода, можно погасить. Но если те или иные группы в элите сами будут провоцировать подобные инциденты, чтобы использовать их в своих интересах, тогда трудности на пути к демократии могут стать непреодолимыми.

Смена власти

Самая большая трудность — это процедура смены власти. Даже когда демократия устоит, смена власти будет происходить непро-

сто. И все же в этом случае заранее известно, что и как будет происходить; приходя во власть, люди знают свои полномочия и то, когда и как они должны будут с ними расстаться.

Но переход к демократическим порядкам, особенно в странах с архаичной авторитарной культурой, происходит из состояния, когда нормой считается принципиально иная модель распоряжения властью: держаться за нее любыми способами, заранее удалять с поля всех потенциальных претендентов, чтобы нынешнему правителю не было альтернативы. Использовать власть для обогачения себя и своего окружения, что особенно усложняет расставание с властью, ибо в этом случае ты попадаешь под угрозу уголовного преследования. Это средневековая традиция, воплощенная в идее монархии. В новое время она чаще реализовалась в диктаторских режимах в Европе, Азии, Латинской Америке, да собственно повсюду, где не сложилась устойчивая демократия.

Возьмем просторы СНГ. Даже если не говорить о бывших среднеазиатских республиках, перед нами возникает пример Беларуси А. Лукашенко — несомненно европейской страны с отвратительной диктатурой, не считающейся ни с какими приличиями.

В России один раз уже была более или менее демократическая смена власти: в 1991 году она перешла к Б. Ельцину, законно избранному Президенту РСФСР, да и то это произошло в обстановке революции, которая закончилась вооруженным конфликтом октября 1993 года. Потом же у самого Ельцина возник предлог удерживать власть, чтобы она не вернулась к коммунистам, и для этого была изобретена «управляемая демократия»; ее управляемость все время усиливалась.

В этом смысле Украина являет собой некоторое исключение — благодаря тому что в силу различий между западной и восточной частями страны там оказывается возможной политическая конкуренция, выдвижение двух кандидатов в президенты с примерно равной электоральной базой. Так было в 1994 году, когда, опираясь на русскоязычный юго-восток, Л. Кучма победил Л. Кравчука. Через десять лет ситуация повторилась. Правда, власть, опираясь на Россию, попыталась сфальсифицировать результаты выборов, использовать, если хотите, русский вариант управляемой демократии. И это при том, что персональная замена первого лица была предрешена. Но оппозиция во главе с В. Ющенко смогла противостоять этой фальсификации.

Для нас здесь важен следующий факт: в переходный период правителю и поддерживающей его элите чрезвычайно трудно расстаться с властью, и для того, что бы удержать ее, они готовы идти и на фальсификацию, и даже на силовые акции. Противопоставить им веру в принципы демократии недостаточно — для этого нужна реальная политическая сила, способная мобилизовать значительную часть населения страны.

Смена модели распоряжения властью, замена архаичного авторитарного режима демократической процедурой составляет, таким образом, самый трудный момент перехода к демократии. Ясно, что в процессе перехода издержки демократии особенно велики, тем более в бедной стране, когда на стороне противников демократической системы такие сильные аргументы, как порядок, единство и эффективность.

Глава 2 Теория демократии: равновесие, согласие, авторитет

2.1. Теория всеобщего блага

И все же сказанное выше слишком важно, чтобы ограничиться кратким, декларативным изложением преимуществ демократии. Литература, в которой с разных сторон обсуждаются плюсы и минусы демократической системы, огромна, а первые тексты, посвященные ей, принадлежали еще Платону и Аристотелю или — в Новое время — Монтескье и Руссо. Я попытаюсь воспроизвести здесь логику развития идей в этой области, которую использовал Й. Шумпетер, один из крупнейших экономистов XX века, начиная с его знаменитой работы «Капитализм, социализм и демократия» (1943; см.: Шумпетер 1995).

Общественный договор

Шумпетер начинает с классической теории XVIII века, которая основывается на постулате всеобщего блага — блага, по поводу которого может быть достигнуто согласие всего народа, если всем членам общества будут предъявлены рациональные доводы соответствующей общей выгоды. Разногласия могут касаться только мнений относительно путей и сроков движения к общему благу; в их обсуждении учитываются аргументы специалистов, но принципиальные вопросы решаются всеми. Институты и учреждения выстроены таким образом, чтобы содействовать достижению общего блага.

Теория равновесия в экономике

В конце XIX века благодаря трудам Л. Вальраса и А. Маршалла, а также многих других ученых возникла теория равновесия, составившая фундамент современной экономической науки. В ней по сути воспроизводится идея всеобщего блага. Пожалуй, лучше всего она была выражена в так называемом оптимуме Парето. Итальянский экономист Вильфредо Парето предложил считать оптимальным такое состояние экономики, в котором при данных ресурсах положение любого субъекта может быть далее улучшено только за счет

ухудшения в положении кого-то другого. То есть равновесие в данном случае — ситуация, когда возможности увеличения общего блага исчерпаны. Отчасти эта прозрачная и логичная модель мира возникла, видимо, как реакция на жесткость теории Маркса, построенной на идее классовой борьбы. Теория равновесия гласила: счастье возможно и без постоянных драк.

В 60–70-е годы у нас на основе идей нобелевского лауреата Л.В. Канторовича и В.В. Новожилова была разработана теория оптимального планирования, предмет моего и многих моих коллег горячего увлечения. Суть ее состояла в следующем: если есть критерий оптимальности, то существует такая процедура, которая позволяет определить наилучшее с точки зрения этого критерия распределение ресурсов и цены товаров, балансирующие спрос и предложение. Иначе говоря, получить оптимальный план и цены, стимулирующие его выполнение. Ясно, насколько это было важно для планового хозяйства. Но беда в том, что критерий оптимальности, очень близкий по смыслу к оптимуму Парето, т.е. к функции общего блага, никак не удавалось сконструировать. И пока одни продолжали корпеть над этой безнадежной задачей, другие пришли к мысли, что нужно не конструировать этот критерий, а просто вернуться к рыночному механизму, толкающему экономику к оптимальному состоянию, равновесию (хотя никогда и недостижаемому до конца) самостоятельно.

2.2. Политическая конкуренция

Критикуя концепцию всеобщего блага за ее нереалистичность, в том числе за нереалистичность представления о рациональности поведения индивидов и их склонности поддаваться стадным инстинктам, Шумпетер выдвигает другую теорию — теорию демократии как системы институтов, создающей условия «борьбы за политическое лидерство» (Шумпетер 1995: 354). Он так поясняет свою идею: классическая теория демократии предполагает, что у народа есть определенное и рациональное мнение по всем вопросам и что он выбирает представителей для того, чтобы исполнить его волю. Попробуем перевернуть ситуацию: народ выбирает представителей, которые предлагают определенные решения общественных вопросов. Кого выберут, тот и будет реализовывать свои предложения. Таким образом, роль народа состоит в избрании представителей, образующих орган общественного управления. А претенденты на роль представителей должны доказывать в конкурентной борьбе

свое право на управление от имени народа. Борьба подчиняется правилам, представляющим равные возможности претендентам и исключающим насилие.

Такой подход дает четкий критерий для различения демократической и недемократической систем. Если брать критерий максимума всеобщего блага, мы сталкиваемся с множеством исторических примеров, когда свободе и всеобщему благу народа служили режимы, которые никак нельзя считать демократическими. Зато с уверенностью можно сказать: если народ свободно избирает своих представителей во власть, а последние избираются в конкурентной борьбе — это демократия.

Демократия и равенство

Такое определение позволяет провести грань между демократией и равенством. Это очень важно, ибо существует распространенное представление, что равенство — необходимый атрибут демократии, причем с точки зрения распределения благ и собственности. Демократия — это якобы власть бедных в отличие от аристократии или олигархии — власти высородных или богатых.

На деле с точки зрения реалий современного мира равенство в указанном смысле не является непременным атрибутом демократии. Последняя обеспечивает равенство граждан по крайней мере в одном — избирать и быть избранным. Более того, при таком понимании демократии естественной является необходимость формирования групп для продвижения тех или иных интересов и идей, а следом — выдвижения лидеров.

Теоретико-игровой подход

Вскоре после выхода вышеупомянутой книги Шумпетера была издана работа Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение», давшая его идее адекватный математический аппарат, подобно тому как Вальрас создал аппарат моделирования для идеи всеобщего блага. В рамках теории игр все социальные взаимодействия, в том числе политические, являются взаимообусловленными: индивидуальные решения принимаются под влиянием уже состоявшихся или ожидаемых решений других субъектов — участников взаимодействия.

Общество в рамках политической игры рисуется следующим образом. Множество индивидов, занимающих разное положение и придерживающихся разных взглядов, объединяются в группы,

условно говоря, партии, в соответствии с их интересами и убеждениями — действовать поодиночке чаще всего бессмысленно. Партии борются за власть, т.е. за право управлять общественными делами. Для игры предлагаются согласованные правила — конституция и избирательные законы. Правила игры в демократию предполагают по крайней мере следующие три положения: 1) соблюдаются принятые права граждан, в том числе право избирать и быть избранным; 2) власть находится в руках партии, получившей на выборах большинство, ее лидер возглавляет правительство в течение установленного срока; 3) по истечении этого срока проводятся выборы, в которых партии, включая партию власти, борются за доверие избирателей.

В ходе игры игроки анализируют последствия тех или иных своих действий и действий партнеров, используя ценности и вероятности. Они могут нарушать правила, за что подвергаются санкциям, если только не предпримут действия, позволяющие их избежать.

Анализ игры в нашем случае должен ответить на два вопроса: 1) каковы выгоды от демократии? 2) содержит ли демократия в себе механизмы, обеспечивающие ее устойчивость или равновесие; может ли она в принципе функционировать как политическая система без некоторой посторонней силы, арбитра? Или все же держится на некоем соглашении, за исполнением которого следит арбитр, обладающий правом налагать санкции?

Пример 1: гражданское правительство и военные

Для ответа на первый вопрос можно использовать пример, приводимый А. Пшеворским (Пшеворский 1999: 41–42). Гражданское правительство опасается военного переворота в случае проведения военной реформы. Оно анализирует альтернативы: проводим военную реформу — вероятность переворота высока, значимость последствий (цена стратегии) также высока — подрыв демократического порядка и законности, период нестабильности, падение уровня доверия в обществе, насилие. Членам правительства грозят казни или заключение. Решают: не проводить реформу или проводить в таких масштабах, чтобы не вызвать негативной реакции военных.

Военные знают о намерениях правительства и анализируют свои альтернативы: если правительство предпримет реформу, то переворот с высокой вероятностью вызовет отпор со стороны общества, так как правительство пользуется его поддержкой. В случае не-

удачи последуют аресты и лишение званий. Кроме того, военные считают демократический порядок важной ценностью и готовы нарушить его только в крайнем случае. При таких условиях они решают не идти на переворот. Все остается как было.

Понятно, что при иных условиях и решения могут быть иными. При низкой вероятности переворота и уверенности в поддержке общества правительство пойдет на реформу. Если же общественная поддержка правительства невелика, а военные уже не раз нарушали конституцию, переворот может последовать даже при самой робкой попытке реформ.

Каждая из сторон знает, что, если она будет действовать в рамках правил, риски будут невелики, а в следующем избирательном цикле можно добиваться своих целей: правительственной партии — настаивать на военной реформе, включив ее в предвыборную платформу, военным — через другую партию — добиваться отказа от реформы или изменения ее условий. Тем самым повышается стабильность общества, предсказуемость событий и действий разных игроков.

Равновесие при демократии спонтанно

Тот же пример позволяет подойти к ответу и на второй вопрос. При соблюдении правил игры, т.е. демократических процедур, действуют силы, приводящие к равновесию: *никто из игроков не может увеличить свой выигрыш в одностороннем порядке* (равновесие по Нэшу¹). Или иначе: никто не хочет выбрать другой план действий, принимая во внимание то, как в ответ будут действовать другие. *Равновесие может достигаться спонтанно, наличие арбитра необязательно.* Этот вывод, который позволяет сделать теоретико-игровой подход, является для нас ключевым.

Пример 2: согласие дополняет равновесие

Другой пример от Пшеворского. В выборах участвуют две партии — правая и левая. Они договариваются между собой честно вести предвыборную борьбу. Каждому в отдельности выгодно нарушить эти договоренности только в том случае, если другой останется им

¹ Дж. Нэш — тот самый сумасшедший гений, которого Р. Кроу играл в известном фильме «Игры разума». История Нэша там рассказана близко к реальности. Равновесие, по Нэшу, на языке теории игр похоже на оптимум Парето на языке теории равновесия.

верен: нарушение договоренности будет вызывать ответные нарушения. В итоге оказывается, что нечестные приемы выгодно применять только до той поры, пока ущерб от ответных действий противника не сравняется с выгодой от собственной нечестности. Нужно еще учесть, что и сам избиратель начнет реагировать на чрезмерную нечистоплотность политиков. Точка равновесия уже не будет совпадать с точкой договоренности, но останется недалеко от нее. И вот механизм саморегулирования сработал, выборы признаны состоявшимися. *Достигнутое согласие было реализовано, поскольку опиралось на равновесие.*

Шумпетер о политической конкуренции

«В экономической жизни конкуренция никогда полностью не отсутствует, но едва ли когда-либо существует в совершенном виде. Точно так же в политической среде постоянно идет борьба, хотя, возможно, лишь потенциальная, за лояльность избирателей. Объяснить это можно тем, что демократия использует некий признанный метод ведения конкурентной борьбы, а система выборов — практически единственно возможный способ борьбы за лидерство для общества любого размера. Хотя это и исключает многие из способов обеспечения лидерства, которые и следует исключить, например, борьбу за власть путем вооруженного восстания; это не исключает случаев весь-

ма похожих на „несправедливую“ или „мошеническую“ конкуренцию или ограничение конкуренции. Исключить их мы не можем, поскольку если бы мы это сделали, то остались бы с неким весьма далеким от реальности идеалом. Между этим идеальным случаем и случаем, когда любая конкуренция с существующим лидером предотвращается силой, существует непрерывный ряд вариантов, в пределах которого демократический метод правления незаметно, мельчайшими шагами, переходит в автократический. Но если мы стремимся к пониманию, а не к философствованию, это так и должно быть» (Шумпетер 1995: 356–357).

Можно попытаться повысить эффективность механизма саморегулирования и ввести арбитра наподобие нашего Центризбиркома во главе с А. Вешняковым, который налагал бы на нарушителей санкции. Но кто даст гарантию его объективности? Третья сторона — угроза демократии со стороны государства, ибо именно государственные институты берут на себя роль такого арбитра (явно или тайно), однако, так как у власти всегда находится одна из партий, эти институты редко могут быть объективными. Разве что в ситуации, когда само государство находится под контролем политически организованного гражданского общества.

Поэтому А. Пшеворский отмечает *предпочтительность децентрализованного наблюдения* за любым подобным соглашением — наблюдения посредством «достаточного количества действующих

сил», применяющих санкции за его корыстные нарушения, чтобы поддержать общий результат, сократив меру нечестности. Речь идет о наблюдателях от различных партий и гражданских организаций, а также о свободных СМИ (Пшеворский 1999: 42–44).

Таким образом, согласие само по себе, фиксируемое теми или иными договорами, включая конституции, если их соблюдение контролируется извне, не только не гарантирует эффективного функционирования демократической системы, но и составило бы угрозу для нее, если бы не поддерживалось механизмами саморегулирования, работающими от корыстных побуждений сторон, учитывающих потенциальные действия своих конкурентов и партнеров. И напротив, как раз такие механизмы делают соглашения возможными и устойчивыми.

Гэри Беккер: самоуправление минимизирует политическое давление

Нередко достоинства демократии ставятся под сомнение в связи с тем, что она предполагает открытую борьбу политических партий или групп влияния. Шумпетер, который полагал неизбежной смену капитализма социализмом, считал, что при последнем влияние частных интересов понизится. Г. Беккер, классический представитель экономического подхода к анализу политики, приходит к противоположному выводу: «При социализме преследующие собственные интересы группы давления, такие, как рабочие, менеджеры, интеллектуалы и др., должны проявлять гораздо большую, а не меньшую активность, чем при капитализме (хотя конечно же в коммунистических странах она будет естественно пресекаться), потому что при социализме под контролем государства находится намного бóльшая, чем при капитализме, доля ресурсов (Беккер 2003: 355). Добавим к сказанному, что, хотя при советской власти была только одна партия, группы давления действовали всегда и в нарастающих масштабах: бюрократия, теневая экономика, АПК и ВПК — вот наиболее могущественные группы интересов, чья «междоусобная» борьба и привела советский коммунизм к краху. А противодействующей им силы — открытой политической конкуренции — не было.

Борьба групп интересов в обществе существует всегда, при демократии их публичное столкновение может казаться более острым, но открыто проявленное, оно обычно происходит в рамках закона: демократические процедуры не допускают потрясений, способствуют компромиссам. Возьмем недавний пример США: на вы-

борах 2004 года республиканец Дж. Буш-младший с небольшим перевесом победил демократа Дж. Керри. Нанятые толпы адвокатов подготовились к тяжбам по поводу нарушений, но Керри признал свое поражение, поздравил конкурента с победой и сказал, что готов работать с ним на благо Америки.

Почти в то же самое время в Украине в аналогичной ситуации кандидат в президенты В. Ющенко поднимает массы сторонников на манифестации в уверенности, что его противники, располагая рычагами власти, исказили результаты выборов в свою пользу. В стране растет напряжение, колонны людей с из западных и восточных регионов идут на Киев. Спецназ со щитами стягивается к резиденции президента. Смена власти идет с трудом, под угрозой кровавых столкновений.

При социализме и в переходный — на пути к демократии — период общественная активность либо ниже (по Шумпетеру), либо выплескивается на поверхность из-за недоверия сторон к тому, что оппоненты будут соблюдать правила, и приобретает беспорядочный характер, чреватый различными потрясениями.

Парадокс Эрроу и как его решает демократия

Известный американский экономист К. Эрроу показал в свое время, что достичь согласования противоречивых интересов различных субъектов невозможно без участия арбитра или диктатора (Arrow 1951). Точнее, он утверждал, что максимум общего блага невозможно выявить каким-либо способом соединения индивидуальных предпочтений. Марксисты обрадовались, усмотрев в этом парадоксе, «парадоксе Эрроу», доказательства неизбежности диктатуры в разделенном на классы обществе — хотя бы и диктатуры большинства. Это если исходить из предположения о том, что интересы и предпочтения — экзогенные переменные для процедуры их соединения. Но такое предположение нельзя обосновать. Скорее интересы и предпочтения также являются продуктами демократического процесса. Верно, что процессы обсуждения и голосования необязательно завершаются достижением согласия — вполне вероятно, наоборот, более глубокое осознание и обострение противоречий. Но, во-первых, голосование дает решение — хотя и неудовлетворительное для меньшинства. Во-вторых, демократия подразумевает, что в следующий раз это голосование может привести к другому результату, что на следующих выборах может выиграть нынешнее меньшинство. «Демократические институты

общества придают политическим конфликтам вневременной характер. Они открывают перед политическими деятелями перспективы далекого будущего. Политические силы примиряются с поражениями на сегодняшний момент, потому что они верят, что институциональная структура, регламентирующая демократическую борьбу, позволяет им достичь своих интересов в будущем» (Пшевский 1999: 38–39).

Подведем итог. В демократической системе существуют встроенные механизмы регулирования, основанные на политической конкуренции и создающие тягу к равновесию. Согласие как результат процесса переговоров необязательно. Привлечение внешних арбитров, действующих помимо институтов гражданского общества, допустимо, но нежелательно, ибо чревато авторитаризмом, возвышением государства над обществом. А это влечет за собой ослабление механизмов саморегулирования.

Глава 3 Какая демократия

3.1. Минимальный набор: семь признаков демократии

Выше мы пытались привести теоретические доводы в пользу демократии. Существенный вопрос, однако, состоит в том, какими конкретными механизмами обеспечиваются ее достоинства. Ясно, что эти механизмы могут быть разными, соответственно могут различаться и степени развития, зрелости демократии. Составим некоторый минимальный набор институтов, при нормальном функционировании которых можно говорить, что в данной стране есть демократия:

- 1) выборность должностных лиц: люди, уполномоченные принимать властные решения и применять государственное насилие, должны избираться гражданами;
- 2) сменяемость властей: свободные, честные, часто проводимые выборы;
- 3) разделение властей: исполнительная, законодательная и судебная власти разделены и независимы друг от друга. Это предупреждает возможность узурпации власти, создает систему сдержек и противовесов и обеспечивает контроль общества за деятельностью государства;
- 4) свобода слова и информации: все граждане имеют право выражать свои взгляды, критиковать деятельность должностных лиц и получать любую информацию, необходимую для их компетентного суждения об общественных делах. Для этого должны существовать независимые от власти средства массовой информации;
- 5) свобода ассоциаций: граждане имеют право свободно объединяться в различные ассоциации, в том числе в политические партии, ставящие перед собой задачу победы на выборах и, таким образом, завоевания власти. Именно ассоциации граждан, а не властные учреждения должны формировать предлагаемые избирателям политические программы, чтобы реализовать их в случае прихода к власти;

- б) всеобщие гражданские права: все совершеннолетние граждане должны обладать равными правами, обеспечивающими их участие в функционировании перечисленных выше политических институтов;
- 7) свобода предпринимательства и право собственности — правовой фундамент рыночной экономики.

В основе демократии конечно же лежат выборы, однако далеко не только они необходимы для ее существования. Демократию, которой присущ только один из ее элементов — выборы, подвергает убедительной критике Ф. Закария. Ссылаясь, в частности, на пример с выборами К. Люггера, который я привел в главе 1, он показывает, как не подкрепленная другими институтами выборная демократия приводит к негативным последствиям. Такому «плоскому» пониманию демократии Закария противопоставляет «конституционный либерализм», который предполагает весь перечисленный выше «пучок» свобод и институтов, гарантированный верховенством закона. Политические системы в США и Западной Европе он называет «либеральной демократией», поскольку они основаны на конституционном либерализме. Тем самым Закария хочет подчеркнуть, что защищенные законом свободы важнее демократии как таковой. Другие режимы, где власть легитимизируется выборами, но «пучок» свобод и институтов конституционного либерализма отсутствует, он называет «нелиберальными демократиями» (Закария 2004: 6).

Я сам считаю демократической ту страну, где приведенный выше набор свобод и институтов существует целиком, без единого исключения. Ни один из этих элементов по отдельности или в комбинации с несколькими другими не является признаком демократии. Конечно, совершенных институтов не бывает, однако если все они — все семь — действуют в подавляющем большинстве случаев и действуют не формально, а на самом деле, мы можем говорить о существовании демократии. Именно такой смысл я буду вкладывать в это слово на протяжении всей книги.

3.2. Формы правления Слабое государство, хаос

Теперь — о различных уровнях развития демократии. Прежде всего о том, что лежит за ее пределами. В первую очередь это *хаос*: слабое государство, неспособное поддерживать законный порядок каким-либо способом, господство права сильного.

Насилие и внутри сообщества, и, в случае войны, за его пределами в течение многих веков было главным фактором социальной организации. Собственно связанные с этим негативные обстоятельства и привели к созданию институтов государства и законности, которую это государство обязано было поддерживать. И всякий раз, когда оно переставало справляться со своими обязанностями, в обществе воцарялось насилие — произвол сильных и угнетение слабых.

Авторитарные системы

Во всех типах социальной организации, предполагающих государство, общество передает ему право применения насилия как инструмента поддержания порядка. Самодержавная монархия, олигархия как власть немногих, авторитаризм как признаваемый обществом авторитет лидера — все это варианты недемократической, но легитимной, т.е. всеми признаваемой, социальной организации. Диктатура, тоталитарный режим, даже если диктатор получил власть законно, на выборах — варианты недемократической и нелегитимной социальной организации, в которой насилие используется не только как инструмент поддержания законного порядка, но и для удержания власти в руках определенных лиц и групп вопреки воле большинства. Этих определений я буду придерживаться и дальше.

Демократия участия и гражданское общество

На другом конце шкалы типов социальной организации лежит то, что в современной политической теории называют «демократией участия» (Коэн, Арато 2003: 24).

По сути, речь идет об обществе граждан, каждый из которых достаточно компетентен и информирован в общественных делах, чтобы принимать в них активное участие. Р. Даль называет пять критериев демократического процесса (Даль 2000: 41–42):

- эффективное участие: все члены сообщества имеют равные и действенные возможности для изложения своих взглядов в процессе выработки решений, касающихся общественных дел;
- равное голосование: все члены сообщества имеют равные и действенные возможности голосовать при принятии решений;
- понимание, основанное на информированности: каждый член сообщества получает информацию для понимания сути вопросов, по которым принимается решение;

- контроль за повесткой дня: члены сообщества влияют на принятие решений относительно того, какие вопросы и в каком порядке будут обсуждаться и голосоваться. Тем самым исключается контроль какого-либо исполнительного органа за кругом вопросов, подлежащих обсуждению, а политика сообщества всегда остается открытой для перемен;
- включенность в жизнь общества: все совершеннолетние и дееспособные граждане имеют возможность участвовать в управлении общественными делами; чтобы защищать общественные интересы, группа граждан не может без ущерба для себя передать другой группе власть над собой. Опыт показывает, что свои интересы можно понимать неадекватно, что другие могут поступить за вас разумнее. Но, передавая власть другим, вы лишаетесь возможности действовать, когда вы придете к адекватному пониманию собственного блага (Там же, 77). Отсюда возникают и определенные обязанности личности относительно участия в общественных делах.

Пользуясь правами и свободами, гражданин обязан также считаться с правами и свободами других. Свобода личности в этом смысле сопряжена с социальной ответственностью, включает ее как необходимый элемент и тем отличается от вседозволенности или вольности в традиционном русском понимании этих слов (Лапин 2002: 39). Поэтому в обществе граждан или гражданском обществе, а именно о нем идет речь, естественны повсеместные проявления солидарности и доверия — порой даже в большей степени, чем в обществах подданных, пронизанных отношениями подчинения и господства.

Выше изложено идеализированное, нормативное представление о демократии участия и гражданском обществе, которые, как мы видим, тесно связаны между собой. Демократия участия возможна только в развитом гражданском обществе, развитость гражданского общества проявляется в той мере, в какой реализуется демократия участия.

Элитарная демократия

Ясно, что в жизни подобный идеал демократии участия не реализуется практически нигде. Может быть, ближе всего к нему Скандинавские страны, Нидерланды, Швейцария, а в прошлом — полисы

Древней Греции. Но в той или иной мере элементы демократии участия присущи всем демократическим странам, и тогда, когда это вызывается необходимостью, граждане активизируются, мера их участия в управлении государством возрастает. А демократические институты способствуют или, во всяком случае, не препятствуют этому. Тем не менее демократия участия не является распространенной, повседневно применяемой формой демократии. Большинство граждан обычно склонно к пассивности, аполитично, ограничивает свое общение семейным, производственным, соседским кругом, кругом друзей, близких по духу и нравам.

На другом конце спектра форм демократии стоит *элитарная демократия*. Суть ее в том, что она принимает и использует нежелание большинства граждан систематически участвовать в общественных делах, поддерживать необходимую для этого собственную информированность, исполнять гражданские обязанности. Более того, исходя из представления о некомпетентности большинства, его склонности к эмоциям, подверженности манипуляциям демагогов и, как следствие, высокой вероятности неэффективности его решений, элитарная демократия считает предпочтительным ограждать управление государством от чрезмерного участия населения. Обычно управление общественными делами отдается *элите* (в данном случае имеется в виду политическая элита), в идеале — сообществу наиболее компетентных, одаренных и в то же время достаточно терпимых, готовых к сотрудничеству и компромиссам людей (меритократия). Принадлежность к элите — наиболее сложный вопрос, который мы обсудим позднее, но здесь важны два обстоятельства:

- элита способна управлять лучше, кроме особых случаев, когда для реализации решений нужны общественное согласие и поддержка;
- элита не олигархия, потому что ее формирование и обновление осуществляется на основе демократических институтов и процедур, а именно: выборности основных представителей всех властей при всеобщем, равном и тайном голосовании; регулярности выборов; разделения властей; свободы слова и информации; свободы ассоциаций, включая политические партии; политической конкуренции. Участие большинства граждан в управлении сводится к выбору программы и партии, ее представляющей, с последующей оценкой исполнения.

Нетрудно видеть, что этот перечень практически совпадает с минимальным набором признаков демократии. А значит, мы можем расположить элитарную демократию на нижней границе шкалы демократических форм правления. Важно, однако, еще раз подчеркнуть, что если все входящие в перечень институты функционируют нормально и вызывают доверие граждан, такая форма демократии дает им возможность при необходимости и желании повышать степень своего участия в общественных делах, не вызывая каких-либо политических потрясений. Более того, в той или иной мере гражданское участие всегда присутствует в жизни общества, в том числе в виде деятельности так называемых институтов гражданского общества, неправительственных некоммерческих организаций (НКО).

Можно утверждать, что сегодня в подавляющем большинстве демократических стран преобладает именно модель элитарной демократии. Их часто критикуют, обвиняя в отсутствии подлинной демократии и находя в них предпосылки для отчуждения между государством и обществом. Тем не менее, как показывает опыт, в элитарной демократии демократические институты действительно функционируют, обеспечивая права и свободы граждан, гибкое и динамичное, но в то же время стабильное развитие, позволяющее быстро реализовывать нововведения и вместе с тем избегать серьезных катаклизмов. Такая система не допускает чрезмерного влияния некомпетентных масс на повседневное ведение общественных дел, соединяя достоинства технократии и демократии.

Дебаты об элитарной демократии и демократии участия

Провести границу между элитарной демократией и демократией участия крайне важно, чтобы не впасть в «демократический фундаментализм», остаться на почве реальности, в том числе и при оценке наших отечественных проблем. Поэтому я приведу основные тезисы дебатов на эту тему в изложении Дж. Коэн и Э. Арато, авторов книги «Гражданское общество и политическая теория».

«Не будет преувеличением сказать, что дебаты между моделями элитарной демократии и демократии участия двинулись по замкнутому кругу с 1942 года, когда Шумпетер бросил перчатку сторонни-

кам нормативного подхода... Элитарная модель демократии выступает с притязаниями на реалистичность, описательность, эмпирическую точность, заявляя о себе как о единственной модели, соответствующей современным социальным условиям.

Данный подход, не допускающий ни малейших утопических иллюзий относительно возможности навсегда избавиться от феномена власти или от разделения на правителей и управляемых, полагает, что обойтись без того и другого не в силах никакое общество, а современное общество и подавно.

Демократические общества отличаются от недемократических теми способами, с помощью которых обретается власть и принимаются решения; пока соблюдаются основные гражданские права и на основе всеобщего избирательного права регулярно проводятся конкурентные выборы, пока смена власти принимается элитами и проходит гладко, без насилия или нарушения преемственности институтов — до тех пор государственное устройство может считаться демократическим.

Голосующие — это потребители, а партии — предприниматели, предлагающие на выбор альтернативные пакеты решений или персонал; именно они формируют спрос, оставляя потребителю лишь одно суверенное право — выступить в качестве избирателей, сказать „да“ или „нет“ по поводу того, кому из заранее отобранных кандидатов подлежит стать их „представителями“. Суть данной модели демократии — состязательность в процессе обретения политической власти. Она — источник творческого потенциала, ответственности, продуктивности, способности реагировать. Предпосылки — компетентность, терпимость, культура политических элит, основанной на демократическом самоконтроле. Последняя из предпосылок — „оградить подобную систему от чрезмерного участия в ней населения“; граждане должны считаться с установленным

разделением труда между ними и избираемыми ими политиками.

Со стороны сторонников нормативной модели „демократии участия“ особенно убедительна критика элитарной модели против возведения в ранг демократических принципов аполитичности, ухода из общественной жизни, а также стремление оградить политическую систему от чрезмерных претензий населения. „Во имя своего реализма элитарной модели приходится поступиться тем, что всегда признавалось ядром концепции демократии, а именно принципом гражданства“. Что останется от демократии, если отвергнуть идеи самоопределения, участия, политического равенства? Утрачиваются критерии, позволяющие „отличить формальный ритуал, систематическое искажение, управляемое согласие, манипуляцию общественным мнением“ от реальности.

Но, соглашаясь с этой критикой, мы делаем демократические принципы труднодостижимыми. Всякий правитель может сказать: вы видите, граждане не готовы к участию, поэтому мы не можем позволить себе демократию. Сторонники теории политического участия предлагают такие институциональные модели, которые не столько дополняют, сколько подменяют собой наличные, якобы недемократические (и/или буржуазные) формы представительного правления» (Коэн, Арато 2003: 25–29).

Зрелая и молодая демократия

Е. Гайдар предлагает еще один критерий для различения демократических систем — степень зрелости. *Зрелая демократия*, характерная для богатых постиндустриальных обществ, сопряжена, по его мнению, с пассивностью большей части населения — актуальные политические проблемы не задевают там жизненных интересов избирателей. Отсюда и возникает элитарность большинства зрелых демократий. Постоянная проблема такой системы — соотношение налоговой нагрузки и социальных обязательств. Вокруг этой оппозиции формируются две основные политические силы: правый центр — за налогоплательщиков, левый центр — за получателей социальных трансфертов и зарплат из бюджета. Однако

обе эти силы придерживаются базового консенсуса — основные принципы устройства экономической и политической систем разделяются всеми.

Основные черты зрелой демократии таковы:

- 1) долгосрочная устойчивость. Стабильное функционирование в течение многих десятилетий с неплохими результатами оставляет радикальные идеи, насилие и нарушение законов на долю маргиналов;
- 2) партии опираются на длительную историческую традицию и предлагают обществу решения волнующих его проблем;
- 3) периодическая смена партий у власти — низкие налоги чередуются с высокими социальными расходами;
- 4) маргиналы не представлены во власти. Вместо социальной поляризации эпохи раннего капитализма — концентрация политических сил в центре, практически — политическое равновесие;
- 5) велико влияние «перераспределительных коалиций» — лоббистских структур, представляющих частные интересы узких, хорошо организованных отраслевых или профессиональных групп. Таково аграрное лобби многих стран или «заходящие отрасли», например сталелитейная промышленность в США, где занятость должна сокращаться, а стало быть, усиливаются стимулы самоорганизации (Гайдар 2005: 634);
- 6) стабильность, сила «перераспределительных коалиций», заинтересованных в сохранении привилегий, и отсутствие острых кризисов влекут за собой трудность проведения глубоких реформ, даже если они нужны.

Молодые демократии, обычно приходящие на смену авторитарным режимам индустриальной эпохи или аграрного полуфеодалного общества, имеют иные свойства:

- 1) новизна демократических институтов, незавершенность их легитимации. Риски, связанные с возможностью возникновения острых политических конфликтов и применения насилия. Время нестабильности;
- 2) политические партии, за исключением бывших партий власти вроде перонистов в Аргентине или компартий в постсоциалистических странах, слабы. Роль политических лидеров высока;

- 3) молодость демократии, социальная поляризация обуславливают сильное влияние радикальных движений (коммунистов, радикальных националистов). Отсюда угрозы для демократических институтов;
- 4) нестабильность институтов при высокой роли лидеров и относительной слабости «перераспределительных коалиций», редко способных блокировать перемены, создают благоприятные условия для глубоких реформ.

Например, в Восточной Европе 1990-х годов базовый консенсус элит основывался на общем стремлении вернуться в Европу, войти в НАТО и тем самым защититься от вчерашней угрозы — агрессии с Востока. Вместе с западными институтами эти страны импортировали политическую стабильность. (Сходные процессы можно было ранее наблюдать в Испании и Португалии.) Однако вместе со стабильностью, как правило, импортируется и ригидность политических форм.

Недостаток демократических традиций создает угрозу авторитаризма, особенно на ранних стадиях индустриализации, когда вмешательство государства в экономику может способствовать догоняющему развитию. Крестьянство — социальная база таких режимов; городское население, высокий уровень образования — надежная опора авторитаризма (Там же, 635–640).

Управляемая демократия

А что сегодня имеет место в России? Можно ли назвать нашу систему демократической? Рассмотрим минимальный набор признаков демократии применительно к нашей ситуации.

Мы имеем, во всяком случае формально, *выборность* представителей всех ветвей власти при всеобщем, равном и тайном голосовании. И выборы проводятся *регулярно*, в установленные сроки. Однако у нас есть претензии к отбору кандидатов, к равенству условий их представления обществу. Обычно победа одного из кандидатов бывает предопределена его возможностью использовать административный ресурс или деньги. Таким образом, можно констатировать разрыв между демократической формой и далеко не демократическим содержанием нынешней российской выборности.

Мы также констатируем формальное наличие *разделения властей*. Но в действительности в современной России доминирует одна из них — исполнительная. Другие власти трудно считать независимыми, они не способны играть самостоятельную роль, сдержи-

вать друг друга, служить друг другу противовесом. В эпоху президентства Б. Ельцина в нашем парламенте было сильное левое меньшинство, и обычно он находился в остром конфликте с правительством. На этом основании многие эксперты делают вывод, что в ельцинскую эпоху демократии было больше, чем сегодня. С этим трудно не согласиться, но конфликт между парламентом и правительством нельзя считать признаком демократии. Демократическая конкуренция — это конкуренция на выборах и внутри отдельных ветвей власти, а не между ними. А потому ликвидация такого конфликта кажется и неизбежностью, и благом. Правда, сейчас мы имеем дело с другой крайностью — теперь парламент полностью подчинен исполнительной власти. . .

У нас есть определенная *свобода слова и информации*. Во всяком случае, несколько газет можно считать независимыми или оппозиционными. Еще нескольким общественным деятелям позволено свободно выражать свои взгляды. Но «федеральные» телеканалы, программы которых принимаются на территории всей страны или на большей ее части, находятся под контролем власти. В регионах пресса, как правило, жестко контролируется губернаторами. Так что всякому недоброжелателю власть может сказать: свобода слова есть. Но влияние СМИ на население сведено к минимуму, при котором они становятся абсолютно безопасны для власти.

У нас есть *свобода ассоциаций* — большое количество негосударственных организаций зарегистрировано в Министерстве юстиции, число партий приближается к 200. Но большинство этих партий — микроскопические, и они ни на что не способны повлиять. Массовых партий с разветвленными организационными структурами у нас две — партия власти, сейчас это «Единая Россия», и КПРФ, представляющая советский режим и ностальгирующих по нему избирателей. Кроме того, среди относительно развитых партий надо назвать СПС, «Яблоко» и ЛДПР: они имели или имеют представительство в Государственной Думе, но не имеют реальных шансов получить власть в результате выборов. Фактически сегодня это уже касается и КПРФ, которая уже безвозвратно упустила свои шансы. «Родина» — партия ручной оппозиции, но я не торопился бы исключать ее победу на выборах, и вижу в этом угрозу. Партийное строительство, если воспользоваться старым советским термином, ныне полностью взяла в свои руки кремлевская администрация. Сколько мандатов, какие комиссии в Думе, кому из партийных лидеров и когда выступать по телевидению, все это решается в Кремле.

Новый избирательный закон, кроме всего прочего, повысил планку прохождения в парламент с 5 до 7%, поставив под вопрос представительство в нем практически всех партий, кроме одной — партии власти.

Говорят, что политические партии в России не пользуются доверием и представляют собой чуть ли не чуждый институт, не воспринимаемый нашей политической культурой. Уж что только с ним не делали. Именно для повышения роли партий в политической жизни было введено сочетание мажоритарной и пропорциональной систем на выборах. Думается, однако, что, кроме подобных шагов, власть постоянно делает и другие, которые по меньшей мере затрудняют развитие партий. Взять хотя бы то, что российские президенты — и Ельцин, и Путин — не пожелали стать представителями определенных партий. Власть таким образом отделила себя от партий, обозначила, что партии не являются организациями, призванными стать реальными политическими институтами. Понятно, что нет в нашей стране и открытой *политической конкуренции*. Точнее, еще недавно она была, притом в форме, чреватой разрушительными последствиями. Но в результате политической стабилизации политическая конкуренция была ликвидирована вовсе.

Итак, можно ли сказать, что в России есть демократия? Ведь даже минимальный набор ее признаков существует лишь формально, а в действительности очевидным образом отсутствует. И ничего не предвещает позитивного изменения этой ситуации, скорее, наоборот. Однако однозначно ответить на этот вопрос все равно нельзя — любой однозначный ответ был бы неверным. Ведь как сказать правильно: стакан наполовину пуст или наполовину полон?

Поэтому и появился термин «управляемая демократия», который так и тянет поставить в кавычки. Что-то близкое имел в виду Ф. Закария, говоря о нелиберальной демократии. Е. Гайдар применяет иной термин — «закрытая демократия». Интересно, что он избегает отождествления молодой и «закрытой» демократии, хотя наблюдаемые у нас явления во многом сходны именно с процессами, протекающими при переходе от плановой или аграрной экономики с авторитарными политическими режимами к демократии зрелой. Гайдар видит в закрытой демократии специфический способ решения проблемы политической стабильности в такой переходный период — способ, альтернативный откровенному авторитаризму: «оппозиция заседает в парламенте, а не сидит в тюрьме; регулярно проводятся выборы; нет массовых репрессий, существует

свободная пресса, если это не относится к СМИ, имеющим выход на общенациональную аудиторию, и правительство можно критиковать не только на кухне, но и на улице, в газетах, в парламенте» (Гайдар 2005: 640). Примеры такой закрытой демократии, кроме современной России, — Мексика после революции, Италия и Япония после Второй мировой войны — «полупартийные» режимы. В них «есть все видимые элементы демократии, за одним исключением — исход выборов предопределен, от избирателей ничего не зависит» (Там же, 641).

Отличия закрытой демократии от авторитарного режима достаточно условны, но все же есть, во всяком случае, Гайдар их видит.

Если не поддаваться эмоциям, а разобраться в этом явлении по существу, то, возможно, понятнее будет и то, что в сложившихся обстоятельствах стоит предпринимать сторонникам демократии.

Сдостаточной уверенностью можно утверждать, что на шкале форм правления управляемая демократия находится в промежуточном положении — за рамками собственно демократических форм — от элитарной демократии до демократии участия, между элитарной демократией и авторитаризмом. Но здесь надо еще учесть форму молодой демократии, которую я бы назвал *слабой демократией или протодемократией*. Суть ее в том, что она существует при слабом государстве, неспособном поддерживать исполнение законов и прав граждан на должном уровне. В такой демократии существуют все необходимые демократические институты и функционируют они даже более эффективно, чем при управляемой или даже элитарной демократии. Но слабость власти приводит к тому, что право закона зачастую подменяется в ней правом сильного, насилие применяется не только государством — в общественных интересах, но и частными лицами или группами — в интересах частных. За слабой демократией на шкале форм правления следует анархия, хаос, когда государство вообще отсутствует. Но это скорее теоретическая категория, если и можно найти ее примеры в истории, то чрезвычайно кратковременные, вроде Гуляйпольской республики Нестора Махно.

Есть еще советская демократия — она является лишь одним из элементов тоталитарного режима, но очень хорошо демонстрирует несоответствие формы и содержания политической системы. Стоит напомнить, что в начальных замыслах советская демократия представляла собой наиболее последовательный вариант демократии участия, отвергавший парламентаризм как форму элитарной, т.е. буржуазной, демократии. По Конституции РСФСР 1918 года,

принятой V Съездом Советов, срок полномочий депутатов составлял всего 3 месяца, а кроме того, избиратели могли отозвать их в любой момент; разделение властей было отменено как буржуазный пережиток (Российское народовластие 2003: 37). То, что потом эти идеалы превратились в свою полную противоположность, во многом связано с тем, что Советы как форма демократии участия оказались неработоспособны. Легкая победа диктатуры одной партии объясняется, видимо, еще и тем, что из хаоса чаще всего рождается авторитарный режим. Плюс к этому, конечно, нужно иметь в виду неготовность тогдашнего российского общества к реальной демократии; вспышку гражданской активности в период революции нельзя расценивать как интерес к постоянному участию населения в политике. Энтузиазм и романтика проходят, остается быт.

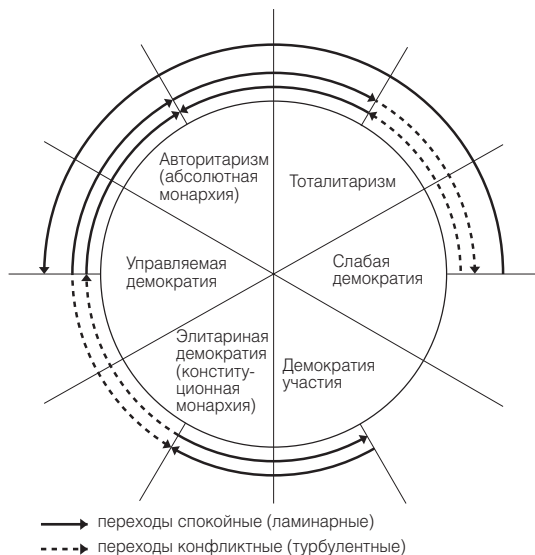
Потом советская демократия превратилась в совокупность ритуалов, разрыв ее формы и содержания стал безразмерным. Была видимость выборности, но никаких свобод, а тем более политической конкуренции, не было. Нынешнюю управляемую демократию часто сравнивают с советской. Думаю, опасная тенденция движения от первой ко второй существует. Но пока они довольно заметно различаются, и здесь очень важно это слово — «пока».

Связи форм правления

Стоит заметить, что соседство на шкале форм правления, выстроенной по их демократичности, отнюдь не означает высокую вероятность и легкость перехода из одной такой формы в соседнюю. Опыт показывает, что слабая демократия легко переходит в крайние формы диктатуры. Распад диктатуры или авторитаризма также нередко ведет к хаосу. Элитарная демократия и демократия участия без затруднений переходят друг в друга. Движение же к этим развитым формам демократии от авторитаризма или управляемой демократии всегда затруднено — прежде всего тем, что оно сопряжено с перераспределением власти, а от власти обычно никто не хочет отказываться без борьбы. Равно необходима борьба и для того, чтобы предупредить излишнюю концентрацию власти. И все же переход от управляемой демократии к элитарной вполне возможен, если общество проявит достаточно настойчивости.

На рисунке 3.1 я попытался изобразить основные формы правления и связи между ними в целях пояснения мыслей, высказанных выше. Конечно, о характере этих связей, которые я буду называть «линиями перехода» (ламинарными и турбулентными), мне

Рисунок 3.1. ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ ПЕРЕХОДА МЕЖДУ НИМИ

известно очень мало. Я высказываю лишь предположения, основанные на логике при недостаточном числе наблюдений. Так, представляется логичным, что переход от демократии участия к элитарной демократии и наоборот обычно проходит в спокойных условиях, тогда как переход от демократии участия к слабой демократии, несмотря на близость этих форм, просто трудно себе представить, если, конечно, не быть утопистом. То же можно сказать об обратном переходе — от слабой демократии к демократии участия. Но от слабой демократии легко перейти к тоталитаризму, хотя это может быть связано с конфликтами.

Если же переходить от слабой демократии к управляемой, а от управляемой к авторитаризму, а уж от него к диктатуре, то и конфликтов можно избежать. Может быть, такое представление несколько упорядочит наши идеи относительно форм правления государством. Чтобы конкретизировать эти идеи, нам придется выстроить более конкретные модели общества, элиты и взаимоотношений между ними. Но до этого стоит посмотреть на формы правления, существовавшие в мировой и нашей, отечественной, истории.

3.3. Молодость демократии: очерк истории

Демократия как устойчивая система правления очень молода. Подавляющее большинство живших на земле людей жили в недемократических, авторитарных или олигархических обществах.

Считается, что демократия зародилась в Древней Греции 2500 лет назад, первая веха ее истории — законы афинянина Клисфена, 507 год до н.э. В Греции демократия установилась только в нескольких городах-полисах — вряд ли кто-нибудь признает демократической, например, Спарту; в Афинах она просуществовала около 200 лет, до македонского завоевания. В Древнем Риме эпоха демократии — это годы республики от изгнания Тарквиниев до диктатуры Цезаря и империи Октавиана Августа, тоже не более 300 лет. Античный мир опирался на торговлю и мореплавание, что сделало возможным возникновение неиерархических социальных организмов. Но он не придумал приемлемых форм представительной демократии, не мог связать механизмы усиления и распространения демократии, и поэтому упадок античных демократий стал неизбежен.

Затем более 1000 лет во всем мире не было никаких следов демократии. Где-то около 1100 года она вновь возникла в ряде североитальянских городов — Флоренции, Венеции, Генуе — питаемая новым расцветом торговли и ремесел и Возрождением. К концу XIV века под натиском извечных врагов народовластия — экономических кризисов, коррупции, олигархии, узурпации власти и военных поражений — эти республики тоже стали приходить в упадок (Даль 2000: 21). Олигархическая Венеция пришла в упадок после открытия Америки и перемещения основных потоков международной торговли. Сходные процессы имели и в других городах.

Я не буду говорить о народных собраниях первобытных обществ, так как эти примитивные формы народовластия не были связаны с институтом государства, а демократия даже в самых первоначальных формах — способ управления государством.

Кстати, Эрнест Геллнер, кроме деспотической и демократической форм правления, предлагает как самостоятельную форму рассматривать *сегментированное общество*, каковыми, по его мнению, были и догосударственные сообщества (Геллнер 2004: 18). Особенность сегментированного общества состоит в том, что в нем обычно «существует строгий и развитый ритуал, с помощью которого закрепляются социальные обязательства. Эти роли определяются, как правило, в терминах кровного родства». Жизнь в таком обществе строго регламентирована и без социальной иерархии,

предписанная социальная роль обеспечивает каждому члену общества надежную идентичность, но не оставляет ему никакого выбора. В XIX веке Фюстель де Куланж в своей книге «Античный город» высказал предположение, что индивидуальной свободы в нашем понимании не было и в Афинах, и в Риме — жизнь античных греков и римлян была пронизана такими же ритуалами и ролевыми обязательствами. Даже сегодня во многих странах, сохранивших архаичные культурные формы, таких, как Япония, элементы сегментированного общества играют важную роль (Там же, 15–17).

Р. Даль находит первое представительное собрание с законодательными функциями в Исландии 930 года (Даль 2000: 25). За ним следует еще ряд средневековых примеров народных собраний, обычно служивших форумами для дискуссий между монархами и высшей аристократией, куда первые старались подтянуть другие сословия, чтобы создать противовес вторым. С Великой хартии вольностей (1215) и царствования Эдуарда I (1272–1307) начинается, как считают, процесс становления английского парламента, но только в конце XVII века в Британии сложилась политическая система, в которой король и парламент взаимно ограничивали друг друга, а внутри парламента власть наследственной аристократии уравновешивалась палатой общин, избираемой уже довольно многочисленным слоем избирателей. К этому добавлялся суд, достаточно независимый в большинстве случаев. Английская политическая система стала образцом и для Монтескье, и для авторов американской конституции. Между тем Англия уже столетия была лидирующей торговой и морской державой, «мастерской мира», но избиратели английского парламента, скажем, в 1831 году составляли 4,4% английского населения в возрасте 20 лет и более. К 1914 году этот показатель достиг 30% (Там же, 29).

На рисунке 3.2 изображена позаимствованная из книги Р. Даля (Там же, 14) диаграмма, на которой показано соотношение общего числа независимых стран мира и числа демократических стран, где в свободных выборах участвовали или участвуют все население или только мужчины (Швейцария дала право голоса женщинам уже в XXI веке).

Как мы видим, еще в 1860 году была только одна страна со всеобщим избирательным правом, в 1900 году — уже 6, т.е. 14% от числа независимых на тот момент стран. Число демократических стран сокращалось перед Второй мировой войной в связи с распространением диктаторских режимов фашистского типа и накануне

Рисунок 3.2. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ (те, где избирательное право предоставлено всем или только мужчинам), 1850–1990

кризиса социалистического лагеря, когда максимально возросло число сателлитов СССР. В 1990 году из 192 стран мира 65, т.е. 33,9% уже были демократическими.

К настоящему времени демократия укрепилась в странах Центральной и Восточной Европы, в большинстве стран Латинской Америки, в Индии, с рядом оговорок то же можно сказать о России и некоторых странах СНГ. Сам факт неуклонного распространения демократической системы правления по всему миру в течение последних 250–300 лет не подлежит сомнению. Напомню, что еще в середине XVII века в Англии шла война между королем и парламентом, завершившаяся казнью короля. Через полтора века подобные события произошли во Франции.

Очевидно, что укрепление и распространение демократии каким-то образом связаны с развитием рыночных отношений, торговли и капитализма. Демократия, как и торговля, — мир равноправных — по крайней мере, формально — отношений, мир контрактов равных партнеров. Он противостоит иерархическим структурам господства, характерным для аграрных обществ. Торговые отношения существовали всегда, но они только дополняли основные социально-экономические структуры, выстраивавшиеся на земле, тысячелетия остававшейся главным средством производства и объектом собственности. Очаги древней демократии возникали обычно там, где торговля выходила за рамки простого

дополнения к сельскому хозяйству. Торговля и промышленность стали экономической основой жизни общества как раз тогда, когда сложились условия для развития капитализма, когда начался современный экономический рост¹. И современная демократия как устойчивая политическая система тоже сложилась в это время. Несомненно, это стало возможно вследствие быстрого развития экономики, увеличения душевого ВВП. Без этого трудно представить себе переход к всеобщему избирательному праву. Но верно, видимо, и то, что без демократизации, без упрочения прав и свобод, включая право частной собственности, был бы невозможен столь быстрый прогресс.

Таким образом, как политическая система мирового масштаба демократия очень молода. И она тесно связана с развитием эффективной рыночной экономики. Трудно сказать, процветание приводит к демократии или демократия создает условия для процветания — видимо, они взаимообусловлены. Но весь мировой опыт последних столетий показывает, что страна, стремящаяся к процветанию своих граждан, должна быть демократической.

Если где-то демократия развита недостаточно — не беда, она подлежит развитию. Отстающие еще не опоздали. Но если они упрямятся, ссылаясь на традиции и национальные особенности, если они считают, что порядок важнее свободы и его лучше всего поддерживать жесткой рукой, как это было от века; что демократия — это изобретение чужой культуры, тогда они будут обречены на возрастающее отставание, а может быть, и на исчезновение.

¹ Современный экономический рост — термин, введенный С. Кузнецом и обозначающий тот этап ускоренного развития капиталистической экономики, в течение которого капиталистические страны Европы и Северной Америки оторвались от остальных стран, существовавших еще в условиях традиционной аграрной экономики. Его начало обычно относят к 20-м годам XIX века. См.: Гайдар 2005: 21–26.

Глава 4 Российская демократическая традиция

Я не буду обращаться к Киевской Руси и общинной демократии восточных славян, к тем временам, когда у них еще не было государственности или они платили дань иноземцам. Я также не стану останавливаться на вечевой демократии Новгорода и Пскова — традиционном доказательстве исконного свободолюбия и способности русских к самоуправлению, доказательству, к которому всегда прибегают российские демократы. Все это было очень давно, и ниточек, связывающих наши нынешние проблемы с корнями, уходящими столь глубоко, на мой взгляд, не сыскать.

4.1. Самодержавие

Практически весь поддающийся систематическому анализу период существования российской государственности, по крайней мере, от Ивана IV до 1905 года, у нас была одна форма правления — самодержавие. Можно, конечно, вспомнить период собирания Москвой русских княжеств, период государства-вотчины, но следует признать, что традиции, влияющие на жизнь российского общества сегодня, сложились в основном именно в эпоху самодержавия.

Самодержавие утвердилось на Руси как противоядие от феодальных междоусобиц — подобно тому как в Европе появилась абсолютная монархия. Сильная единая власть, воплощенная в монархе, представлялась тогда единственной альтернативой разорениям от феодальных войн и разбойничьих набегов, источником мира и порядка. Становление самодержавия происходило в рамках объединения земель вокруг Москвы: завоеванием, наследованием или покупкой великий князь получал независимые княжества как бы в собственность, а бывшие удельные князья входили в его ближайшее окружение, составляя аристократию, права которой определялись родовитостью. Разумеется, происходило это постепенно, князья неохотно расставались со своей самостоятельностью, право перехода от одного великого князя к другому сохранялось достаточно долго. Еще при Иване III в связи с утверждением в Литве католичества

таким правом перехода воспользовались князья Бельские, Шемяичи и другие, которые привели в состав московского государства Рылск, Новгород Северский, Можайск, Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч (Соловьев 1860: 127). В конце концов аристократия, бояре — владельцы вотчин составили ближний круг самодержца; не подвергая сомнению его права, они стремились не просто служить, но и ограничивать царский произвол. Вотчины, крупные земельные владения, были или вчерашними княжествами, или пожалованиями за заслуги и составляли экономическую основу прослойки бояр. Другие социальные силы — поместное служилое дворянство, торговоремесленный люд, армия (стрельцы) — стояли на более низких уровнях сословной иерархии. Чиновники (приказные) вербовались по преимуществу из дворянства. Особую иерархию образовывало духовенство, всегда игравшее огромную роль в политической жизни.

Низшие слои, крестьяне и холопы, практически никаких прав не имели. Бунт и разбой, уход на окраины, в казаки были для них, по сути, единственными вариантами защиты от притеснений. При этом шаг за шагом некогда свободные земледельцы превращались в крепостных крестьян. Делала это самодержавная власть прежде всего для того, чтобы увеличить казну и обеспечить преданность бояр, дворян, церкви — тех, в чьих интересах и проводилось закрепощение.

В течение всей нашей истории после преодоления феодальной раздробленности и до революции 1905 года идея самодержавия никогда ни в одном сословии не подвергалась сомнению. Не будем говорить об отдельных мыслителях или кружках, даже декабристы и «Народная воля» были «партиями», которые не только не пользовались массовой поддержкой, но и не рассчитывали на нее.

Со временем роль различных социальных слоев в жизни общества менялась. В XVII веке, как пишет В. Ключевский, монархия, подавив противодействие боярской аристократии (последним актом здесь был закон 1682 года, отменивший местничество), стала править посредством дворянства. В XVIII веке дворянство само пыталось править обществом посредством правительства, но природа самодержавия повернула к тому, что «в XIX веке дворянство пристроено было к чиновничеству как его плодovitейший рассадник, и в половине этого века Россия управлялась не аристократией и не демократией, а бюрократией, т.е. действовавшей вне общества и лишённой всякого социального облика кучей физических лиц различного происхождения, объединённых только чиновпроизвод-

ством» (Ключевский 1957: 9). И все же бюрократия не была такой «кучей», по сути она стала новой социальной силой, объединенной в административную иерархию и заинтересованной в том, чтобы ее пирамиду венчала сильная единоличная власть, придающая вес всей пирамиде.

Демократизация как проникновение простых людишек во власть

Стоит еще отметить, что в нашей традиции, идущей от еще феодальной эпохи, демократизация понимается как проникновение во власть представителей низших сословий. Так, Ключевский называет шагом к демократизации управления отмену местничества. Естественно, Петр I выглядит демократом, поскольку поднимает наверх людей «подлого» происхождения. В этой логике демократией является и китайская империя, бюрократия которой формируется с соблюдением конфуцианских правил подбора кадров по достоинствам, а не по происхождению и связям. И большевики — также демократы, ибо открывают дорогу к власти простым людям, рабочим и крестьянам. В этом смысле бюрократия не противостоит демократии. Но мы говорим не об этом.

Демократия, на мой взгляд, — это совокупность институтов, позволяющих разным социальным слоям, политическим партиям и идейным течениям отстаивать свои интересы, проводить свои идеи и добиваться власти в открытой публичной политической борьбе.

Традиции законности: слово и дело

В противовес этому в России по византийской еще традиции под шапкой самодержавия политическая борьба между сословиями, придворными партиями и группами интересов всегда осуществлялась «под ковром», ее основными инструментами были интриги, подсиживание и насилие.

Чтобы оправдать свои методы, тот, кто побеждал в этой борьбе, всегда старался узаконить насилие. Ведь закон не является изобретением демократии. В абсолютной монархии источником права являются государство, царь, которые всегда, как правило, декларируют независимость и справедливость суда и недопущение произвола. Например, Судебник Ивана III (1497) устанавливал, что судья (боярин или боярский сын) не может судить один, с ним должны быть «дворский, староста, лучшие люди» (Соловьев 1860: 131).

А Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1649) требовало, чтобы «всяких чинов людям от большого и до меньшего чину суд и расправа была во всяких дела равна». Но по поводу того же Уложения В. Ключевский замечает: «Если Уложение действовало у нас почти в продолжении двух столетий до свода законов 1833 года, то это говорит не о достоинствах Алексеевского свода, а лишь о том, как долго у нас можно обойтись без удовлетворительного закона» (Ключевский 1957: 142–143).

«Басманному суду» начала XXI века в России предшествовал «шемякин суд» — выражение, обозначившее извечное недоверие народа к российскому правосудию, в котором желания власти всегда были выше закона. Впрочем, для той эпохи это, видимо, было естественно.

Пять эпизодов

Говоря о российской демократической традиции, я буду иметь в виду именно эпизоды, или периоды, когда становилась возможна открытая политическая борьба, влиявшая на принятие важных решений. Таких эпизодов за все время после преодоления феодальной раздробленности и до революции 1917 года можно насчитать лишь пять: 1) Смутное время; 2) земские соборы, особенно Собор 1648–1649 годов; 3) либеральные реформы Александра II; 4) революция 1905–1907 годов и возникновение русского парламентаризма; 5) революция 1917 года — от февраля до разгона Учредительного собрания.

В ходе обсуждения рукописи коллеги советовали мне добавить к этому списку «затею верховников» 1730 года, а также проекты М.М. Сперанского. Но эти события, и даже восстание декабристов, конечно значимые для элит, не вызвали никаких массовых движений и, с другой стороны, не были их проявлениями. Поэтому я оставил приведенный выше перечень без изменений.

4.2. Смутное время

Смуту 1605–1613 годов породило боярство, желавшее гарантировать себя от репрессий царской власти, пережитых при Иване Грозном, да и возвыситься вновь — в этом смысле смута была обычным для тех времен конфликтом абсолютной монархии и феодальной аристократии. Особенностью же Смутного времени можно считать то, что в это время в политическое сознание наших предков проникла новая мысль: Московское государство есть государство московского или русского народа, а государство вообще — блюститель

народного блага. До тех пор господствовал взгляд удельных времен: государство есть вотчина княжеской или царской династии.

В.О. Ключевский писал: «Когда подданные, связанные с правительством идеей государственного блага, становятся недовольны правящей властью, видят, что она не охраняет этого блага, они встают против нее. Когда прислуга или постояльцы, связанные с домохозяином временными условными выгодами, видят, что они этих выгод не получают от хозяина, они уходят из его дома. Подданные, поднимаясь против власти, не покидают государства, потому что не считают его чужим для себя... Люди Московского государства поступали как недовольные слуги или жильцы с хозяином, а не как непослушные граждане с правительством. Они нередко роптали на действия правившей ими власти; но, пока жила старая династия, народное недовольство ни разу не доходило до восстания против самой власти» (Ключевский 1957: 52).

Хозяином дома, т.е. государства, был царь. В нем все принадлежало ему. И царь Михаил Романов утвердился на престоле не столько потому, что был избран Земским собором, сколько потому что был племянником последнего царя прежней династии. Косность политического мышления еще не раз сыграет роль в русской истории...

Но в данном случае казавшийся неизбежным порядок был нарушен. Трижды за 15 лет на Руси царя выбирали. Люди видели падение царей, не пользовавшихся поддержкой народа. Они видели, как государство, оставшись без царя, не распалось, а сплотилось и нашло способ своей консолидации. Правда, в способе консолидации не было ничего нового: это были выборы нового хозяина. Однако отношение к нему уже стало иным, по крайней мере на время — пока не утвердилась новая династия.

«Подкрестная запись» Василия Шуйского

От Бориса Годунова бояре ждали крестоцелования об ограничении царского всевластия. Василий Шуйский вынужден был согласиться на «подкрестную запись», в которой он взял на себя обязательство судить подданных не по своему усмотрению, а по закону. По совершении записи царь Василий, по словам летописца, заявил: «Мне ни над кем ничего не делати без собору, никакого дурна», что было не видано до тех пор в Московском государстве (Там же, 38). Он явно хотел опереться не только на бояр, норовивших ограничить его в царских правах, но и на народное представительство.

Договор 4 февраля 1610 года

Однако в социальной среде этого представительства — служилом дворянстве — появились радикальные политические идеи. Посольство противников Шуйского во главе с Михаилом Салтыковым 4 февраля 1610 года подписало с польским королем Сигизмундом III договор, согласно которому на московский престол призвался королевич Владислав. Условия его правления, обозначенные в договоре, чрезвычайно любопытны. Едва ли не главное из них связано с защитой личных прав подданных будущего царя: никто не должен был быть наказан без суда (видно, расправы без суда и следствия были особенно распространены в ту эпоху). Далее оговаривалась свобода передвижения: подданным Владислава «вольно ездить в другие государства христианские, и государь имущества за то отнимать не будет». Земскому собору придавался статус учредительного собрания, поскольку в его компетенцию было отнесено утверждение изменений в Судебнике — тогдашнем варианте гражданского кодекса. В договоре, подписанном с поляками 17 августа того же года уже представителями высшего московского боярства и во многом повторявшем договор Салтыкова, нормы о свободе передвижения и возвышении незнатных людей по заслугам все же вычеркнули. Договор 4 февраля Ключевский оценил как «целый основной закон конституционной монархии», чего нельзя сказать о боярском договоре от 17 августа: «Правящая знать оказалась на низшем уровне понятий сравнительно со средними служилыми классами», — написал историк (Там же, 44). За этими документами стояла открытая политическая борьба, чаще всего вооруженная, и именно со стремлением прекратить ее связано появление обоих договоров... Вскоре дело дошло и до первого на Руси крупного восстания, во главе которого встал Иван Болотников.

В конечном итоге в 1613 году Земский собор избрал царем Михаила Романова. Смута закончилась. Но следы политических идей, родившихся в это время, дали знать о себе и позднее, и в том числе в земских соборах всего XVII века.

4.3. Земский собор 1648–1649 годов

Особый интерес в этой связи представляет Земский собор 1648–1649 годов. Можно провести определенную аналогию между ним и началом английского парламента или французскими Генеральными штатами 1789 года, но сравнивать нужно не их значение в истории развития демократии и парламентаризма, а упущенные

и реализованные возможности. Общее между этими учреждениями только одно: все они являются сословными представительствами эпохи феодализма. Во всех этих случаях монарх вынужден был созвать сословное представительное собрание, чтобы решить вопросы, иным способом неразрешимые. Речь шла о конфликте интересов различных социальных слоев.

Обстановка России тех лет. Молодой царь только что взошел на престол. Он — только второй царь из новой правящей династии, еще недавно страну раздирала Смута. Реальное управление страной держал в своих руках Борис Морозов, воспитатель царя, человек умный, образованный по тому времени, но корыстолюбивый. Он возглавлял как бы придворную партию власти. Ей противостояла придворная же оппозиция, возглавляемая более знатными Никитой Романовым, дядей царя, и Яковом Черкасским. Борьба шла за влияние на царя, за теплые места, за возможности обогащения.

После Смуты страна находилась в тяжелом положении, казна была пустой, потребности, особенно в военных расходах, — огромными. Морозов повел, сейчас бы сказали, крутую монетаристскую политику. Сокращение расходов вылилось прежде всего в урезание жалованья, в том числе дворян и приказных, т.е. чиновников. Хотя денежное жалованье служилым дворянам выдавалось нерегулярно — в основном они жили на доходы от поместий и вотчин, — его сокращение сулило казне существенную экономию средств. Естественно, это вызвало большое социальное напряжение. Жалованья были лишены и стрельцы, начался пересмотр многочисленных льгот и привилегий.

Дело коснулось и налогов, особенно взыскания огромных недоимок. Наиболее распространенным тогда методом налогового администрирования был правеж, в ходе которого деньги буквально выколачивались из должников палками.

Правеж в Зарайске

В Зарайске 27 октября 1647 года воевода Феокист Мотовилов за час до рассвета разослал стрельцов по дворам посадских. Согнав их с постели, «загнали в город и начали бить на правежи нещадно». Кряхтя, горожане недоимки собрали, но Мотовилову этого показалось недостаточно.

«Тоде вы принесли песку, а не деньги, а хотя де и деньги де ваши лежат», — объявил он и пригрозил на правеже за упорство ноги переломать. И в самом деле принялся ломать, приказал начать правеж заново (Андреев 2003: 93).

Недоимки, однако, росли из-за запустения посадов и деревень, из-за бегства теглецов — тех, кто, собственно, и должен был платить

налоги. Много людей бежало из тягловых «черных» слобод в так называемые «белые слободы», представлявшие собой тогдашний вариант внутренних оффшоров. Они принадлежали духовенству и старой аристократии, их жители освобождались от уплаты налогов — от тягла. Другим способом «ухода» от налогов было «закладничество»: крестьянин мог поступить в зависимость к феодалу и в обмен на личную свободу освобождался от уплаты налогов в государственную казну. Так старинные привилегии знати вступали в противоречие со строительством централизованного самодержавного государства. И оно начало наступление на эти способы уклонения от уплаты налогов.

Но этого мало, Морозов решил еще провести налоговую реформу, предложенную дьяком Назарием Чистым. В феврале 1646 году по его предложению была введена новая пошлина на соль, 20 копеек за пуд. Одновременно отменили основные прямые налоги — стрелецкие и ямские деньги. Теперь можно было сократить «правежи» — косвенный налог люди платили сами. Тем самым русское правительство опередило многие европейские страны с переходом от прямого налогообложения на косвенное. Только в отличие от Европы результат этого перехода в России оказался отрицательным. При старинном русском укладе жизни, когда все делали запасы впрок, а соль по ценности приравнивалась к хлебу, введение соляного налога вызвало огромное недовольство. К тому же этот налог подчеркнул социальное расслоение, ударив только по бедным: ведь и бедные и богатые потребляли равное количество соли. «Соляных» поступлений в казну оказалось много меньше, чем ожидалось, и вскоре новый налог отменили. Начавшееся же в 1648 году Московское восстание до сих пор иногда называют Соляным бунтом: восставшие требовали отмены налога и возврата выплаченных за время «соляной затейки» денег.

Возможно, народ и выдержал бы подобные меры, если бы они не сопровождались чудовищными вымогательствами и произволом. «Взгляд на власть как лучший способ приращения богатства, — пишет историк Игорь Андреев, — издавна был усвоен и освоен правящим сословием. Но именно эпоха Морозова в сознании современников стала временем такого вымогательства и произвола, что перед ними блекли все предыдущие образчики приказного и воеводского самоуправства... За кого заступы (взятки) большие, тем и дела чинятся» (Андреев 2003: 97). Сам Морозов не был уличен во взятках, но совершенно ясно, что он извлек из распо-

ложения царя немалую выгоду. Еще в 1638 году он владел 330 дворами, причем 11 из них — совместно с братом Глебом (мужем знаменитой староверки боярыни Морозовой). Однако в 1647 году у Морозова уже 6034 двора, а еще через 6 лет, уже после опалы, — 7234. Впереди был лишь один Никита Романов, дядя царя, владевший 7689 дворами.

Пора объяснить, зачем я это рассказываю. Во-первых, спрашиваются аналогии: найдется немало людей, которые скажут, что с тех пор мало что изменилось. Отчасти это так. Во-вторых, для меня важно понять, какой была историческая ситуация, которая могла привести к зарождению в России демократических институтов. Могла, но не привела.

Московское восстание 1648 года

В какой-то момент дело вышло за рамки борьбы придворных партий. Власть оказалась слабой. Посадские и служилые люди, обычно враждовавшие между собой, смогли объединиться и заставить царя отправить Морозова в ссылку.

10 июня 1648 года царю была подана большая всенародная челобитная, в которой было четко зафиксировано недовольство служилого дворянства и торгово-промышленных кругов судом, законодательством и собственным юридическим статусом. Посадские и служилые люди считали, что государство должно прислушаться к ним и опираться на них, а не на бояр, ограждающих царя от народа ради своей корысти.

По сути это были идеи сословно-представительной монархии, принципиально новые для русской политической жизни.

Земский собор и требования сословий

16 июля 1648 года начал заседать Земский собор. Выборы его участников не вполне соответствовали норме, а представительство не было полным, но это не противоречило тогдашнему правосознанию и в легитимности Собора никто не сомневался. Выход из сложившейся ситуации видели в принятии Соборного уложения, нового свода законов. Для этого был учрежден Уложенный приказ, который возглавил князь Никита Одоевский. Выборы на следующую «сессию» Собора, начало которой было намечено на 1 сентября, шли все лето — где, как в Ельце или Новгороде, очень активно, с шумом и драками, а где, как в Рязани, при полном равнодушии избирателей и понукании воевод.

Выборных было около 300 человек, в том числе 170 — от уездного дворянства, 89 — от городов, 12 — от московских сотен и слобод, 15 — от стрельцов. Они составили нижнюю, «ответную» палату, где предварительно обсуждались статьи Уложения, выработанные Уложенным приказом. Здесь же рассматривались челобитные с мест.

Важнейшее требование представителей посада заключалось в отмене «белых слобод» и возвращении закладчиков в государево тягло. Они также желали превратить торговлю и ремесла в свою монополию. Дворянство требовало отписать на государя церковные вотчины, оказавшиеся во владении монастырей и кафедр после 1580 года, рассчитывая затем получить конфискованные земли. Но главное, Уложение узаконило «вечную и бессрочную потомственную крепость». Продолжавшийся десятилетия процесс закрепощения крестьян завершился. Известная фраза: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», зафиксировавшая запрет на переход крестьян от хозяина к хозяину, означала в конечном итоге победу дворянства над крестьянством — победу, которая очень скоро отозвалась восстанием Степана Разина.

Торгово-промышленные круги добились новых протекционистских барьеров для иностранцев, отмены ряда их привилегий. Кстати, в одной из своих челобитных русские купцы требовали вовсе запретить англичанам торговать в России — на том основании, что те казнили своего законного короля, Карла I.

Нужно сказать, что принятые Земским собором предложения представителей различных сословий не поднимались над их корыстными интересами и лишь прикрывались благом всего государства. Таким образом, новые законы не способствовали развитию России, а скорее даже толкали ее назад. Так нередко бывает с демократическими институтами, и это дает противникам демократии сильные аргументы для ее критики. Надо учесть, что крупнейшее сословие того времени — крестьянство — не только не имело представительства на Земском соборе, но было лишено в его результате всех гражданских прав. Россия вообще в то время двигалась как бы против общего хода европейской истории: в Европе крепостное право уже отменялось, у нас — только вводилось. И при Петре I преобразования касались в основном технологии и администрации и опирались скорее на укрепление традиционных социальных институтов — самодержавия, произвола властей, все большего угнетения крестьянства.

Но и те подвижки в сторону сословного представительства и его влияния на политику, которые были достигнуты при подготовке Соборного уложения, вскоре шаг за шагом, по мере укрепления власти царя и успокоения народа, были перечеркнуты. Даже Морозов, с горячих выступлений против которого все начиналось, чуть погодя был возвращен из ссылки и вновь занял ключевые государственные посты. Представительные институты в России не получили устойчивых позиций и вскоре на долгий срок и вовсе исчезли из ее политической практики. Шанс был упущен.

4.4. Либеральные реформы Александра II Царь и народное представительство

Другие эпизоды развития российской демократической традиции, если говорить не об отдельных мыслителях и несостоявшихся проектах, но о движении и волеизъявлении достаточно широких слоев населения, встречаются, пожалуй, только в эпоху реформ Александра II, через 200 с лишним лет после Соборного уложения. Заметим, что перечисленные выше «демократические» эпизоды в российской истории приходятся либо на начальный этап развития абсолютной монархии, в период ее перехода от вотчины к государству, либо на заключительный этап, охвативший примерно 50 лет перед революцией. Между ними — расцвет самодержавия. В начале этого расцвета российский политический уклад еще мало чем отличается от европейского: парламенты в это время существуют только в Англии и Голландии. В конце же эпохи самодержавия Россия уже сильно отстает, так, крепостное право она отменяет последней из всех европейских стран.

Собственно, реформы Александра II трудно связывать с демократией. Сам он высказывался решительно против какого-либо представительного учреждения с законодательными функциями. Но в ходе крестьянской (1861), земской (1864), судебной (1864) и городской (1870) реформ были сделаны заметные шаги к распространению выборности органов местного управления, а в городах — даже и к преодолению сословности. Земское движение, а также городское самоуправление стали одной из политических сил, выступавших за демократизацию российской политической жизни. В январе 1881 года М.Т. Лорис-Меликов, глава группы «либеральных бюрократов» в окружении Александра II, представил на его рассмотрение план продолжения «великой реформы 1861 года», в котором предлагалось, в частности, участие представителей земств в централизованной подготовке реформы местного самоуправления и даль-

нейшее продвижение аграрной реформы (понижение выкупных платежей и отмена временнообязанного состояния крестьян). Лорис-Меликов специально подчеркивал, что его проект не имеет ничего общего с западными конституционными формами — царь опасался превращения любого представительного собрания в российские Генеральные штаты, учреждения которых началась Французская революция. И все же он согласился с планом Лорис-Меликова и подписал его утром 1 марта 1881 года, за несколько часов до своей гибели от бомбы террориста. Таковы парадоксы истории: революционеры, жаждавшие позитивных перемен, в действительности сами положили им конец и способствовали повороту вспять (Пантин, Плимак 2000: 219–222).

Надо сказать, что все реформы Александра II задумывались и готовились «либеральными бюрократами» — Лорис-Меликовым, братьями Милютиными, сановниками, такими, как Я. Ростовцев и В. Панин, вне связи с мнениями иных общественных деятелей, даже умеренного толка, не говоря уже о таких радикалах, как А. Герцен и Н. Чернышевский. В ходе реформ превалировало желание минимизировать перемены, невыгодные для правящего класса — дворянства. А итог был таков: реформы, призванные предупредить революцию, в силу своей половинчатости и непоследовательности положили начало революционному движению и затем привели к разрушительной революции.

Состояние общества

Дискуссии о реформах велись в весьма узком образованном слое, подавляющее большинство населения, прежде всего крестьянство, никакого участия в деле, прямо касающемся его интересов, не принимало. Неудивительно, что народники, предпринявшие уже в 70-х годах XIX века «хождение в народ», столкнулись в деревне с крайне низким, почти первобытным уровнем потребностей, с покорностью и несокрушимым фатализмом, питаемым примитивной религиозностью: на все божий промысел. «Здесь нет места индивидуальной или коллективной инициативе... Нет своего права сказать: „хочу!“ или „не хочу!“» (Там же, 213). Средневековье. Почти ничего не изменилось здесь со времен Смуты. Какая демократия?! Интересно, что со времен Пугачева и до Крестьянской реформы почти не было крестьянских волнений, а с ее началом они выросли в десятки раз. И вместе с тем в России в эпоху Великих реформ сдвинулось с места развитие рыночных отношений и капитализма, экономической основы демократии.

4.5. Революция 1905–1907 годов Необходимость перемен

Следующий эпизод связан с революцией 1905–1907 годов, с возникновением российского парламентаризма.

Начиная с реформ Александра I российская история как бы начала двигаться быстрее. Реакция, наступившая после убийства царя, казалось бы, уничтожила все пробившиеся в 60–70-е годы ростки свободы. И тем не менее параллельно с развитием экономики в конце XIX века росло общественное недовольство, исподволь шло вызревание и размежевание всего спектра политических сил, которые после опубликования Манифеста 17 октября конституировались в легальные политические партии.

Суть дела в том, что уже тогда для развития страны нужна была иная мера экономической и политической свободы, в особенности она требовалась растущей буржуазии. Полуфеодалная власть не хотела ни на йоту отказываться ни от самодержавия, хотя оно безнадежно устарело, ни от привилегий высших сословий, на которые она опиралась. И в то же время самый массовый слой населения, крестьянство, оставался экономически угнетенным и политически невежественным.

Еще в 1898 году С. Витте писал в письме царю: бюджет России с населением 130 млн. человек вырос с 350 млн. рублей в 1861 году до 1400 млн. «Но уже теперь тяжесть обложения дает себя чувствовать. Между тем бюджет Франции при 38 млн. жителей составляет 1260 млн. рублей. Если бы благосостояние наших плательщиков было равносильно благосостоянию плательщиков Франции, то наш бюджет мог достигнуть 4200 млн. рублей».

«Почему же у нас такая налогоспособность? Главным образом от неустройства крестьян. Нужно прежде всего поднять дух крестьянства, сделать из них свободных и верноподданных сынов ваших» (Там же, 283–284).

Замечу, что и сейчас разрыв между Францией и Россией по душевому ВВП не меньше, правда и свобода с демократией в этот период были в нашей стране в таком состоянии, что не могли способствовать его сокращению.

Манифест 17 октября

Во всеподданнейшем докладе, опубликованном вместе с Манифестом 17 октября 1905 года, Витте также писал: «Начала правового порядка воплощаются, лишь поскольку население получает к ним

привычку — гражданский навык. Сразу приготовить страну с 135-миллионным разнородным населением и обширнейшей администрацией, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка не под силу никакому правительству» (Там же, 253).

Иначе говоря, темное крестьянство надо было освободить от феодальных пут и дать ему приспособиться к новым условиям, чтобы оно стало восприимчиво к гражданским навыкам и правовым нормам. В другом случае оно могло взбунтоваться. Увы, можно констатировать: сегодня крестьянства уже нет, по крайней мере хоть как-то похожего на тогдашнее, но нормы поведения и гражданские навыки у большинства жителей России не слишком изменились с начала XX века. Одно из двух — либо таково их врожденное свойство, либо в течение всего XX столетия в их социальной практике свобода и демократия замещались другими институтами, близкими к феодальному. Уверен, что именно второе.

Элита и революция

Тогда и возник выбор: революция или демократия. Манифест 17 октября был шагом от революции к демократии, шагом вынужденным, но способным предотвратить хаос и насилие, а заодно спасти и власть, хоть и с меньшим объемом полномочий. Это важнейшее творение С. Витте достигло цели, раскололо оппозицию самодержавию на умеренную и радикальную части. Ю. Мартов цитировал Торгово-промышленную газету: «В декабре 1905 года революция была подавлена не пулеметами, а расчленением освободительного движения, которое было произведено Манифестом 17 октября» (Шанин 1997: 134). Кадеты и все партии справа от них справедливо считали, что теперь следует развивать успех легальными методами, чтобы избежать нарастающей анархии. Революционеры, эсеры и социал-демократы, опираясь в основном на рабочих, новый класс, рожденный капитализмом, хотели идти до конца, до свержения царской власти. Крестьянство же в массе своей оставалось пассивным.

«В обществе, — пишет Т. Шанин, — где большинство людей были бедны, ограничены и находились в состоянии политической спячки, политические сражения велись между небольшими элитарными группами, а окончательно решала вопрос о выживании Старого Порядка, спячка “народа-великана» (Там же, 61). Но теперь он стал приходить в движение, а его бедность и ограниченность превратились в угрозу, испугавшую и буржуазию, и политические пар-

тии, представлявшие ее интересы. С другой стороны, в этом крылась и угроза для демократии, только что получившей признание власти в тексте Манифеста.

Он гласил: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов... Не останавливая предначертанных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав... Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы...» (Пантин, Плимак 2000: 252).

Тем самым Думе передавались законодательные полномочия. Несмотря на нарочитую расплывчатость формулировок, Манифест является первой российской конституцией, увенчавшей более чем столетнюю, начиная с Радищева и Сперанского, борьбу за правовой порядок в стране, противоположный деспотизму. Правда, юристы считают первой конституцией России Основные законы, принятые 23 апреля 1906 года (Российское народовластие 2003: 61). Но это уже детали.

Стоит обратить внимание на колоссальный прогресс российского общества в период между 1861 и 1905 годами. Великие реформы готовились либеральными бюрократами без участия общественности, роль которой ограничивалась дискуссиями на страницах подцензурных изданий. В 1905 году мы уже видим формирующееся гражданское общество, разветвленную сеть, как сказали бы теперь, неправительственных гражданских организаций — таких, как Союз Союзов, Крестьянский союз, профсоюзы, рабочие Советы, и политических партий, достаточно полно представлявших весь спектр экономических интересов и социально-политических идей российского населения.

Государственная дума

Однако власть сразу же стала пытаться ликвидировать эти демократические завоевания. Во-первых, начались прямые репрессии, особенно усилившиеся с назначением П. Столыпина на пост премьер-министра. По его инициативе на основании статьи 87 Основных законов, позволявшей правительству принимать законы во время каникулов Думы, был издан указ о военно-полевых судах, допускавший казни без суда и следствия. В 1906 году по этому указу было казнено 144 человека, в 1907-м — 1139, в 1908-м — 825, в 1909-м — 717.

Конечно, сейчас, когда мы знаем число жертв революции и сталинских репрессий, эти цифры не производят большого впечатления. Но тогда общество, несмотря на непросвещенность, еще не было дегуманизировано дикими войнами XX века и воспринимало такие репрессии очень болезненно.

Во-вторых, избирательное законодательство позволяло властям получить максимально лояльный состав Думы. По правилам голосования по куриям 1 голос помещика был равен 3 голосам мещан, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Впрочем, несмотря на это, первые две Думы все равно были разогнаны.

В-третьих, норма, по которой законы вступали в действие только после одобрения Думой, была сразу же нарушена. Основные законы, как уже говорилось, были приняты 23 апреля 1906 года, за 4 дня до открытия I Думы. Упомянутая статья 87 по сути давала правительству право действовать помимо парламента. Новый избирательный закон, названный «бесстыжим» и принятый в нарушение Основных законов, в III Думе дал большинство октябристам и правым, прямо поддерживаемым двором. Только эта Дума смогла проработать весь пятилетний срок своих полномочий. IV Дума была столь же консервативной, но с ней страна вступила в войну, во время которой в парламенте образовался оппозиционный «прогрессивный блок, критиковавший власти. В феврале 1917 года деятели этой Думы, к тому времени уже распущенной, все же сыграли важную роль в смене самодержавия новым демократически режимом.

Нельзя не упомянуть в этой связи о деятельности П. Столыпина. Он, конечно, вовсе не был демократом. Заняв свой пост на спаде революционной волны, он жестко подавлял беспорядки и осуществлял жизненно необходимую России либеральную аграрную реформу, несмотря на общественное противодействие. Как потом Пиночет и Пак Чжон Хи, он готовил страну к демократии и процветанию. Недаром Л. Троцкий говорил, что, заверши П. Столыпин свою аграрную реформу, и революция в России была бы невозможна. К сожалению, он не успел. Но важно помнить: история не одномерна, она соткана из противоречий, в том числе в судьбах и деяниях людей.

Наступление власти на демократию, поддержка государством крайне правых, реакционных националистических организаций типа Союза русского народа и Союза Михаила Архангела привели к новому усилению радикальных революционных движений. И все же к Первой мировой войне Россия подошла с более или менее работоспособными демократическими институтами, кото-

рые могли совершенствоваться и дальше, стоило только ослабить жесткий прессинг власти. Война круто изменила ситуацию, уже наметившаяся либеральная альтернатива развития российского общества вновь стала менее вероятной, революционный сценарий, напротив, обрел реальную перспективу. Наверное, можно сказать, что уже тогда он стал неизбежен.

4.6. От Февральской революции до Учредительного собрания Готовность к демократии

Последний эпизод — Февральская революция 1917 года вплоть до разгона большевиками Учредительного собрания. Не надо идеализировать ту обстановку хаоса, который тогда возник во власти, а точнее — в двоевластии Временного правительства и Советов. Но все же за несколько месяцев страна совершила исторический рывок от традиционной, полуфеодальной абсолютной монархии к демократической государственности. Конечно, в формировании новых государственных институтов участвовало не так много людей, но важно, что и это небольшое количество просвещенных и профессионально подготовленных политиков в тогдашней России нашлось.

Напомню, что незадолго до отречения Николай II распустил Государственную думу и после падения самодержавия многие ее члены сомневались в своем праве на власть. Но вакуум власти был еще опаснее, чем нарушение юридических тонкостей. Между Временным комитетом Государственной думы и лидерами Петросовета, т.е. обеими сторонами двоевластия было достигнуто предварительное соглашение о выборах Учредительного собрания — о том, что эти выборы будут всеобщими и свободными, о том, что Учредительное собрание будет обладать исключительной прерогативой решения всех главных вопросов государственной жизни, включая выбор формы правления, и, наконец, о том, что только само Учредительное собрание будет определять круг и границы своих задач. Было сформировано Юридическое совещание, обязанное подготовить проект Конституции. Предложение о придании Учредительному собранию функций Конвента, т.е. органа, совмещающего законодательную и исполнительную власть, было отвергнуто как способное привести к «безудержному деспотизму» (Российское народовластие 2003: 26). Напомню, что именно этот тезис был едва ли не основным в ленинском обосновании советской демократии, финал развития которой нам хорошо известен.

Что важно подчеркнуть, так это согласие лидеров всех основных политических сил, т.е. политической элиты того времени (исключая крайних монархистов и, как потом оказалось, большевиков) действовать солидарно в интересах страны. В частности, не прибегать к возбуждению масс. Мы еще вернемся к этому тезису, ключевому для демократического развития. В советской историографии эти факты интерпретировались как проявление слабости буржуазного правительства и тогдашнего руководства Петросовета, лишенного мудрых указаний вождя, их неспособности решать национальные задачи в революционном духе. На самом деле, разогнав уже избранное Учредительное собрание, большевики совершили государственный переворот и лишили Россию перспективы демократического развития еще на 74 года. Еще один шанс был упущен.

Попытки построить принципиально новую советскую демократию, даже если они поначалу были искренни, оказались совершенно несостоятельны. Тому можно указать две основные причины. Во-первых, игнорировался мировой опыт обеспечения контроля общества над властью. Напротив, велись постоянные разговоры о порочности буржуазного парламентаризма — обычная демагогия, а вот нежелание делиться властью или допустить ее сменяемость было очевидным. Во-вторых, модель социалистического планового хозяйства и советского государственного управления, основанная на административной иерархии, исключая сетевую структуру рыночных отношений, была абсолютно несовместима с реальной демократией. (И во многом напоминала сословную абсолютную монархию.)

Поэтому самое позднее к 1937 году все революционные идеалисты и романтики либо избавились от иллюзий, либо были уничтожены. Добиваться демократии стало некому. Помню «главный закон демократии» — популярную шутку советского времени — «делай, что тебе говорят».

Как мне представляется, и в этот раз шанс добиться успеха в утверждении демократии в России был невелик. Хотя первой реакцией политической элиты в феврале 1917 года были действия в пользу демократии и именно она казалась наиболее естественной и желанной заменой самодержавию, события происходили в самодержавной стране, архаичная политическая система которой быстро деградировала в упорном противостоянии необходимым переменам; в стране воюющей, выдавшей горы оружия вчерашним крестьянам, еще недавно пребывавшим в полуголодном и бесправном

состоянии. В такой стране была более чем вероятно полномасштабная революция, в которой умеренный авангард сменяют все более радикальные силы, оказывающиеся во власти стихийного потока событий — до тех пор пока энергия разрушения не будет истощена. Так и произошло. Апрельские тезисы Ленина не встретили бы столь благоприятного отклика в массах, не парализовали бы сопротивления тех, кто понимал их пагубность, если бы не десятилетия социалистической пропаганды и если бы не империалистическая война.

Следует еще раз вспомнить о своеобразном тогдашнем понимании демократии: политическая демократия политическая, основанная на открытой политической борьбе и требующая соблюдения правил этой борьбы всеми и терпимости, была названа демократией буржуазной, а стало быть, порочной. Она и впрямь казалась по меньшей мере несвоевременной. А взамен предлагалась тоже демократия — но социальная, действующая во благо обделенных, предполагавшая прежде всего открытие для них пути наверх — «кто был ничем, то станет всем». Она победила, но вскоре обернулась тоталитарной политической системой, абсолютной монархией с генсеком вместо царя.

4.7. Уроки истории

Попробуем сделать выводы. *Во-первых*, мы обнаруживаем, что попытки движения к демократии в истории России случались *только в моменты ослабления государства*, всегда управлявшегося деспотической самодержавной властью, в те моменты, когда интересы государства, выражаемые в категориях мощи, территориальной экспансии и распространения влияния, на время отступали перед интересами общества или отдельных его слоев. Однако государство всегда, в силу общественной традиции, вновь брало верх.

Во-вторых, первые такие попытки были, очевидно, преждевременны. Случись укрепиться на русском престоле королевичу Владиславу, все равно договор Салтыкова от 4 февраля 1610 года не был бы исполнен: даже если конституционная монархия и была бы создана в России начала XVII века, то по типу Речи Посполитой. Представить же в нашей стране того времени нечто подобное голландскому парламенту, чье появление было непосредственным следствием расцвета городской культуры, торговли и ремесел, совершенно невозможно.

Но последние попытки демократизации, имевшие место уже в начале XX века, особенно 1905–1907 годах, были исторически

гораздо более уместны, скорее их даже можно считать запоздалыми, ибо от других стран Европы в социально-политическом отношении мы уже сильно отставали.

Складывается впечатление, что по большому счету при серьезной трансформации экономики после реформ Александра II в социально-политической области существенных перемен вообще не происходило. Традиционные институты, опиравшиеся на иерархическую социальную структуру, сословную и бюрократическую, поддерживали деспотизм и несправие.

В-третьих, основой такой устойчивости традиционных институтов были нищета, несправие и смирение, в которых существовало крестьянство, представлявшее подавляющее большинство населения Российской империи. Прочность строя обеспечивалась политической спячкой народа-великана, большая часть которого веками жила в условиях натуральной аграрной экономики. Его покорность иногда взрывалась бунтом, но вскоре бунт снова сменялся покорностью — их черед и составляла существо российской политической жизни.

В-четвертых, для сохранения империи требовалось насилие или хотя бы постоянная угроза его применения. Николай Сухотин, генерал-губернатор Степной области, позднее член Государственного совета, в год первой революции, основываясь на данных переписи 1897 года, произвел подсчет внутренних врагов России. Число их составило 60 млн. — против 65 млн. верноподданных русских (с украинцами и белорусами) при общей численности населения империи в 125 млн. жителей (Шанин 1997: 110).

Таким образом, демократические традиции в России весьма слабы. Правы те, кто напоминает нам, что мы всегда жили в стране не с правовым строем, а со строем, основанном на отношениях господства и подчинения. Но отсюда вовсе не следует, что мы и дальше обречены жить так же.

Напротив, условия радикально переменились. Как раз при советской власти произошло основательное преобразование социальной структуры российского общества. Индустриализация привела к урбанизации, ныне 74% населения России живет в городах. С начала 90-х годов более половины его составляют горожане во втором поколении. Революция уничтожила феодальное землевладение, а коллективизация покончила с крестьянством как классом. Основ для прежней покорности не стало, осталась лишь инер-

ция страха. Нет необходимости и в насилии — империи больше нет. Наконец, с началом рыночных реформ рухнули и основы всей иерархической социальной структуры. Сохраняется лишь бюрократическая вертикаль власти, противостоящая частному бизнесу в его стремлении распространять влияние своих денег.

А потому из этого исторического обзора можно делать *главный вывод: объективных препятствий для перехода России к реальной демократии больше нет*. Есть пассивность населения, успокоенного стабилизацией после десятилетия реформ и трансформационного кризиса. Есть сопротивление тех, кто не хочет утратить власть. Есть идеологи этих сил, которые по традиции запугивают нас тем, что демократия России не подходит.

Глава 5 Новая демократическая волна: еще эпизод или надолго?

5.1. Перестройка и демократизация Стратегический выбор Горбачева

По сути, с горбачевской перестройки в нашей истории начался *шестьдесят демократический эпизод*. Останется ли он лишь эпизодом, или же с него начнется история новой демократической России?

По меньшей мере с конца 1960-х годов тоталитарный коммунистический режим переживал явный кризис. Уже к тому времени было очевидно, что эксперимент по построению социализма в отдельно взятой стране не удался. В 1970–1980-х годах Советское государство продолжало существовать за счет высоких цен на нефть, при этом атмосфера в СССР становилась более мягкой и гуманной.

Михаил Горбачев пришел к власти с острым ощущением необходимости перемен и с пониманием того шанса, который предоставила ему история. Однако, что и как следует делать, Горбачев точно не знал. Его предшественники практиковали известный принцип «держат и не пушат», правда не прибегая к особенно жестким мерам.

Горбачев, несомненно, желал остаться в рамках социалистической парадигмы, сохранить «преимущества» централизованного планирования и в то же время предоставить большую самостоятельность предприятиям, не допустить системного кризиса, при этом добившись повышения темпов экономического роста, которыми в прошлом так славилась советская страна. Одновременно общество было охвачено всеобщим желанием свободы и демократии: тиски тоталитарного режима, хотя они к тому времени и несколько ослабли (за политические преступления уже не расстреливали, а только ссылали), стали невыносимы. Не только интеллигенция, но и значительная часть номенклатуры шла в ногу со временем и стремилась обрести демократические ценности. Именно поэтому демократизация являлась одним из первых пунктов в повестке дня нового руководства.

Сейчас уже представляется очевидным, что многие из названных задач не имели решения: «советское» ускорение и демократия были несовместимы в рамках политического проекта, рассчитанного на быструю реализацию, вне зависимости от конкретных шагов нового генсека. Впрочем, в то время это понимали единицы.

Из записки Александра Яковлева Михаилу Горбачеву, декабрь 1985 года

«Сегодня вопрос упирается не только в экономику — это материальная основа процесса. Гвоздь — в политической системе... Отсюда необходимость... последовательного и полного (в соответствии с конкретно-историческими возможностями на каждом этапе) демократизма. ... Демократия — это прежде всего свобода выбора. У нас же — отсутствие альтернативы, централизация... Сейчас мы в целом не понимаем сути уже идущего и исторически неизбежного перехода во времени, когда не было выбора или он был исторически невозможен, ко времени, когда без демократического выбора, в котором участвовал бы каждый человек, успешно развиваться нельзя...

О выборах. Выборы должны быть не избранием, а выбором, причем выбором лучшего. Можно ограничить число выдвигаемых кандидатов (но не менее двух).

О гласности. Всесторонняя гласность: исчерпывающая и оперативная информация — непременное условие дальнейшей демократизации общественной жизни.

О судебной власти. Реальная независимость судебной власти от всех других ее видов...

О правах человека. Должен быть закон о правах человека и их гарантиях, закон о неприкосновенности личности, имущества и жилища, о тайне переписки, телефонных разговоров, личной жизни. Осуществление права на демонстрации, свободу слова, совести, печатный, собраний, права на свободное перемещение.

Предложения. ... Принять следующую принципиальную схему руководства... 1. Верховная партийная и государственная власть осуществляется Президентом СССР. Он же является Председателем Коммунистического Союза (Союза коммунистов) СССР... 2. Союз коммунистов состоит из двух партий: Социалистической и Народно-демократической... 3. Правительство возглавляется Генеральным секретарем партии, победившей на всенародных выборах» (Яковлев 2001: 372–375).

Горбачев понимал, что не все эти предложения можно немедленно реализовать на практике: отчаянное сопротивление части старой номенклатуры было легко предсказуемо. В его докладе на XXVII съезде КПСС (25 февраля — 6 марта 1986 года) была провозглашена гласность: «Нам надо сделать гласность безотказно действующей системой», — сказал с трибуны Горбачев. Вначале было слово: в этот момент страна впервые шагнула в сторону демократизации.

Но прежде было время поисков и метаний — ускорение, кампания по борьбе с алкоголизмом. Затем попытка начать реформы в экономике, не затрагивая централизованного планирования и не претендуя на демократизацию политической сферы. Произ-

водственная демократия подразумевала выборы директоров и мастеров, но не представительного собрания. Частное предпринимательство возрождалось под маской якобы «ленинской кооперации». Даже акционерную собственность власти пытались трактовать как особую форму общественного имущества!

Дальше, думаю, логика развития событий заставила Горбачева задуматься о том, что без политической демократии, без альтернативных выборов, без участия масс старую систему преодолеть не удастся. Перед Горбачевым встал стратегический выбор:

- 1) реальная демократизация, предвещавшая серьезную политическую борьбу и неминуемо ведущая к крушению однопартийной системы и к утрате всех социалистических завоеваний. Нельзя было исключить и иных последствий, о которых тогда не задумывались: уже появилось общество «Память», поднимали голову националисты и сепаратисты;
- 2) откат назад, подразумевающий готовность к репрессиям ради сохранения империи и социалистической утопии или ради того, чтобы обеспечить постепенность и управляемость реформ (очевидный пример: расстрел студентов на площади Тяньаньмэнь режимом Дэн Сяопина).

Горбачев сделал свой выбор в пользу первого варианта и получил за это свою долю упреков и откровенной грязи. Демократизация резко повысила вероятность распада СССР, сделала более глубоким трансформационный кризис. Одновременно она привела к необратимым изменениям: вкусившая свободу Россия уже никогда не будет такой, как до 1985 или до 1917 года.

Событием, ознаменовавшим этот поворот, был I Съезд народных депутатов СССР. Альтернативные выборы и поражение большого числа официальных кандидатов КПСС, образование Межрегиональной депутатской группы — первой со времени разгона Учредительного собрания парламентской оппозиции, поступок омского депутата А. Казанника, уступившего Борису Ельцину свое место в Верховном совете и сорвавшего тем самым маневры реакционеров, — все это положило начало антикоммунистической революции, мощному демократическому движению, приведшему к поражению реакции в августе 1991 года. Этих дней страна не забудет никогда. Думается, настанет то время, когда Горбачеву поставят памятник как отцу-основателю российской демократии, как и другим выдающимся деятелям этой революционной эпохи — Ельцину, Александру Яковлеву, Гайдару, Чубайсу.

Через пропасть в три прыжка

Я полагаю, что в начале 1980-х годов страна оказалась перед пропастью слишком широкой, чтобы преодолеть ее одним прыжком, и поэтому понадобилось спускаться на дно ущелья — и это сделал Горбачев. Возглавивший радикальное крыло правящей номенклатуры Яковлев играл роль русского Мэдисона, фигуры непубличной, но очень важной. Именно эта политическая группа подталкивала Горбачева к тем стратегическим шагам, совершение которых требовало настоящего мужества, даже если это было мужество неведения.

Далее требовалось пройти по зловонному дну пропасти, заложить основные механизмы развития новой демократической России и запустить рыночную экономику. Это сделал Ельцин, имевший смелость выбрать в качестве опоры молодых реформаторов — Гайдара и Чубайса. Подобно Горбачеву и Яковлеву, эти люди не могли рассчитывать на признательность современников. Но свою работу они тоже сделали.

Путину досталась задача поднять страну из пропасти, которой нельзя было миновать, и вскарабкаться вверх по обрыву. Сейчас уже очевидно, что ему вряд ли это удастся, а следовательно, карабкаться снова придется другим. О том, выбрались ли мы из пропасти или снова оказались в ней, можно будет судить не по удвоению внутреннего валового продукта и не по сокращению бедности до показателей 1990 года, а как раз по тому, сохранились ли и упрочились ли демократические завоевания, вкус которых живущие ныне поколения россиян ощутили в годы горбачевской перестройки.

Протодемократия

Надо, конечно, понимать, что та демократия не была настоящей демократией в том смысле, в каком о ней написано в главах 1–3. Имело место широкое демократическое движение, во главе которого вначале стояла либерально настроенная часть правящей номенклатуры, поддержанная интеллектуальной элитой, стремившейся избавить страну от коммунизма. Следом на первый план, как часто случается при революционных изменениях, вышли более радикально настроенные слои, призывавшие к активным действиям народные массы. Ельцина напрасно упрекают в том, что он начал свою политическую деятельность с борьбы против привилегий. Именно этот лозунг имел все шансы найти отклик у широких масс, чего нельзя сказать о либерализации цен или приватизации.

Созданные при Горбачеве политические институты — Съезд народных депутатов по образцу Съездов советов первой поры советской власти, Верховный совет, система выборов с квотами для различных общественных организаций, пост Президента-генсека — суть переходные формы, рассчитанные в большей степени на обеспечение плавного спуска, на преодоление сопротивления ортодоксов, чем на постоянное функционирование. Для Съезда и Верховного совета был характерен *неразрешимый конфликт* между «агрессивно послушным большинством» и меньшинством, которое все более активно поддерживало массу; конфликт, который могла разрешить только революция, ибо речь шла об отстранении от власти всей коммунистическо-бюрократической иерархии. Вместе с тем, перспектива возвращения этих людей к власти казалась туманной, как не существовало и институтов, придающих устойчивость демократической системе. В. Крючков, фактически возглавивший путч 1991 года, вряд ли мог предположить, что после поражения его вскоре амнистируют по решению Верховного совета и с санкции все того же Казанника, теперь занимавшего пост Генерального прокурора. Сам Крючков, думаю, не простил бы своих противников.

Наличие подобного конфликта принципиально важно для понимания того, почему власти не удавалось запустить механизмы политической конкуренции, благодаря которой в демократической системе возникает равновесие, создающее основу для соглашений между партиями. Конфликты такого рода разрешаются лишь в ходе революции.

Не существовало и хорошо организованных политических партий. Не случайно «Демократическая Россия», способная в 1990–1991 годах собирать миллионные демонстрации и митинги, рассыпалась вскоре после поражения ГКЧП и начала рыночных реформ: исчез противник, исчезли и поводы для мобилизации масс. А ничего иного «Демократическая Россия» делать не умела.

Да, существовала свобода слова, свобода собраний, свобода ассоциаций, т. е. многие неотъемлемые признаки демократии, однако не появились еще устоявшиеся институты, отсутствовала привычка к демократии, не было опыта использования гражданами своих прав и свобод. Такая протодемократия по природе своей способна свергать тоталитарные режимы, однако способность к созиданию ей не свойственна, особенно если протодемократия сталкивается с болезненными реформами или спонтанными кризисами, неизбежными в процессе трансформации. Кроме того,

протодемократический режим в стране, никогда не имевшей собственной демократической традиции, где граждане скорее склонны к покорности, бунту и воровству, нежели к отстаиванию своих прав и самоорганизации, обречен на полную или частичную неудачу.

Расставание с иллюзиями

Татьяна Заславская о I Съезде народных депутатов

«Иллюзии начали рушиться на первом съезде, напоминавшем „табор“, раскинувшийся на четыре тысячи лет. Крики, шум, демонстрация себя, полное нежелание и неумение слышать других. А голос каждый имеет один, сам по себе ты просто незначим, да и всех „демократов“ было около ¼. Ни одно более или менее здоровое решение не проходило. Несмотря на полное отсутствие средств и ускоряющийся спад производства, предлагались дорогостоящие социальные программы, рассчитанные на массовую поддержку. Даже частичная их реализация резко ускорила бы инфляцию и в конечном счете — ухуд-

шила бы положение населения. Неквалифицированные Съезд, Верховный Совет, правительство не смогли противостоять популизму, что имело катастрофические последствия...

Наверное, в стране, где никогда не было демократии, ее возникновение требует времени. Помните, как была шокирована интеллигенция, когда М.С. Горбачев употребил выражение „так называемые демократы“. Я тоже почувствовала себя оскорбленной. А в скором времени и сама стала так говорить, ибо столько оказалось „примазавшихся“ к демократии...» (Заславская 2002: 89–90).

По меньшей мере до 1993 года, т. е. до принятия новой Конституции, в России имела место протодемократия, пока продолжалась анти-тоталитарная революция.

Революция

Исследование процессов трансформации российской экономики и общества необходимо включает в себя анализ революции 1989–1993 годов.

И. Стародуровская и В. Мау, разбирая само понятие революции как социального феномена, приходят к выводу, что, вопреки распространенному мнению, определяющим моментом революции является не насилие, но *стихийность* развития, неуправляемость политического процесса и *слабость государства*. Результаты революции обычно выходят за рамки намерений и интересов любой из участвующих в ней сил. Именно в революционные эпохи действуют мощные и в то же самое время *слабо управляемые* социальные механизмы. Можно определить некие переломные точки, развилки, когда подобные процессы оказываются по сути своей разнонаправленными (Стародуровская, Мау 2001: 313).

Слабость государства во время революции выражается в том, что власти оказываются не в состоянии, во-первых, ее предупредить (например, посредством своевременных реформ), а во-вторых, контролировать темпы и направленность самих перемен. Революция воспринимается населением прежде всего как утрата порядка, анархия. Вину за это обычно возлагают на тех или иных лидеров, но их в период революции чаще всего поднимает и уносит стихийной волной. Лишь немногим удается оседлать поток событий, точнее, угадать его направление, подняться вместе с ним на поверхность и иногда даже найти способ воздействовать на стихию.

Слабость государства проявляется: 1) в неспособности собирать налоги и, как следствие, перманентном финансовом кризисе; 2) в постоянных колебаниях проводимого курса, вынуждаемых давлением различных социально-политических сил и стремлением власти реагировать на это давление, маневрировать в целях самосохранения; 3) в наличии множества центров власти — двоевластии, сепаратизме или самовластии регионов; 4) в отсутствии общепризнанных правил игры. Стихийность делает невозможной демократию в описанном выше смысле: никто не знает, как будут действовать его оппоненты, каждый старается выиграть любой ценой, не стесняясь в средствах и не рассчитывая на сдержанность других. Известны слова Робеспьера: «Революция — это война между свободой и ее врагами; конституция — это режим уже достигнутой победы... Закон, таким образом, — это результат революции, а не та норма, с которой считаются во время революции. Революционное правление опирается в своих действиях на священнейший закон общественного спасения и на самое беспорное из всех оснований — необходимость» (читай — революционную целесообразность) (Там же, 396).

Относительно того, имели ли мы дело в данном случае с революционными процессами или же другим типом смены власти, высказываются разные суждения. Например, Л. Шевцова считает, что следует говорить лишь о «системно ограниченной революционности», поскольку власть тогда осталась в рамках «традиционно русской парадигмы моносубъектности» (Шевцова 2002: 126–127), т. е. основанной на все той же общей вере в необходимость одного всевластного лидера.

Т. Заславская убеждена в ином: «Мой общий вывод заключается в том, что новой социальной революции в России не было.

В действительности имела место эволюция, в основе которой лежало, однако, не постепенное и последовательное развитие, а цепочка сменявших друг друга кризисов. Исходный подъем демократических движений, соединившихся с национально-освободительными, завершился распадом СССР. Радикальные либерально-демократические реформы фактически вылились в ограбление общества горсткой в общем случайных людей. Начавшаяся затем спонтанная трансформация в условиях отсутствия у правящей элиты стратегии и политической воли имела следствием, во-первых, крайнее ослабление государства и тотальную криминализацию общества» (Заславская 2002: 189).

Получается, что если бы не было распада СССР — и/или «ограбления общества случайными людьми» — и/или у правящей элиты была бы стратегия и политическая воля — и/или не существовало бы ослабления государства и тотальной криминализации, то тогда мы могли бы говорить о социальной революции? Добавим условие Л. Шевцовой: и/или установился бы нормальный демократический режим с разделением властей и политической конкуренцией. Короче говоря, если бы политические перемены происходили красиво и «интеллигентно», тогда это была бы революция?

Возникает вопрос: а где в мире вы видели революции подобного рода: без ослабления государства, без криминализации, без нуворишей, с продуманным планом действий, с быстро развивавшейся демократией? По-моему, все перечисленные социальные «гадости» как раз и есть настоящие признаки революции. Нормальная же демократия появляется только в том случае, если в обществе устанавливается равновесие сил, на основе которого становится возможным социальный консенсус. Равновесие сил — не признак революции, но итог развития, где революция составляет эпизод, или ряд эпизодов, или даже исходный пункт для нахождения точки равновесия новых сил.

Я бы добавил к названным двум признакам революции — стихийность и слабость государства — еще один: решение качественных проблем развития страны. Л. Шевцова говорит о смене правил игры: в случае Английской и Французской революций — о преодолении феодализма; русской начала XX века — решении крестьянского вопроса, вопроса о земле; революционных событий 1989–1993 годов — избавлении от тоталитаризма, переходе к рыночной экономике, распаде империи и возникновении национального государства.

Стихийность и слабость государства в период революции делают возможной лишь протодемократию, имеющую в глазах современников ту прелесть, что граждане какое-то время пользуются большими свободами, чем даже при зрелой демократии. Однако подобное положение долго сохраняться не может: вместе с революцией умирает и протодемократия.

Для революции характерны волны радикализации и стабилизации. На первом этапе главную роль играют умеренные лидеры, их сменяют радикалы, а затем наступает этап стабилизации, когда радикалы отесняются от власти и ее захватывают силы порядка. Так было во время Английской и Французской революций, в Смутное время, в 1905 и в 1917 годах в России. Всякий раз эти волны отражают смену общественных настроений.

Стоит отметить, что и в 1989–1993 годах в России наблюдались подобные явления. Массовые движения захватывали главным образом Москву, Петербург и некоторые другие крупные города, тогда как страна в целом вряд ли понимала, что происходит, а распространенные в большей ее части социальные институты и стереотипы поведения практически не менялись. Именно в этом кроется объяснение последующей консервативной реакции, особенно если учесть, что революция проходила мирно, случаи насилия по счастью были лишь случаями. Тогда о революции никто не говорил. Напротив, считалось, что еще одной революции страна не перенесет.

И тем не менее это была революция.

5.2. Реформы или демократия

Рыночные реформы

Страны, где на смену плановой экономике пришла экономика рыночная и произошел переход от социализма советского типа к капитализму, столкнулись с необходимостью решать одновременно две задачи: проводить рыночные реформы в экономике и строить демократическое государство. Мы видели выше, что рыночная экономика и демократия органически взаимосвязаны, нуждаются друг в друге. Вместе с тем в момент зарождения демократии на руинах тоталитарной системы более ощутимы не взаимообусловленность, а как раз противоречия между экономическими и политическими процессами. Любая демократия учитывает мнение избирателей, а рыночные реформы — вещь чрезвычайно болезненная, неизбежно ведущая к социальному кризису, падению производства и уров-

ня жизни. Убедить людей в том, что тяжелый кризис и ломка социальной структуры необходимы ради светлого будущего, невозможно. Наверняка возникнет вполне справедливое недовольство. Если в пореформенное время провести референдум относительно целесообразности экономических изменений, то подавляющее большинство избирателей выскажется против реформаторов. Это факт, подтвержденный опытом многих стран, переживших переходный период реформ.

Напомню хронологию рыночных реформ в России.

Горбачевский этап

1987 год: июньский Пленум ЦК КПСС принимает решения о «радикальной реформе» управления экономикой. В июле по докладу Николая Рыжкова Верховный Совет СССР принимает базовый для реформы Закон о государственном предприятии (объединении). Самостоятельность предприятий растет, однако немногим выше, чем в косыгинскую реформу 1965 года. Эффект отрицательный.

1988 год: принимается Закон о кооперации, который становится первым реальным шагом реформ, возродившим частное предпринимательство. Уже через год кооперация, разрушающая государственный сектор, вызывает контрнаступление реакции. Позднее принимаются законы об аренде, включая аренду с выкупом, которые знаменуют начало номенклатурной приватизации.

Август–сентябрь 1990 года: программа перехода к рыночной экономике («500 дней»), разработанная рабочей группой Горбачева–Ельцина, отвергается Верховным Советом СССР по настоянию будущих членов ГКЧП.

Ельцинский этап

1991 год: путч ГКЧП, распад СССР. В октябре Ельцин получает чрезвычайные полномочия. 6 ноября — указ о формировании нового правительства во главе с Ельциным, в котором пост вице-премьера, ответственного за реформу, получает Е. Гайдар.

1992 год: со 2 января — либерализация цен. Открытие экономики, отмена монополии внешней торговли. Летом вводится свободный курс рубля. Принимается программа массовой приватизации.

1992 – лето 1994 года: реализация программы массовой приватизации. Около двух третей активов государственного сектора в производственной сфере переходит в негосударственную собственность.

1992–1995 годы: с третьей попытки достигается финансовая стабилизация. Прекращается (осень 1994 года) эмиссионное финансирование бюджетного дефицита. В 1995 году федеральный бюджет исполняется почти на 100%, дефицит покрывается в основном из неинфляционных источников, включая займы (ГКО) и доходы от приватизации (кредиты под залоги аукционы составили 1 млрд. долларов). Инфляция снижается с 930% в 1993 году до 131% в 1995-м и до 11% в 1997-м. Резкое ужесточение бюджетных ограничений для предприятий.

Результаты. Преобладающее мнение — реформы провалились, поскольку к 1998 году внутренний валовой продукт сократился на 40% против 1990 года, промышленное производство — на 55%, реальные доходы населения (уровень жизни) — на 30–35%, инвестиции в основной капитал — на три четверти. Провал — при условии, что целью реформ был немедленный рост производства и благосостояния, а не создание принципиально новых институтов, таких, как частная собственность, свободные цены, открытая экономика. Если считать, что именно последние были задачами реформ и что вследствие их разрешения должно было радикально измениться поведение экономических агентов, то оценка меняется прямо на противоположную: это успех, который стал особенно очевиден в 1999–2003 годах.

Два примера.

1. *Победа над дефицитом.* Товарный дефицит, родовой прок социализма, был преодолен в кратчайшие сроки. Об этом знают все граждане России, пережившие эти события в сознательном возрасте. Приведу только одну иллюстрацию, основанную на данных Российского экономического барометра.

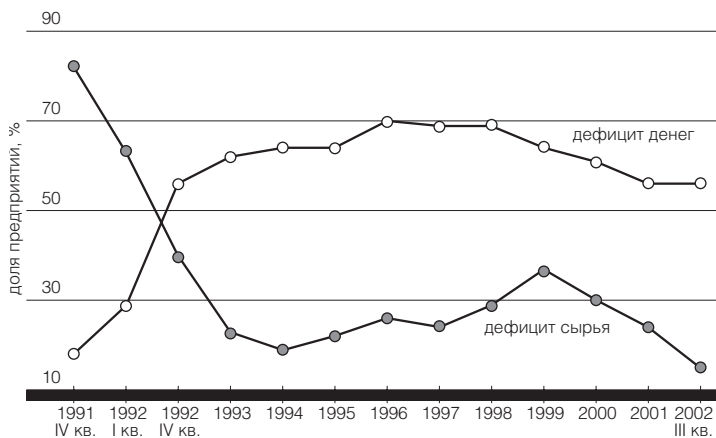
В таблице 5.1 приведены данные социологических опросов с 1991 по 2002 год о доле промышленных предприятий, испытывавших ограничения производства из-за дефицита сырья и материалов или из-за недостатка спроса и финансовых ресурсов.

Таблица 5.1. ДОЛИ ПРЕДПРИЯТИЙ, РУКОВОДИТЕЛИ КОТОРЫХ ОТВЕТИЛИ ПРИ ОПРОСАХ, ЧТО ИХ ПРОИЗВОДСТВО БЫЛО ОГРАНИЧЕНО НЕДОСТАТКОМ СЫРЬЯ И МАТЕРИАЛОВ, ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ, СПРОСА, 1991–2002, %

	Ограничения		
	Сырье и материалы	Финансовые ресурсы	Спрос
1991, IV квартал	82	18	4
1992, I квартал	63	29	36
1992, IV квартал	40	56	48
1993	23	62	41
1994	19	64	48
1995	22	64	47
1996	26	70	58
1997	24	69	54
1998	29	69	54
1999	37	64	37
2000	30	61	39
2001	24	56	48
2002, III квартал	15	56	55

Источник: Российский экономический барометр. 2002. Т. XI. № 4. С. 62–63.

Рисунок 5.1. ДЕФИЦИТ СЫРЬЯ И ДЕНЕГ КАК ФАКТОРЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Комментарии излишни: дефицит сырья перестал быть лимитирующим фактором за 2 года.

2. Смена инвестиционного режима: от больших капиталовложений с падающей отдачей к высокой отдаче от небольших вложений. См. таблицу 5.2.

Таблица 5.2. ИЗМЕНЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО РЕЖИМА ВСЛЕДСТВИЕ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

	1985–1990*	1999–2003
Среднегодовая доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	24,1	15,9
Среднегодовой темп прироста, %:		
– инвестиций в основной капитал	4,75	9,6
– ВВП	2,75	6,4
Прирост ВВП на 1% прироста инвестиций в среднем за период	0,51	0,67

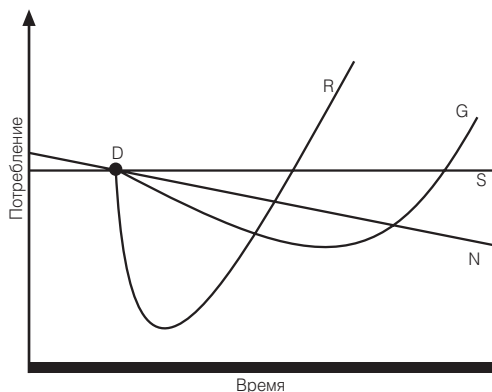
* За 1985–1990 годы вместо показателя внутреннего валового продукта использован показатель валового национального продукта, вместо данных об инвестициях в основной капитал — данные об объеме капиталовложений.

Можно предположить, что показатели 1999–2003 годов лучше исключительно потому, что на них влияет повышение загрузки наличных мощностей, считающееся одним из главных факторов роста производства в этот период. Но анализ показывает, что это верно лишь отчасти: загрузка мощностей в 1998–2003 годах выросла максимум на 20–25%, а производство — на 44,6% (данные РЭБ и Министерства экономического развития и торговли). Доля фондов, введенных до 1991 года, составила всего 13–16% в общем объеме «эффективного капитала», тогда как в балансовой стоимости основных фондов они составляли около 70% (Воскобойников 2003: 23). Верно то, что в первые годы подъема предприятия инвестировали средства прежде всего в расшивку узких мест и в обновление оборудования, минимально необходимое для выпуска торгуемой продукции. При этом эффективность инвестиций оказалась очень высока, далее она, скорее всего, будет снижаться. Перелом в поведении предприятий очевиден: он касается одного из ключевых участков развития советской экономики — ее больного места, непреодолимого порока.

Впрочем, простому человеку эти достижения мало что говорят. Он почувствует их позитивные последствия лишь через некоторое время. При этом голосует он с оглядкой на ближайшие, крайне непривлекательные результаты реформ. Отсюда проистекает и конфликт между рыночными реформами, действительно тягостными в отсталой и изуродованной коммунистическим строительством стране, и демократией.

А. Пшеворский приводит график (см. рис. 5.2), иллюстрирующий экономическую ситуацию в период рыночных реформ. Я несколько усложнил его, введя кривую N, которая показывает неизбежное падение уровня жизни в случае, если реформы прове-

Рисунок 5.2. ДВЕ СТРАТЕГИИ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

Источник: Пшеворский 1999: 253.

дены не будут. Население в своей оценке стратегий реформ, разумеется, этого не учитывает. Оно будет сравнивать итоги реформ с потреблением в момент их начала (горизонтальная линия **S** — статус-кво) или даже ранее, с кривой **N** левее точки **D**, отражающей момент начала реформ, обычно определяемый либерализацией цен.

В 1990 году Билл Нордхауз на Международном семинаре экономистов в венгерском городе Шопроне назвал этот момент «D-day» и посоветовал с этого дня организовать на российском спутниковом телевидении передачу Playboy-channel (Ясин 2003: 149–150). И в 1992 году в России действительно показывали сериалы «Рабья Изаура» и «Богатые тоже плачут», стараясь отвлечь народ от невыносимых будней.

Стратегия **R** — радикальная, «шоковая терапия», с одной стороны, приводит к быстрому и более глубокому спаду, но одновременно и к скорейшему восстановлению. Стратегия **G** — постепенная, растягивает время спада, но и заметно отсрочивает момент восстановления. Площади между кривыми **R** и **G** и линией **S** предполагаются равными, это означает равенство кумулятивных потерь населения при разных стратегиях. По отношению же к кривой **N** при стратегии **R** потери будут явно меньше, однако — по причинам, о которых я писал выше, — люди вряд ли обратят внимание на позитивность этого фактора.

Противостояние

Пшеворский анализирует выбор стратегии тремя группами лиц — технократами-реформаторами, политиками на выборных постах и населением. Очевидно, население никогда не выберет R. Оно предпочтет статус-кво — хотя в перспективе это самая невыгодная стратегия, в крайнем случае умеренную стратегию G. Население может доверять харизматическим политикам, которые призывают к R, однако лишит их доверия, как только выяснится, что их обещания не выполняются и быстрые улучшения не наступают. Так, например, было в Польше («лошадиная терапия» Балцеровича, как ее называют поляки), Бразилии (план Коллора), Аргентине (при Менеме), Перу (Фухимори).

Технократам нужны результаты, описываемые в терминах снижения инфляции, устранения дефицита и повышения эффективности инвестиций, при этом социальные издержки их волнуют в меньшей степени: они обычно склонны выбирать R.

Политики находятся в противоречивой ситуации. С одной стороны, они понимают неизбежность реформ, с другой — отдают себе отчет в том, что народ будет безусловно против изменений и не согласится на большие потери, платить за которые придется именно им, политикам, — своим рейтингом, а то и постами. Однако в случае нереализации реформ популярность все равно будет потеряна. Главное для политиков — степень уверенности в том, что кривая роста поднимется до следующих выборов.

Если система, в которой проходят реформы, по характеру своему демократична, политики могут рассчитывать на то, что, уступив оппонентам на ближайших выборах, они смогут вернуться к власти позднее. Так случилось в уже упомянутой Польше. Если же соблюдение демократических правил политической конкуренции еще не стало нормой, а вероятность того, что, проиграв ближайшие выборы, партия реформ к власти вернуться уже не сможет, весьма высока, то реформисты должны будут выбрать постепенные реформы с сопутствующими издержками для населения и для себя или пойти на нарушение норм демократии (Фухимори). В течение некоторого времени можно маневрировать, скрывая от общества истинные реформаторские намерения, как поступил президент Менем в Аргентине на выборах в 1989 году. В Бразилии в 1990 году все члены конгресса, включая лидера партии большинства будущего президента Кардозо, узнали о плане реформ из газет. Случалось, что партия, выступающая за радикаль-

ные реформы, проигрывала выборы, однако победитель, ее умеренный конкурент, оказывался вынужден проводить политику, против которой выступал. Таков пример Венгрии, где в 1990 году радикальные реформаторы из партии SZDSZ проиграли умеренной MDF, при этом последняя была вынуждена проводить их политику (Пшевровский 1999: 256–257). В России премьер Примаков, не раз прежде критиковавший монетаристов, проводил едва ли не самую жесткую монетаристскую политику.

Но бывает и так, что основные партии или стороны в самый острый период реформ и в условиях протодемократии находятся в жестком неразрешимом конфликте: никто не надеется на демократические процедуры, каждый готов любыми средствами отстаивать свою правду. Это революционная ситуация, в которой протодемократия уже помочь ничем не может: такой конфликт разрешается только силовым путем. Так, в Испании накануне гражданской войны, на выборах 1935 года, как левые, так и правые заявляли, что согласятся с результатами выборов только в том случае, если они победят. В итоге победил Франко.

В России обстановка складывалась следующим образом. В октябре 1991 года президент Ельцин в общих чертах изложил план реформ и обещал, что осенью 1992 года период трудностей закончится. С января реформы стали осуществляться при быстро растущей инфляции, сокращении бюджетных расходов, падении производства и реальных доходов. Вскоре парламент, прислушиваясь к голосам промышленников и населения, занял позицию сопротивления радикальному варианту Гайдара, настаивая на переходе к умеренному варианту. Осенью Р. Хасбулатов поднял на щит предложения академических экономистов Абалкина, Шаталина и других, в поддержку которых выступал и Г. Явлинский. До этого В. Герашенко, став председателем Центробанка, произвел зачет взаимных требований неплательщиков, и инфляция прорвала все преграды. В результате в декабре 1992 года Гайдар ушел в отставку и тем самым произошел переход к умеренному варианту реформ.

Тогда, по собственным словам Гайдара, его отставка была платой за согласие Съезда народных депутатов провести весной 1993 года референдум по новой Конституции, с вынесением на него альтернативных проектов, предложенных президентом и Верховным Советом. Мы знаем, что референдум имел иное содержание, а страна в итоге пришла к октябрьским событиям 1993 года. Отставка Гайдара не улучшила ситуацию: высокая инфляция требовала

противодействия. Если реформы начались, то именно они навязывают власти логику развития. Недовольство людей, критика оппозиционных партий могут повлиять только на снижение темпа реформ и усиление хаотичности политики. В 1993 году стало ясно, что переход к умеренному варианту реформ не спасет от потерь и болезненных последствий. В правительство вернули Гайдара, который вместе с Борисом Федоровым настоял на 30%-ном секвестре бюджета. Жесткая антиинфляционная политика вызвала новую волну падения производства, роста неплатежей и тяжелые политические последствия.

В апреле 1993 года прошел референдум — знаменитые «да-да-нет-да». Большинство поддержало Ельцина, парламент на какое-то время ушел в тень. Впрочем, скоро он снова перешел в наступление, легко пересматривая положения еще советской Конституции. Ельцин шаг за шагом терял полномочия. Его сторонники, в том числе реформаторы, настаивали на том, чтобы для укрепления своих позиций он использовал результаты референдума. В конце концов после долгих раздумий Ельцин 21 сентября подписал исторический указ № 1400, предусматривавший роспуск парламента, назначение новых выборов и референдума по новой Конституции.

Тем самым старая Конституция, плохая или хорошая, была нарушена. Ельцин сделал стратегический выбор: он *принес в жертву реформам нормы демократии*. Бессмысленно отрицать это. Пусть по необходимости, ради высоких целей, но уже в новой демократической России *был создан прецедент* нарушения основного закона исполнительной властью в ущерб власти законодательной.

Прецедент привел к октябрьскому противостоянию, штурму Останкино, стрельбе танков по Белому дому, человеческим жертвам — событиям, до сих пор тревожащим покой и совесть россиян.

Следует осознать всю степень неразрешимости конфликта между либеральными реформами и силами старого коммунистического порядка, которые провели мобилизацию и вместе с умеренными группами, использовавшими и демократические лозунги, установили контроль над парламентом. Конфликт вылился в противостояние президента и парламента. Несмотря на итоги референдума, парламент имел возможность победить, постоянно меня советскую Конституцию и отнимая полномочия у президента. Можно сказать, что в этом случае победила бы не демократия, так как у нее тогда не было стабильной социально-экономической базы — ни частной собственности, ни свободной рыночной экономики, а лишь недолговеч-

ная по своей природе *протодемократия*. Иначе надо было действовать в соответствии с законами революции, применять силу, идти на нарушение Конституции, т. е. на государственный переворот.

Я тогда поддерживал Ельцина и сейчас глубоко убежден в том, что он поступил правильно. Он еще раз взял на себя огромную ответственность, на много лет заслужив поношения противников. Но в глазах многих, и моих в том числе, он оказался на высоте задач той эпохи. В сущности, в этот момент и был подведен итог демократической антикоммунистической революции в России. Начался период стабилизации.

Рубец на теле новой демократической России остался, развитию демократии, несомненно, был нанесен удар, последствия которого могли сказаться (и сказываются) в будущем. Эксперты отмечают, что в тот период внимание уделялось исключительно экономическим реформам. Политические преобразования, прежде всего, по выражению Л. Шевцовой, ликвидация традиционной российской моносубъектности власти, не состоялись.

Начало управляемой демократии

Период стабилизации в России начался с неудач. Казалось, власть сделала все, чтобы убедить граждан в своей верности демократическим ценностям и замолить грехи октябрьских событий. Была принята новая, весьма либеральная Конституция, ориентированная отчасти на вчерашние угрозы, которые вряд ли когда-либо могли возникнуть вновь: отсюда расширенные полномочия президента и усложнение процедур пересмотра Конституции. В кратчайшие сроки были проведены свободные выборы, на которых ожидалась внушительная победа демократических сил. Однако именно здесь и случился очередной конфуз: победу одержал В. Жириновский, что дало повод Ю. Карякину произнести ставшие знаменитыми слова: «Россия, ты одурела». На самом же деле это был тот самый народ, который в 1990–1991 годах голосовал за Ельцина. Однако теперь народ уже понял, что такое радикальные рыночные реформы, и выразил свое отношение к ним. Населению хотелось увидеть новую политику, новые лица, которые могли бы совершить чудо, ожидавшееся и три года назад.

На результатах выборов несомненно сказались следствия ужесточения денежной и бюджетной политики. В начале 1994 года темпы экономического спада достигли максимальных значений: Гайдар и Федоров ушли в отставку. В полной мере восторжествова-

ла умеренность: для смягчения напряжения в обществе стали печатать деньги. В результате 11 октября 1994 года наступил «черный вторник», курс рубля упал, а инфляция вновь рванула вверх, был сделан еще один шаг к обнищанию.

Одновременно росли частные состояния — на экспортно-импортных операциях, используя разрыв между внутренними и мировыми ценами; на дешевых кредитах Центробанка; на бюджетных ассигнованиях под посевные кампании и северный завод, в меньшей степени на приватизации, так как акции приватизированных предприятий стоили дешево и не приносили дохода, их можно было скупать только впрок. Нефть, металл, удобрения, разумеется, порождали реальные финансовые потоки, над которыми надлежало установить контроль. Процесс первоначального накопления капитала сопровождался воровством, активизацией организованной преступности и коррупцией.

При этом действовали все формальные демократические институты. Соблюдалась свобода слова и информации. Выборы проходили в относительно свободном режиме, административный ресурс действовал еще слишком слабо. К. Илюмжинову удалось создать среди демократической России средневековое ханство со Степным уложением вместо нормальной конституции. Д. Дудаев стремился к отделению Чечни. Национальный фонд спорта, получив льготы, беспощадно ввозил в Россию спиртные напитки и сигареты, активно делясь своими доходами с чиновниками. В Государственной Думе шли оживленные дискуссии, депутаты и фракции торговали своими голосами. Президент проводил в Сочи теннисные турниры «Большая шляпа», собирая весь истеблишмент новой России. Реформы, ради которых стреляли по Белому дому, фактически остановились.

Так неприглядно выглядела новая демократическая Россия в 1995 году. Разве этого ждали люди от демократии? Они все больше демонстрировали разочарование: именно в тот момент и появилось слово «дерьмократ». Демократам, а точнее — сторонникам рыночных реформ все больше грозила судьба коммунистов.

Как выглядит демократия вблизи

«Повседневная жизнь демократии — зрелище, не вызывающее благоговейного трепета: бесконечные препирательства, мелочные амбиции, риторика, призванная что-то затуманить или ввести кого-то в заблуждение, сомнительные связи вла-

сти и денег, законы, даже не претендующие на справедливость, политика, закрепляющая привилегии. Особенно мучительно все это переживают люди, которые идеализировали демократию в борьбе с авторитарным гнетом, для которых демо-

кратия была потерянным раем. Когда рай претворяется в повседневную жизнь, наступает разочарование. Так возникает искушение одним махом поправить дело: прекратить пререкания, заменить поли-

тику администрированием, анархию — дисциплиной, действовать рационально — это искушение авторитаризма» (Пшевский 1999: 137).

Пока власть решает задачи постреволюционной стабилизации, постоянно присутствует угроза установления авторитарного режима. У власти всегда есть поводы и соблазны применить методы, не вписывающиеся в нормы демократии, особенно если они не были усвоены и освящены институциональной практикой. В период революции с нормами демократии мало кто считается.

Осенью 1994 года опять заявила о себе экономика, вновь вынудив правительство начать борьбу с инфляцией и прекратить уступки различным группам давления. В итоге в 1995 году впервые с 1986 года федеральный бюджет был исполнен почти на 100%. Правда, при этом пришлось пережить и казначейские обязательства (КО), и казначейские налоговые освобождения (КНО), другие денежные суррогаты и, наконец, раскручивание пирамиды ГКО, операцию «кредиты в обмен на акции», закончившуюся в 1997 году залоговыми аукционами. Все это дало дополнительные возможности для наживы, коррупции и воровства. Именно этой дорогой ценой инфляция с третьей попытки была преодолена, а финансовая стабилизация достигнута.

Однако, как и в 1993 году, политические последствия не замедлили сказаться уже на парламентских выборах осени 1995 года. На этот раз большинство голосов набрали коммунисты. «Демократический выбор России» (ДВР) — партия Гайдара — не получил даже 5% голосов и, как следствие, не прошел в Думу.

«Будущий президент» Геннадий Зюганов на Давосском форуме в январе 1995 года

В конце января 1996 года я был самым высокопоставленным представителем правительства России на Давосском форуме. Чубайс там тоже был, но после отставки, в которую его отправил Б. Ельцин со словами, ставшими знаменитыми: „Во всем виноват Чубайс“. На аэродроме в Цюрихе нас, как водится, встречал посол. Меня с извинениями посадили в автобус с другими членами делегации, а автомобиль посла, как выяснилось, предоставили

Г.А. Зюганову. Он был победителем, главным героем Давоса-95. Не только российские дипломаты, но и западные бизнесмены и политики воспринимали его как наиболее вероятного победителя и в президентской гонке, которая уже началась. В. Гусинский устроил в его честь ужин, на котором присутствовала вся мировая элита. Один из деятелей Республиканской партии США (у власти тогда были демократы) лебезил перед Зюгановым, обещая

золотые горы после того, как на выборах победят республиканцы. Геннадий Андреевич сказал ему: вы нам помогайте, давайте денег. *«У нас с вами одна задача — победить демократов»*. Он тогда мог позволить себе быть остроумным.

Тогда же на моих глазах в баре „Сан-Стар-Парк-Отель“ Б. Березовский и А. Чубайс начали переговоры о создании коалиции олигархов и реформаторов для поддержки на выборах президента Ельцина, которая и привела его к победе.

В то время рейтинг Ельцина опустился до 2%. Победа Зюганова казалась неотвратимой.

Снова берем три группы игроков: население — коммунисты (партия ностальгии) — «демократы» (коалиция «Ельцин-реформаторы-бизнес»). *Население* на парламентских выборах выразило протест против власти «дерьмократов». Однако, как только народ осознал, что протестное голосование может привести к власти коммунистов, я полагаю, многие всерьез задумались. На президентских выборах Зюганов получил бы существенно меньше голосов, чем КППФ на выборах думских, — независимо от хода избирательной кампании. В подобной ситуации шанс получили третьи лица: об этом говорят голоса, поданные в поддержку генерала Лебеда в первом туре выборов. Но это мое мнение, основанное на элементарных логических рассуждениях. Как это оказалось бы на деле, не знает никто.

КППФ, несмотря на очевидные успехи, развить их не смогла. Партия располагала меньшими финансовыми ресурсами, нежели проводивший приватизацию Ельцин. Административным ресурсом коммунисты также не обладали, к тому же он тогда и не играл особенной роли. Оппоненты КППФ опасались, что, если Зюганову удастся набрать еще 5–6% голосов, то произойдет реставрация старого режима: получив власть, коммунисты, как и в прошлый раз, отвернутся от демократии, что приведет к отмене следующих выборов. Опасность, быть может, переоценивалась, но риск был действительно велик.

У коалиции, условно говоря, *демократов*, а точнее, правившей тогда элиты, было три варианта действий:

- 1) *согласиться с любыми результатами* выборов в надежде на то, что коммунисты, придя к власти, будут соблюдать нормы демократии. Вероятность такого исхода оценивалась весьма низко;
- 2) *отменить выборы* и распустить парламент, тем самым во второй раз за два года осуществив государственный переворот. При этом революция в России уже закончи-

лась, Конституцию готовили сами демократы и потому реакция общества могла быть еще более отрицательной: подобные действия объяснялись бы желанием удержать власть вопреки мнению большинства избирателей. Этот вариант предлагался группой Коржакова–Барсукова–Сосковца;

3) *организовать кампанию Ельцина с применением самых современных политтехнологий*, использовать все средства внушения избирателям «правильных» идей, дабы они проголосовали как следует — «сердцем», потратить сколько угодно денег, но не допустить коммунистов к власти.

Худшим вариантом для российской демократии был второй. Еще один государственный переворот — это уже привычка, свидетельствующая о том, что партия власти никогда эту самую власть не уступит. Известно, что Ельцина удержали от этого шага в самый последний момент, накануне депутатов уже не пустили один раз в Думу.

Вариант со свободными выборами и последующим приходом коммунистов к власти многие даже сейчас считают предпочтительным — демократические принципы прежде всего. Бывший коммунист Квасьневский стал президентом Польши, и это не помешало либералам победить на следующих парламентских выборах. Возможно, и у нас случилось бы то же и мы не знали бы всех последствий «голосования сердцем».

Я думаю, что к такого рода заключениям можно прийти только апостериори, не зная всех итогов возможного развития событий при первом из вариантов, бывших в распоряжении Ельцина. Вряд ли Россия пошла бы по пути освободившейся от коммунистического бремени Польши. Никто из политических игроков не доверял своим оппонентам и не верил, что нормы молодой российской демократии будут соблюдаться.

Если оценить эти варианты в соответствии со своеобразной шкалой успеха и вероятности осуществления, то лучшим для демократии и продолжения реформ был все же третий, реализованный на практике вариант. С привлечением политтехнологий и шоу-бизнеса, с коробками из-под ксерокса, с единодушным отказом всей либеральной прессы от какой-либо критики в адрес власти.

Известно, что толпа легко поддается внушению. Известно, что в современном обществе вся масса избирателей может быть обращена в толпу (Московичи 1996: 13). К тому же власть, не допуская

явных нарушений закона, может манипулировать избирательной кампанией за счет тотального доступа к СМИ, снятия неугодных кандидатов и других возможностей влияния на электорат. Демократические нормы зачастую приносятся в жертву благородным (по мнению власти) целям. Именно такая управляемая демократия и установилась в России во время президентских выборов 1996 года. Я думаю, тогда это был лучший выбор из упомянутых трех вариантов: противопоставлять ему надо не идеальную демократию или протодемократию революционного периода, но именно оставшиеся два варианта развития событий.

Победа коммунистов означала бы несомненное поражение реформ, пересмотр их итогов, откат на неопределенное время назад, даже если бы КПРФ согласилась сохранить институт свободных выборов. Государственный переворот — трагедия, возможно навсегда перечеркнувшая бы демократические перспективы России.

Как альтернатива государственному перевороту управляемая демократия — шаг вперед, но шаг, влекущий за собой риск злоупотреблений властью и угрозу для будущего демократии.

Реформаторы и олигархи

Первое время после выборов в рядах победителей царил эйфория. Ельцин заявил, что хотел бы сохранить свой боеспособный штаб. Чубайс, недавно обвиненный во всех грехах, был назначен главой Администрации Президента РФ.

Вскоре ситуация осложнилась, Ельцин заболел уже между двумя турами и осенью 1996 года объявил, что ему предстоит операция на сердце. Одновременно приходилось считаться с тем, что в Думе доминировало левое большинство, а избирательная кампания, которую на самом деле профинансировали не столько олигархи, сколько само государство, обошлась слишком дорогой ценой. Бюджет погряз в глубокой трясине обязательств по ГКО, и для выхода из кризиса требовалось по меньшей мере три года жесточайшей финансовой политики. Правительство между тем оказалось явно слабее состава 1995 года и без президента ни на что решиться не могло. Главное же — распалась коалиция реформаторов и олигархов.

Посмотрим на основных игроков обновленной элиты. Парламент после выборов потерял прежнее влияние, группа силовиков во главе с Коржаковым потерпела поражение. В составе элиты можно выделить три группы:

- 1) *реформаторы* во главе с А. Чубайсом и Б. Немцовым, пришедшими в правительство, чтобы использовать победу на выборах для продвижения реформ. Их главный ресурс — влияние на Ельцина и властные полномочия занимаемых постов;
- 2) *олигархи*, «семибанкирщина», главный интерес которых состоял в получении в качестве компенсации за поддержку президента на выборах лакомых кусков государственной собственности или контроле над финансовыми потоками, а также во влиянии на политику государства. Реформы им были не слишком нужны;
- 3) *лидеры* — так я условно назову группу лиц высшего ранга, которые, собственно, и принимали политические решения: президент и его ближайшие советники. Премьер-министр Черномырдин был, думаю, уязвлен тем, что в марте 1997 году заместителями ему назначили комиссаров реформ — Чубайса и Немцова.

Олигархи в общем получили обещанное, хотя, на мой взгляд, могли бы удовлетвориться и тем, что сохранили у власти президента — противника коммунистов, поборника реформ и демократии, президента, при котором крупный бизнес спокойно процветал. В результате Березовский получил ОРТ и «Сибнефть», Гусинский — кредит на развитие НТВ от «Газпрома», Ходорковский — ЮКОС, Потанин — «Норильский никель». Между олигархами началась конкуренция, интересы Потанина, с одной стороны, и Березовского и Гусинского — с другой, разошлись. В то время их влияние на политику было максимально высоким: их позиции нельзя было критиковать публично, разве что на страницах коммунистической прессы. ОРТ и НТВ стали средствами манипулирования общественным мнением в интересах их хозяев.

Против этого задолго до путинского «равноудаления», выступили реформаторы: Чубайс решил продать компанию «Связьинвест» согласно существующим правилам. Правда, досталась компания союзнику Чубайса В. Потанину. Гусинский, другой претендент, чувствующий себя обделенным, признал: да, все было по правилам, однако «мы так не договаривались».

Началась информационная война, прежде всего вокруг гонорара за книгу о российской приватизации, которую писали Чубайс и его коллеги, гонорара на сумму 400 тыс. долларов. Напомним, за «Связьинвест» предлагали 1700 млн. долларов. Реформаторы

проиграли — прежде всего потому, что политические лидеры не встали на их защиту. Они считали, что реальная политика должна считаться со своеобразием становления российского крупного бизнеса. Чубайс ушел из правительства, а Березовский занял место заместителя секретаря Совета безопасности.

Какое отношение разборки в коридорах власти имеют к становлению российской демократии? Самое прямое! Вся страна наблюдала за происходящим, и уважения со стороны простых граждан ни к власти, ни к бизнесу от этого не прибавлялось. Более того, росла уверенность большей части общества в том, что его обманули, что государственная политика делается малым количеством людей в корыстных целях, а страна, граждане остаются вне пределов их интересов. Кому нужна такая демократия? Между тем это была демократия, только уже управляемая. Коалиция реформаторов и бизнеса, которая действительно могла бы способствовать развитию страны, развалилась. Победа на президентских выборах не придала импульса демократическому развитию. Реформы были остановлены.

Затем на первый план снова вышло противостояние президента и парламента. В марте 1998 года Ельцин отправил в отставку правительство, сменив Черномырдина на С. Кириенко. Дума утвердила последнего только под угрозой своего роспуска. В августе грянул жесточайший финансовый кризис, Кириенко также отправили в отставку. Теперь уже стало ясно, что Ельцину придется идти на уступки коммунистам: компромиссом стало назначение премьер-министром Е. Примакова.

Примаков принадлежал к иной генерации политиков. В нем видели альтернативу Ельцину на приближающихся президентских выборах. Примаков уже успел продемонстрировать свое отрицательное отношение к олигархам и бизнесменам, приближенным к высшим эшелонам власти. Как ни относиться к взглядам Примакова, его позиция несомненно находила поддержку в самых широких кругах населения. Генеральный прокурор Ю. Скуратов при явной поддержке нового премьера начал расследование против Березовского. Однако столь откровенное нападение оказалось поспешным: окружение президента, в свою очередь, перешло в атаку. Итогом стала акция против Скуратова, фильм о его любовных похождениях и драма с его увольнением. В результате в оппозиции к президенту оказался ряд сенаторов, т. е. губернаторов, среди которых было немало коммунистов, победивших на региональных

выборах 1995–1996 годов. Наконец, отставка Примакова обозначила очевидную проблему: конфликт в элите и обществе снова грозил стать неразрешимым.

Политическая стабилизация, начавшаяся еще в 1993 году, успеха не имела. На приближающихся парламентских и президентских выборах маячила смена режима, политической элиты и общего курса, который парадоксальным образом все еще считался курсом рыночных реформ и демократии.

Часть II

Настоящее

Глава 6 ПУТИНСКИЙ ЭТАП

Владимир Путин стал президентом в чрезвычайно сложное и в то же время весьма благоприятное для него время. Страна устала от больного президента, от дергавших за ниточки кукловодов-олигархов, от бессильных попыток реформ, воспринимавшихся уже как угроза национальному благосостоянию. Люди хотели перемен, и они должны были наступить. Казалось очевидным, что на выборах 2000 года Ельцин выдвигать свою кандидатуру уже не будет: и Конституция, и здоровье этого сделать не позволяли.

6.1. Смена вех. Новый триумф управляемой демократии

Накануне парламентских выборов 1999 года складывалась принципиально новая политическая обстановка. Финансовый кризис 1998 года смел реформаторов с политической сцены, обозначил поражение их общего курса. Оживление в экономике, начавшееся после кризиса, считалось заслугой единственно Евгения Примакова.

Коммунисты на предстоящих выборах могли рассчитывать по меньшей мере на сохранение позиций: они ничем не провинились перед своим электоратом.

На первое место выдвигалась левоцентристская коалиция региональных лидеров от Ю. Лужкова и В. Яковлева до М. Шаймиева и части федеральной бюрократии, ориентированной на Примакова, — будущий блок «Отечество — Вся Россия» (ОВР).

Правящая элита — лидеры и олигархи в несколько обновленном составе (появились новые фигуры — А. Волошин, О. Дерипаска, Р. Абрамович, П. Бородин; В. Гусинский же взял сторону ОВР) — оказались перед угрозой полного поражения и утраты всех позиций, некоторым из них это обещало даже уголовные преследования. Они не могли позволить себе отдать власть. Нужна была новая мобилизация, но уже без разбиения политического спектра на два противостоящих друг другу лагеря, как это случилось в 1996 году. Элите надлежало: 1) выдвинуть достойного преемника Ельцину; 2) создать политическую организацию, способную успешно выступить на думских выборах; 3) провести предвыборную кампанию,

в ходе которой добиться продвижения своих кандидатов и дискредитации оппонентов, главным из которых оказался ОВР; 4) сконцентрировать необходимые финансовые и административные ресурсы.

Для решения этих задач вновь были пущены в ход методы управляемой демократии. Подходящего кандидата в президенты подобрали не сразу: в деле фигурировали и Сергей Степашин, и Николай Аксененко, и, наконец, Владимир Путин, занимавший тогда пост директора ФСБ. Политическая организация «Единство» была создана практически на пустом месте, с расчетом на актив федеральных и местных властей, всегда склонных поддерживать партию власти. Реформаторы, не без труда объединившиеся в Союз правых сил (СПС), рассматривались как союзники. Они и в самом деле, из идейных и прочих соображений, не были заинтересованы в победе ОВР и коммунистов. Средства массовой информации, прежде всего первый и второй каналы телевидения, начали информационную войну против Лужкова и Примакова. Лужков понял, что его ждут разоблачения, экономические и политические потери, и отказался от собственных президентских амбиций. То же следом за ним сделал и Примаков — после нескольких сеансов телевизионной терапии с Сергеем Доренко. Лозунг правых «Путин — в президенты, Кириенко — в Думу» также имел успех. Деньги на все это нашлись прежде всего в государственных монополиях.

Я не смогу описать эту кампанию в деталях. Важен результат: несмотря на некоторое ощущение нечистоплотности проделанной работы, поставленные цели были полностью достигнуты. Помог и сам Путин, его решительность в операциях против чеченских сепаратистов в Дагестане и знаменитое «мочить в сортире» сыграли не последнюю роль. Избиратели с восторгом приняли нового лидера — молодого, умного, энергичного и в то же время простого, похожего на всех, выгодно отличавшегося от первого российского президента, проводившего время на даче за «работой с документами». Маневр с отставкой Ельцина перед миллениумом, трогательная прощальная речь, заявление, что Путин наконец сможет сплотить народ и преодолеть конфликт революционной эпохи, досрочная передача власти преемнику накануне выборов были завершающим аккордом блестящей операции.

Управляемая демократия еще раз продемонстрировала свою высокую эффективность и придала уверенность власть предержащим в том, что они и впредь могут рассчитывать на этот ин-

струмент. При этом как мнение избирателей, так и содержание политических программ борющихся за власть партий не являются существенным аргументом. Важно иметь в распоряжении команду хороших политтехнологов и пиарщиков, не брезгающих никакими средствами, много денег и, главное, власть. Отдавать власть глупо. Смена президента произошла законно, в срок, чего еще нужно? Впрочем, с этими событиями произошла и смена политических вех современной российской истории.

Многие либералы и демократы, еще недавно воротившие нос от дурно пахнущих методов предвыборной борьбы, вздохнули с облегчением, мол, зато курс на либеральные реформы и демократические преобразования будет продолжен. Можно рассчитывать и на политическую стабильность.

6.2. Либеральные реформы в экономике

И действительно, с самого начала новый президент заявил, что курс экономических реформ будет продолжен, более того, получит новый энергичный импульс. Экономическому развитию благоприятствовал и тот факт, что — впервые с 1992 года — правительство при проведении необходимых законов всегда могло опереться на крупный блок центристских и правых фракций во вновь избранной Государственной Думе.

Финансовый кризис миновал, в экономике началось оживление, вызванное кризисом 1998 года: девальвация рубля и дефолт существенно усилили позиции отечественных производителей, снизили их издержки, ослабили давление импорта. Заметно выросли накопления промышленности. Пострадало, конечно, население: его реальные доходы прежде всего вследствие инфляции сократились примерно на треть. Однако народ терпел, радуясь хотя бы своевременным выплатам зарплат и пенсий.

Путин поручил своему давнему питерскому знакомцу Герману Грефу разработать программу экономических реформ, получившую название «программы Грефа». Специально созданный для этого Центр стратегических разработок под руководством Грефа собрал лучшие интеллектуальные силы. Все заделы, созданные прежде реформаторами, были использованы. Закипела работа, привлекавшая внимание всей страны. В итоге определилась основная повестка дня: дебюрократизация, налоговая реформа с целью снижения налогового бремени, реформы естественных монополий, земельная реформа (принятие Земельного кодекса, разрешение оборота сель-

хозугодий), реформа трудовых отношений (новый Трудовой кодекс), пенсионная реформа, реформы образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и др.

Вскоре были подготовлены и проведены через Думу такие важные новации, как плоская шкала подоходного налога, снижение налога на прибыль, законы о лицензировании, об ограничении числа проверок на предприятиях. Разгорелись дискуссии вокруг реформы электроэнергетики. Жизнь забила ключом. Важно, что общество, еще недавно резко отрицательно воспринимавшее рыночные реформы, в целом благожелательно и с надеждой отнеслось к программе Грефа.

Во второй половине 1999 года подоспело повышение мировых цен на нефть, в страну хлынул поток нефтедолларов: в результате стали аккуратно выплачиваться зарплата бюджетникам и пенсии, резко пошла на убыль неплатежи и бартер, улучшился сбор налогов, наполнился бюджет (его дефицит сменился профицитом). В 2000 году на 10% вырос внутренний валовой продукт (ВВП), стал сокращаться внешний долг, висевший дамокловым мечом над пиковым 2003 годом. Все еще жаловались, но жизнь очевидным образом налаживалась. Экономические успехи способствовали популярности молодого президента.

6.3. Укрепление государства

Путин, вне всякого сомнения, считал укрепление государства и преодоление его постреволюционной слабости главной задачей своего президентского правления. Юлия Латынина впоследствии отмечала, что путинский проект подобен самолету с двумя крыльями: одно — либеральные экономические реформы, другое — усиление государственной власти. В этом президент видел свою миссию.

В политике Ельцин, конечно, оставил незавидное наследство: влияние олигархов, самоуправство губернаторов. Общество было весьма расположено к новому лидеру, но каждый ожидал от него своего: выбор политики в будущем неизбежно должен был привести к возникновению у кого-то негативных настроений и усилению оппозиции, поскольку удовлетворить ожидания всех было невозможно. Но поначалу надеяться позволено было всем: коммунистам — на усиление социальной политики, реабилитацию советского прошлого, национал-патриотам — на укрепление государственной власти и заботу о державном величии, либералам — на реформы и становление подлинной демократии. Всем

хотелось порядка, хотелось покончить с анархией и разногосицей, столь характерной для ельцинской эпохи, от которой атрофировалась воля.

Над Путиным довлело распространенное мнение, что он поставлен окружением Ельцина, «семьей» и не будет самостоятелен в своей политике, должен будет все время оглядываться на Волошина, Касьянова, Березовского. Но в то же время было понятно, что теперь все козыри у него в руках и, даже при условии выполнения им взятых на себя перед Ельциным обязательств, он может все решать сам. Будет ли? Заявлением о «равноудалении» олигархов Путин дал понять, что будет самостоятелен, и вскоре доказал это. Кроме того, он привел и свою команду, состоявшую из бывших коллег по КГБ и администрации Собчака.

Расстановка сил в новой Думе была чрезвычайно благоприятной. «Единство» имело достаточно голосов, чтобы, блокируя то с правыми, то с левыми, проводить в жизнь любые решения. ОВР, получив около 13% мест, стремился к сотрудничеству с властями вплоть до полного слияния с пропрезидентской фракцией. Подобный политический дрейф кажется естественным, ибо обе партии представляли прежде всего интересы бюрократии, федеральной и соответственно региональной. СПС претендовал на роль союзника партии власти, находящегося в идейном авангарде. Коммунисты также поначалу поддерживали Путина: первый его думский маневр состоял в том, что почти все комитеты были поделены между двумя самыми большими фракциями. Этим, кстати, он с самого начала показал свое пренебрежительное отношение к демократическому флангу: мало голосов, можно и не считаться.

Началась и работа по перестройке государственных институтов — разграничению полномочий федеральных и региональных властей, реформированию местного самоуправления — ее возглавил Дмитрий Козак. Заметный импульс получила судебная реформа, наконец был узаконен суд присяжных. Новый Уголовно-процессуальный кодекс ограничил права прокуратуры: отныне она не могла самостоятельно выдавать ордер на арест, для этого было необходимо иметь на руках решение суда.

Действия Путина в Чечне в 1999–2000 годах можно оценивать по-разному. Сейчас, после трагедии в Беслане, после попыток решить проблему руками самих чеченцев со ставкой на кланы Кадырова и Ямадаева и превращением федеральной власти в их заложника, многое выглядит иначе. Правда, и тогда разумные люди, такие, как

Примаков, советовали остановиться на Тереке и не стремиться к силовому решению конфликта. Но как в обществе, так и в армии преобладали реваншистские настроения, ожидания, что власть проявит волю к победе. Демократы впоследствии осуждали Анатолия Чубайса за то, что он поддержал активные действия в Чечне и высказался в том смысле, что новая победоносная война необходима для возрождения боевого духа российской армии. Следует одновременно констатировать, что Чубайс лишь выразил преобладавшую точку зрения. Это чувствовал и сам Путин: успехи в Чечне были нужны и для политической стабилизации в России, для укрепления государства, на что были направлены и иные меры, вроде усмирения излишне самостоятельных губернаторов и изгнания олигархов с федеральных каналов. И эти цели были достигнуты.

6.4. Угрозы стабилизации

После революции, как правило, возникает потребность в стабилизации. Однако подобная стабилизация всегда осуществляется действиями самих людей — множеством взаимодействий и противодействий, результаты которых трудно предусмотреть. Когда достигается стабильность, когда общество успокаивается и, казалось бы, обретает способность к созидательной работе, проявляется опасность иного рода — точка или область оптимума может быть быстро пройдена и маятник качнется в противоположную сторону. Недовольные будут наверняка думать, что сделанной работы недостаточно или же они не получили желаемого вознаграждения и т.п. Так на смену эпохе стабилизации приходит период неустойчивости. Хорошо, если массовые взаимодействия приведут к тому, что через относительно непродолжительное время новые институты укоренятся в достаточной степени и колебания маятника войдут в нормальный ритм. Например, установится верховенство закона, укрепятся партии и процедуры свободных выборов, социалисты будут сменять либералов у власти, а потом наоборот — как это происходит, например, в Польше.

Хуже, если силам, толкнувшим маятник укрепления государства за пределы области оптимума, удастся монополизировать власть и использовать ее для того, чтобы осуществить свои идеи, вредные для общества в целом, удержать маятник в новом положении и, например, ликвидировать достижения революции, произвести реставрацию старых порядков, разумеется, в их новом, более привлекательном обличье.

Завоеванием эпохи Горбачева–Ельцина была демократия, явление для России практически новое. Пусть она была не очень привлекательна, управляема и порой препятствовала наведению порядка, все же эта демократия реально функционировала. Угроза стабилизации состояла в том, что ради порядка и безопасности пока еще малые успехи на демократическом поприще будут заморожены, а меры, положившие начало формированию жизнеспособных демократических институтов, сменяются действиями иного характера, свидетельствующими, скорее, о неизбежности национального менталитета. И тогда у скептиков появится возможность сказать: мы же говорили, ничего у вас не выйдет.

Вернемся к образу политики Путина, предложенному Латыниной: с высокой долей вероятности самолет с двумя крыльями разной конструкции может заносить, скорее всего — в сторону укрепления государства. В дальнейшем действия новой власти по укреплению государства развернулись в следующих основных направлениях:

- федерация: построение вертикали власти;
- парламент, партии, избирательная система: повышение управляемости;
- контроль над СМИ;
- усмирение бизнеса.

Посмотрим, что из этого вышло.

Приступая к работе над следующими главами, я долго размышлял над тем, следует ли мне входить в детальное описание новых политических процессов. Все вроде бы и так ясно, и основные итоги можно подвести кратко, в пределах газетной статьи. Однако в результате я пришел к иному выводу: стоит глубже вникнуть в подробности происходящего, ибо, когда стране вновь придется решать задачи демократизации, данный опыт может оказаться чрезвычайно полезным. Кроме того, далеко не все, что кажется простым и однозначным, является таковым на самом деле: *надо знать, что защищать и что зачищать.*

Глава 7 Федерация.

Построение вертикали власти

7.1. Усмирение губернаторов

О том, что целью новой политики является построение вертикали власти, Путин предупредил своих сограждан сразу. Но, как часто случается при отсутствии исчерпывающих разъяснений, каждый истолковал смысл предложенного политического проекта по-своему. Впрочем, мало кто ожидал, что речь идет о восстановлении иерархии власти практически в советском ее виде, с полным подчинением нижестоящих уровней вышестоящим. Наоборот, представлялось, что Федерация, уже вроде бы окончательно утвердившаяся в качестве основной формы регионального устройства России, предполагает не подчинение, а разграничение полномочий между центром и периферией. Так, во всяком случае, определяет суть федеративного принципа российская Конституция. Там же записано, что местное самоуправление не является одним из уровней государственного управления. Отсюда напрямую выводится понятие об относительной независимости федерального, регионального (субъекты Федерации) и местного уровней власти. Вертикаль при этих ограничениях можно строить только при сохранении административной субординации между федеральным центром и его учреждениями в регионах и на местах.

Задача наведения порядка в этой сфере действительно стояла довольно остро. С самого начала были предприняты меры по преодолению самоуправления региональных лидеров, которые еще не вполне отошли от ельцинской «вольницы»: максимальное количество суверенитета, особые полномочия при совместном ведении с федеральным центром, концентрация государственной собственности под своим контролем, формирование по своему усмотрению регионального законодательства, в том числе с нарушением федерального.

Решение проблемы потребовало проведения трех реформ.

- 1) образование семи федеральных округов с поручением полномочным представителям президента (полпредам) привести местное законодательство в соответствие с феде-

ральным. На деле полпреды стали присматривать за губернаторами и подправлять их, когда это было необходимо. Федеральные инспекторы с небольшим штатом появились в каждом субъекте Федерации.

2) введение — в пределах изменений, предусмотренных Конституцией, — нового порядка формирования Совета Федерации, смысл которого заключался в политическом устранении всевластных губернаторов и президентов. Их место заняли ручные представители исполнительной и законодательной власти субъектов Федерации, что во многом копировало германскую систему формирования бундесрата. Кроме того, в результате изменения российского законодательства стало возможным приостанавливать полномочия избранных губернаторов и вводить в регионах прямое президентское правление.

3) образование Государственного совета — совещательного органа во главе с президентом, в котором обиженные губернаторы могли бы «выпустить пар» и продемонстрировать собственное участие в федеральных делах. Поскольку фактически права губернаторов были урезаны, в качестве компенсации они приобрели возможность управляться с руководителями муниципалитетов аналогично тому, как федеральный центр намеревался действовать в отношении самих губернаторов.

Кроме прочего, доля регионов в доходах консолидированного бюджета за три года снизилась с 50 до 41%, а Федеральная налоговая служба и Казначейство стали жестче контролировать движение финансовых ресурсов в регионах в интересах центра.

С местной самостийностью было покончено. Многие политики и эксперты возражали, утверждая, что централизация нанесла ущерб федерализму и демократии. Но, поскольку демократии в регионах было много меньше, чем в самом центре, подобные утверждения не нашли отклика ни у власти, ни у населения. Впрочем, после реализации указанных изменений демократии в регионах не прибавилось.

Бывший губернатор о своих коллегам

Из интервью сенатора от Тюменской области Л. Рокецкого «Независимой газете»: «НГ: Существует мнение, что история

с Дмитрием Аяцковым (против Саратовского губернатора Аяцкова в феврале 2003 года прокурор области выдвинул об-

винение в превышении служебных полномочий, а генпрокуратура через какое-то время иск отозвала. — Е.Я.) — лишь начало серии репрессий по отношению к губернаторам „ельцинского призыва“...

ЛР: Я тоже был губернатором. И те, о ком вы говорите, это мои знакомые, друзья или приятели. При Ельцине мы — губернаторы, главы администраций — вели себя намного скромнее и больше работали, потому что было такое бурное „революционное“ время. 91-й, 93-й — это годы забастовок, невыплат зарплат, встреч на митингах. Мы вынуждены были быть все время на виду у людей, решать их проблемы. Были вышколены этой обстановкой. И мало кого волновало, удастся ли заработать на этом авторитет или нет. Но уже в конце 90-х, когда стало чуть-чуть спокойнее, я увидел, что некоторые мои друзья стали отходить от демократических принципов организации власти. Я бы сказал, у региональной власти появился некий привкус „феодализма“. Развито чинопочитание, лизоблюдство. Люди пытаются крепко держать в своих руках все кадровые назначения. И получается, что те же мои коллеги, которые в 90-х годах боролись за демократические принципы, вдруг начали проявлять в руководстве какие-то элементы сталинистского толка.

Вот многие полагают, что в нашей стране выстраивается жесткая вертикаль

власти. На самом деле нет этой вертикали. Потому что в каждом регионе своя „феодалная“ власть. К тому же отсутствует единое правовое поле. Между тем единая вертикаль необходима. В каждом регионе должны действовать одинаково, согласно закону, а не в угоду губернатору. Те демократические основы, которые были заложены нами в 90-е годы, надо развивать, а не останавливать. Там, где их оставят, люди региональную власть сметут.

Когда считаешь закон, выясняется, что губернатор не может организовывать Совет безопасности, не имеет права решать вопросы пенсионного обеспечения... А он все это привык делать и преподносить публике как заслугу. И никто не задумывается, что губернатор действует вопреки законодательству» (Независимая газета. 2004. 3 июня).

Стоит напомнить, что были губернаторы первого демократического призыва — Немцов, Прусак, Титов, Кресс, Николай Федоров, Рокецкий. А были бывшие первые секретари, такие, как Горячев в Ульяновске. Были «красные», как Кондратенко на Кубани, Суриков на Алтае, Строев в Орле. Были крепкие хозяйственники и бизнесмены, как Лужков, Россель, Ишаев. Все они вели себя по-разному, но практически все были авторитарны и самостоятельны настолько, насколько им позволяла федеральная власть. Сейчас она позволяет намного меньше...

Права губернаторов были урезаны, за ними был установлен более жесткий контроль, однако — в отведенных рамках — это не мешало им оставаться феодальными владыками, как в свое время и советским секретарям обкомов, и — в меньшей степени — царским генерал-губернаторам.

Отмена прямых выборов губернаторов

Через некоторое время даже та малая, оставшаяся после реформы свобода в действиях региональных лидеров показалась власти избыточной. На региональных выборах зачастую оказывались избранными не-кремлевские кандидаты. Возникли определенные трудности в северокавказских республиках — за исключением раз-

ве что Дагестана, где было найдено решение, отвечающее местным условиям, — Государственный совет с национальным представительством. Региональные лидеры, сроки полномочий которых подходили к концу, проявляли известную активность, стремились сохранить за собой кресло местного начальника (например, новгородский губернатор Михаил Прусак, не видевший себе достойной замены). Именно такие люди и поставили вопрос об отмене выборов губернаторов и назначении их решением центра. Разумеется, подобная инициатива нашла полное одобрение в Москве. После президентских выборов 2004 года и бесланской трагедии в качестве одной из мер по противодействию терроризму Владимир Путин предложил отказаться от прямых выборов глав регионов и заменить их выборами в законодательных собраниях по представлению президента, т.е. практически назначать губернаторов. При обсуждении закона в Думе Кремль пошел на единственную уступку: при двукратном неутверждении президентского кандидата региональные законодатели получили еще один месяц на согласительные процедуры. После этого Путин заявил о возможном возврате в Совет Федерации уже назначаемых и, значит, более послушных губернаторов — судя по всему, в качестве участников заседаний Совета Федерации по важнейшим вопросам, с сохранением статуса сенаторов, представляющих губернаторов и работающих на постоянной основе. Журналист Л. Радзиховский назвал эту операцию «мудрым ходом»: если смена ельцинской модели на немецкую была разумной, то возвращение в Совет Федерации назначаемых губернаторов — мера более чем умная, «мудрая», ибо при полной губернаторской лояльности сохраняется видимость усиления их роли в решении не только региональных, но и общегосударственных проблем. Заодно, кстати, отпадет надобность и в Государственном совете, который можно будет беспрепятственно закрыть. Он уже выполнил свою роль клапана для спуска пара изганных из Совета Федерации губернаторов.

7.2. Местное самоуправление и гражданское общество

Другое важное звено в вертикали власти — взаимоотношения между субъектом Федерации и местными органами. Напомню, Аристотель считал, что демократия возможна только в полисе, общине численностью не более 5 тыс. членов. Алексис де Токвиль в своей классической работе «Демократия в Америке» рассматривал ту же проблему немного иначе: «Без общинных институтов

нация может сформировать свободное правительство, однако истинного духа свобода она так и не приобретет» (цит. по: Либоракина 2003: 6).

Безразличие к «средней культуре»

Я вспоминаю рассказ бывшего министра труда Российской Федерации Г. Меликьяна после посещения им одного поселка в Ленинградской области где-то в 1997 году: «Облупленные „хрущобы“, грязные подъезды без света с выбитыми стеклами. Непролазная грязь вокруг. В домах все время отключают тепло, воду, электричество. Жители жалуются: жить невозможно стало. Спрашиваю, а вы что-то предпринимали, пытались сделать? Ведь котельная у вас под боком, вода — тоже. У вас здесь местная власть, которую вы сами выбирали. Можно что-то сделать своими руками. Почему вы ждете заботливого начальника или доброго дядюшку. В ответ — молчание. Безнадега!»

Думаю, весьма типичная для России картина: квартал, район, город приобретают пристойный вид только при наличии деятельных активистов среди жильцов или же энергичных местных руководителей, болеющих за общее дело. Если таковых нет — все приходит в запустение. Чаще всего люди равнодушны, апатичны, делать что-нибудь сообща для собственного благоустройства не хотят. Как говорил Николай Лосский, для русских характерно безразличие к «средней области культуры» (Лосский 1991: 56): дома у них — порядок, государево дело в почете, но за порогом дома — разруха. Поэтому, наверное, мы так дивимся облику европейский городов, так безнадежно киваем в свою сторону.

Власть предрасположена в такой ситуации стоять перед альтернативой: 1) рассчитывать на активизацию общинной (коммунальной) жизни и всячески ей содействовать, принуждая граждан брать на себя ответственность и участвовать в общественных делах и создавая пространство для конкуренции при выдвижении местных лидеров; 2) не тратить много времени и сил на эту малопродуктивную работу, самим назначить начальника, дать ему деньги и власть над этим «стандом»: даже если он украдет, всегда будет с кого спросить.

Прежде чем сделать выбор, надо задуматься, а почему так вышло, почему мы такие? Главная причина состоит в том, что исторически власть всегда предпочитала свободному и ответственному выбору людей контролируемое и падкое до взяток начальство (см. ниже, в разделе 12.2, дискуссию о национальном характере и культуре), потому что «государевы дела» и эфемерное величие державы всегда яв-

лялись приоритетом для внутренней политики России. Если это так, то следует иметь в виду, что еще один выбор в пользу начальника будет означать предпочтение старой наезженной колеи дороге к храму.

Международный опыт: федерализм конкурентный или кооперативный

Отмеченная альтернатива отчасти находит свое соответствие в международном опыте управления: первая — в англосаксонской модели, точнее — в автономной модели местного самоуправления, исключаяющей участие государства и устанавливающей его зависимость лишь от воли избирателей. Характерно, что автономная модель, кроме Великобритании, США, Канады, Австралии и Индии, апробирована также в скандинавском регионе, Нидерландах и Швейцарии, т. е. в странах с высоким уровнем развития гражданского общества, ближе всего стоящих к «демократии участия».

Вторая альтернатива, чисто бюрократическая, в демократических странах практически не встречается, существует так называемая смешанная или континентальная модель, предусматривающая контроль государственных органов над местным самоуправлением или же некую субординацию между ними, делегирование местным органам ряда государственных полномочий с соответствующим финансированием (Франция, Германия, Италия, Испания). В англосаксонской модели предполагается фискальная автономия (самостоятельное установление местных налогов и сборов), в континентальной модели — расщепление федеральных налогов на доли разных уровней власти при утверждении годовых бюджетов) и субсидирование местных бюджетов с целью финансового выравнивания (Либоракина 2003: 32–38). Мне кажется убедительным предложенное Хорстом Зибертом противопоставление двух типов федерализма, касающееся и местного самоуправления: *федерализм кооперативный или перераспределительный*, предполагающий фискальное выравнивание и длительные переговоры по любому вопросу (Германия), и *федерализм конкурентный* с фискальной автономией и стремлением каждой общины, каждого региона привлечь к себе бизнес и налогоплательщиков, как в США (Зиберт 2003: 197–198). В эту классификацию следует также включить *федерализм унитарный*, наше отечественное изобретение, при котором все решается в центре или на вышестоящих уровнях, а ответственность возлагается на регионы, — при полном формальном соблюдении конституции и узаконенном разграничении властных полномочий.

Первые шаги

В СССР существовала единая иерархия Советов народных депутатов, включавшая местные Советы и выполнявшая государственные функции. В 1990 году был принят Закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», на бумаге признавший местное самоуправление «самоорганизацией граждан», но в реальной жизни не имевший значимых последствий. Конституция 1993 года определила местное самоуправление как самостоятельное решение населением вопросов местного значения, в том числе установление местных налогов и сборов (Конституция 1993: 130), т. е. подтвердила выбор в пользу автономной модели. В то же время законодательство предусматривало и право на делегирование органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий с передачей им необходимых финансовых и иных средств (Там же, 12).

Из всего сказанного можно заключить, что государство оставляло себе возможность использования смешанной модели, близкой к континентальной. В 1998 году Россия ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления, принятую в 1985 году и примирявшую англосаксонскую и континентальную модели в отношении передачи местным органам значительной части государственных функций и управления в рамках закона и в интересах населения (Либоракина 2003: 48).

В 1995 году был принят Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», конкретизирующий положения Конституции. Он вводил понятие «муниципального образования» и определял его неотъемлемые характеристики: муниципальная собственность, бюджет, выборные органы местного самоуправления и устав. В Законе содержался также перечень из 30 вопросов, относящихся к ведению органов местного самоуправления.

Такова законодательная база, созданная к началу путинского президентского правления. А практика? Для практики характерно постоянное и широко распространенное противостояние региональных и местных властей — в борьбе за полномочия, за собственность, за деньги. Наиболее вопиющим было так называемое «удмуртское дело» 1996 года, когда по инициативе главы администрации Удмуртии В. Волкова парламент республики принял Закон о ликвидации органов местного самоуправления путем замены выборов глав местных администраций их назначением. Тогда Конституционный суд Российской Федерации вынес решение о неконсти-

туционности этого Закона и отменил его. Сходное решение было принято и в отношении Конституции Республики Коми. Впрочем, финансирование органов местного самоуправления повсюду зависело от субъектов Федерации. По данным Института экономики города, в 1999–2002 годах доля собственных источников местных бюджетов в общем объеме их доходов сократилась с 13 до 5%. Постоянный и нарастающий дефицит средств не позволял и не позволяет им действительно выполнять свои функции (Там же, 59).

В докладе Государственного совета Российской Федерации о местном самоуправлении, в частности, отмечается: «Практика... отходит от представления о местном самоуправлении как институте гражданского общества. Зачастую она сводится к организации режима власти, обеспечивающего личные и корпоративные интересы муниципальных должностных лиц». Проблемы местного самоуправления можно сформулировать так: недостаток финансирования и демократии.

Комиссия Козака и новый закон

В такой обстановке комиссия во главе с Дмитрием Козаком начала работу над новой редакцией Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления». Надо сказать, что деятельность комиссии отличалась открытостью и публичностью, что вообще свойственно стилю управления Козака. Выслушивались все мнения, привлекались все заинтересованные стороны. Главная проблема состояла в том, что следовало определить основной вектор развития: с одной стороны располагались демократия и фискальная автономия, а стало быть, и создание условий для становления гражданского общества, с другой — огосударствление местного самоуправления и превращение его в нижний уровень государственной власти. Итак, автономия или континентальная модель? Выбор в итоге пал на последнее.

О таком выборе сигнализировал прежде всего тот факт, что за органами местного самоуправления оказались закреплены лишь полномочия для решения дел локального масштаба. К ним относятся распоряжение муниципальной собственностью, формирование и утверждение местного бюджета, предоставление услуг дошкольного, основного общего и профессионального образования, занятость населения, благоустройство и дорожное строительство, содержание дорог местного значения. Дело в том, что подобное разграничение присутствовало уже в Законе 1995 года, а в новой редак-

ции список расширен не был. Финансирование этих полномочий должно осуществляться за счет доходов от налогов, закрепленных за местным бюджетом, и трансфертов вышестоящих бюджетов. Сами муниципальные образования никаких налогов и сборов устанавливать права не имеют, в их ведении находится только плата за аренду муниципальной собственности. Сбор же налогов осуществляют федеральные налоговые органы.

Кроме того, местным органам *делегированы государственные полномочия*, которые должны быть обеспечены финансированием из централизованных источников. В целом, как было указано, доля собственных финансовых источников региональной власти составляет мизерную величину. О финансовой автономии в таких условиях не может быть и речи: кто платит, тот и заказывает музыку.

Одновременно в новом законе содержатся важные новации, касающиеся введения двухуровневой системы органов местного самоуправления, к которым отнесены как власти поселений, так и административных районов. Последние как раз и нагружены государственными полномочиями и действительно являются органами государственной власти. При этом их формирование основано не по субсидиарному принципу, т. е. они не избираются (в реальности подотчетными им) муниципальными образованиями, что в силу финансовой самостоятельности глав административных единиц кажется вполне естественным.

Можно сказать, что в конечном счете восторжествовал «реализм», исходящий из признания неспособности нашего населения нести ответственность за ведение дел даже местного значения. Несмотря даже на то, что многочисленные доказательства позитивного опыта успешной самоорганизации местных общин, накопленные Конгрессом муниципальных образований, Институтом экономики города, Агентством муниципального и регионального развития и другими организациями, были своевременно представлены в правительство.

На дискуссии в Фонде «Либеральная миссия» мэр подмосковного города Дзержинский В. Доркин сказал: «Сама суть закона представляет опасность для муниципальных образований, которые за эти годы стали лидерами, достигли определенных успехов, потому что они неудобны как губернским, так и федеральным властям. В этих муниципалитетах живут самостоятельные люди, которые могут отстаивать свои права и сформулировать свою точку зрения. Поэтому в первую очередь реформа затронет эти муниципальные

образования. Их будут включать в состав районов, урезать бюджеты. С ними поступят так, чтобы им не хотелось свободы» (Либоракина 2003: 140).

Новый Закон о местном самоуправлении фактически равняется на отстающих и подводит всех остальных под один ранжир, убивает те ростки демократического самоуправления и гражданского общества, которые в трудные годы реформ проявились на местном уровне. Следовало бы, наоборот, ввести критерий для дифференциации местного самоуправления, давая больше возможностей тем, кто показывает активность и добивается успеха. Но развивать эту мысль здесь, увы, я не могу, у меня другая задача: показать, что происходит с российской демократией и гражданским обществом в течение последних лет. Очевидно, что и в этом случае движения вперед не происходит.

Ключ к решению проблемы местных органов власти — финансовая автономия. По сути, Козак все время работал над законом в условиях своего рода обструкции со стороны финансовых ведомств, которые, впрочем, не отказывались от сотрудничества и готовили необходимые поправки в Налоговый и Бюджетный кодексы. Ведущего специалиста Министерства финансов А. Лаврова я знаю как сторонника конкурентного варианта бюджетного федерализма и фискальной автономии, который тем не менее честно исполняет установки руководства. Доказывая преимущества предложенного законопроекта, Лавров, в частности, отметил, что если он не будет принят, то придется забыть: 1) о защите низших региональных бюджетов от необеспеченных федеральных мандатов; 2) об отчислениях в региональные и местные бюджеты на основе твердых нормативов.

«Сложно представить, — сказал он, выступая на дискуссии в Фонде „Либеральная миссия“ 6 марта 2003 года, — какое жесточайшее сопротивление в Министерстве финансов и правительстве вызвало введение этих нормативов» (Там же, 95). И правильно вызвало, добавлю я от себя: твердые нормативы создают непреодолимые трудности для бюджетного планирования и связывают руки Министерству финансов в вопросах, требующих гибкого решения. Следует признать права каждого уровня публичной власти устанавливать свои налоги и сборы, перейти к конкурентному федерализму.

Лавров верно замечает: «Пока большинство налогов выплачивается не физическими, а юридическими лицами по месту

их размещения, очень трудно будет перейти к принципу „один бюджет — один налог“» (Там же, 97), — это основной принцип конкурентного бюджетного федерализма. Следует констатировать, что на крупные шаги правительство пока не готово, поэтому они либо медлят, либо предполагают решить все проблемы через централизацию власти.

Новый закон о местном самоуправлении прошел в Думе второе чтение 11 июня 2003 года. Благодаря поддержке проправительственных фракций и авторитету Козака «за» проголосовал 231 депутат; «против» был подан 171 голос (38,7%). Такое редко случилось в уже тогда послушной Думе. Накануне Министерство финансов ознакомило депутатов с проектами изменений, которые оно намеревалось предложить для внесения в Налоговый и Бюджетный кодексы. Правительство же эти предложения до дебатов в Думе рассмотреть не успело.

Будут ли назначать мэров?

После предложений президента о фактическом назначении губернаторов ситуация видится в несколько ином свете. Представляется очевидным, что назначенцы будут с большими основаниями требовать полного построения вертикали власти.

Губернатор Краснодарского края А. Ткачев, выступая в защиту предложений президента об отмене выборности глав субъектов Федерации в одной из передач В.Соловьева «К барьеру», прямо заявил: «Да, я уже выгнал 30 глав районов из 48 за неспособность». Напомню, в 1990-х годах аналогичные действия главы Удмуртии Волкова привели к рассмотрению дела в Конституционном суде, который признал их противоречащими Конституции. Атмосфера меняется: в 2004 году подобные инициативы Ткачева уже не вызывают у власти реакции отторжения.

Когда вопрос с назначением мэров уже казался решенным, а число губернаторов, выступивших в поддержку инициатив президента, значительно выросло, разнесся слух, что с реализацией проектов реформ регионального управления в Кремле решили несколько повременить, ибо усмотрели в них совершенно откровенное, не поддающееся юридическим кривотолкам нарушение Конституции. «А на это, — будто бы сказал сам президент, — мы не пойдем». Впрочем, большинство экспертов скептически смотрят на перспективы федерального развития России и склоняются к мысли, что речь идет не о принципиальном отказе от идеи строительства

вертикали, а о стремлении действовать последовательно, не накаляя обстановку, давая общественности возможность примириться с тем, что было сделано прежде.

Думается, что выборность губернаторов гораздо менее важна для нашего будущего, чем самостоятельность местного самоуправления, которой по-прежнему грозит полное уничтожение.

Глава 8 Партии и парламент

Народное представительство, разделение властей и политическая конкуренция входят в число неотъемлемых, наиболее фундаментальных свойств демократического государства. Парламент реализует идею народного представительства и выполняет функции законодательной власти, образуя центральное звено в системе разделения властей. Исполнительную власть также возглавляют лица, избираемые через прямые выборы или через парламент, который наряду с судебной властью противостоит власти исполнительной — как институт общественного контроля, как противовес потенциально возможному авторитаризму.

Партии реализуют идею политической конкуренции, условия которой могут быть и неравными. Страна считается демократической только в том случае, если ее политический спектр содержит по меньшей мере две партии, которые имеют реальные шансы прийти к власти в результате выборов.

8.1. Партийное строительство

Известный экономист лорд Роберт Скиддельский утверждал: «В настоящих демократиях политические партии создают президента. В России президент создает партии» (Ведомости. 2005. 18 декабря). Попытаемся разобраться, в чем дело, и понять, почему к последним парламентским выборам ситуация оказалась хуже, чем была, скажем, в 1993 году.

Современная демократия — высокоорганизованная политическая система, в рамках которой те граждане, которые стремятся выразить свои предпочтения и защитить собственные интересы в парламенте, создают политические партии и участвуют в политической жизни страны. Именно партии, а не отдельные граждане вырабатывают программы и выдвигают лидеров, которые позволяют избирателям, сравнивая разные программы и разных лидеров, определять свои предпочтения. Вне партий кандидаты, если они до этого уже не завоевали популярности, практически не имеют шансов быть избранными, поэтому политические партии играют важ-

ную роль в жизни всех без исключения демократических стран. Партии суть институт открытой легальной публичной политики, в случае их отсутствия или слабости политическая борьба протекает в скрытой, нелегальной и непубличной форме.

Вырождаются ли политические партии?

В последнее время политологи обращают внимание на то обстоятельство, что во многих вполне демократических странах политические партии утрачивают былое значение. Выражение интересов тех или иных социальных слоев, идеологическая роль партийных программ — все это уходит в прошлое. Во время избирательных кампаний на сознание избирателя обрушиваются потоки пиара и нечистоплотного компромата. На первом плане оказываются внешняя привлекательность и красноречивость лидеров, а партийные съезды превращаются в красочные шоу. Чаще всего в качестве примера приводятся США, где демократическая и республиканская партии как бы «играют» в конкуренцию, но в конечном счете у власти, независимо от конкретного выбора граждан, оказываются одни и те же силы — крупный капитал и бюрократия. Предвыборные обещания редко исполняются: республиканцы делают примерно то же, что до них делали демократы, и наоборот.

Впрочем, мне ситуация видится несколько в ином свете. На деле оказывается, что партии все же имеют разные избирательные базы: демократы всегда опираются на либеральную (в американском смысле, т. е. левую) интеллигенцию, профсоюзы, национальные меньшинства, средний и малый бизнес. Республиканцы — консерваторы, популярные в американской глубинке, — на самом деле представляют крупный бизнес. Партии всегда предлагают разные точки зрения, критикуя своих оппонентов: демократы выступают за повышение роли государства, за социальные программы; республиканцы — наоборот, за уменьшение роли государства, сокращение налогов, за более либеральную (в нашем смысле) экономику. Сходство реальной политики объясняется просто: независимо от партийных пристрастий элита старается действовать в национальных интересах. В отношении национальных интересов и тех ограничений, с которыми следует считаться победителям, существует единая позиция. Таким образом, поле разногласий сужается, и если бы кто-то стал действовать иначе, оппоненты и СМИ немедленно отметили бы произошедшие отклонения. Такой порядок гарантирует стабильное и динамичное развитие.

Иногда высказывается мнение, что политические организации вытесняются некими информационными партиями (Марков 2004: 22), основанными на господстве медиагрупп или корпоративных кланов. Подобного рода вещи действительно встречаются в современном мире, в форме эксцесса это можно наблюдать и в России, где вообще склонны «видеть бревно в чужом глазу». Так что, на мой взгляд, слухи о вырождении политических партий сильно преувеличены.

В СССР существовала одна партия. Уже поэтому ее нельзя считать подлинной, поскольку партии создаются для участия в политической борьбе, подразумевающей конкуренцию. КПСС рухнула вместе с режимом, побежденная движением «Демократическая Россия», не имевшим по итогам выборов 1990 года большинства мест в Верховном Совете РСФСР. Во времена своего расцвета это была внепарламентская сила, но вскоре после событий августа 1991 года она распалась. Ельцин тогда не захотел стать лидером той или иной политической организации, так как боялся потерять личную популярность, связав свое имя с одной из группировок. Этот факт уже с самого начала предопределил низкую значимость партий в России. То же случилось и на выборах 1993 года: Ельцин был объявлен отцом всех россиян, а по итогам голосования победу праздновал В. Жириновский.

В 1993 году по инициативе депутата В. Шейниса была принята смешанная пропорционально-мажоритарная система парламентских выборов, главная идея которой состояла в укреплении партий: этому способствовало пропорциональное распределение мест в Думе по числу голосов, полученных по партийным спискам. Однако реального позитивного эффекта эта мера не принесла. Партии не стали играть важную роль в политической жизни, не завоёвывали признание граждан.

Причины слабости российских партий

Вячеслав Никонов выделяет следующие причины слабости партий в новой России (Никонов 2004: 52-54):

1. *Слабая дифференциация интересов социальных групп и низкий уровень осознания ими своих групповых интересов.*

Правда, создание партий могло бы содействовать осознанию общности интересов. Многие политические группы предпринимали попытки непосредствен-

ного обращения к поддерживавшим их социальным strатам, но население не реагировало на партийные призывы. Но почему? Этот тезис не отвечает на вопрос, а заставляет задавать новые.

2. *Отсутствие государственной политики, нацеленной на формирование действенной партийной системы.*

Этот тезис проблематичен: почему партийным строительством дол-

жно заниматься именно государством?

3. *Регионализм российской политики: после распада СССР складывались не столько федеральные партии, сколько многочисленные региональные организации.*

Судить сложно. В этом случае подобные организации могли бы победить на выборах только в своем регионе. А сегодня «Единая Россия» и КПРФ имеют свои организации во всех частях России.

4. *Отсутствие исторической традиции политической борьбы, организованной по партийному принципу.*

Бесспорно, в относительно краткий период русской истории с 1905 по 1917 год партии не имели возможности влиять на решение ключевых государственных проблем.

5. *Апогей партийного строительства в постсоветской России пришелся на «антипартийную эру».*

Дискредитация КПСС придала самому термину «партия» негативное

звучание. Россияне не понимают, зачем нужны партии, и отрицательно относятся к их деятельности. Отсюда, в частности, и популярность модели «непартийной власти».

6. *Когда шла борьба с КПСС, был принят ряд норм законодательства, ограничивающих роль любых партий, включая запрет на совмещение партийных и государственных постов, чего нет нигде в мире, или признание в качестве участников избирательного процесса не только партий, но и общественных организаций, например, общества сабоководов. Последняя норма устранена только в 2002 году.*

7. *Наконец, главное: партии сильны настолько, насколько значим «приз», за который они борются.*

Пост президента, премьер-министра более значим, нежели возможность организовать парламентскую фракцию. В России отсутствует реальная политическая конкуренция, партии не допускаются к борьбе за главный приз — власть.

И это, я думаю, основная причина слабости наших партий: никто не собирался делиться с ними властью, которая передается на персональной основе. В. Путин тоже стал президентом не как лидер партии, он лишь симпатизировал одной из них, получившей большинство голосов и приобретшей имидж «партии власти», реальными рычагами влияния при этом не располагая. Вдумайтесь в само понятие «партия власти»: такая партия голосует за «власть», но не формирует программы и не выдвигает лидеров. Тем не менее партии в России формально функционируют начиная с выборов 1993 года, и их развитие дает немало пищи для размышлений.

В выборах 1993 года участвовали партии, возникшие спонтанно, «снизу», за исключением, возможно, ЛДПР, про которую говорят, что ее создал КГБ в противовес силам демократии. ЛДПР, впрочем, уже переросла (если это правда) своих «изобретателей» и нашла своего избирателя. ДВР называют партией власти того времени, однако не власть ее создавала. Эта партия выросла на обломках «Демократической России», выбрала новым лидером Гайдара, после 1992 года осознавшего всю невозможность оставаться технократом, как бы ему ни претила политика. В октябре 1993 года он

ушел к зданию Моссовета вопреки воле своего начальника Виктора Черномырдина, который впоследствии поддержал совсем другую партию — Партию единства и согласия (ПРЕС), куда ушли С. Шахрай, А. Шохин, Г. Меликьян, считавшие позицию Гайдара слишком радикальной. Затем Черномырдин сформировал партию «Наш дом — Россия» (НДР), первую «партию власти» в современном смысле слова. «Яблоко» было с самого начала самостоятельной силой, принципиально противостоявшей либеральным реформаторам как демократическая оппозиция. Ситуация с КПРФ представляется вполне очевидной.

Накануне выборов 1995 года в умах кремлевских политстратегов созрела мысль о создании двухпартийной системы. Собственно с этого времени начинается партстроительство в квазисоветском смысле, которым занимались не сами партии, а современный аналог ЦК КПСС или имперского двора — Администрация Президента РФ. Партию власти — НДР — возглавил Черномырдин, на место левого лидера прочили И. Рыбкина. Впрочем, из этой затеи ничего не вышло. НДР удалось набрать 10,13% голосов по партийному списку (т. е. меньше, чем ЛДПР), а левая партия вообще не состоялась. Политтехнологии еще не были отработаны, административный ресурс не функционировал столь четко, как это происходит сегодня. В то же самое время выборы показали более или менее реальные предпочтения россиян.

Новейшее развитие

В 1999 году ситуация уже была существенно иной. Кремлевская администрация предприняла все возможное, чтобы предотвратить победу партии Лужкова–Примакова (ОВР), которая казалась практически неизбежной. Власть не могла опереться на СПС — преемника ДВР, поскольку партия либеральных реформаторов считалась в народе виновником всех современных российских бед — от либерализации 1992 года и приватизации до дефолта 1998 года. СПС в любом случае не мог набрать большинства голосов и стать конкурентом ОВР и КПРФ. Тогда был придуман, согласно ряду версий — Б. Березовским, гениальный выход из ситуации — создать новую партию, народную, и «раскрутить» ее с применением всех мыслимых и немыслимых технологий. Новая партия не имела определенной идеологии, но равнялась на популярных лидеров. Первыми из них были С. Шойгу и могучий борец А. Карелин. Вслед за тем Путин, очаровавший россиян лозунгом «мочить в сортире», намекнул из-

бирателю, что он будет голосовать за новую партию, «Единство». Крохи его симпатий достались СПС, один из лидеров которого — С. Кириенко положил на стол будущему президенту увесистый труд, содержащий программу реформ. СМИ, за исключением НТВ илевой прессы, как могли пропагандировали новую партию.

Вложение средств оправдало себя и «управляемая демократия» победила: «Единство» заняло второе место после КПРФ (23,2% против 24,3%), а с учетом одномандатников, примкнувших к партии власти, — первое. ОВР набрал всего 13%. Власть также могла рассчитывать и на СПС — 8,5%. Впрочем, и КПРФ, и ЛДПР были вполне открыты к сотрудничеству.

Однако Кремлю этого показалось мало. Складывается впечатление, что кому-то за зубчатыми стенами все время надо было доказывать свою необходимость. Первый маневр власти состоял в компромиссе с коммунистами: все комитеты Думы были поделены на две части, между «Единством» и КПРФ. Может быть, кремлевским политтехнологам вновь померещилась американская двухпартийность — КПРФ могла бы выполнять функцию социал-демократов.

Второй маневр — союз с ОВР, что кажется вполне естественным, ведь обе партии представляли разные группы бюрократии. До выборов борьба шла за высший пост, за ключевые позиции, за личную безопасность и безопасность капиталов. Теперь эти вопросы разрешились, продолжение борьбы было не в интересах бюрократии, всегда предпочитающей жесткую властную вертикаль. Различия во взглядах и в идеологии в данном случае представляются менее важными. Кремль принял Лужкова и Шаймиева под свою опеку, появилась «Единая Россия», консолидированная партия власти, которая вместе с группами «Регионы России» и Народной партией Геннадия Райкова получила в Думе конституционное большинство. Ни коммунисты, ни правые больше власти нужны не были, произошло перераспределение думских комитетов. «Единая Россия» нуждалась в едином лидере, доверенном лице президента. Первым в этой функции выступил Б. Грызлов, вначале совмещавший партийное лидерство с постом министра внутренних дел. После усмирения губернаторов и консолидации партии власти административный ресурс в руках Кремля стал работать значительно эффективнее.

Опасность отныне могла исходить только от внутренних разногласий в самой кремлевской администрации, которая полностью управляла и партийным строительством, и обеими палатами

парламента. В какой-то момент борьба группировок привела к тому, что «силовики», питерские чекисты, пришедшие с Путиным, стали пропагандировать Народную партию в противовес «Единой России», слепленной А. Волошиным и В. Сурковым, представителями так называемой «семьи». Вскоре все встало на свои места: ушел Волошин, а вслед за ним, уже накануне президентских выборов — Михаил Касьянов. Семейная группировка оказалась рассеяна. Райков также перестал интересоваться новой президентскую команду.

Третий акт партийного строительства сверху — парламентские выборы 2003 года. Насколько я понимаю, главная задача власти тогда состояла в получении конституционного большинства, что позволило бы свободно менять Конституцию в следующем избирательном цикле. Достижение подобной цели требовало обеспечения полного доминирования «Единой России» и поражения КПРФ. Все главные СМИ непрерывно показывали репортажи с участием Путина, Грызлова, Шойгу. Губернаторы получили особые разнарядки с указанием процента, который должна была набрать на выборах «Единая Россия». В качестве противовеса КПРФ возникла «Родина» С. Глазьева и Д. Rogozина: джинн был неосторожно выпущен из бутылки, так что впоследствии пришлось разбивать союз этих политических лидеров.

Давление на правых в тот момент было явно излишним, следовало лишь умело воспользоваться царящими в их стане противоречиями. Когда речь заходит о причинах поражения либеральных партий на выборах 2003 года, наряду с прочими факторами следовало бы отметить, что в глазах многих избирателей место правой партии заняла «Единая Россия». Партия власти и сам президент воспринимались как сила либеральная и демократическая и к тому же были овеяны духом патриотизма и государственности, которых правым явно не хватало.

В итоге мы стали свидетелями полного триумфа «управляемой демократии»: власть получила конституционное большинство в Думе, так как одномандатники почти в полном составе перебежали во всевластную фракцию «Единой России». КПРФ потеряла значительное число мест и оказалась под угрозой раскола. «Полупартийную» модель можно считать окончательно построенной — на основе главной партии, вокруг которой ручные ЛДПР и «Родина» устраивают игры в оппозицию. Важно, что нарисованная картина является плодом трудов кремлевской администрации, партийного строительства сверху.

Еще недавно в робких ростках протопартий можно было различить перспективы многопартийной системы, стоило лишь повысить ценность политического «приза». В настоящий момент партийная площадка окончательно зачищена. Какая в этом необходимость? С точки зрения развития демократии, даже управляемой, — никакой: с 1999 года Дума была вполне управляема. С точки зрения усиления личной власти президента или власти его команды — независимо от выборов и от завершения сроков законных полномочий — да, была. При этом все встает на свои места.

8.2. Избирательная система

Избирательная система должна быть построена так, чтобы, с одной стороны, обеспечивать представительство во власти всех слоев населения, а с другой — отбирать лучших, быть каналом рекрутирования в элиту одаренных, умных, энергичных и вместе с тем толерантных, договороспособных руководителей. Требования эти весьма противоречивы. Та избирательная система будет лучшей для данной страны в данных условиях, которая будет держать все эти условия в равновесии. С точки зрения тех, кто уже обладает властью и ценит ее больше, чем абстрактные демократические ценности, лучшими кандидатами в представительный орган окажутся не просто вменяемые, но управляемые, послушные люди. Здоровое требование может быть доведено до абсурда.

В последние годы в избирательное законодательство были внесены многочисленные, в том числе и весьма разумные, поправки. Одновременно они привели к тому, что процесс формирования парламента оказался подконтролен исполнительной власти во главе с президентом. Я подчеркиваю — во главе с президентом, ибо в современной российской ситуации глава государства может считаться стоящим над всеми ветвями власти. Вообще принцип разделения властей не согласуется с построением силовой вертикали. Новейшие инициативы президента, как я постараюсь это показать, продолжают и развивают избранную однажды политическую стратегию.

Представительность или эффективность

Как известно, при всем многообразии форм существуют два основных типа избирательных систем — пропорциональная и мажоритарная. Первая создает наиболее полное представительство, при этом способствует прохождению в парламент большого числа партий, что снижает его работоспособность. Мажоритарная

система, напротив, отдает победу одному из многих, тому, кто получил на выборах наибольшее число голосов. Тем самым она больше нацелена на отбор лучших (с учетом случайностей, разумеется) в ущерб представительности. Крайности обеих систем снимаются: при пропорциональной системе введением процентного барьера, который должна набрать партия, чтобы пройти в парламент; при мажоритарной системе — голосованием в два тура. Обычно при выборах глав исполнительной власти применяется мажоритарная система. Она же используется при выборах законодательной власти в США, Великобритании, Франции и прочих странах. В других государствах, например скандинавских, принята пропорциональная система.

Предположим, что выборы считаются наиболее демократичными, когда учтены предпочтения каждого избирателя. Это со всей очевидностью предопределяет выбор пропорциональной системы, хотя доподлинно неизвестно, может ли максимальная представительность считаться идеалом демократии; мажоритарная система в соответствующих условиях не менее демократична, хотя и менее представительна.

Если принять только что озвученный тезис, соотношение между долей избирателей с одинаковыми предпочтениями и долей депутатов в парламенте, которые этим предпочтениям соответствуют, будет равно единице. Согласно теории Ф. Алескерова, в этом случае так называемый коэффициент удельного представительства R равен 1, и мы имеем дело с идеально пропорциональной системой. Всякое отклонение сверх единицы снижает представительность.

Индексы удельного представительства и представительности парламента

Индекс удельного представительства под-
считывается по формуле

$$R = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^n \frac{r_i}{v_i}, \text{ где}$$

N — число партий, прошедших в парламент; r_i — доля мандатов, полученных i -й партией от общего числа мандатов, распределяемых по пропорциональной системе; v_i — доля голосов, полученных i -й партией на выборах от общего числа проголосовавших.

Значительный перепад значений этого индекса от 1993 к 1995 году объяс-

няется введением 5-процентного ценза, который преодолели лишь 4 партии из 46 (КПРФ, ЛДПР, НДР и «Яблоко»), в сумме набравшие 50,5% голосов. В итоге почти половина избирателей не имела в Думе своих представителей.

Минус этого показателя в том, что он учитывает только те голоса, которые поданы за партии, прошедшие в парламент.

Другой показатель — индекс представительности парламента, учитывающий неявку избирателей и голоса «против всех», — может быть рассчитан по формуле

$$\rho = (1-\eta) \left[1 - \frac{1}{2} \left(\sum_{i=1}^n \frac{r_i}{100} - \frac{V_i}{100} + \alpha \right) \right],$$

где η – доля избирателей, не пришедших на выборы; α – доля голосов, поданных против всех.

Чем больше значение этого показателя, тем выше степень поддержки парламента населением. В таблице 8.1 приведены значения R и ρ для выборов в российскую Государственную Думу и в парламенты ряда других стран.

Таблица 8.1. ИНДЕКСЫ УДЕЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА (R И ρ) ДЛЯ ВЫБОРОВ В РЯДЕ СТРАН

	η (неявка)	R	ρ
Россия, 1993	0,494	1,15	0,44
1996	0,369	1,98	0,32
1999	0,395	1,23	0,50
2003	0,443	1,42	0,40
Турция, 2002	0,209	1,75*	0,433
Литва, 2000	0,414	1,31	0,495
Украина, 1998	0,292	1,86	0,57
2002	0,307	1,24	0,61
Швеция, 1991	0,133	1,05	0,826
1994	0,133	1,02	0,836
1998	0,186	1,02	0,776
2002	0,199	1,04	0,764

* В Турции избирательный барьер составляет 10%.

Источник: Алескерев, Платонов 2003; данные за 2003 год получены от Ф. Алескерова.

Эволюция системы

Теперь вернемся к истокам современной избирательной системы России. Указом президента от 1 октября 1993 года было введено в действие Положение о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году. Указом от 11 октября того же года был утвержден порядок формирования Совета Федерации. Первый из указов вводил смешанную систему: в Государственную Думу половина депутатов избиралась по пропорциональной системе, по партийным спискам; другая половина — по мажоритарной системе, в одномандатных округах. Принять сразу мажоритарную систему считалось невозможным, должен был пройти определенный период, во время которого появились бы партии, способные участвовать в конкурентной политической борьбе. Принять полностью пропорциональную систему также казалось рискованным. Смешанная система тогда представлялась разумным балансом. Ее и поддерживали демократы, полагая, что она поможет им победить на выборах.

Конституция, принятая 12 декабря 1993 года, регламентирует весьма ограниченный объем вопросов избирательного права.

Но она, а также Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» (1994) закрепили смешанный принцип выборов в Государственную Думу, оставив субъектам Федерации право самим определять порядок выборов в свои законодательные собрания.

26 ноября 1996 года был принят Федеральный закон «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления», имевший целью стимулирование активности избирателей в выборах в органы местного самоуправления. Население некоторых субъектов Федерации не настаивало на своих правах в силу неукорененности демократических институтов. Федеральный центр в данном случае выступил инициатором распространения демократии, но при этом вторгся в компетенцию регионов.

С этого момента стала набирать силу тенденция к *централизации регулирования выборов* на всех уровнях. Эта тенденция особенно ярко отразилась в Федеральном законе 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», который ввел *централизованный организационно-правовой механизм в виде системы избирательных комиссий с субординацией между ними по вертикали*, подробно регламентировав большинство избирательных процедур, которые прежде определялись регионами. Принятые затем Законы «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания РФ» и «О выборах президента РФ» оставили Центризбиркому право давать регионам различного рода инструкции и разъяснения. В ходе избирательных кампаний 1999 и 2000 годов к ним прибегали довольно часто и не всегда в точном соответствии с законодательством (Российское народовластие 2003: 194).

По сути, это отправной пункт для анализа эволюции российской избирательной системы в последние годы. Она началась с превращения Центризбиркома в своего рода министерство по выборам, обладавшего большим удельным весом, чем законодательные органы, и в то же время подверженного влиянию федеральной исполнительной власти, прежде всего Администрации Президента РФ. Напомню (см. главу 2), что в теории предпочтительной считается децентрализованная система, при которой Центризбирком вообще отсутствует — именно потому, что зачастую оказывается подверженным влиянию со стороны власти и повышает опасность не поддающихся контролю манипуляций.

Далее процесс изменения избирательной системы в России можно разделить на два этапа: первый, эволюционный, до 13 сентября 2004 года, когда власти продолжали добиваться повышения управляемости избирательного процесса минимальными средствами, путем внесения сравнительно незначительных изменений в законодательство; и второй, после предложенного президентом отказа от смешанной избирательной системы 1993 года и перехода на пропорциональную систему голосования только по партийным спискам. Впрочем, дискуссия по этим предложениям началась несколько ранее.

Но будем двигаться по порядку. Сначала завершим рассмотрение первого этапа, начиная с организации иерархии избирательных комиссий.

Независимость избирательных комиссий от органов государственной власти является краеугольным камнем в системе гарантий избирательных прав граждан. Это очевидно по определению. Но российская практика выборов, включая выборы 1999–2001 годов, продемонстрировала явную зависимость избирательных комиссий от региональных и местных властей. В этом и состоит их административный ресурс. Для преодоления подобной зависимости в 2003 году были приняты поправки к Федеральному закону «Об основных гарантиях...», и Центризбирком получил приоритетное право назначать двух членов избирательной комиссии субъекта Федерации и ее председателя. Аналогичное право получили избиркомы регионов по отношению к нижестоящим комиссиям. Эта мера не гарантировала независимости избиркомов от органов соответствующего уровня, а только перераспределяла полномочия *наверх* (Российское народовластие 2003: 197). В 2002 году был принят Закон о политических партиях, внесший ряд важных новаций в избирательное законодательство. Политические партии получили исключительное право на участие в выборах в органы государственной власти, другие общественные объединения сохранили право участия в выборах только на местном уровне. С целью ограничить влияние олигархических группировок на политические партии при прохождении в парламент им предоставили государственное финансирование, правда, в мизерных количествах. Напротив, жесткое ограничение размеров избирательных фондов при нынешних нравах создает дополнительные стимулы к нарушению закона, зато власти имеют теперь новый инструмент для давления на оппозицию. Введено фикси-

рованное членство в партиях, как было в КПСС, что противопоказано крупным современным электоральным объединениям, поскольку малое число членов может препятствовать привлечению голосов избирателей. Новация ноября 2004 года — для участия в федеральных выборах партия должна насчитывать не менее 50 тысяч членов. Усилению роли федеральных партий должно способствовать распространение на представительные органы субъектов Федерации смешанной избирательной системы с избранием не менее половины депутатов по партийным спискам. Права регионов оказались в этом вопросе еще более ограничены, при том что федеральным партиям законодательно предписано участвовать в региональных выборах.

Важнейшая мера — повышение процентного барьера с 5%, установленных в 1995 году до 7% начиная с выборов 2007 года. Формально это шаг в сторону отсеечения более мелких партий и повышения работоспособности парламента. Однако в нынешних условиях, когда число партий в парламенте и так было невелико (в Думе 1999–2003 годов было всего 5 партий, преодолевших 5-процентный барьер), а партийная система еще не имела возможности для нормального развития, соревнуясь лишь за парламентские фракции, представительству основных политических течений в Думе будет нанесен серьезный ущерб. Напротив, лучшие условия получит «партия власти», ей будет легче монополизировать парламент. Это показали уже выборы 2003 года, на которых 5-процентный барьер еще существовал.

В. Никонов — сторонник мажоритарной системы с двумя партиями, и до предложения Путина 13 сентября он полагал, что такая система должна формироваться естественным путем. Россию же к этому толкают в принудительном порядке, что «прекрасно вписывается в российскую политическую традицию с ее тенденцией все централизовать, регулировать и не пускать естественные процессы на самотек» (Никонов 2004: 57). Вопрос в том, приведет ли следование подобным традициям к результатам, которые и так могли быть достигнуты, или в итоге исполнительная власть окажется в большей степени способной контролировать ход выборов. Проведенный анализ показывает, что большинство изменений в избирательном законодательстве после 2000 года по отдельности имели свои резоны, но в целом тенденция складывалась именно в пользу «российской» традиции, в пользу неуклонного усиления управляемости выборов.

Партийные списки

События стали быстро развиваться после выборов 2003–2004 годов. Уже в своей инаугурационной речи 7 мая 2004 года Путин впервые озвучил идею *полного перехода к пропорциональной системе выборов в Государственную думу* по системе «открытых» партийных списков, когда избиратель может, голосуя за определенную партию, отмечать и предпочтительных для него кандидатов. Вскоре после выступления Путина его предложения поддержал председатель Центризбиркома А. Вешняков, он же дал подробные пояснения новым инициативам. Затем Путин повторил их в своем антитеррористическом пакете 13 сентября 2004 года вместе с отказом от прямых выборов губернаторов и идеей создания Общественной палаты.

Александр Вешняков о модифицированной пропорциональной системе

«Во-первых, в начале партийного списка должны стоять максимум фамилии трех общепризнанных лидеров. Оставшаяся часть списка должна быть разбита по регионам РФ. Очередность получения депутатских мандатов партией, в случае преодоления установленного законом барьера, следующая: в первую очередь депутатские мандаты получает тройка лидеров партийного списка, а затем в зависимости от уровня поддержки этой партии в регионах России соответствующие кандидаты из региональных групп. В каждом субъекте РФ избиратель будет получать 1 бюллетень на выборах депутатов Госдумы. В нем будут указываться названия партий, участвующих в выборах, первая тройка лидеров партийного списка и кандидаты (на-

пример, от 1 до 7), включенные в список по данному региону. Например, за партию „Х“ по таким бюллетеням в Амурской области проголосовали 25% избирателей этого региона, и это высший процент у партии по всей России. Значит, первый кандидат из этой региональной части списка получает депутатский мандат, а потом уже следующий, из другого региона, где, например, уровень поддержки партии в масштабе страны был на 2-м месте в 24%» (Российская газета. 2004. 29 июня).

Замечу, что если партия при таком порядке вещей получит в регионе 50% голосов, а в целом по стране не преодолет 7-процентный барьер, то в Думе от этого региона будут заседать представители другого политического объединения.

Этот пакет вызвал волну негативных откликов со стороны демократических кругов в России и за рубежом. Здесь мы попытаемся отойти от эмоций и здраво оценить суть этого предложения.

Я не исключаю, что при всей своей склонности к усилению «управляемой демократии» и даже авторитаризму Путин был обеспокоен результатами парламентских выборов, полагая, что его манипуляторы перестарались. Кажутся неслучайными его сожаления о поражении на выборах правых, несмотря на то что вина за это целиком лежит на них самих. К тому же, я думаю, либеральное крыло

его окружения старалось убедить президента в том, что его имиджу демократического лидера нанесен ущерб и что настало время сделать определенные шаги в сторону демократизации.

В послании Федеральному собранию 2004 года Путин в не совсем свойственных ему терминах заговорил о демократических свободах, о свободе печати (правда, в сочетании с ответственностью) и даже о политической конкуренции. В этом контексте также следует вспомнить президентские тезисы о повышении роли политических партий и формировании правительства парламентского большинства.

Разумеется, все вышесказанное не исключало, а быть может, даже предполагало дальнейшее усиление управляемости демократии. Учитывая трагические события в Беслане 1–3 сентября 2004 года, именно такая позиция имела все шансы возобладать. При этом подобные решения не принимаются в оперативных целях, в данном случае давно было известно о подготовке соответствующих законопроектов. Так что к этому решению следует отнестись как к основательно выношенному и имеющему стратегическое значение.

На первый взгляд предложение о полном переходе к пропорциональной системе на фоне описанной выше ситуации выглядит весьма привлекательно. Следует также иметь в виду многообразие пропорциональных систем — их вариантов больше сотни, — а главное, в какую среду система будет помещена. Если речь идет о стране, где в парламент в результате выборов приходит множество партий, которые не могут образовать устойчивых коалиций, то для повышения работоспособности парламента более адекватна система, уменьшающая представительность и отдающая предпочтение крупным партиям (высокий избирательный барьер или и вовсе переход к мажоритарной системе). Но это не случай России с ее послушным парламентом, где повышение барьера с 5 до 7% — мера явно излишняя. Если, напротив, задаться целью содействовать укреплению партий на начальном этапе их становления, дать возможность определиться всем идейным и политическим течениям в обществе, как было у нас в начале 1990-х годов, степень представительности должна быть более высокой.

В нынешней России основной угрозой демократии является манипулирование административным ресурсом, низкое влияние избирателей на результаты выборов, отсутствие политической конкуренции. Отсюда апатия избирателей, недоверие к демократическим институтам.

Приведу мнение Георгия Сатарова: «Сегодня избирательная кампания в отношении „партийной части депутатов“ — это пропаганда в федеральных СМИ. То есть система, при которой избиратели не влияют на то, кто займет депутатские места „от партий“. Значит, этими местами можно приторговывать, протаскивать в Думу кого угодно и т.д. Эта система — один из самых порочных вариантов применения пропорционального принципа. В том виде, в каком она реализована у нас, она мало где существует.

В „вешняковском“ варианте полностью убирается мажоритарная часть. Это значит, что все пороки нынешней пропорциональной системы как бы удваиваются. Но у этого варианта есть еще одна особенность: коль скоро вся избирательная кампания осуществляется через официальные СМИ, это очень удобно для централизованного управления политической конкуренцией» (Московские новости. 2004. № 26).

Сторонники перехода к пропорциональной системе подчеркивают, что если бы последние выборы проводились по предлагаемому ими принципу, то монополии «Единой России», сложившейся вследствие присоединения к ней большинства одномандатников, не существовало бы. В распоряжении партии власти имелось бы не 306, а всего 239 мест: тоже большинство, но уже не конституционное. В то же время другие партии, преодолевшие 5–7-процентный барьер, имели бы большее число мест: КПРФ — 80 вместо 51; ЛДПР — 73 вместо 36; «Родина» — 58 вместо 39. Замечу, что из них только одна — КПРФ — является оппозиционной партией. Остальные, как говорят разведчики, — «стратегическая деза» для избирателей, оппозиция до первого поворота.

Показатели Ф. Алескерова для предлагаемой пропорциональной системы выборов по партийным спискам

Учитывая аргументы, выдвигаемые сторонниками предложений власти по переходу на пропорциональную систему, интересно посмотреть, как сложились бы итоги выборов 2003 года, если эти предложения были бы реализованы. Используем любезно предоставленные нам профессором Ф. Алескеровым расчеты предложенных им индекса удельного представительства (R) и индекса представительности парламента (ρ).

Приведенные выше цифры показывают, сколько мест получили бы партии, участвовавшие в выборах 2003 года, если бы тогда действовала только пропорциональная система. Предполагается, что места, ныне занятые одномандатниками, распределились бы между думскими партиями в тех же долях, что и в другой половине мест, ныне занятых депутатами, прошедшими по партийным спискам. Алескеров показывает, что это не так. Во-

первых, новые выборы будут в 2007 году, уже поэтому пропорции претерпят определенные изменения. Во-вторых, при переходе от мажоритарной системы к пропорциональной наблюдается перетекание голосов части избирателей от более сильных партий, кандидаты которых имели больший шанс быть избранными, к менее сильным, но предпочтительным в зависимости от убеждений или привлекательности лидеров. Кроме того, партии, преодолевшие 7-процентный барьер, делят голоса, отданные за тех, кто не прошел

в парламент. Расчеты с учетом этих факторов, выполненные Алескеровым по разным сценариям и по разным значениям факторов для 8–9 партий, набравших наибольшее число голосов, показали очевидное преимущество новой системы для более крупных партий при ухудшении представительности.

В таблице 8.3 приведены данные расчетов для разных порогов отсеечения и одного наиболее вероятного сценария. Проценты голосов — расчетные.

Таблица 8.3. ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ 2003 ГОДА ПО ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

	Число голосов, %	Число мест в парламенте		
		Порог 5%	Порог 7%	Порог 12%
«Единая Россия»	42,9	215	251	319
КПРФ	17,5	96	102	131
ЛДПР	8,9	49	52	–
«Родина»	7,8	42	45	–
СПС	5,0	28	–	–
«Яблоко»	4,9	–	–	–

В таблице 8.4 приведены индексы удельного представительства (R) и представительности парламента (ρ), о которых речь

шла ранее при тех же предположениях. Для сравнения повторены индексы предыдущих выборов.

Таблица 8.4. ИНДЕКСЫ УДЕЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА ПРИ НОВОЙ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

	R	ρ
1993	1,15	0,44
1996	1,98	0,32
1999	1,23	0,50
2003, фактически	1,42	0,42
2003, условный расчет порога отсеечения		
5%	1,15	0,50
7%	1,24	0,47
12%	1,84	0,32

Если принять во внимание стремление к увеличению представительности, то при 7-процентном пороге улучшения относительно результатов выборов 1999 года не происходит. Кроме того, в реальности избиратели вообще лишаются права выбирать конкретных кандидатов.

Чувствуя несоответствие своего проекта чаяниям избирателей, Вешняков стал говорить об открытых списках: они предоставляют возможность избирателям повлиять на партийный рейтинг кандидатов и, стало быть, на состав избранных депутатов. Открытые списки применяются в Дании, Бельгии, Австрии, Нидерландах и других странах в рамках так называемой преференциальной системы (Российское народовластие 2003: 29). Чтобы усилить влияние избирателей в процессе выборов, Вешняков предложил: пусть в каждом списке федеральная часть занимает всего три первых места, остальные следует разделить по регионам.

Думается, эти идеи не решают проблемы; избиратели рано или поздно поймут, что не они выбирают конкретное лицо, что выбор уже сделан, а им остается присоединиться к тому, что заранее определено в Москве. Остается неясным, каким образом их голос сможет повлиять на позицию их кандидата в списке. Манипуляции здесь вряд ли поддаются проверке. Не случайно преференциальная пропорциональная система применяется только в небольших странах с высокой политической культурой.

Хочу сразу отметить, что отмена губернаторских выборов резко меняет ситуацию и ее оценки. Прежде можно было говорить о том, что губернаторы используют свой административный ресурс и таким образом помогают удобным им кандидатам. Однако теперь они будут лоббировать интересы удобных Центру, во всяком случае — согласованных с ним, персоналий, аналогично тому, как это происходило при советской власти, когда административный ресурс был вправе использовать только Кремль.

Конечно, формальные показатели представительности могут даже повыситься, но реальная многопартийность и политическая конкуренция развиваться не будут. Исключение составят 2–3 «партии власти», опекаемые Кремлем, составляющие парламентское большинство, всегда готовые проголосовать солидарно или симитировать дискуссию. Я думаю, именно по этой причине власть остановила свой выбор на «вешняковском» варианте. Мы получили карикатуру на парламент, театр вместо политики, со всеми «демократическими» атрибутами, но уже без самих демократов.

Рассматривался также проект О. Морозова. Суть его состояла в сохранении одномандатных округов, в которых партии могли бы выдвигать своих кандидатов. В таком случае избиратель видит и партии, и людей, предлагаемых ими: налицо несомненное сходство с мажоритарной системой. Но далее начинаются отличия:

голоса, полученные кандидатами от партий, суммируются в целом по стране, и в зависимости от этого определяется, сколько мест в Думе получает каждая партия. Избирательный барьер сохраняется и отсекает мелкие партии.

Комментарий Г. Сатарова: «Такая система подразумевает, что избиратели получают контроль над составом Думы. Естественно, при этом уменьшается возможность централизованного управления выборами, потому что тогда успех определяется тем, кого партии выдвигают на местах. Так работают во многих странах — в Германии, в Эстонии. За неизвестно кем составленный партсписок там не голосуют. Для российской ситуации есть и еще один плюс. У нас по Конституции округа очень неравноправны, в них — от 40 тыс. до 400 тыс. избирателей. Эта неравноправие легко компенсируется, если места, отведенные партиям, получают кандидаты, которые набрали максимальное число голосов. Не относительное — в процентах у себя в округах, — а абсолютное, по числу поддержавших избирателей» (Московские новости. 2004. № 26).

Сатаров добавляет: должна существовать возможность избрания для независимых депутатов. Закон также должен определять, кто займет места от партий — в зависимости от вклада каждого в «общую копилку». Тогда партии, чьи кандидаты не смогут набрать голоса в округах, в Думу не пройдут. Например, ЛДПР за все годы не провела ни одного одномандатника, весь ее успех определялся личностью Жириновского.

Таким образом, при некоторых дополнениях проект Морозова выглядит более демократичным. Но, надо думать, в наших условиях власть найдет возможности управления выборами при любом развитии событий. Морозовский проект вовсе не исключает возможности манипулирования через губернаторов, особенно назначаемых, просто сделать это будет значительно труднее. Отсюда следует, что проблема состоит не только и не столько в избирательной системе: она может упростить или усложнить задачу управления выборами, но чтобы выборы стали свободными, одной избирательной системы недостаточно.

В декабре 2004 года в Думу президентом внесен законопроект о реформе избирательной системы. Из разъяснений Вешнякова на встрече с депутатами стало ясно, что критика отчасти пошла впрок. Хотя сам Морозов свои идеи публично не отстаивал, все же частично они, видимо, оказались учтены. Число мандатов, полученных партией, к концу 2004 года предлагалось считать в зависимости

от абсолютного числа голосов, полученных ею в стране, а партии отныне обязаны выдвигать кандидатов по округам и агитировать за них. Возможности манипулирования партийными списками в Москве все же сохраняются: блокирование запретят, обязательная нижняя граница в 50 тысяч партийных членов уже введена, 7-процентный барьер сохраняется! Даже если Путин стремился к демократизации и политической конкуренции, то в какой-то момент он столкнулся с дилеммой: либо неопределенность, свойственная демократии, либо управляемость демократии. Российский президент выбрал второй вариант.

Парламент: неразрешимый конфликт — послушность — равновесие

Классические функции парламента в демократической стране — законотворчество, контроль и формирование правительства. Из них Федеральное собрание Российской Федерации выполняет только первую, под аккомпанемент постоянных разговоров о том, что все законопроекты должно готовить правительство. Для системы разделения властей является ключевой контрольная функция. У нас она выполняется ровно в той мере, в какой это устраивает исполнительную власть. Именно поэтому до сих пор не принят закон о парламентских расследованиях.

История российского парламентаризма в новое время началась с острого противостояния Верховного Совета и исполнительной власти во главе с президентом. Поначалу конфликт казался *неразрешимым* — вариант с победой одной из ветвей власти, свойственный революционному периоду, нельзя было назвать конструктивным. Ситуация «правительство правит, а парламент в оппозиции» ненормальна. Парламент должен реализовывать идею о политической конкуренции и оппозиционном меньшинстве, а также способствовать поиску компромиссов.

Между тем практически во все время правления Ельцина, за исключением, пожалуй, периода между выборами 1993 и 1995 годов, парламент играл роль оппозиции. Конфликт уже перестал быть неразрешимым, компромиссы достигались, но весьма дорогой ценой. Бюджеты принимались с огромным дефицитом, коммунисты пробили подходящий налог с нереалистично прогрессивной шкалой. Важнейшие реформы (земельная, налоговая, пенсионная, ЖКХ, трудовых отношений) блокировались, было затруднено принятие антикризисных мер (например, для правительства Кириенко), что

препятствовало получению кредитов Международного валютного фонда и в конечном счете сделало кризис 1998 года неизбежным.

Пытаясь застраховаться от повторения ситуации 1993 года, Ельцин значительно отредактировал Конституцию, и полномочия парламента оказались урезаны. В результате страна получила безответственный, популистский парламент, депутатов которого правительству пришлось буквально покупать, чтобы провести самые необходимые законопроекты.

Но когда ситуация изменилась, и Путин уже получил твердое большинство в Думе, качества парламента, мешавшие ему эффективно выполнять свои функции, не исчезли. Откровенный популизм сменился *послушностью*, готовностью не задумываясь одобрить все, что вносят в парламент президент и правительство. В связи с этим характерен пример с Законом о митингах близ зданий госучреждений. Текст, содержащий прямые нарушения конституционных норм, был принят в одно касание. Президент, которому, видимо, доложили о неприличности происходящего, остановил этот законопроект: послушность, как выяснилось, также может иметь отрицательные последствия. Сервильность парламента сыграла с ним еще более злую шутку при прохождении Закона о монетизации льгот: не была бы по команде из Кремля прекращена дискуссия, быть может, и в январе 2005 года пенсионеры не вышли бы на улицы.

О недостатках нынешнего Совета Федерации прежде не говорил только ленивый. Однако я полагаю, что та его форма, которая существовала до Путина, была худшей: объединение глав исполнительной власти в регионах как федеральных законодателей неминуемо чревато угрозами для авторитета центральной власти. Нынешняя модель Совета Федерации, организованная по форме германского бундесрата, представляется неудачной не сама по себе, а в силу принятых в России порядков, когда места в Сенате занимают либо прямыми назначенцами губернаторов, либо лоббистами крупных компаний, важных для экономики того или иного региона.

Сегодня постоянно муссируется идея введения выборности членов Совета Федерации, не требующая обязательного изменения Конституции. Центризбирком уже внес предложение о том, чтобы законодательные и исполнительные органы власти субъектов Федерации выдвигали кандидатов для всенародного голосования (Время новостей. 2004. 29 июня). С другой стороны, присутствует

и иная точка зрения, предусматривающая жесткую альтернативу: либо сенаторы представляют губернатора и законодательное собрание, что соответствует Конституции, либо сенаторы избираются населением. Возражение, что в случае выборности сенаторов минимальные различия между верхней и нижней палатами окончательно исчезнут, на мой взгляд, не слишком состоятельно. В США принцип выборности сенаторов работает, Сенат не рассматривается здесь как палата штатов, а является еще одним компонентом в системе сдержек и противовесов, реализующей разделение властей. Введение выборности сенаторов, выдвигаемых федеральными партиями и избираемых по мажоритарной системе (американская модель), может решить и многие российские политические проблемы. В этом случае, впрочем, следует изменить Конституцию.

Представляется очевидным, что практика *разделения властей в России пока не получила должного развития*. Идея их независимости не прижилась и по-настоящему так и не была апробирована: какие бы меры по организации политического пространства не предпринимались, все равно, как сказал В. Черномырдин, получается КПСС. В данном случае снова устанавливается вертикаль власти, во главе которой стоит царь с двором или генсек с центральным комитетом, принимающие решения, но не имеющие никакой ответственности, а далее правительство, парламент, суд и прокуратура, выстроенные в единую иерархию. Эта модель уже не раз демонстрировала свою порочность. В отношении создания нормальных условий для существования парламента сделан серьезный шаг назад.

В связи с переходом к пропорциональной системе выборов в Думу по партийным спискам и особенно назначением губернаторов действующая модель Совета Федерации вообще утрачивает смысл: назначаемые президентом губернаторы определяют половину сенаторов. Прямые выборы сенаторов по мажоритарной системе казались весьма логичным, но вряд ли проходимым решением: во-первых, надо менять Конституцию, во-вторых, любая выборность сегодня отрицается в том случае, если она вносит неопределенность. Следует ожидать дополнительных изменений в данной сфере, в числе которых находится и идея возвращения губернаторов в Совет Федераций, однако построить логическую и прозрачную систему отношений таким образом не удастся. По всему ясно, что складывается ситуация, которая рано или поздно потребует радикальной перестройки здания российского парламентаризма.

Впрочем, иного выхода у России нет. Если мы хотим стать процветающей демократической страной, нам когда-нибудь придется преодолеть собственные традиции и в конце концов построить дееспособный парламент, работающий в режиме реального разделения властей, способный и сотрудничать с исполнительной властью, и контролировать ее.

Справедливости ради надо сказать, что для российского парламентаризма минувшие годы не прошли даром: сложилась определенная парламентская культура, достижения которой сегодня, к сожалению, утрачиваются, поскольку работа Думы зачастую подменяется работой одной фракции большинства, «нулевыми чтениями» законопроектов. Но главное — вырабатываются процедуры совместной работы людей с разными взглядами, практика, весьма далекая от российских обычаев. Демократия есть терпимость к инакомыслию, учет мнений и интересов меньшинства. Она необходимо развивает соответствующие навыки.

Можно предположить, что в период становления демократии в стране с неразвитой политической культурой парламент более или менее закономерно проходит следующие фазы становления: неразрешимый конфликт — послушность — равновесие. На основе последнего складывается базовый консенсус среди политической элиты, который позволяет стране при смене власти сохранять устойчивый стратегический курс, основанный на компетентном и ответственном понимании национальных интересов.

8.3. Смена власти и парламентская республика

Ключевая проблема, с середины 2003 года стоящая в центре внимания российского политического класса, — это вопрос о наследовании власти: кто придет к власти после выборов 2007 и 2008 годов? В 1999 году этот вопрос решала правящая элита, выбравшая В. Путина. Путин привел за собой команду, которая накануне выборов 2003 года практически полностью вытеснила ельцинскую «семью». Этот опыт свидетельствует, что наследование власти по модели управляемой демократии крайне ненадежно, во всяком случае для тех, кто, имея власть, стремится ее сохранить.

Остается простой и естественный демократический путь — свободные и честные выборы, но этот вариант устраивает только оппозицию. Впрочем, даже и различные оппозиционные группы относятся к этой идее по-разному: неисповедимы пути России, вдруг население выберет юмориста или сына юриста, который из-

менит всю политическую систему России. Либералы не без оснований опасаются того, что наследник Путина может быть намного хуже нынешнего президента, например, окажется открытым национал-социалистом, популистом, прекратит даже разговоры о продолжении либеральных реформ. Национал-патриоты, все более подогреваемые путинской администрацией, в свою очередь опасаются (безо всяких на то оснований) либералов-западников. Путинская команда явно хочет оставить власть неделимой и целостной. Никто, пожалуй, не рассчитывает сегодня на то, что сторонники демократии, даже объединившись, смогут получить большинство в парламенте или обрести силу, с которой власти придется считаться. Можно ожидать, что предстоящие выборы будут демократическими по форме, но predeterminedными по результатам. Сейчас же идет борьба за механизмы predeterminedения.

Три варианта для команды Путина

В распоряжении правящей команды остаются три варианта развития событий.

1) Путин становится президентом третий раз подряд, при этом нарушается Конституция. Даже если Конституция будет пересмотрена, легитимность власти не перестанет быть сомнительной (ср. случай А. Лукашенко). Тем более следует учитывать многократные заявления Путина о том, что в 2008 году он покинет свой пост.

2) президентом становится один из членов путинской команды, династии выходцев из спецслужб, связанных корпоративным кодексом чести. Ясно, что такое решение ненадежно как для команды, так и для самого Путина.

Честь — вещь нематериальная, кроме того, в ходе проработки этого варианта неизбежна борьба внутри команды, чреватая расколом и утратой позиций. Сегодня уже очевидно, что многое из сделанного при Путине придется переделывать. Преемник неизбежно приведет своих людей и потеснит товарищей вчерашнего президента.

3) меняется Конституция, Россия переходит, например, к парламентской республике, в которой первым лицом является премьер-министр, он же лидер партии, получившей большинство на выборах в Думу. Путин становится лидером «Единой России» и, таким образом, остается у власти. Полномочия президента оказываются урезанными. Не ис-

ключено, что удастся не трогать Конституцию, только поменять закон о правительстве. В таком случае президент должен делегировать премьеру полномочия, закрепленные Конституцией, что в будущем, возможно, приведет к возникновению новых очагов напряжения.

Если принять третий вариант развития событий, изменение Конституции может быть мотивировано иначе, что позволило бы избежать линейной интерпретации действий президентской команды, стремящейся любыми способами сохранить свое влияние. Все варианты решения постоянно обсуждаются, вероятность каждого поразному оценивается политологами. Сам же президент не раз говорил о преемнике. Ниже будут обсуждены возможные мотивы подобных изменений, весьма важные и с точки зрения перспектив российской демократии. Риск для команды Путина присутствует даже в случае реализации третьего варианта, однако по крайней мере на один срок полномочий вновь избранной Думы сохранение у власти прежнего лидера будет гарантировано. Итак, следует признать третий вариант лучшим из возможных для правящей элиты, следовательно, именно он и более вероятен.

Еще до выборов 2003 года Путин высказался за идею *формирования правительства на основе парламентского большинства*. При нынешнем статусе президента, который фактически является главой как государства в целом, так и исполнительной власти, а также при современном состоянии российских политических партий, эта идея представляется не только лишеной смысла, но заставляет подозревать власть в создании дополнительных условий для манипуляций. С одной стороны, лучшим будет тот парламент, который несет ответственность перед страной за проводимую им политику, но в этом случае правящая партия должна формировать и правительство. Цена «приза» для партий должна быть наибольшей. Правительство парламентского большинства — это институт, органичный для парламентской республики.

Потенциал парламентской республики

Впервые идею введения в России парламентской республики я услышал в 2001 году на одном из семинаров Фонда «Либеральная миссия» от А. Ципко, известного политолога националистического толка. Мысль его поначалу показалась мне дикой, потому что общепризнанная идея,

согласно которой России нужна только сильная единоличная власть, в данном случае президента, напрямую избираемого народом, никогда не подвергалась мной сомнению. Впрочем, последнее релевантно в отношении переходного периода, когда необходимо принимать не-

популярные меры, влекущие за собой радикальные институциональные изменения. Однако затем, *когда экономические реформы уходят на задний план, а вперед выступают задачи взращивания демократического государства, колоссальным препятствием на пути демократизации станет российская феодальная традиция распоряжения властью, моносубъектность, стремление не отдавать власть и использовать ее для собственного обогащения.* Сможем ли мы преодолеть эту традицию, не совместимую с реальной демократией, если во главе государства вновь окажется президент с полномочиями царя или генсека, которыми он будет наделен не столько законом, сколько общепринятыми представлениями о власти? Сомнительно.

В то же время рыночная экономика, требующая минимального вмешательства государства, и отсутствие серьезных внешних угроз делают власть менее жесткой, менее консолидированной, какой обычно считается парламентская республика. Может быть, именно такой тип правления и окажется наиболее адекватным российским политическим условиям.

Как оказалось, более ранняя дискуссия на эту тему прошла мимо меня. Идею парламентской республики давно выдвигали коммунисты. Своими размышлениями в 2002 году я поделился с М. Ходорковским, по заказу которого я работал над докладом о бремени государства в российской экономике (Ясин 2003: 4). В то время мы оба поддерживали Путина и опасались возможных угроз для стратегического курса на развитие в России рыночной демократии, которые могли быть связаны с завершением в 2008 году его президентских полномочий. Изменение Конституции в 2007 году, переход к парламентской республике и избрание Путина на пост лидера правящей партии (уже не партии власти) и главы правительства, позволяли обеспечить стабильное и динамичное развитие страны. Те же мысли высказывала И. Хакамада и другие политики правого крыла.

События, как известно, повернулись иначе. После выборов 2003 года были созданы все условия для безболезненного изменения Конституции и перехода к парламентской республике. Путин в глазах большинства избирателей оставался рыночником и почти демократом, насколько это может позволить себе президент в такой стране, как Россия. После ареста Ходорковского и ряда других акций власти я стал сильно сомневаться в том, что вариант парламентской республики реализуем в наших условиях, по крайней мере в перспективе ближайших 10–15 лет.

Напомню, еще весной 2003 года некоторые политтехнологи, видимо, прямо выполнявшие заказ определенной властной группировки, приписывали Ходорковскому заговор с целью подкупить депутатов парламента и провести изменения в Конституции, превратить президента в английскую королеву и самому занять пост премьер-министра. Я не исключаю наличие у Ходорковского политических амбиций, однако, скорее всего, речь идет о провокации, осуществленной хорошо узнаваемыми методами. Возникает подозрение, что заговор действительно существовал, только во главе его стоял совсем не Ходорковский.

Теперь предположим, что Ходорковский действительно собирался заняться политикой, претендовал на пост президента или премьера. Неясно, почему это недопустимо с точки зрения морали или закона. Никто не скажет, что Ходорковский неспособен к политике или недостаточно образован. То, что Ходорковский является преступником и мошенником, по моему убеждению, откровенная ложь, в которую люди верят постольку, поскольку считают любого олигарха априори порочным. Во всяком случае на Ходорковском не больше грехов, чем на совести многих видных чиновников. Политические планы Ходорковского простирались на 2007–2008 годы, когда Путин по закону должен покинуть свой пост. Коллеги Ходорковского по бизнесу утверждают, что глава ЮКОСа мог предвидеть печальные последствия своих политических демар-

шей. Ходорковский, в распоряжении которого находились значительные денежные средства, представлял собой опасность для кремлевской элиты. *Истина в том*, что Администрация Президента РФ делает ставку на возможного преемника из своих рядов, а следовательно, лю-

бого значимого конкурента следует нейтрализовать: так Ходорковский оказался в тюрьме, побежденный административным ресурсом, против которого в большинстве случаев и финансовый ресурс слабават. Такова российская традиция распоряжения властью в действии.

Думаю, что уже озвученные обвинения в адрес М. Ходорковского, будто бы он хотел перейти к парламентской республике, чтобы построить на этом свою политическую карьеру, понижают вероятность реализации третьего варианта. Тем не менее для правящей элиты он представляется наилучшим. Посмотрим, что будет в 2007 году. Весьма вероятной кажется такая модель: позиция высшего должностного лица переходит к премьеру, закрепляется полупартийная система на манер японской, укрепленная первостепенной ролью спецслужб и поставленными под контроль капиталом, парламентом, СМИ.

Мне представляется, что в перспективе эта модель создает больше возможностей для демократизации и демократических сил, повышает шансы на преодоление «царистской» парадигмы, на приближение к реальному разделению властей. Поэтому идею парламентской республики принципиально имеет смысл поддерживать. Кроме того, следует учесть украинский опыт. Почему накануне «третьего тура» выборов В. Ющенко согласился с изменением конституции и переходом к президентско-парламентской республике, несмотря на обвинения Майдана в слабости и предательстве? Ведь он пошел на сокращение президентских полномочий, т.е. своих собственных полномочий, в случае если бы он выиграл выборы. Я думаю, им руководили тактические соображения, Ющенко стремился сохранить союз с социалистом А. Морозом и тем самым повысить свои шансы на успех. Стратегически он сделал шаг, укрепивший его репутацию демократа, а значит, способствовал становлению демократии в Украине.

Михаил Краснов: «Действующая Конституция гарантирует неизменность политической системы»

Михаил Краснов, вице-президент фонда «Индем», бывший помощник президента Ельцина по правовым вопросам: «В России никогда не было реальной политической конкуренции, не было ни „партии власти“, ни оппозиции, был только глав-

ный начальник. Действующий Основной Закон гарантирует неизменность этой политической системы. Назначение губернаторов президентом — прямое нарушение Конституции, но наша политическая система устроена так, что у власти все под

контролем, а потому волнений в обществе это не вызывает. Основной Закон даже позволяет провести операцию „преемник“: со своих постов уходят конкретные персоны, но не бюрократия» (Газета. 2004. 14 декабря). М. Краснов, являясь сторонником парламентской республики, считает этот

сценарий наиболее вероятным в 2008 году. На приеме у президента 12 декабря 2004 года В. Зорькин пытался убедить Путина в том, что Конституция может быть подвержена некоторым изменениям. Путин возразил: не следует ничего менять, что, впрочем, можно толковать по-разному.

Ситуация в России такова, что изменения в Конституции могут оказаться весьма нежелательными в перспективе демократического развития страны. Уже перед выборами 2003 года Г. Райков призывал пересмотреть главу 2 Конституции — о правах и свободах человека. В настоящий момент следует выступать за неизменность Конституции. Смена власти — самое большое искушение при переходе к демократии. И видимо, нам еще не раз придется с ним столкнуться.

Глава 9 Контроль над СМИ

Новые времена в России начались с гласности. Под этим именем мы узнали первую свободу — свободу слова, изменившую сознание масс, подготовившую перемены, сделавшую их желанными. М. Горбачев, подаривший советским гражданам гласность, мог какое-то время рассчитывать на нее как на союзника, однако затем свобода слова пошла дальше, уже вслед за другими героями. Впоследствии многие стали думать, что гласность оказалась разрушительным оружием, лишившим людей привычного порядка. Я же думаю, что все люди моего поколения помнят те открытия и озарения, те счастливые мгновения познания, которые принесла им свобода слова.

9.1. Экономические основы свободы слова

Не так давно журнал «Эксперт» опубликовал интересную статью сотрудников Института открытой экономики А. Купова, А. Ситникова и С. Шульгина «Отложенный спрос на свободу слова» (Эксперт. 2004. № 24. С. 58–59), в которой посредством статистических измерений доказывается, будто в ходе перестройки и вообще в дореформенное время доля состоятельных людей в России была относительно высокой, что обеспечивало большой спрос на информацию и давало СМИ максимальный доход и независимость. Вследствие реформ люди заметно обеднели, спрос на свободу слова упал, и это, как считают авторы, и есть главный фактор угнетения СМИ сегодня.

Каков информационный рынок?

Определенная логика в приведенных рассуждениях имеется: действительно, если люди могут выделить достаточную часть своих доходов на приобретение газет, журналов, согласны платить налог на содержание независимого общественного телевидения, то журналисты могут позволить себе не брать денег у государства или олигархов, не браться за заказные статьи. Только при этих условиях создается экономическая основа для свободной прессы. Авторы подсчитали, что доля состоятельных людей в России, а следовательно, и интерес к СМИ вернутся к показателям 1989 года при росте

ВВП на 7,3% в среднем за год — в 2015 году, при росте на 5% — в 2020 году, при росте на 3% — в 2030 году.

Представляется, что авторы — молодые образованные люди с современным рыночным мышлением, которые, однако, не пережили умом и сердцем приход свободы и гласности в эпоху Горбачева. Они легко делают вывод: независимость СМИ гарантируется «не столько Конституцией (хотя и это крайне важно), сколько развитостью и величиной информационного рынка. При наличии адекватного спроса конкуренция и прибыль на рынке информации — отец и мать свободы слова. Но если спрос на информацию по каким-то причинам невысок, то доходы газет и журналов формируются не от продаж беспристрастной информации, а от обслуживания различных узких интересов».

Организация «Репортеры без границ» в докладе, опубликованном в сентябре 2003 года, приходит к иным выводам: уровень состоятельности и богатства мало влияет на свободу прессы. В составленном индексе свободы прессы Израиль стоит на 92-м месте, а Палестинская автономия — на 82-м из 139 исследованных стран, США располагаются ниже Коста-Рики, а Италия — ниже Бенина. США вменяют в вину аресты журналистов, которые отказывались раскрывать в суде источники своей информации. На первых местах — Финляндия, Исландия, Норвегия, Нидерланды — страны с развитой «демократией участия». Последнее место — Северная Корея, предпоследнее — Китай, Россия занимает малопочетное 121-е место (Независимая газета. 2003. 11 сентября).

Кто хуже — олигарх или государство?

Впрочем, наши авторы имеют авторитетного единомышленника — президента В. Путина. Во время своего визита в США в октябре 2003 года в интервью газете New York Times он, в частности, сказал: «Эти так называемые олигархи, они люди умные и пронырливые. Они прекрасно поняли, как можно манипулировать общественным мнением, и, по сути, так же, как поступали с природными ресурсами, начали поступать и со средствами массовой информации, и с общенациональными каналами телевидения, и так далее, подчиняя их своим групповым интересам, подменяя общенациональные интересы групповыми».

Для того чтобы обеспечить реальную свободу прессы, мы должны обеспечить возможность экономической независимости средств массовой информации. И мы настойчиво будем это делать,

и всячески будем поддерживать реальную независимость прессы, даже если нам не нравятся те идеи и те мнения, которые высказываются в средствах массовой информации» (Время новостей. 2003. 7 октября).

Еще раньше, в 2001 году, в период борьбы с В. Гусинским, Путин также утверждал, что свобода слова может существовать только при наличии экономически независимой прессы — прессы, которую кормит читатель. Олигарх — владелец газет и телеканалов — всегда будет навязывать обществу выгодную ему информацию. В этих словах легко прочитывается подтекст: прессу должно контролировать государство.

В том же интервью New York Times Путин говорил о естественном противостоянии между СМИ и группами, в данный момент обладающими политической властью. Он признал благотворность этой борьбы, как и то, что в России достаточно многочисленны примеры жесткого давления государства на СМИ. Давлению со стороны власти противостоять крайне трудно: силы и возможности тех и других явно не равны. Олигархов по крайней мере может быть несколько: характерен пример США, где Мердок, Тернер и другие конкурируют между собой.

Вернемся к началу. В 1980-е годы миллионные тиражи газет и даже толстых журналов мотивировались не состоятельностью граждан СССР, а общественным подъемом и снятием цензуры. Деньги у людей, правда, были, и они охотно покупали популярные издания, находя там массу новой, прежде недоступной информации. Товарный дефицит не только оставлял сбережения в семейных бюджетах, но и вызывал спрос на вещи не первой необходимости, какой, безусловно, является пицца духовная. Кстати, в то время все СМИ принадлежали государству, и часть из них получала бюджетные дотации даже при больших тиражах.

В начале 1990-х годов ситуация резко изменилась: реальные доходы населения упали, дефицит исчез. Стали доступны самые разные товары, о чем раньше никто не мог и подумать, однако платить за них приходилось много дороже. Общественный подъем начал выдыхаться, структура спроса на информацию и культуру, освобожденная от идеологического давления, стала такой же, как и в других странах: популярность завоевали детективы, триллеры, фантастика, эстрада. Пострадали не только общественная информация и публицистика, но и качественная интеллектуальная литература. Об этом можно только сожалеть. Особенности сегодняшнего ин-

формационного рынка связаны с тем, что культура перестала быть элитарной, демократизировалась в изначальном смысле этого слова и вынуждена приспособливаться к вкусам широких народных масс.

Социальная функция СМИ

В демократическом обществе СМИ выполняют важную социальную функцию: они информируют граждан об общественных делах, причем представляют различные мнения. При отсутствии свободных СМИ все остальные демократические институты либо перестают работать, либо теряют стимулы и ориентацию; если умирает свобода слова, за ней уходят и все остальные свободы.

Конечно, пресса нуждается в экономической независимости. Если кампании не хватает доходов от продажи информационно-аналитических изданий, медиабизнес зачастую диверсифицируется за счет изданий развлекательных, как это случилось, например, с «Медиа-Мостом» В. Гусинского. Главным на сегодняшний день источником доходов СМИ является реклама, в чем нет ничего предосудительного. Если средств к существованию недостаточно, то государство обязано, в соответствии со словами Путина, оказывать поддержку тем СМИ, которые ориентированы на формирование общества, а не на его развлечение. Как ни странно, государственные институты должны быть аполитичны и действовать лишь в общественных интересах. А главный общественный интерес состоит в том, чтобы четвертая власть выполняла свою социальную миссию.

Виталий Третьяков о функциях СМИ в современном обществе

«Я совершенно категорически утверждаю, что журналистика выполняет сегодня *пять* общественно значимых функций:

- 1) передача информации о происходящем в мире (или отдельных его частях) — *информационная функция*;
- 2) объединение общества (или системы обществ и государств) в единое целое — *коммуникативно-интеграционная функция*» (В. Третьяков отмечает, что во всех современных демократических обществах существуют и эффектив-

но действуют механизмы мобилизации прессы для содействия выполнению тех или иных задач государства.

Пример — что и как писала американская пресса накануне вторжения в Ирак. — *Е.Я.*;

- 3) провозглашение (декларация) интересов общества перед теми, кто этим обществом управляет, — *функция vox populi* (*гласа народа*);

- 4) управление (вплоть до манипулирования поведением и инстинктами общества) со стороны власть имущих, пра-

вящего класса, государства — *политическая функция*;

5) воспитание и отчасти образование подрастающих и уже взрослых поколений — *функция социализации людей*» (Третьяков 2001: 43).

Третьяков называет еще две дополнительные функции СМИ — историографическую (фиксацию событий) и развлекательную, которая в нашей стране все чаще и чаще в последнее время замещает собой все остальные основные. Он также считает, что функции СМИ неделимы, нельзя предпочесть одну функцию другой. Информационная функция — базовая и эксклюзивная (никто, кроме СМИ, ее не выполняет), однако новости можно подавать по-разному. Третьяков пишет, что определенные ограничения свободы прессы неизбежны, они существуют как вовне, так и внутри системы СМИ. Деятельность СМИ не должна разрушать общество (как это было, по его мнению, в период распада СССР в 1987–1991 годах) (Там же, 97). Внутренние ограничения обусловлены ответственностью перед обществом, вытекающей из права журналистов пользоваться свободой слова, для большинства граждан реально недостижимой. При этом журналистов ни-

кто не выбирает, в их корпорации нет обязательной сменяемости, ротации, чем они отчасти напоминают бюрократию (Там же, 100). Из названных функций только первая и третья имеют прямое отношение к демократии и свободе слова (Там же, 94).

От себя добавлю, что именно с этими функциями в первую очередь связано то, что я называю социальной миссией СМИ. Третья функция — *vox populi* — менее всего нравится власти и более всего подвергается ограничениям. Власть крайне заинтересована во второй и четвертой функциях, выполнение которых обусловлено первой и третьей функциями, формирующими доверие к СМИ со стороны граждан. «Можно какое-то время обманывать всех, можно кое-кого обманывать все время, но невозможно все время обманывать всех» — эта мысль А. Линкольна постоянно витает над СМИ и теми, кто пытается их контролировать. Заблуждением было бы считать способность современных СМИ к «промыванию мозгов» (т. е. к навязыванию определенных штампов восприятия и поведения) абсолютной. Баланс между функциями ограничивает власть и является предметом ответственности СМИ.

9.2. Хроника событий: 2000–2004 годы

Обычно власть заявляет, что никакого подавления свободы слова в России нет — мол, его путают с антикоррупционной политикой и борьбой с олигархами, создавшими свои медиаимперии, чтобы формировать общественное мнение, промывать людям мозги и таким образом контролировать решения демократически избранных органов. В то же время свободная пресса не обладает экономической независимостью, бедные читатели не хотят ее содержать. В этом случае государство вынуждено взять финансирование массмедиа на себя, критиковать же государство за государственный счет позволено, разумеется, не будет.

Существует и другая версия: свобода слова подавляется, чтобы оградить от критики власть имущих, не допустить подрыва их авторитета и перехода власти в другие руки. Делается это с использованием институтов государственной власти уже в интересах не

самого общества, а определенной группы лиц. Последняя версия, выдержанная в духе российской традиции распоряжения властью, выглядит не менее убедительной, чем первая.

Какая из этих версий ближе к истине? Думаю, что в 1996–1999 годах наиболее влиятельные каналы общественной информации действительно находились под контролем Гусинского и Березовского, и такое положение дел многим справедливо казалось неправильным. Кстати, они действовали солидарно только в период президентских выборов 1996 года и в последующей борьбе против молодых реформаторов, в остальное время олигархи враждовали и конкурировали между собой. В канун первых президентских выборов Путина Гусинский и Березовский уже находились по разные стороны баррикад.

Следует отметить, что Ельцин, как бы жестко его не критиковали в СМИ, на их свободу никогда не покушался. Первым тревожным сигналом после прихода Путина к власти стала история с журналистом радио «Свобода» А. Бабицким, пропавшим в Чечне зимой 2000 года и затем загадочно нашедшимся. Официальные сообщения по этому поводу отличались крайней невняtnостью, было очевидно, что исчезновение Бабицкого — дело рук ФСБ, мотивировавшей эту операцию существованием некоей связи между Бабицким и террористами. Сам пострадавший утверждал, что стремился дать объективную информацию и изложить позиции другой стороны, что является его святой обязанностью как журналиста. Я не считаю Бабицкого объективным журналистом, но одновременно убежден, что свобода слова не может быть кружковой, распространяться только на «своих». Уже тогда показалось, что новая власть имеет своеобразные представления о свободных СМИ.

История с НТВ

Потом началась история с НТВ. Как бы ни оценивалась деятельность В. Гусинского, как создатель высококлассного информационного бизнеса он имеет важные заслуги перед российским телевидением. Уничтожение этого бизнеса является позором для нашей страны, который всегда будет лежать на совести власть предержащих.

Программы НТВ были очень популярны: «Итоги» Евгения Киселева, «Итого» Виктора Шендеровича, «Герой дня» Светланы Сорокиной, «Куклы», «Хрюн и Степан». Очевидно, что мнение зрителей мало интересовало уничтожившую НТВ власть, для которой

несуществующие споры хозяйствующих субъектов оказались намного важнее зрительской популярности. Сначала, еще робко и совестливо, потребовал досрочного возврата кредита, выданного Гусинскому, «Внешэкономбанк». За ним в атаку пошел «Газпром». В 1996 году я был свидетелем того, как Гусинский на Первой Нижегородской ярмарке нового времени обхаживал Виктора Черномырдина, желая получить под НТВ кредит у «Газпрома». Этот кредит и стал поводом к судебному разбирательству. В апреле 2001 года помещения НТВ в Останкине были захвачены службой охраны, защищавшей права нового руководства.

Гусинский, арестованный по сфабрикованному делу «Русского видео», был отправлен в Бутырскую тюрьму, где провел три дня (13–16 июля) в камере с уголовниками. Находясь в заключении, он подписал на условиях, выдвинутых «Газпромом», «июльское соглашение» о продаже активов «Медиа-Моста». В качестве компенсации, согласно приложению № 6, уголовное дело было прекращено, и Гусинскому дали уехать за границу. Оказавшись в Европе, он заявил, что свою подпись под соглашением поставил под силовым давлением, и поэтому оно не имеет законной силы. Тогда прокуратура завела против Гусинского новое уголовное дело (открытое по сей день) с обвинением в мошенничестве и отмывании около 100 млн. долларов, полученных в качестве кредитов под гарантии «Газпрома» (Газета. 2004. 20 мая).

На НТВ пришел Борис Йордан, полагавший, что ему позволят вести бизнес, сохраняя приличия и лицо канала. Он оставил в сетке вещания «Намедни» Леонида Парфенова, на НТВ появилась программа «Свобода слова» Савика Шустера, изгнанного с радио «Свобода» за лояльность к российским властям и выступление на одной из спортивных передач нового НТВ. Однако власть осталась недовольной и поведением Йордана. После событий с захватом зрителей мюзикла «Норд-Ост» новое руководство НТВ обвинили в том, что оно слишком рано показало начало штурмовой операции и тем самым косвенно помогло террористам. Йордан вынужден был уйти.

Приличия все же хотелось соблюсти, и Евгению Киселеву дали возможность вести передачи на ТВ-6. Впрочем, через несколько месяцев опять возник спор хозяйствующих субъектов, на этот раз при участии ЛУКойла. Высший арбитражный суд принял сомнительное решение в пользу истца. Сам председатель суда В. Яковлев уклонился от участия в деле, определенно подставив своего замести-

теля Э. Ренова. ТВ-6 закрыли, а Ренову потом пришлось долго оправдываться за излишнюю послушность.

А. Чубайс попытался спасти команду Киселева и добился согласия властей на то, чтобы крупные бизнесмены на общих паях создали компанию ТВС. В качестве комиссаров к новой компании приставили А. Вольского и Е. Примакова. Однако и ТВС разделил судьбу НТВ и ТВ-6. Весной 2003 года был разыгран мнимый конфликт между пайщиками, и команду Киселева окончательно распустили.

В июле 2004 года снова сменилось руководство НТВ. Еще до этого события из компании ушел Л. Парфенов, а с экрана исчезли самые рейтинговые программы «Свобода слова» Шустера, «Личный вклад» А. Герасимова, «Красная стрела» с куда менее оппозиционными Хрюном и Степаном.

Восстанавливая события этой постыдной истории, я удивляюсь одному — почему власть так долго не решалась поставить окончательную точку в этом деле? Ведь с самого начала было ясно, что путинская команда не потерпит никакой «вольницы» на федеральных каналах.

Параллельно разворачивались события и на первом канале. Напомню, что еще при Ельцине была создана компания «Общественное российское телевидение» — ОРТ, к руководству которой одно время даже привлекли А. Яковлева. Идея создания общественного телевидения наподобие британского ВВС, финансируемого либо государством, либо за счет введенного законодательным образом сбора, на мой взгляд, крайне позитивна. Следует, однако, напомнить, что российский бюджет того времени обладал значительным дефицитом. В связи с этим свободное телевидение спонсировал Б. Березовский, который и установил контроль над каналом. Березовского пришлось изгонять с ОРТ с помощью Р. Абрамовича, выкупившего пакет акций Березовского и передавшего его под управление государству. Только тогда стало возможным снять с эфира программу С. Доренко, который в ходе недавней предвыборной кампании, не стесняясь в выражениях и приемах, «мочил» Примакова. В итоге федеральные метровые телеканалы оказались в полном подчинении у власти.

Сегодняшний день

В итоге федеральные метровые телеканалы полностью «зачищены». Я уже их больше не смотрю, если только кино...

Иная точка зрения: «Конец доминирования новостного телевидения»

Генеральный директор канала СТС А. Роднянский: «Эпоха новостного доминирования в телевидении завершается естественным образом. В России — в силу конкретных обстоятельств: конца эпохи информационных войн, завершения мыльной оперы российской политики, когда в эфире имели смысл влияния, когда каналы служили инструментами, чтобы не сказать дубинками, тех финансово-политических или властных организмов, которые выясняли друг с другом отношения... Я сейчас не оцениваю, хорошо это или плохо, но политическая составляющая утратила интригу. Это сугубо российская, специфическая ситуация.

Если говорить о мире в целом, то я вовсе не утверждаю, что наступает эра развлекательного телевидения, но говорю о том, что сейчас время диверсифицированного телевидения. При этом новости на общенациональных американских каналах практически сдвинулись из прайм-тайма в утренний эфир... В Европе позже 20.00 новостей тоже нет. Раз они сдвинуты, значит, интерес к новостям как телевизионному жанру падает. Тем более что появились новостные каналы...

В России же, на мой взгляд, новости на данном этапе представляют собой аб-

солютно художественный жанр... телевидение предлагает вместо новостей некое субъективное произведение: начинается все с произвольного отбора событий, продиктованного заведомой конъюнктурой... Мы получаем не факты, а мнения, точки зрения, интерпретации.

...Традиции западной журналистики делают невозможным то, что обычно для России, — западный журналист не может не упомянуть о противоположной точке зрения, не может не дать возможности высказаться какой-то стороне... Это делается для того, чтобы граждане имели возможность принимать собственные решения.

Мы же имеем совершенно другую традицию. Даже самая либеральная российская журналистика в лучшие времена всегда была дидактической... Если говорить о новостном вещании, оно всегда было ближе к пиаровским технологиям, чем к информационной журналистике. Другое дело, что эти пиаровские технологии использовались противоположными политическими лагерями, и потому телевизионная картина пиара была богатая... Сейчас мы этого не имеем. Мы имеем унифицированную картину» (Время новостей. 2004. 15 июня).

Контроль над телевидением был установлен не только посредством изгнания медиамагнатов: ТВС не принадлежал ни одному из олигархов, а НТВ в составе «Газпром-Медиа» не представлял особенной угрозы для власти. Очевидно, что Кремль стремится к полному доминированию над всеми информационными каналами, способными оказывать влияние на общественное мнение.

Напомню, что закрылась также «Общая газета» Егора Яковлева, возникшая в августе 1991 года, когда были запрещены другие демократические издания. Она имела узкий круг читателей, но это была качественная и независимая журналистика. Прекратила свое существование она, разумеется, по экономическим причинам, была куплена одним питерским бизнесменом, прежде заявлявшим о своих симпатиях к газете, однако затем поменявшим первоначаль-

чальные планы. Факт в том, что одним хорошим изданием в России стало меньше.

Следом произошла история с Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), созданным Т. Заславской, Б. Грушиным и Ю. Левадой еще в 1980-е годы, на первой волне демократизации. Апеллируя к необходимости акционирования Центра, власть добилась ухода из него независимых социологов и замещения последних новой командой, во всем послушной Кремлю. Леваде пришлось создать «Левада-центр», продолжающий традиции старого ВЦИОМа.

В сегодняшнем радиовещании остается лишь одна независимая информационная общественно-политическая радиостанция «Эхо Москвы», однако 60% ее акций принадлежит «Газпром-Медиа», поэтому власть может прикрыть ее в любой момент. В резерве у коллектива есть радиостанция «Арсенал», но она не столь «раскручена», и при желании ее легко лишить лицензии на частоту. Она не закрыта, я думаю, потому, что главный редактор «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов с его живописной шевелюрой стал символом свободы слова в России. Впрочем, еженедельная аудитория «Эха Москвы», согласно опросам Gallup, составляет 1 млн. 300 тыс. человек, слишком мало, чтобы представлять опасность для власти.

О свободе прессы сигнализируют также печатные СМИ — левые «Советская Россия» и «Завтра», правые — «Московские новости», «Новая газета», «Новое время», центр — солидные «Ведомости», «Коммерсант», «Известия»; массовые издания с желтоватым оттенком — «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец». Общий тираж газет и журналов федерального значения, позволяющих себе некоторую независимость суждений и способных влиять на взгляды людей, по нашим совместным с Алексеем Венедиктовым подсчетам, также равен 1 млн. 300 тыс. экземпляров. Массовые же издания всячески демонстрируют свою лояльность власти.

Политика государства в отношении СМИ проста и эффективна. Все каналы, способные осуществлять психологическое внушение, превращать, по словам французского психолога С. Московичи, массу людей в послушную толпу (Московичи 1996: 229–237), должны находиться под контролем власти. Эффект гласности, известный по годам перестройки, повториться не должен. Ясно, что в этой ситуации пресса не может выполнять свою социальную функцию.

9.3. СМИ и власть в регионах

Свободная пресса есть в Москве, Питере, еще 7–8 крупных городах России. Региональные СМИ, электронные и печатные, в основном находятся под контролем местных властей, почти как при советской власти. Впрочем, существенные отличия все же имеются, вот несколько примеров.

В 2003 году арбитражный суд Карелии вынес решение по делу оппозиционной газеты «Губерния», запретив ей пользоваться этим названием на том основании, что аналогичный логотип зарегистрирован одним нижегородским информационным агентством. Вердикт был оспорен в суде, а в то же самое время в Петербурге печатался тираж газеты под полным официальным названием — «Карельская губерния». На выезде из города автомашина, везущая 25 тыс. экземпляров газеты, была остановлена сотрудниками ГИБДД, и весь тираж был арестован. Оперуполномоченный РОВД Санкт-Петербурга объяснил, что он хотел проверить, не опубликованы ли в газете материалы, способные принести вред репутации партии «Единая Россия» (Московские новости. 2003. 9–15 декабря). «Губерния» уже печатала критические материалы о карельском начальнике С. Катанандове.

Кемеровская газета «Край» уличила во лжи губернатора О. Тулеева, который в ходе предвыборной кампании обвинил А. Чубайса и кузбасских энергетиков в намеренном превышении тарифов на электроэнергию и тепло, хотя хорошо знал, что тарифы устанавливает региональная энергетическая комиссия. Впоследствии выяснилось, что инициатива судебного разбирательства исходила не от энергетиков. Губернатор потребовал возмещения морального ущерба, и районный суд присудил газете выплатить Тулееву сумму в 400 тыс. рублей, затем пониженную областным судом до 55 тыс.

Газета «Край» выходит с мая 2002 года, до этого ее главный редактор Е. Богданов руководил популярным областным изданием «Кузнецкий край», которое раздражало администрацию области своей независимостью. В результате лояльная Тулееву финансово-промышленная группа стала скупать акции газеты. Богданов вынужден был уйти со своего поста и основать новый «Край», за который вновь взялась областная администрация. Газета печатается в Томске, так как кузбасские типографии печатать ее опасаются (Московские новости. 2004. №1).

Свобода печати по-ульяновски

Сергей Титов, бывший заместитель главного редактора «Народной газеты», ныне свободный журналист: «В принципе, не произошло ничего особенного — ситуация и события подобны тем, что наблюдаются в сотнях других газет, где учредителем является какая-либо исполнительная власть.

Газета, в которой я работал заместителем главного редактора, называется „Народной газетой“, хотя народного в ней ничего не осталась, поскольку она теперь всецело посвящает себя восхвалениям губернатора Ульяновской области — генерала Владимира Шаманова. Учредитель газеты — администрация Ульяновской области. Организационно-правовая форма редакции на момент нашего ухода — областное государственное учреждение.

Газету покинул не я один — практически одновременно со мной написали заявления еще два заместителя и двое журналистов. Мы приняли решение покинуть газету после того, как губернатор предложил нашему главреду Геннадью Антонцеву „уйти по собственному желанию“. То есть смысл был в том, что Антонцев ни в чем не провинился, и газетой, на наш взгляд, руководил хорошо, но до выборов оставалось менее года. Начинаясь самый напряженный период в использовании „административного ресурса“ в личных целях губернатора, решившего сохранить свой пост. И в такой период нужен редактор, способный исполнять все пожелания предвыборного штаба и департамента по информационно политике.

Мы давно уже предполагали, что это произойдет, и были готовы к этому. Это должно было случиться, потому что Антонцев — нормальный главред, какими и должны быть редакторы. Он не допускал в газете ни голословных обвинений, ни искажения фактов, ни тем более прямого обмана. А всего этого постоянно требовали от него. Как зам., я часто был сам свидетелем таких случаев. Пресс-секретарь губернатора и руководитель де-

партамента по информационной политике напрямую давали указания главреду, о чем и как надо писать, заставлял публиковать те или иные пиаровские статьи, подготовленные в недрах обладминистрации. Часто Антонцев сопротивлялся и не соглашался публиковать, если видел, что подсунутый материал неточный или недостоверный. Порой доходило до того, что в отсутствие главного редактора на заместителя (в том числе и на меня) выходил руководитель департамента по информационной политике с требованием показать сверстанные полосы перед выходом номера. Разумеется, мы тоже отказывали. В период предвыборной кампании по выборам в областное Законодательное собрание и в Госдуму давление нисколько не уменьшилось, а попытки влияния даже участились. Главному редактору указывалось, какой материал о деятельности кандидата необходимо поместить под видом журналистской статьи. То есть редакцию толкали на применение примитивного „черного пиара“, правда, еще и неоплачиваемого.

Совершенно аналогичную ситуацию мы испытали на себе три года назад, когда работали в газете „Ульяновск сегодня“. Учредителями газеты были гордума и мэрия. Это было очень удобно, поскольку городская Дума была неоднородной, что позволяло быть более свободными в своих высказываниях, комментариях и прочих умозаключениях. Но новый мэр (бывший полковник ФСБ) Павел Романенко решил, что это для него плохо, что надо сделать так, чтоб газета подчинялась только мэрии. И всеми правдами и неправдами, незаконными ходами мэр лишил гордуму соучредительства, обеспечив себе полное господство над газетой (об этом я подробно писал в журнале „Профессия — журналист“). Именно после этого, когда стало ясно, что газета превращается в пропагандистскую листовку, мы покинули газету „Ульяновск сегодня“.

К сожалению, запрет на вмешательство учредителей в деятельность СМИ,

оговоренный Законом о СМИ, совсем недолго действовал в реальной жизни. С некоторых пор, поняв, что санкций за это никаких нет, да и никто не пожалуется из подвластной прессы, исполнительная власть стала воспринимать СМИ, учрежденные ею, как придаток администрации, как административный ресурс, средство обольванивания населения.

На СМИ, в которых обладминистрация не является учредителем, влияние выстраивается иным путем. Так, для ГТРК „Волга“ просто было закуплено опреде-

ленное оборудование, за что телекомпания была благодарна и старалась эту благодарность отрабатывать по полной программе. Кроме того, старому председателю ГТРК было предложено уйти на пенсию, а новый председатель был подобран из лояльных (хоть и недостаточно профессиональных) людей и рекомендован Москве...

Ныне Шаманов ушел, как поведет себя следующий?» (материалы предоставлены С. Титовым).

Эти примеры характеризуют ту атмосферу, в которой работают в регионах независимые СМИ. Случаются, впрочем, и крайности, такие, как убийство главного редактора газеты «Советская Калмыкия» Л. Юдиной. Есть также и позитивные примеры — частные газеты в малых городах и регионах, где власти терпимы к прессе и не реагируют на докладные ФСБ. Большинство же региональных СМИ в лучшем случае соблюдают лояльность по отношению к властям, а чаще играют роль их рупора, в том числе прямо занимаясь пропагандой в их пользу, искажая факты или односторонне их интерпретируя.

9.4. «Плохие журналисты»

Представители власти, а также и многие российские граждане зачастую придерживаются мнения о безответственности, лживости, продажности журналистов, готовых на все в погоне за сенсацией. Чиновники во всех наших бедах винят прессу и на этом основании настаивают на ограничении свободы слова. Трудно спорить с тем, что среди прочих есть и «плохие журналисты», нарушающие этические нормы, оскорбляющие государственных служащих и публикующие непроверенную информацию. Я думаю, что даже если такие люди или издания появляются, то быстро идентифицируются и теряют доверие читателей, становятся одиозными. Именно поэтому такого рода прессу нельзя считать сверхопасной. Более того, нарушения профессиональной этики могут вызвать жесткий отпор со стороны потерпевших — вплоть до судебного преследования.

Другой тип журналистики — «продажная». Заказные статьи, «слив», использование СМИ в целях рекламы или пропаганды определенных политических групп весьма распространены в России. Большое количество предпринимателей (не только олигархи) ока-

зывают значительное влияние на ту информацию, которая подается в СМИ. Этот феномен весьма опасен для общества и, стало быть, требует принятия законодательных и иных мер. В то же время конкуренция среди самих СМИ и их заказчиков в определенной степени способствует сохранению информационного баланса.

Хуже всего — послушность!

Третий тип прессы — послушные СМИ, часто напрямую обслуживающие интересы власти и угадывающие ее желания. За этот порок чиновники прессу совсем не критикуют, но, на мой взгляд, он является самым опасным, ибо более всего препятствует выполнению социальной миссии СМИ и лишает информационный рынок здоровой конкуренции.

Еще один кузбасский пример от бывшего собкора «Известий» И. Сербиной. Не так давно местные СМИ сообщили, что администрация Павлодарской области соседнего Казахстана намерена запретить О. Тулееву въезд на ее территорию. В качестве доказательства был процитирован пресс-релиз администрации Кемеровской области. При попытке проверить информацию пресс-служба губернатора отослала журналистов к статьям в «Туркестан-газете», которая выходит на казахском языке. По мнению администрации Тулеева, губернатора в Казахстане не любят, так как он защищает интересы Кузбасса, препятствуя ввозу в Россию угля и энергии. Проверка показала, что это чистая пропаганда, «пиар», и никакого конфликта между Тулеевым и казахскими властями не существует. В то же время прочие СМИ уже успели перепечатать защищающий честь Тулеева материал.

Впоследствии журналистка услышала от одного из своих знакомых: «Ты представляешь, Тулеева казахи на свою территорию не пускают. Вот гады. А он ведь за нас, за Кузбасс!» На вопрос об источнике информации собеседник Сербиной ответил: «В газете написано, по телевизору говорили». «Вот тогда-то, — пишет Сербина, — мне стало как-то неловко за профессию и за себя, коль я уж в ней. Получается, что цель у нас с властью одна — людям головы дурить. Или мы работаем для того, кто каждый день идет в газетный киоск и покупает за три рубля газету, где опубликована информация, на которую этот человек имеет право. Продаваться за три рубля тысячам людей — это совсем не то, что продаваться одному за тридцать сребренников. Просто это разные профессии» (материал предоставлен И. Сербиной).

Такова, может быть, несколько наивная, романтическая позиция честного журналиста, готового, как и многие другие репортеры, мужественно выполнять свой профессиональный долг и социальную миссию. Но циники и прагматики, издевающиеся над ее несоответствием сложившимся обстоятельствам (а когда они будут другими?), ничего не сделают, чтобы мы все жили лучше, не только богаче, но и нравственнее. А делают это только такие непрактичные и смелые идеалисты.

Для меня одним из самых ярких впечатлений о событиях, разворачивавшихся вокруг президентских выборов на Украине осенью 2004 года, был отказ 90 тележурналистов ведущих телеканалов озвучивать ложь, навязываемую властью, — несмотря на угрозу снятия с работы. Показательна и судьба российского журналиста Д. Киселева, нашедшего себе работу на Киевском телевидении и отстраненного от руководства информационными программами за необъективность. А ведь в 1991 году он с Т. Митковой также отказался давать в эфир лживую информацию о событиях в Прибалтике. Общество и власть должны гарантировать права тех, кто исполняет социальную функцию СМИ.

Вернемся к мнению А. Роднянского о новостном телевидении. Он упрекает российских телевизионных журналистов в том, что они подменили информацию пиаром и тем самым погубили новостные программы. Отчасти соглашаясь с ним, я все же хочу заметить, что сегодня пиаром в СМИ занимается прежде всего власть, т. е. журналисты, которые ей верно служат. Я не против пропаганды, но умной, разъясняющей людям суть происходящих событий, принимаемых решений, способствующей их превращению в граждан, а не в стадных животных. Я за ту пропаганду, которая формирует в обществе полезные институты гражданственности. Подобная пропаганда, увы, немыслима без свободы слова, без независимой прессы, без рыночной и политической конкуренции. Как и в рыночной экономике, в реальной демократии независимая пресса должна создавать многообразие и неопределенность, несущие определенный риск. Но наряду с недостатками будет и возможность для работы честной профессиональной журналистики, способной качественно выполнять социальную миссию «четвертой власти».

9.5. Закон о СМИ

Очевидно, что демократическое государство обязано всеми доступными средствами, прежде всего законодательно, содействовать

выполнению социальной функции свободной прессы. 27 декабря 1991 года был принят Закон о СМИ, который действует до сих пор и считается одним из самых либеральных в мире. Он не помешал властям предпринять описанные выше акции против отдельных СМИ, но все же сыграл и играет важную роль в защите свободы слова.

С течением времени и в этом законе обнаруживается ряд недостатков. Главный из них состоит в том, что, принятый на гребне демократической волны, на переломе эпох, он не учел логику последующего развития информационного бизнеса. Упор в законе сделан на права журналистских коллективов, необходимые для выполнения их миссии. Отсутствие законодательной базы для деятельности информационного бизнеса привело к появлению противоречий между законом 1991 года и более поздними актами, например «Об акционерных обществах». То же касается и Гражданского кодекса, где специфика СМИ учтена не была, что позволило власти устранять неугодные ей СМИ безукоризненно с юридической точки зрения, используя нормы взаимоотношений между хозяйствующими субъектами. Назрел вопрос о новой редакции закона о СМИ. В каком направлении развиваются события — в сторону усиления защиты свободы слова или расширения возможностей контроля за СМИ со стороны власти, будет разъяснено ниже.

Первые поправки к Закону о СМИ были инициированы депутатами от партии власти уже в 2001 году. Одна из них, о возможности запрета конкретных изданий, нарушивших законодательство о выборах во время избирательных кампаний, была однажды принята, однако затем Конституционный суд признал ее противоречащей Конституции и отменил. Тем не менее представители информационной индустрии, обеспокоенные действиями властей (в том числе разгромом НТВ), выдвинули свои инициативы и предложили Кремлю позволить участникам информационного рынка самим находить решения по вопросам внутреннего регулирования отрасли. В июне 2002 года состоялась конференция «Индустрия информации: направление реформ», собравшая 800 представителей профессионального сообщества. По итогам конференции был создан Индустриальный комитет во главе с генеральным директором «Первого канала» (бывшим ОРТ) К. Эрнстом, комитет взялся за разработку проекта нового закона о СМИ. Привлечение профессионального сообщества для решения его собственных проблем — факт сам по себе отчаянный. Как же разворачивались события дальше?

Комитет подготовил свой проект и отправил его в Администрацию Президента РФ, которая отдала текст на редактирование в свое Главное правовое управление. К исправленному тексту законопроекта комитет сделал свои замечания, летом 2004 года они были еще раз пересмотрены в Администрации. Параллельно велась общественная дискуссия (Газета. 2004. 19 мая; 2 июня; 7 июля). Обратимся к сути предлагаемых изменений.

Игроки на информационном рынке

На информационном рынке действуют следующие игроки:

- потребитель, гражданин, имеющий право на информацию;
- журналист, добывающий информацию и готовящий ее к потреблению, создающий информационный продукт; эта профессия открыта — в том смысле, что к информационному продукту может быть причастен любой гражданин России;
- редактор (главный редактор) — лицо или группа лиц, определяющих содержание издания, т. е. состав публикуемых информационных продуктов;
- издатель (вещатель) — менеджер предприятия, осуществляющего издание или вещание; он отвечает за бизнес, за его прибыльность;
- владелец — лицо, вкладывающее свой капитал, чтобы получить доход от информационного бизнеса или в иных целях: например, влиять на общественное мнение;
- государство — регулятор взаимоотношений на информационном рынке.

Роли зачастую совмещаются: государство может быть владельцем, владелец может быть издателем и редактором, редактор — журналистом.

Интерес потребителя состоит в том, чтобы получать объективную информацию и публично выражать свое мнение. В части определения публикуемой информации этот интерес требует независимости журналистов и редакторов от издателей, владельцев и государства, а также самих журналистов от их редакторов. Эти фигуры — главные носители социальной функции СМИ.

Издатели и владельцы подчинены требованиям рынка и стремятся сделать информационный бизнес прибыльным. Ориентируясь на спрос и конкуренцию, они стремятся удовлетворить требования потребителей и подбирают подходящих для этого ре-

дакторов и журналистов. Владельцы изданий могут формировать спрос и внушать потребителям определенные представления о политической или экономической жизни государства, что зачастую противоречит социальной функции СМИ. Теоретически пресса может нуждаться в государственном регулировании.

Государство как институт общественных услуг заинтересовано в наилучшем исполнении социальной функции СМИ и, стало быть, в их независимости. В то же время оно обязано охранять права собственности. Если люди, стоящие у власти, имеют возможность (или позволяя себе) использовать государственные полномочия в собственных интересах, то они уже не заинтересованы в независимости прессы, в нормальном исполнении ее социальной функции. В этом случае власть будет стремиться установить контроль над прессой, прежде всего ограничить независимость журналистов и редакторов, но также и тех владельцев, которые стараются формировать общественное мнение.

Закон о СМИ — правила игры

Действующий Закон о СМИ содержит нормы, защищающие журналистов и редакторов, ограждающие их от давления со стороны государства. В законе такая категория, как владелец, отсутствует (упоминается лишь учредитель): в 1991 году у всех СМИ был один владелец — государство, которое их финансировало. Издателями в данном случае следует считать руководителей государственных СМИ, они же были обычно и главными редакторами.

В законопроекте Индустриального комитета появляются категории владельца и издателя, но при этом возникает угроза для независимости журналиста и редактора. Более того, проект возлагает на владельцев и издателей ответственность за содержание, равную редакторской и журналистской: например, «Интеррос» должен отвечать за то, что печатает «Комсомольская правда». Редактор при этом оказывает «редакционные услуги владельцу СМИ, необходимые для создания СМИ». С точки зрения принципов рыночной экономики здесь все в порядке: «Кто платит, тот и заказывает музыку», но с точки зрения социальной функции проект явно непригоден. Творческая работа и долг перед обществом — а труд журналиста и редактора именно этим и отличается от других профессий — не могут быть подчинены владельцу и издателю.

В Индустриальном комитете преобладают топ-менеджеры государственных или косвенно контролируемых государством

медиакомпаний (например, НТВ, принадлежащего «Газпрому»), т. е. не владельцы, а издатели. СМИ определяются ими как «периодически обновляемый результат интеллектуальной и иной деятельности». Издатели полностью владеют информационным полем. Может быть, в этом и заложена независимость СМИ, увязанная с принципами бизнеса и правами собственности? В это верится с трудом.

Естественным решением представляется следующее: в СМИ определять содержание информационного продукта должны редактор и журналисты. Творческий коллектив является основным капиталом, определяющим цену бизнеса. Независимость журналистов перед редактором, редакторов — перед владельцем есть фактор, повышающий цену и одновременно наделяющий социальной функцией того, кто хочет заниматься бизнесом на этом рынке. Цитирую М. Асламазян, руководителя Internews: «Необходимо ввести ограничения, которые мешают собственнику распоряжаться своей собственностью... И прописать: собственник не может увольнять журналистов или редактора» (Газета. 2004. 7 июля). Собственник недвижимости почти во всем мире обременяется определенными обязанностями. В проекте же Индустриального комитета ничего подобного нет. По словам доктора Виллема Кортаса Альтеса, основателя нидерландской ассоциации права в сфере СМИ, традиционно для обеспечения независимости редактора создается редакционный устав, часто в форме соглашения между владельцем и издателем с одной стороны и редактором — с другой (Там же). В наших же условиях, когда законодательных обязательств защищать независимость СМИ недостаточно, закон *нуждается в норме об обязательности подобных уставов.*

Государство — «самый равный» игрок

Больше всего, как выясняется, от введения нового закона выиграет государство, прежде всего с точки зрения возможного контроля над СМИ. Справедливости ради отмечу, что проект Индустриального комитета позволяет ограничить присутствие на рынке государственных СМИ: получать финансирование из бюджета смогут официальные издания, в которых публикуются нормативные акты, государственные информационные агентства, СМИ культурно-просветительского, образовательного и научного характера, а также районные газеты. Срок лицензий может продлеваться до 10 лет.

Регулирующий орган вправе выносить предупреждения и предписания, обязательные к исполнению, приостанавливать деятельность СМИ в том случае, если возникнут подозрения в его причастности в связях с террористами и экстремистской деятельности, следить за тем, чтобы СМИ не нарушали законных интересов граждан. При расплывчатости этих формулировок закон допускает самые широкие толкования. В настоящий момент лишь решение суда по уголовному делу может заставить журналиста раскрыть свои источники информации. Согласно законопроекту, это можно будет сделать на основании любого определения суда или по соответствующему запросу. Из текста, направленного Индустриальным комитетом в Администрацию Президента, единогласно исключены нормы о приостановлении деятельности СМИ, связанные с нарушениями в ходе избирательных кампаний. В отредактированной Главным правовым управлением Администрации версии закона эти нормы были восстановлены. Характерная деталь: последнее слово вновь осталось за Администрацией Президента; так как Дума будет рассматривать не согласованный вариант законопроекта, а лишь версию Главного правового управления, налицо явная имитация общественной дискуссии.

Российский закон не спасает граждан от произвола власти. Цитирую А. Венедиктова: «Старый закон не помешал закрыть НТВ, уничтожить „Общую газету“ или вынести решение Арбитражного суда по ТВ-6 за пару дней до отмены действия статьи, по которой решение выносилось. Нам до сих пор никто не объяснил, на каком основании был отключен ТВС... Они закрывались при наличии очень хорошего закона... Но это были, так скажем, „случаи“. Если же появится закон, который систематизирует эти „случаи“... Мы хотим быть в клубе с Зимбабве и Северной Кореей?» (Газета. 2004 19 мая). Проект, таким образом, узаконивает ту реально существующую практику, которую прежде власть использовала для подавления прессы, нарушая при этом действующий Закон о СМИ. Легализация несвободы — не в этом ли ныне стиль российской власти?

О проекте Закона о СМИ идет дискуссия, ведется диалог с властью, и это безусловно позитивный фактор. Впрочем, сам проект и характер действий власти подводят к выводу, что диспут кончится не предоставлением гарантий СМИ, а подавлением оставшейся, скудной свободы слова. Однако следует иметь в виду, что сопротивление профессионального сообщества и всей общественности этой тенденции имеет смысл.

Интернет

В июле 2004 года сенатор от Тувы Л. Нарусова внесла предложение о принятии закона, который регламентировал бы работу интернет-ресурсов. Очевидно, «плодотворная дебютная» идея не сама собой пришла в голову Нарусовой, власть явно стремилась оценить возможную реакцию общества. Супругу покойного А. Собчака трудно заподозрить в желании ограничить свободу слова. Предлог также был избран вполне уместный: молодежь подвергается соблазнам порнографических сайтов и тому подобное.

Надо сказать, что Интернет, пространство неограниченной свободы слова и информации, не признающей и государственных границ, заботит не только российское руководство. В 2004 году примерно 14 млн. граждан России пользовались Интернетом. Политические предпочтения большинства российских избирателей формируются в основном посредством традиционных каналов распространения информации. Представим себе, что доступ к Интернету будет иметь большая часть населения, как в развитых странах. В этом случае все сегодняшние споры о свободе слова, о независимости СМИ, о государственной безопасности и защите частной жизни граждан приобретут иной смысл. Этот факт не может не вызывать определенной реакции со стороны властей всего мира.

Свобода слова и Интернет в США

«Контроль над информацией составлял саму суть государственной власти на протяжении всей истории. И США не являются исключением. Поэтому одной из образцовых ценностей американской конституции как раз и стало оформление права на свободу слова в качестве Первой поправки к Конституции. В своих попытках добиться контроля над Интернетом Конгресс США и Министерство юстиции использовали аргумент, способный найти отклик у каждого из нас: защита детей от странствующих по Интернету сексуальных демонов. Однако это не возымело действия. Communication Decency Act (Закон о пристойности в коммуникациях), принятый в 1995 году, был объявлен 12 июня

1996 года федеральным судом США в Пенсильвании неконституционным с констатацией, что „точно так же, как сила Интернета — это хаос, сила нашей свободы определяется хаосом и какофонией неограниченной свободы слова, которая защищается Первой поправкой к Конституции“. Это „конституционное право на хаос“ было поддержано Верховным судом 26 июня 1997 года. Очередная попытка администрации Клинтона наделить правом осуществлять цензуру Интернета — принятие в 1998 году Child On-line Protection Act (Закон о защите детей в онлайн) — вновь была пресечена, на этот раз апелляционным судом США в Филадельфии в июне 2000 года» (Кастельс 2004: 199–200).

По мнению специалистов, установление контроля над коммуникациями в Интернете в национальных границах технически возможно. Однако пока хотя бы в одной стране мира, конкретно —

в США, свобода слова в Интернете защищена законодательно, полный контроль в данной сфере установить невозможно. Государство может только договариваться с другими государствами о коллективных действиях, но с частичной утратой суверенитета. Первые попытки договориться были предприняты на встрече «большой восьмерки» в Париже в 2000 году. Совет Европы принял конвенцию о борьбе с киберпреступлениями, которая была разработана органами безопасности европейских стран в сотрудничестве с крупнейшими производителями программного компьютерного обеспечения. Россия вместе с Китаем, Малайзией и Сингапуром приветствовала эти инициативы (Кастельс 2004: 209). Как мы видим, госпожа Нарусова отнюдь не является первооткрывателем законов, направленных на ограничения распространения Интернета. Речь идет об усилиях, имеющих позитивную сторону, в том числе и с точки зрения защиты прав граждан и прав компаний на коммерческую тайну.

Если бы такая договоренность была достигнута, страны, вошедшие в соглашение, в том числе с авторитарными режимами, могли бы использовать ресурсы других стран для контроля за интернет-коммуникациями в своих целях. Таким образом, Интернет — это не просто неограниченные возможности свободы слова, а новое поле борьбы за разумное регулирование общественной коммуникации.

Первый шаг в данном случае надлежит сделать государству. Оно обязано продемонстрировать пример прозрачности, публикуя в Интернете всю общественно значимую информацию, за исключением составляющей государственную тайну. Надо признать, что определенные шаги в этом направлении уже были сделаны, в частности Министерством экономического развития и торговли РФ. Важно, чтобы это стало не только актом доброй воли, но обязанностью власти.

Ситуация, однако, развивается противоречиво. В ноябре 2004 года на научном форуме в Киото наш министр образования и науки А. Фурсенко заявил, что легкий доступ в виртуальный мир интернет-информации затягивает в себя российскую молодежь. Это, в свою очередь, порождает серьезные социальные проблемы. В ответ на мгновенную и чрезвычайно активную реакцию мировых СМИ, усмотревших в его высказывании покушение на свободу слова, Фурсенко уточнил свою позицию: инициатива должна исходить не от государства, а от общественных организаций (РИА-Новости).

2004. 16 ноября). Глава российского МИДа С. Лавров все же считает, что именно государство должно вмешаться в деятельность Всемирной паутины. Третий российский министр — Л. Рейман — выступил против любого государственного регулирования Интернета, выходящего за рамки действующего Закона о СМИ.

Обращение к государству, к его доброй воле в подавляющем большинстве случаев не оказывает на власть никакого воздействия, особенно если не подкрепляется давлением со стороны общества. С. Маркову принадлежат слова: «Телевидение — это рабство, Интернет — это свобода». Интернет как свободу надо еще отстаивать.

Глава 10 Усмирение бизнеса

10.1. Бюрократия и бизнес: симбиоз и конфликты

О взаимоотношениях бизнеса и власти в последнее время столько писалось и говорилось, что, кажется, что-то новое сказать невозможно. Тем не менее для полноты картины укрепления государства и свертывания демократии в путинскую эпоху обойти стороной этот вопрос нельзя. В то же время многое из сказанного стоит обобщить.

Демократия и бизнес

Эффективная работа политических партий и парламента как институтов общественного контроля за властью зависит от наличия в стране свободы слова, в свою очередь связанной со свободой экономической деятельности и защитой прав собственности. При отсутствии независимых от государства источников финансирования свободной прессы последняя перестает существовать. В конечном счете демократия имеет своим основанием открытую рыночную экономику и неприкосновенную частную собственность. Отсюда следует, что если вы хотите получить надежно управляемую демократию, то рано или поздно вам придется установить контроль не только над СМИ, но и над рыночными агентами, т.е. над бизнесом.

Все процессы трансформации начиная с 1988 года шли в направлении обособления и роста бизнеса как самостоятельной социальной силы. И при этом сокращался объем функций государства, сфера его контроля.

Мы видели, был период, когда рыночные реформы и развитие демократических институтов оказались в противоречии, которое разрешилось появлением управляемой демократии, причем в ее рождении и становлении важную роль сыграл крупный бизнес, так называемые олигархи, которым, вообще говоря, демократия как таковая не больно-то была нужна. Но крупный бизнес не хотел реставрации коммунизма, не хотел и авторитарного режима, неизбежно возникающего на почве государственных переворотов. Поэтому демократические формы, особенно управляемые капиталом, крупный бизнес несомненно устривали. Скажем так: он не был против демократии.

Повышение эффективности рыночной экономики и завершение процесса распределения государственной собственности рано или поздно приводят к тому, что противоречие между реформами и экономикой снимается. Теперь у бизнеса возникает потребность в демократии и общественном контроле за деятельностью государства, в защите прав собственности и других гражданских свобод, соблюдение которых создает атмосферу доверия и солидарности — необходимое условие социальной стабильности в обществе. В условиях демократии бизнес в своих крайних негативных проявлениях — нарушении закона, прав трудящихся, уклонении от уплаты налогов, коррумпировании чиновников — наряду с бюрократией подвергается определенным ограничениям. Но в конечном счете они выгодны самому бизнесу. Наступает время, когда частная собственность и успешный бизнес становятся гарантией гражданской свободы, способности общества контролировать государство и бюрократию посредством демократических институтов.

Бюрократия и бизнес: созревание конфликта

По мере того как снимается противоречие между рыночными формами и демократическими институтами, возникает и развивается конфликт бизнеса с бюрократией.

Век бюрократии в России весьма долог. Напомню приведенную выше мысль В. Ключевского: в XVII веке монархия управляла посредством дворянства, в XVIII веке уже дворянство пыталось управлять с помощью правительства, однако с XIX века в России господствует бюрократия. XX век не является в этом смысле исключением: советская власть представляла собой власть бюрократии, номенклатуры.

Бюрократия начала реформы. Не справляясь с социальными обязательствами и чувствуя нарастающую угрозу, она — в лице своих наиболее дальновидных представителей — захотела изменить и собственный статус. Полная зависимость от позиции в иерархии, необходимость держаться за кресло, невозможность передать должность по наследству тяготили бюрократию, и система «власть — собственность» ее уже не устраивала. Бюрократия стремилась завладеть собственностью.

Наиболее продвинутая часть номенклатуры решила на перемены. Она рассчитывала, что допущенные с ограничениями рыночные отношения дополнят централизованное планирование, заполнят ниши, до которых оно не могло добраться. Тем самым

допускалось возрождение предпринимательства — в расчете на то, что бизнес укрепит позиции бюрократии, выполняя за нее грязную работу. И бизнес, едва родившись, копошился у юбки бюрократии, питался от нее, а научившись самостоятельно зарабатывать, начал ее прикармливать, использовать в своих интересах. Бюрократия не только поддерживала «своих» предпринимателей, но и сама явно или неявно стала заниматься бизнесом. Сращивание, симбиоз бизнеса и власти до сих пор считается не просто фактом, но специфическим свойством нового русского капитализма. Советы западных специалистов, которые исходя из своего опыта говорили о недопустимости соединения государственных функций и бизнеса, о вредности такого конфликта интересов, пропускались властью мимо ушей, воспринимались как надоедливое, оторванное от нашей жизни «брюзжание». Новая российская власть логично мыслила в категориях поэтапного развития: всему свое время, каждый период диктует свои правила.

Поучения западных советников, которые, исходя из своего зрелого опыта, говорили о недопустимости соединения государственных функций и бизнеса, о вредности конфликта интересов, пропускались мимо ушей, воспринимались как надоедливое, оторванное от нашей жизни брюзжание: а как тогда выжить, как приспособиться к новым условиям, да еще выгадать на них? Всему свое время, сначала надо воспользоваться обстоятельствами, а потом — посмотреть. И в этих суждениях была своя логика, логика поэтапности развития.

Потому и не приживались импортированные с Запада институты типа этики государственной службы, стандартов корпоративного управления или независимых судов, что они погружались в иную среду, в мутный бульон зарождающегося капитализма. В нем много чего можно было наловить, пользуясь как раз отсутствием закрепившихся правил игры, где противоположности еще не были разделены и до поры могли существовать только в сочлененном, сращенном виде. При этом бюрократия изначально господствовала, а бизнес был «прилипалой», как первые кооперативы присасывались к ресурсам государственных предприятий. И относилась она к нему с налетом презрения. Замечу, что в Америке было иначе: на новых землях буржуазия была пионером и главным актором, она создавала и наемных рабочих, и чиновников, обязанных служить ей.

У нас же рыночные реформы нельзя было осуществить, не возродив частное предпринимательство и не подняв его социаль-

ную роль. И сделать это можно было только одним способом — потеснив бюрократию. Поэтому конфликт был неизбежен.

В поисках ренты

В 1990-е годы новая демократическая власть могла опереться сначала только на крупный бизнес, поскольку только он мог быстро организовать. Одновременно она оказалась вынуждена привлекать к участию в управлении государством бюрократию, включить в свой актив часть номенклатуры, инициировавшей реформы и готовой проводить их в своих интересах. Однако власть не смогла отказать от услуг других звеньев прежней бюрократической системы, прежде всего силовых, которые для сохранения мирного характера революционных перемен следовало как минимум нейтрализовать.

Крупный бизнес готов был поддержать реформаторов, но, разумеется, не бесплатно. Он стремился занять командные высоты и на какое-то время их получил: возник так называемый олигархический капитализм. Параллельно государство слабело, страна оказалась в экономическом кризисе, который в общественном сознании связывался с олигархами, «разграбившими страну». Даже весьма серьезные ученые полагали, что не революция, не глубокий трансформационный кризис, а рентоориентированное поведение немногих олигархов и высокопоставленных чиновников были причиной падения производства и жизненного уровня в России (Хеллман 2002; Полтерович 2002: 78–94, 95–103; Polterovich 2001: 38; Olson 1993). Я готов признать, что этот фактор являлся значимым и способствовал углублению кризиса. В то же время, как я полагаю, действовали и другие факторы, гораздо более существенные. В их числе назову прежде всего структурные диспропорции, сложившиеся в сильно милитаризованной советской экономике и обнаружившиеся, как только она подверглась либерализации и была открыта для свободной внешней торговли. Во-вторых, следует упомянуть упадок неконкурентоспособных производств, составлявших значительную часть общего хозяйства страны. Возможно, падение спроса в период высокой инфляции было чрезмерным и, не будь его, часть этих производств могла бы выжить, однако это, в свою очередь, только создало бы трудности для последующего развития: модернизация или ликвидация многих предприятий являлись необходимым условием движения вперед. Лишь в третью или четвертую очередь можно говорить об экономических потерях от рентоориентированного характера молодого российского бизнеса.

Поиск ренты — наиболее естественная, рациональная линия поведения для бизнеса, едва получившего свободу экономической деятельности. Позднее, когда возможности поиска ренты окажутся исчерпаны, контроль со стороны конкурентных рыночных механизмов и государства станет более жестким и будет накоплен минимальный капитал, наступит время менее доходных инвестиций в производство. Таков закон убывающей производительности капитала в действии. В начале 1990-х годов обращаться к бизнесу с моральными призывами проявить патриотизм, не обирать плохо лежащие советские предприятия и не ускорять любыми способами накопление собственного капитала означало уподобиться крыловскому повару, увещевавшему кота: «Кот Васька плут, кот Васька вор». «А Васька слушает, да ест»...

Не мы одни: как это было в США

Г. Сатаров: «В начале 60-х годов XIX века очередной государственный тендер на строительство железной дороги из Сан-Франциско на восток выиграла два почтенных джентльмена — Коллис Хантингтон и Лиланд Стэнфорд. Это принесло им только образованной фирме 24 млн. долларов государственных субсидий и 9 млн. акров земли. В результате дальнейших махинаций с выпущенными акциями произошло следующее: 50 млн. долларов были потрачены на строительство дороги, 30 млн. долларов прикарманили друзья. Один из них — тот самый Стэнфорд, который, выигрывая тендер, не оставлял поста

губернатора штата и впоследствии на часть украденных народных денег учредил один из знаменитых университетов мира, носящий теперь его имя.

Пути Господни неисповедимы, но часто они протоптаны, и по известной колее первоначального накопления капитала двигаются все. Везде и всегда. Сначала стремительное обогащение, нередко далеко за гранью закона. Затем резкий поворот, и вот дорога уже поднимается в гору, на вершине которой сияет нечто величественное — Знание, Добродетель, Свобода и т.п.» (Еженедельный журнал. 2004. № 41. С. 8).

Конечно, закономерно возражение: следовало не увещевать бизнес-элиту, а с максимальной жесткостью подавлять опасные для общества процессы или же не форсировать экономическое развитие, даже остановить его.

На вопрос о том, стоит ли давать бизнесу свободу, если известно, что первым делом он займется поиском ренты, по-моему, следует ответить: «Давать несомненно!» Но потом, при подъеме производства и инвестициях за счет капиталов, созданных в том числе посредством накопления ренты, когда уже будет «что делить», неизбежно появляется соблазн вернуться к обсуждению оправданности такой политики, несправедности нажитых капиталов и обусловленности кризиса именно поиском ренты. Я уверен, что подобное обсуждение с точки зрения развития экономики, деловой

активности, да и интересов простых граждан крайне непродуктивно. Рентоориентированное поведение порой связывают с ослаблением государства, со снижением роли бюрократии, преданно служившей интересам власти. Действительно, в то время бюрократия отступала, собиралась с силами и готовилась к реваншу.

Бюрократия в России

Стоит сказать, что я понимаю под бюрократией. Ясно, речь идет не о кучке чиновников в ситцевых нарукавниках. Это иерархическая структура, пронизывающая все уровни власти, в которой все ячейки (позиции) связаны отношениями субординации и дисциплины. На вершине пирамиды находится высший чиновник, в руках которого сходятся все нити иерархии власти. Таким высшим чиновником может быть и политик, однако только в том случае, если существует разделение властей и другие демократические институты, если, кроме бюрократической иерархии, в обществе имеются другие структуры, способные уравновешивать ее влияние. Если же ситуация в стране прямо противоположная, то во внешней среде высший чиновник играет роль политика, при этом изнутри бюрократия навязывает ему те правила поведения, которые способствуют поддержанию ее жизнедеятельности. Даже будучи уверенным в собственном всевластии, такой политик реализует интересы поддерживающей его пирамиды.

Разумеется, бюрократия — необходимый элемент государственного и корпоративного управления. Она становится опасной при отсутствии общественного политического контроля, в этом случае бюрократия будет считать собственные интересы интересами государства и всего общества. Государство есть единственный политический институт, обладающий правом на насилие в целях безопасности и поддержания законности, а силовые структуры, выполняющие эти функции, — армия, полиция, суд и прокуратура — являются первостепенными звеньями бюрократической иерархии. Силовые ведомства в России традиционно ориентированы не на защиту законных прав и свобод граждан, но на исполнение приказов, поступающих с верхних ступеней иерархии.

Событиям последнего времени, серьезно изменившим картину российской экономической и общественной жизни, — разгрому НТВ и ЮКОСа, отставкам А. Волошина и М. Касьянова, путинским инициативам, озвученным 13 сентября 2004 года, и многому другому — даются разные объяснения. Например, существует мне-

ние, что истинная их подоплека — схватка различных олигархических группировок, в которой власть, подобно некоему районному УБЭП, играет роль «крыши», служит орудием конкурентной борьбы. Вероятно, в этом есть доля истины.

Другая версия — передел собственности: новые люди, пришедшие с Путиным и не участвовавшие в первичном разделе, хотят использовать близость к власти и компенсировать финансовые потери. Отчасти, видимо, верен и этот тезис. Нельзя, впрочем, не заметить, что в изложенных выше интерпретациях ни разу не упоминается бюрократия — как важная социальная сила. Даже если приведенные версии в целом и не вызывают сомнений, остается неясным, в чем состоит тогда серьезная угроза для жизни государства: стычки между разными группировками бизнеса, сопровождающиеся нарушениями закона, коррумпированием чиновников, а то и стрельбой, в конечном счете неизбежно войдут в цивилизованные рамки — в этом прежде всего заинтересован сам бизнес. Постепенно возрастет спрос на защиту прав собственности, на дисциплину контрактов, на доверие и репутацию, и государственные институты, выполняющие эти функции, смогут опереться на общественную поддержку и укрепить свои позиции.

Но на мой взгляд, *доминирующим фактором современного развития России является конфликт между бюрократией и бизнесом, причем пока бюрократия берет реванш*. Об этом, кстати, свидетельствуют и идеологемы официальной власти: равноудаление олигархов с апелляцией к равенству всех, включая самых богатых, перед законом, призывы заставить всех без исключения платить налоги, СМИ, которые не должны выражать взгляды отдельных медиамагнатов. Власть выступает за укрепление государства, добивается уважения к нему со стороны других стран. Опасность состоит в том, что за этими вполне благовидными установками просматривается тенденция к возобновлению извечной российской традиции распоряжения властью, единоличной и неделимой. Деньги дают независимость, бизнес может подерживать конкурентов власти — а с этим она мириться не может.

10.2. Российский бизнес: жизнь в тени и наяву

Обстоятельства рождения и родовые травмы

Российский бизнес был создан буквально на пустом месте немногими советскими людьми, решившимися на риск самостоятельной деловой активности, использовавшими представившиеся возможности:

- экономической свободы: «можно все, что не запрещено»;
- слабого государства: установленные запреты редко соблюдались;
- распространенных повсеместно навыков теневой деятельности, в обход правил и запретов, продажности чиновников, резко возросшей от желания принять участие в дележе.

Бизнес рекрутировал вчерашних советских торговцев, цеховиков, научных работников и инженеров, которых, как правило, ожидала лишь однообразная нищая жизнь; руководителей госпредприятий разного ранга, чиновников; партийных, советских и комсомольских деятелей, лишившихся теплых мест, но зато получивших возможность испытать себя на новом поприще. Каждая из категорий обладала своим опытом, который, впрочем, не особенно пригодился в новой ситуации. Жажда быстрого успеха у этих людей сопровождалась ожиданием скорого исчезновения неожиданно появившихся свобод.

Как я уже отмечал, сначала новоявленные бизнесмены искали легких путей, ориентировались на поиск и присвоение ренты, тем более что обстоятельства делать это явно позволяли. Впрочем, странно было бы ожидать, что предприниматели, оказавшиеся в подобных условиях, начинали бы свою карьеру с высокотехнологичного и капиталоемкого производства. Тот, кто пытался это сделать, либо быстро разорялся, либо менял сферу деятельности.

Бизнес вырастал на почве советской экономики, где только небольшое количество отраслей производило конкурентоспособную на мировых рынках продукцию, в условиях преобладания крупных предприятий, существовавших за государственный счет и большей частью неспособных к гибкой адаптации в меняющихся рыночных реалиях. Конкурентоспособные предприятия стали особым предметом охоты новой российской бизнес-элиты. В конечном счете именно на них основал свое богатство крупный бизнес — нефть, газ, металлургия, химия. Заполучивший легендарный «Уралмаш», К. Бендукидзе так и не смог на равных соперничать с владельцами нефтяных или металлургических компаний. В ответ на мое беспокойство по поводу перехода государственной собственности в руки трудовых коллективов по второй модели приватизации он мне как-то сказал: «Не волнуйтесь, все стоящее уже присмотрено».

Процветали торговля, особенно внешняя, банки, зачастую не удовлетворявшие минимальным стандартам качества. Торговля и финансовые компании заполняли лакуны, которые в плановой экономике были заняты бюрократией.

В ходу был и откровенный рэкет, и так называемое «силовое предпринимательство», бравшее на себя функции правоохранительных органов по защите собственности (или захвату ее), поддержанию дисциплины контрактов и платежей. Жизнь велась не по закону, а по «понятиям».

Сегодняшний день

Самый хаотичный период становления российского бизнеса завершился к 1998 году. С тех пор постепенно стал устанавливаться относительный порядок, усилия государства по его наведению все больше находили отклик.

В хозяйстве появились значительные денежные средства, что способствовало лучшему сбору налогов. РАО «ЕЭС» и «Газпром» стали более требовательны к должникам. Однако в целом налоговая дисциплина пока еще остается слабой.

Вот некоторые данные, относящиеся к крупным и средним предприятиям, которые с советских времен представляли статистическую отчетность. В 1992 году среди них убыточными были 15,2%, в 1996 году — 50,6%, в 1998 году — 53,8%. С тех пор объем финансовых ресурсов предприятий вырос многократно, но доля убыточных снизилась всего до 40% и продолжает держаться на этом уровне. В январе–феврале 2004 года она составила 39,5%, при том что даже в газовой промышленности убыточных предприятий всего 21,6%. В рыночной экономике подобная ситуация невозможна: отсюда следует, что значительная доля прибыли укрывается от налогообложения.

Малый бизнес пока находится в тени. При небольшом числе официально зарегистрированных малых предприятий (882,3 тыс. в 2002 году), на которых работают 8 млн. человек, и при общей численности занятых в 68 млн. в России насчитывалось около 5 млн. предпринимателей без образования юридического лица (ПБЮЛ) и около 20 млн. так называемых «самозанятых», тех, кто не платил налоги и за которых никто не вносил взносы в социальные фонды. Стало быть, примерно до трети трудоспособного населения страны получает основные доходы от теневой деятельности.

Оценка теневого оборота малого бизнеса

Таблица 10.1. ДОЛЯ НЕУЧЕТНОЙ НАЛИЧНОСТИ В ДОХОДАХ И РАСХОДАХ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, 1999–2002, %

	1999	2000	2001	2002
Выручка от реализации	19,39	18,36	16,91	16,04
Оплата труда (промышленные ИП)	32,69	31,08	31,27	28,15
Оплата поставок	13,96	12,77	12,0	10,64
Оплата услуг партнеров	15,29	14,87	13,97	12,65
Оплата помещений	13,14	11,57	10,95	9,81

Источник: Малое предпринимательство 2004.

Мы видим, что теневые платежи в 1999–2002 годах медленно сокращались. Неформальные платежи органам контроля (надзора) и криминальным «крышам» в 1999–2000 годах составляли 13–14% среднемесячной выручки, а в Москве — до 40% (Малое предпринимательство 2004: 124).

Опрос 2002 года показал, что доля теневого оборота, т. е. платежей неучтенной наличностью или «черным налом», дол-

жна составлять как минимум 26% и уйдет на покрытие расходов на взятки, «откаты», возврат партнерского (небанковского и неформального коммерческого) кредита и на теневую зарплату сотрудникам. По факту же она составила 31–42%. Это значит, что в теневом обороте только малого бизнеса находилось примерно 1,0–1,4 трлн. рублей, или 36,5–49 млрд. долларов (Там же, 140).

Несмотря на некоторые улучшения, особенно после введения подоходного налога с «плоской шкалой» и снижения налогов на малый бизнес, институциональные реформы пока не набрали критической массы. Взаимоотношения между бизнесом и государством до середины 2003 года имели позитивную динамику, хотя в целом обстановка взаимного недоверия сохранялась. Формальное налоговое бремя снижалось, но неформальное давление государства на бизнес оставалось весьма ощутимым. По оценкам Фонда «ИНДЕМ», деловая коррупция превосходила 33 млрд. долларов в год, издержки на преодоления административных барьеров — до 8 млрд. долларов; расходы, связанные с тем, что В. Тамбовцев назвал «вымогательством участия», — требованиями властей разных уровней давать деньги на различные общественные нужды в дополнение к налогам (вроде фондов поддержки правоохранительных органов или ЖКХ) — как минимум 4 млрд. долларов. Моя собственная оценка неформального бремени государства в 2002 году составляла около 40 млрд. долларов, или 11,6% внутреннего валового продукта в долларовом эквиваленте (345,7 млрд. долларов, по оценке МЭРТ; см.: Экономика России 2004: 214) и 69,3% доходов федерального бюджета. Стремление бизнеса по мере возможности снижать это бремя и приумножать

объемы своей деятельности и доходы вполне понятно. У каждого свои методы: малый бизнес прибегает к платежам «черным налом», крупный бизнес использует схемы оптимизации налогов и операции через оффшоры, в том числе и в силу неуверенности в неприкосновенности прав собственности в России.

Получается такая картина: малый бизнес в тени на 30–40%, средние и крупные предприятия по официальной отчетности находятся под контролем, но при этом часть своих операций проводят нелегально. Более всех оказывается на виду крупный бизнес — в основном крупные частные компании и холдинги, а также естественные монополии. Вспомним ВЧК 1997 года (Временную чрезвычайную комиссию при Президенте РФ по укреплению налоговой и бюджетной дисциплины) под руководством А. Чубайса, которая занималась лишь крупнейшими налогоплательщиками, которым не удалось укрыться от «государева ока», по крайней мере по основной части бизнеса. Может быть, именно поэтому доля крупных налогоплательщиков в российской экономике по сей день явно преувеличивается.

Эволюция отношений бизнеса и власти

Весной 2004 года журнал «Эксперт» проводил «круглый стол» на животрепещущую тему «Бизнес и власть», на котором попросил экспертов определить, какая из трех моделей развития в большей степени подходит для России: 1) олигархический капитализм, 2) государственный капитализм или 3) конкурентный капитализм. Я тогда предложил рассматривать эти модели не с точки зрения их предпочтительности, а как этапы развития рыночной экономики в России, взаимоотношений государства и бизнеса.

И. Бунин предложил пятиэтапную схему:

I этап (1990–1996) — ведущая роль государства, бизнес только набирает силу. Государство способствует развитию деловой активности;

II этап (1996–1998) — доминирование крупного бизнеса, олигархический капитализм;

III этап (1998–2000) — кризис олигархической модели, неолитархические правительства Кириенко и Примакова;

IV этап (2000–2003) — компромисс между властью и олигархией или крупным бизнесом. Олигархи вытесняются государством из сферы массмедиа, но при этом сохраняют влияние в экономической жизни России;

V этап (2003 — настоящее времени) — государственный капитализм, доминирование государства — установление политического контроля над бизнесом под угрозой отъема собственности и лишения свободы (пример ЮКОСа), однако без национализации частного сектора (Бунин 2004: 1–6).

В принципе эта схема приемлема, я бы только уточнил ее, объединив II и III этапы (1995–2000) в фазу олигархического капитализма. Наступит ли *VI этап, когда доминирующая роль в экономике будет принадлежать рыночной конкуренции и демократии*, а государство станет подконтрольным обществу институтом? Это вопрос, который нам предстоит обсудить ниже.

Этап IV: компромисс и сотрудничество

Конфликт между государством и олигархами впервые проявился уже в 1997 году, в ходе информационных войн против младореформаторов. Поначалу казалось, что в борьбе за влияние столкнулись олигархические группы (Потанин против Березовского и Гусинского), однако на самом деле речь шла именно о противостоянии системы олигархического капитализма и набиравшей силу бюрократии. Впрочем, Е. Примаков, санкционировавший расследование экономической деятельности некоторых олигархов, явно поторопился: вторую попытку власти (после попытки Чубайса и Немцова) освободиться от влияния олигархов нельзя назвать успешной.

В 1999 году Примаков был реальным оппонентом Путина на ближайших президентских выборах: не следует забывать, что последний оказался у власти благодаря ельцинскому окружению, «семье», представлявшей интересы олигархов. Став президентом, Путин не мог не предпринять шаги, которые обозначили бы его независимость от одиозных фигур прошлого правления. Тезис о «равноудалении» олигархов одобрительно восприняла большая часть россиян: в то время Путин вызывал симпатию почти у всех групп населения. Совершенно разные политические и социальные силы связывали с ним свои надежды, и новый лидер не торопился разочаровывать своих избирателей. Усилия Путина по укреплению государственных институтов, преодолению сепаратизма и своеволия губернаторов большинство воспринимало как необходимые шаги к политической стабилизации. Первой акцией, положившей начало конфронтации с бизнесом, оказался разгром медиаимперии В. Гусинского, вторым шагом — борьба с Б. Березовским.

Изначально действия власти в отношении Гусинского и Березовского не считались атаками на бизнес как таковой. Казалось, Кремль стремится только установить контроль над СМИ, для чего и понадобилось отобрать у олигархов принадлежавшие им каналы телевидения. Большая часть общества, в том числе элита, воспринимала происходящее скорее спокойно, хотя момент расставания с профессиональным НТВ для многих был горьким.

Ожидали, что власть в своих притязаниях ограничится лишь захватом СМИ. Однако практически сразу генеральная прокуратура предъявила претензии В. Потанину — якобы за нарушение закона во время приватизации «Норильского никеля». Потери, понесенные государством по вине Потанина, оценивались в 170 млн. долларов, т. е. в сумму, однажды уже выплаченную им по итогам залогового аукциона.

Первая попытка пересмотра итогов приватизации, точнее, второго ее этапа — залоговых аукционов, не удалась. Начавшаяся общественная дискуссия показала, что население, мало симпатизирующее олигархам, все же не жаждет полного их разорения. В то время еще была сильна так называемая «семья», М. Касьянов и А. Волошин по-прежнему занимали высокие должности при президенте. Путин ограничился тем, что пожурил инициаторов судебного разбирательства, конфликт был улажен, по слухам, за существенно меньшую цену.

Именно в этот момент стало понятно, что методам, применявшимся властью в ходе упомянутых операций, бизнес ничего противопоставить не в состоянии. Указания, идущие в силовые структуры с самого верха иерархии, ни оспорить, ни перекупить было невозможно. Прежде олигархи могли с успехом лоббировать свои интересы на самом высоком уровне. Теперь ситуация изменилась.

Чтобы как-то компенсировать утрату прямого влияния, крупный бизнес, до того предпочитавший «индивидуальные» отношения с Кремлем, решил объединиться в Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП), где прежде преобладали «красные директора». Бюро правления РСПП стало своего рода элитным клубом, за вступление в который необходимо было заплатить большие деньги. Члены союза получили возможность встречаться с президентом и премьер-министром, в публичной форме вносить свои предложения по текущим экономическим и политическим вопросам. Многие инициативы Бюро правления РСПП реально повлияли на решения власти, в том числе предложения по

банковской реформе (А. Мамут и П. Авен), по налогам и валютному регулированию (К. Бендукидзе), по реформе электроэнергетики (А. Чубайс), по вопросам вступления в ВТО (А. Мордашов).

Беды М. Ходорковского начались с того, что, выступая перед президентом от имени Бюро правления РСПП с докладом о коррупции, он упомянул о «некрасивой» сделке по покупке государственной «Роснефтью» компании «Северная нефть». Подробности истории были хорошо известны. Ходорковский в принципе президенту ничего нового не сказал, однако в ответ Путин недовольно заметил, что Ходорковскому следовало бы подумать о том, что и у него многого раскопать. Визиты в Кремль не казались уже особой привилегией и таили в себе определенную опасность.

Тем не менее взаимоотношения бизнеса и власти с 2000 до середины 2003 года можно назвать периодом взаимопонимания и сотрудничества. В это время российский бизнес продемонстрировал заметное повышение активности, стал выходить из тени и поднимать уровень корпоративного управления. В моду вошли законопослушность, финансовая отчетность по US GAAP или МСФО, хорошая деловая репутация. Российские компании начали заявлять о себе на мировых финансовых рынках. Пионерами в этой области стали «Вымпелком», МТС, «Вимм-Билль-Данн». Индексы российского фондового рынка также резко пошли вверх.

Если бы этот этап сотрудничества между бизнесом и властью продолжался и далее, подъем российской экономики оказался бы еще более выразительным. Во всяком случае в 2003–2007 годах при вероятном сохранении высоких цен на нефть (25 долларов за баррель и выше) мотором экономики была бы трансформация экспортных доходов сырьевых компаний в рост спроса на внутреннем рынке, в увеличение накоплений, активов банков и иных финансовых институтов, кредитов, займов и инвестиций компаний из собственных средств. Монетизация экономики за 1998–2003 годы выросла с 14 до 25%. Если брать в расчет доллары — до 35%. Резерв роста составляет по меньшей мере 80–100%, т.е. 45–65 процентных пунктов, что есть норма для рыночной экономики. При годовой инфляции 6–10% этого резерва хватило бы на стимулирование роста экономики как минимум еще на 3–4 года (с темпом 7–10% в год). По истечении указанного срока в действие вступили бы иные, более долгосрочные факторы роста, основанные на частной инициативе и повышении радиуса доверия, что привело бы страну к конкурентной рыночной демократии.

Государство в этом случае способствовало бы развитию правовых институтов и обеспечивало бы равные условия конкуренции, гражданские права и свободы. Однако к середине 2003 года стало ясно, что власть выбрала другой политический курс.

10.3. Перелом: дело ЮКОСа

Дело ЮКОСа обозначило переход страны к государственному капитализму, при котором сотрудничество с бизнесом оказалось заменено полным его подчинением государству.

Самое главное — методы

Безусловно, перед Путиным стояли задачи политической стабилизации, укрепления государства и искоренения недостатков переходной адаптационной модели экономики. Именно эти обстоятельства вынесены в официальное обоснование атаки на ЮКОС: следует преодолеть теневую экономику, поставить как богатых, так и бедных в равные условия перед законом, положить конец коррумпированию бизнесом чиновников и депутатов. Начинать борьбу с коррупцией следовало с того, кто больше всех выделялся, более других демонстрировал собственную независимость. Напомню, что на тот момент контроль над СМИ был уже установлен, послушность парламента и губернаторов обеспечена. Накануне новых выборов власти было необходимо предпринять меры, которые встретили бы поддержку избирателей, например, ударить по тем, к кому население относилось враждебно. «Спецоперация», казалось, была продуманной, риск вполне оправданным. Другое дело, что реализация плана не всегда приводит к поставленным целям, последствия зачастую оказываются непредсказуемыми, смысл акции меняется, тщательно скрываемые мотивы обнаруживают себя. В данном случае выяснилось, что истинные цели борьбы с ЮКОСом состоят в подчинении бизнеса бюрократии, в усилении уже не столько государства, сколько власти бюрократии над бизнесом и обществом, в передаче собственности в пользу послушных власти компаний и олигархов.

О деле ЮКОСа столько говорили и писали, что кажется излишним восстанавливать здесь хронику событий. Важнее сделать выводы и извлечь надлежащие уроки. Негативная сторона рассматриваемого процесса, на мой взгляд, состоит не столько в том, что инициаторы атаки имели корыстные цели, уничтожили одну из самых преуспевающих российских компаний, что российское право-

судие оказалось избирательным: выдернуть одного, чтобы нагнать страху на всех — в конце концов с кого-то начинать надо.

Самое главное — методы. Силовые методы, откровенно беззастенчивые, незаконные, едва прикрытые юридическим флером, нацеленные на устрашение, на демонстрацию всемогущества власти.

Обвинения

Предъявленные обвинения, на мой взгляд, большей частью абсолютно несостоятельны. Сначала я высказывался осторожно, полагая, что генпрокуратура не все козыри выложила сразу. Надо сказать, что и она до поры вела себя иначе: еще в апреле 2003 года в письме Путину В. Устинов сообщал, что «оснований для реагирования Генеральной прокуратуры не имеется» (Московский комсомолец, 2003. 31 июля). Но затем ее позиция круто изменилась, и уже Путин утверждал, что он был против этой кампании, но генпрокурор настоял: «Либо Ходорковский, либо я».

Обвинения против М. Ходорковского и П. Лебедева выдвинуты по факту присвоения акций компании «Апатит» и невыполнения обязательств по инвестиционному конкурсу 1994 года. Как экономист, я могу сказать, что эти обвинения не выдерживают никакой критики. Даже если учесть, что компания вовремя не погасила платежи по инвестиционным обязательствам, эффективность работы предприятия не вызывает ни малейших сомнений: «Апатит» и сейчас производит 80% апатитового концентрата в стране. Аргументы обвинению предложил В. Кантор, хозяин ОАО «Акрон», крупнейшего производителя минеральных удобрений, стремившийся дешевле покупать сырье и потребовавший наказать «Апатит» за монополизм. Разбирательство в суде не подтвердило это обвинение, хотя замечу: предприятие вряд ли могло стать успешным монополистом, если бы его «обокрали». Вариант не прошел. Тогда и возникла идея отобрать у компании ее собственность. Руководитель «Апатита», привлеченный в качестве свидетеля обвинения против Ходорковского и Лебедева, на суде, по сути, свидетельствовал в их пользу, как и бывший в то время губернатором Мурманской области В. Комаров. Кстати, ни один из победителей 261-го инвестиционного конкурса, в рамках которого «Апатит» достался Ходорковскому, своих обязательств так и не выполнил. Между тем обвинения предъявлены были только ему.

Вообще изъятие собственности, изгнание менеджеров вооруженными людьми в масках, применение искусственных банкротств в постсоветской России — явление обычное. Зачастую в этих

стычках принимают участие правоохранительные органы. Однако даже на этом фоне ситуация с ЮКОСом кажется уникальной: думается, господин Кантор может гордиться своим успехом. Однако и он, полагаю, понимает, что его роль в произошедшем куда менее значительна, чем кажется на первый взгляд: Кантор был лишь использован властью в ее собственных целях. Добавлю, что, согласно законодательству того времени, акции «Апатита», проданные на конкурсе и оплаченные по определенной цене, переходили в полную собственность покупателя немедленно, независимо от выполнения инвестиционных условий. Стало быть, приобретатель имел право перепродать акции кому угодно, однако последний продал их компании «Росагро», которая хотя и с опозданием, но выполнила инвестиционные условия.

Обвинения в неуплате налогов, выдвинутые уже против ЮКОСа, также, на мой взгляд, смехотворны. Недоимок насчитали 3,4 млрд. долларов за один год по операциям, позволяющим оптимизировать уплату налогов только за счет льгот по региональным и местным налогам. Следует учесть, что ЮКОС — крупнейшая российская компания, годовые продажи которой в сумме составляли 15–16 млрд. долларов, а максимальная прибыль — 3,0–3,5 млрд., вносящая налоги на сумму около 5% федерального бюджета. Очевидно, обвинение не рассчитывало на тщательную проверку выстроенных ею аргументов. Действительно, суд вынес обвинительный приговор весьма оперативно. Всего к концу 2004 года ЮКОСу были выставлены налоговые претензии на 27,5 млрд. долларов за три года работы компании. Доказывать обоснованность претензий никто не собирался: в руках обвинителей уже находилась санкция суда.

Победоносный позор: «Юганскнефтегаз»

Все попытки менеджмента ЮКОСа найти решение, которое позволило бы сохранить компанию, о необходимости чего, кстати, не раз заявлял и сам президент, не нашли отклика у власти. Более того, усилия, направленные на погашение долга, например, по купленным незадолго до ареста хозяев ЮКОСа акциям «Сибнефти», оказались заблокированы, и Министерство юстиции выставило на продажу самый «лакомый кусок» ЮКОСа — компанию «Юганскнефтегаз». Вслед за этим последовало постыдное промедление с оценкой актива «Юганскнефтегаза» и наконец долго скрываемое решение о том, что «Газпром» намерен этот актив купить. Остальное — дело техни-

ки: собственность будет захвачена, независимые бизнесмены отправятся либо в тюрьму, либо в эмиграцию; возможность поддержки с их стороны институтов гражданского общества, оппозиционных партий, независимой прессы поставлена под удар. Общество в целом кажется довольным: власть показала свою силу, а олигархи поставлены на место. Красивая комбинация, позволяющая убить одним выстрелом множество «зайцев», — во всяком случае в этом уверены ее авторы и исполнители. Присутствуют, впрочем, издержки и неудобства: иностранные партнеры не проявили особенного энтузиазма к рвению российской власти искоренить экономические пороки, правозащитные организации заявляют о серьезной угрозе демократическим свободам в России. Думается, власть уверена в том, что протесты — дело временное, и скоро российская и мировая общественность смирятся с новой путинской реальностью.

Наконец, мы подошли к «блестящему» завершению операции. Когда Хьюстонский суд по иску менеджеров ЮКОСа приостановил продажу «Юганскнефтегаза» на аукционе, такие мировые финансовые акулы, как Deutsche Bank и Дж.П. Морган, подрядившиеся собрать «Газпрому» деньги на покупку активов, отказались от выгодного заказа, дабы избежать конфликта с американским правосудием. На следующий день аукцион за 9,36 млрд. долларов выиграла никому не известная «Байкалфинансгруп», название которой российский президент долго не мог выговорить на пресс-конференции. Вскоре оказалось, что накануне «Газпром» продал свою долю в компании «Газпромнефть», специально созданной для поглощения «Роснефти», якобы в целях либерализации рынка собственных акций. Затем последовала «чисто рыночная операция» — «Роснефть» купила 100% акций «Байкалфинансгруп». Откуда появились деньги у компании, которую незадолго перед рассматриваемыми событиями оценили в сумму от 5,5 до 7 млрд. долларов? В России такие деньги есть только у Министерства финансов или Центробанка. Как «филигранно» все исполнено, какие изящные ходы — не то что прямолинейная экспроприация чужой собственности! Да и какая она чужая: в 90-х умыкнули по дешевке у государства, подняли капитализацию, а государство захотело вернуть — и вернуло. Все! Сечин и Богданчиков одержали победу, осуществили задуманное еще более полутора лет назад. Какое терпение, какая настойчивость! А уж чего это стоило стране, как это повлияло на ее престиж — какие мелочи, право. Теперь то все знают, как «защищены» права собственности в России. И кто в лесу хозяин.

Фронтальная атака

Я не являюсь сторонником крупного капитала или олигархии. Более того, не раз выступал против их растущего влияния, против их потенциально негативного воздействия на развитие российской экономики (Ясин 2003: 236–240; Ясин 2004б). Однако в сложившейся ситуации, когда речь идет о политическом конфликте между бюрократией и бизнесом, мы должны понять: только крупный бизнес способен противостоять бюрократии. Между тем стоило власти подать сигнал к атаке, число желающих помочь государству резко увеличилось.

Невольно кампании против крупного бизнеса поспособствовал и Всемирный банк, который в своем меморандуме об экономическом положении Российской Федерации за 2004 год опубликовал так называемый «расстрельный список» из 23 крупных частных собственников. В него вошли бизнес-группы с объемом продаж более 12 млрд. рублей и числом работников более 19 тыс. человек. Суммарно на их долю в промышленности приходился объем продаж в 1,7 трлн. рублей, или 35% общего объема, а также 1,4 млн. рабочих мест — 16,4%. В список были включены Дерипаска, Абрамович, Каданников, Мордашов, Потанин, Прохоров, Алекперов, Абрамов («Евразхолдинг»), Мельниченко, Попов, Пумпянский, Махмудов и Козицын (УГМК), Богданов, Ходорковский, Лисин, Рашников (Магнитогорск), Вексельберг, Блаватник, Бендুকидзе, Фридман, Евтушенков и даже Якобашвили («Вимм-Билль-Данн»). За списком оказались упомянуты Лебедев, Цветков, Елена Батурина (Всемирный банк 2004а: 126–127). В докладе был сделан следующий вывод: «Нет никаких данных, свидетельствующих о том, что предприятия, контролируемые крупнейшими собственниками, работают намного эффективнее, чем остальная экономика» (Там же, 138).

Думаю, доклад Всемирного банка составлялся без злого умысла, возможно, лишь с некоторым уклонением от истины в связи с недооценкой доли теневых операций в компаниях разного калибра. Авторы, судя по всему, руководствовались принятыми на Западе тезисами о минусах чрезмерной концентрации и монополизации экономики и достоинствах малого и среднего бизнеса. Нельзя одновременно не отметить, что в контексте российских политических событий доклад сыграл на руку Генеральной прокуратуре.

Следом в свет вышел номер журнала *Forbs* с еще одним списком русских долларовых миллиардеров, включавшем Елену Бату-

рину. М. Ходорковскому было приписано состояние в 15 млрд. долларов, хотя он в тот момент уже сидел в тюрьме, а его компания потеряла собственность под атаками властей.

После приобретения Р. Абрамовичем футбольного клуба Chelsea, Счетная палата стала проявлять настойчивый интерес к компании «Сибнефть». Следует признать, что ведомство С. Степашина и прежде изучало уплату налогов нефтяными компаниями и пришла к выводу, что они, пользуясь оптимизационными схемами, недоплачивают крупные суммы в бюджет. Неплательщики пользуются несовершенством российского законодательства и лоббированием собственных интересов в правительстве. Так, «Сибнефть» использовала оффшоры в Калмыкии и на Чукотке. Аффилированная с ней компания имела 10 сотрудников, из них более 50% — инвалиды, что позволяло наполовину снижать налог на прибыль.

Было также обнаружено, что государственная компания «Роснефть» занизила налоги на пользование недрами и на воспроизводство минерально-сырьевой базы — за счет применения внутрикорпоративных трансфертных цен, на основе которых и исчислялись эти налоги (Время новостей. 2003. 13 мая). Такая практика была хорошо известна: власти действительно сталкивались с трудностями как при сборе налогов, в том числе с нефтяников, так и при проведении в Думе законов по совершенствованию законодательства.

Не только олигархи, но и прочие предприниматели всерьез задумались над тем, ждет ли их самих судьба Ходорковского или же дело ЮКОСа так и останется исключением. Слухи распространяются мгновенно: например, говорили, что Потанина вызвали в Генеральную прокуратуру, после чего он якобы уехал за рубеж; что Вексельберг может подвергнуться допросу на предмет средств, на которые были куплены яйца Фаберже.

«Вымпелком»

В то время «Известия» напечатали мои слова: «Волк, задрав овцу и насытившись, всегда говорит, что он больше не будет. Пока сыт. Но, проголодавшись, он снова будет искать жертву». Впрочем, я так до конца и не верил, что власть будет целенаправленно подрывать экономику, роста которой само так страстно желает. Мою правоту подтвердили события осени 2004 года, когда в годовщину ареста Ходорковского налоговым проверкам подверглись все нефтяные компании, причем также по платежам 2000–2003 годов. Мне извест-

но, что проверки распространились не только на эти компании, о чем пресса пока не пишет.

8 декабря 2004 года Федеральная налоговая служба предъявила налоговые требования к ОАО «Вымпелком» за 2001 год на сумму 4,4 млрд. рублей (2,5 млрд. рублей — задолженность, 1,9 млрд. — штраф). Речь шла о вычете из налогооблагаемой прибыли тех расходов, которые «Вымпелком» понес в связи с агентскими отношениями со своей компанией КБ «Импульс», держателем лицензии на оказание услуг связи в стандарте GSM в Москве и Московской области. Ранее подобные обвинения выдвинул прокурор Северо-Западного округа Москвы, однако Генеральная прокуратура быстро прекратила дело. Замечу, что эти требования обращены к прозрачной современной компании с хорошей репутацией и крупным иностранным инвестором (норвежским Telenor'ом). Правда, 25% акций «Вымпелкома» принадлежат Михаилу Фридману, конкуренты которого имеют свои ходы во властных структурах. Реакция рынка на эту новость последовала незамедлительно: в первый день на ММВБ цены акций российских компаний упали в среднем на 5–6%, «Ростелекома» — на 8,9, ГК «Норильский никель» — на 7, РАО «ЕЭС России» — на 7,45%. На Франкфуртской фондовой бирже ADR «Вымпелкома» упали в середине дня на 11,56%.

Казалось, власти были заинтересованы в том, чтобы представить дело ЮКОСа изолированной, исключительной мерой. Впрочем, какое-то время ситуация такой и была. Случай с «Вымпелкомом» — второй публичный прецедент нападения власти на крупную компанию. Реакция на это событие со стороны деловых кругов была столь быстрой и единодушной, что Кремль решил не торопиться с разбирательством. Характерно, что в первое время руководители компании не могли встретиться ни с одним официальным лицом, которое могло бы повлиять на исход дела. Кроме того, чтобы показать, что «Вымпелком» не является исключительным объектом атаки конкурентов, имеющих доступ к административному ресурсу, буквально через два дня после предъявления первого пакета налоговые претензии были выдвинуты другому сетевому оператору, компании «Мегафон», конкуренту «Вымпелкома», в котором Фридман попытался приобрести блокирующий пакет акций. Однако теперь сумма претензий составила уже 21 млн. рублей. Вопрос, впрочем, состоит не в уместности подобных маневров, неизменно присутствующих на рынках. Беда в том, что в современной России один из конкурентов может привлечь на свою сторону налоговую службу.

Вокруг «Вымпелкома» началась борьба. В конечном счете давление на компанию уменьшилось: для сохранения репутации власть сократила налоговые претензии до размеров, «близких» к предъявленным «Мегафону». Однако нет никаких гарантий, что атака не повторится вновь.

Тот факт, что российский бизнес не является образцом законопослушания, сам по себе не является новым. Повлиять на ситуацию можно открыто, рассказывая общественности о теневой деятельности бизнесменов и подвергая их немедленным судебным преследованиям за разного рода нарушения закона, называя фамилии купленных депутатов, требуя их отчета перед избирателями.

Другой способ — можно избрать своей мишенью одну компанию и стараться известить ее любыми доступными способами, в том числе нарушая закон. С помощью подобного рода прецедентов власть лишь запугивает бизнес, заставить бизнес-элиту уважать закон за счет таких мер невозможно.

Возврат к итогам приватизации

Весной 2003 года началась новая кампания по пересмотру итогов приватизации. Сам президент сказал о 5–7 «назначенных» миллиардерах, прозрачно намекая на тех, кто приобрел свою собственность на залоговых аукционах. Между тем таковых в России оставалось на тот момент лишь двое — Потанин и Фридман. Легенда о равноудалении могла быстро рассеяться. Народ, конечно, одобрил бы еще одну «экспроприацию», однако бизнес вряд ли поддержал бы президента.

В феврале 2004 года Счетная палата объявила о начале работы над докладом об итогах приватизации. Зашла речь о том, что героями доклада могут стать не только капиталисты, но и чиновники, проводившие приватизацию. Ажиотаж оказался настолько большим, что в июле 2004 года, когда первая редакция доклада была готова, дело решили временно отложить. Были сделаны выводы: а) что приватизация проведена с крайне низкой социально-экономической эффективностью, но б) в основном в рамках действовавшего в то время законодательства; в) обнаруженная недоплата в сделках приватизации составила 45 млрд. рублей и касалась около 150 предприятий. Становилось ясно, что продолжающееся наступление на бизнес приносит больше потерь, чем выгод. На одном из декабрьских заседаний Государственная Дума решила перенести рассмотрение доклада Степашина на март будущего года.

Таким образом был сделан шаг к успокоению бизнеса. Выступая на съезде РСПП, Путин заявил, что чиновники должны относиться к частной собственности так же, как к государственной. Однако вслед за этим, когда в результате серии маневров власть отошла у ЮКОСа «Юганскнефтегаз» и передала предприятие «Роснефти», президент на одной из пресс-конференций сказал буквально следующее: «Все вы прекрасно знаете, как у нас проходила приватизация в начале 90-х годов. И как, используя различные уловки, в том числе нарушающие даже тогда действующее законодательство, многие участники рынка получили многомиллиардную государственную собственность. Сегодня государство, используя абсолютно легальные рыночные механизмы, обеспечивает свои интересы. Считаю это вполне нормальным» (Ведомости. 2004. 28 декабря). Если до марта намерения президента вновь изменятся, то и выводы Учетной палаты могут получиться иными.

В России приватизация означала разделение власти и собственности, т. е. ликвидацию застарелого феодально-азиатского института. Конфликт между бюрократией и бизнесом прямо свидетельствует в пользу этой версии. Одновременно победа бюрократии вновь возвращает страну к «власти-собственности», пусть и в современных формах.

10.4. Идеологическое наступление бюрократии

Если быть точными, первый удар бюрократия нанесла бизнесу еще в мае 2003 года, когда появился доклад С. Белковского и его коллег по Совету национальной стратегии (СНС) «Государство и олигархия». Именно в этом тексте Ходорковский был обвинен в заговоре против президента, в подкупе большинства депутатов в Думе, в стремлении ограничить полномочия президента, перейти к парламентской республике и стать премьер-министром уже в 2004 году.

Станислав Белковский о заговоре олигархов

Из интервью газете «Консерватор» от 16–22 мая 2003 года, т. е. еще до появления доклада СНС: «В 2003 году олигархи пришли к выводу о необходимости личной унии крупных собственников и власти, с одной стороны, и в связи с этим упразднения поста президента как института, который потенциально может быть опасен, например, если на смену милому и ник-

чемному Путину придет сильный оппозиционный лидер... Лучше иметь механизм, который полностью страховал бы олигархов от неприятных неожиданностей. Таким механизмом может стать парламентская республика... Нельзя не отметить, что большинство олигархов по происхождению евреи, с детства и юности стратегически ориентированные на

эмиграцию, на отъезд из *этой* страны, в которой все равно ничего хорошего не будет... В силу своей жизненной философии они не верят ни в какие внутренние гарантии. Они не верят, что у них может быть альянс со спецслужбами, с армией. Они не верят в благоразумие российского народа. Поэтому им нужен *внешний* гарант их собственности. Таким гарантом является единственная сверхдержава — Соединенные Штаты Америки. Олигархов можно рассматривать как агентов американского влияния, а Путина — как возможного адепта альтернативной геополитической конструкции. К выводам будущего года мы можем подойти уже в рамках новой парадигмы: уже не Путин и олигархи заодно, а олигархи и либеральный истеблишмент, с одной стороны, и Путин вместе с разрозненной оппозицией — с другой».

Из доклада «Государство и олигархия»: «Поскольку олигархи как физические лица не располагают публичным политическим ресурсом для победы на прямых общенациональных выборах, *ключевой субъект правящего слоя* (тер-

мин, которым обозначают как бы центр принятия решений олигархов, его члены поименованы ниже. — *Е.Я.*) принял решение ограничить полномочия президента РФ и трансформировать Россию из президентской республики в парламентскую (квазифранцузская модель). Основным идеологом подобной трансформации выступает глава НК ЮКОС (ЮкосСибнефть) Михаил Ходорковский, его явно и неявно поддерживают другие ключевые фигуры олигархического пула (Р. Абрамович, О. Дерипаска, М. Фридман).

Трансформация государственного устройства требует внесения определенных изменений в Конституцию РФ. Эти изменения, согласно существующему олигархическому плану, могут быть осуществлены уже в 2004 году подконтрольной крупному бизнесу Государственной Думой и подавляющим большинством законодательных собраний субъектов Российской Федерации».

Судя по всему, в момент подготовки доклада его авторы исходили из того, что все политические партии, включая «Единую Россию», контролируруемую А. Волошиным и В. Сурковым, куплены олигархами.

Напомню о приведенном выше пересказе моей беседы с М. Ходорковским в 2002 году, где речь шла о проекте парламентской республики в пользу Путина, что дало бы ему возможность продолжать активную политическую деятельность после 2008 года. Маловероятно, что Ходорковский изменил свою позицию: предположения о том, что владелец ЮКОСа собирался устроить государственный переворот в 2003 году, кажутся фантастическими. Позднее в прессе появились свидетельства, что он обсуждал эту тему с Путиным и встретил благожелательный отклик.

Кроме того, в докладе СНС обосновывается негативная оценка планов по олигархической модернизации и либерализации, в качестве позитивного пути предлагается активно развивать промышленную политику, повышать роль государства с опорой на национально ориентированный бизнес.

Белковский и Павловский: заговор удался

Абсурдность предъявленных в докладе Белковского обвинений заставляет видеть за действиями СНС плохо скрытую провокацию: не Белковского, при всех его талантах угадывать конъюнктуру, а той «невидимой руки», что водила его пером. Уже после ареста П. Лебедева и А. Пичугина, в сентябре 2003 года появилась аналитическая записка Г. Павловского «О негативных последствиях „летнего наступления“ оппозиционного курсу Президента РФ меньшинства», в которой разоблачалась «так называемая группа С. Пугачева–И. Сечина–В. Иванова», перешедшая к активным действиям по «перестройству» российской экономики и политики. По этой версии, заговор против Путина составили не олигархи, а силовики, пришедшие во власть вместе с президентом и претендующие на полную смену элит. В частности, нападение на ЮКОС было осуществлено именно этими людьми. Доклад СНС Павловский расценивает как идеологический манифест группы Пугачева–Сечина–Иванова, постоянно муссирующей тему слабости президента и провоцирующей его тем самым к активным силовым действиям.

Отвечая на выдвинутые обвинения, автор «Заговора олигархов» предположил, что Павловский обслуживает интересы ряда корпораций, в том числе и ЮКОСа, озвучивает позицию представителей «семьи» — Волошина и Суркова — и набивает себе цену накануне избирательной кампании, на которой намерен хорошо заработать. По мнению Белковского, тексты его оппонента есть набор мифологем, который преподносится читающей публике в качестве объективной информации (Независимая газета. 2003. 4 сентября).

Уже тогда было ясно, что записка Павловского — жест отчаяния А. Волошина, последняя попытка сопротивления питерской элите. Сразу после ареста Ходорковского Волошин ушел в отставку, означавшую поражение «семьи». Ту же позицию пытался защищать своими выступлениями против преследования ЮКОСа М. Касьянов, вскоре также лишившийся своего поста. Точка зрения последнего, между прочим, состояла в сохранении преемственности стратегического курса на либеральные реформы в союзе с бизнесом, в соблюдении минимума демократических норм. Черта расставания с прошлым была окончательно проведена накануне выборов.

Какие цели преследовало бывшее окружение Б. Ельцина? Во-первых, разумеется, безопасность — свою и собственного благосостояния. Во-вторых, думаю, развитие рыночной экономики, либеральные реформы, дальнейшую приватизация, союз с круп-

ным бизнесом, повышение деловой активности. По сути, речь шла о сохранении прежнего стратегического курса на модернизацию с опорой на частную инициативу. Отсюда вытекала идея ограничения государственного вмешательства в экономику, не предполагавшая, кстати, какое-либо ограничение демократических общественных институтов.

Путин с самого начала оказывал давление на эту группу: представители «семьи» по необходимости участвовали в борьбе с Гусинским, Березовским, НТВ. Однако дело ЮКОСа свидетельствовало о стремлении президента окончательно порвать с прежним стратегическим курсом. Как кажется, Волошин и Касьянов понимали это с самого начала.

Сейчас — я пишу эти строки в декабре 2004 года — ситуация изменилась, после заявлений Путина, сделанных 13 сентября, тайное стало явным. Мысли, высказанные Г. Павловским, получили подтверждение: *заговор с целью смены курса российской политики был успешно осуществлен*. Это признал и советник президента А. Илларионов: в России окончательно сменилась модель экономического, общественного и политического развития (Ведомости. 2004. 29 декабря).

Еще один аргумент в пользу демократии

В настоящее время уже ясно, что в конфликте между бюрократией и бизнесом «как бы» победила бюрократия. На самом деле борьба ведется в иной, скрытой форме, при этом бизнес не может публично защищать свои позиции. Люди, имена которых я не могу здесь назвать, рассказывали мне о позиции властей в отношении бизнеса: «Ребята, вкладывайте деньги только в идеологически близкие компании». Это означает, что Россию ждут новые конфликты и упадок экономики. Что можно сделать, чтобы избежать худших последствий новой политики властей? И бизнес, и бюрократия нужны обществу, при этом каждая из этих сил способна нанести значительный вред стране. Представляется, что *России нужна демократия — как единственное оружие против произвола*, перемещение извечного конфликта бизнеса и бюрократии в публичное пространство, открытое общественному контролю и саморегулированию.

Глава 11 Главное орудие власти

Современная российская власть для решения политических и экономических проблем все чаще и чаще прибегает к услугам силовых структур и судов разных инстанций — институтов, выполняющих функцию государственного насилия. Ясно, что службы безопасности, правоохранительные органы, налоговые ведомства и прокуратура необходимы государству, однако их полномочия должны соответствовать их функциям в системе государственного управления.

В демократических правовых государствах в отличие от государств неправовых, авторитарных, абсолютным приоритетом при решении спорных вопросов обладает равный для всех закон, а независимый суд обеспечивает действие закона. Повсеместное исполнение закона, а не воли начальника, пусть самого высокого ранга, составляет интерес государства и свидетельствует о его подлинной силе. Если же власть предрешающие имеют возможность влиять на решения суда вне зависимости от закона, если закон можно интерпретировать в интересах власти, то перед нами ситуация, типичная для авторитарного неправового режима. Если органы правосудия продажны или подвержены давлению со стороны криминальных структур, тогда мы имеем дело с неправовым, слабым государством.

В настоящее время все развитые процветающие страны являются правовыми государствами, в том числе такие, как Южная Корея, Тайвань и Сингапур. Их население при всех своих различиях отличается общим свойством — законопослушностью. Прогресс экономики и культуры в этих странах неизменно сопровождался повышением качества правовой системы.

Россия даже в лучшие свои годы не была правовым государством. Процесс формирования более или менее современной правовой системы наблюдался только после судебной реформы Александра II и до октября 1917 года. Затем последовал резкий провал, и на последнем этапе перестройки работу надо было начинать с нуля. Не исключено, что правовая система является наиболее отсталым участком российского государственного строительства, чем и объясняются многие из наших неудач. Одновременно вышеска-

занное не свидетельствует о том, что в России имеет место плохое законодательство или отсутствуют компетентные юристы и опытные сыщики. Проблемы лежат в иной плоскости.

В России издавна была сильна тайная полиция, службы безопасности, первостепенной задачей которых была охрана лиц, обладающих политической властью, и предотвращение покушений на власть со стороны оппозиции, а также угроз их авторитету, в том числе от критики в СМИ. Силловые структуры подобного рода неформально доминировали над другими органами правопорядка.

Разумеется, у служб безопасности есть и другие функции, например борьба с иностранными разведками и терроризмом. Выполнение этих государственных задач не окрашивает силовые ведомства в цвета какой-либо из политических партий: суд обязан равно служить любому правительству, сформированному по воле избирателей. Исторически сложилось, что в России спецслужбы служили мощным рычагом политического давления. Особенно это характерно для советского периода, для органов ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. Я полагаю, что роль закона и правосудия обратно пропорциональна роли тайной полиции: если повышается качество правовой системы, то снижается политическая роль спецслужб, и наоборот.

11.1. Суд и судебная реформа

Полагаю, новая российская элита, начинавшая реформы, с самого начала имела достаточно ясное понимание этой проблемы. Во всяком случае лозунг «правового государства» появился в лексиконе Горбачева одним из первых. Судебная реформа была начата уже в 1991 году. Тогда же подверглись реорганизации службы безопасности. Однако вскоре реформа остановилась: управляемая демократия тоже нуждалась в инструментах давления.

Второй этап

Новый импульс судебной реформе дал В. Путин в 2000 году. В Центре стратегических разработок Г. Грефа начались интенсивные дискуссии.

Концепция судебной реформы 2000 года

«Концептуальная основа судебной власти в отличие от законодательной и исполнительной ветвей власти сохранилась в неизменном виде с советских времен. Несмотря на принятие Конституции РФ,

множества федеральных законов, судебная система РФ по-прежнему строится на основе таких свойственных социалистическому пониманию сущности государства и права принципов, как демократи-

ческий централизм, возможность тотального контроля за деятельностью любого судьи со стороны высшего суда; совпадение судебных районов и округов с административно-территориальным делением (возможность нелегального влияния местной власти на суд, существенно усиленная процедурой назначения судей на должности); существование в рамках одного суда нескольких судебных инстанций; существование письменного процесса в суде второй и третьей инстанции. Переход от этих принципов к принципам

естественного справедливого правосудия, свойственным современному демократическому правовому государству, обоснованный еще в концепции судебной реформы (1991 год), не состоялся» (Центр стратегических разработок, 16 марта 2000 года, из доклада С. Вицина, в 2000 году начальника кафедры криминологии и профилактики преступлений Московской академии МВД России, члена Совета по проблемам совершенствования правосудия при Президенте РФ).

Власть признала, что судебная реформа в России «может иметь целью только утверждение самостоятельности и независимости судебной власти, ориентированной на:

- реальное обеспечение прав и свобод человека и гражданина;
- дальнейшее развития институтов гражданского общества;
- становление правового государства как механизма защиты прав и свобод человека и обеспечение функционирования гражданского общества» (<http://www.csr.ru/conferences/sem.16.03.00-12sud.html>).

Таким был старт второго этапа судебной реформ.

В декабре 2001 года был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс (УПК), сменивший УПК 1960 года, а также поправки к Законам «О статусе судей», «О судебной системе» и «О конституционном суде». День 10 декабря, когда эти акты прошли обсуждение в Государственной Думе, газета «Коммерсантъ» назвала «судным днем Дмитрия Козака», главы Комиссии по судебной реформе. С точки зрения усовершенствования законодательства в судебной сфере это был серьезный шаг вперед. Отмечу три важнейших изменения. Во-первых, с 1 января 2003 года было, наконец, решено ввести суд присяжных, который по ходатайству подсудимых должен выносить вердикты по делам с самыми суровыми наказаниями (уже не в порядке эксперимента, как в 1991 году). Во-вторых, с 1 января 2004 года прокуратура лишилась права принимать решения об арестах и обысках, для этого теперь требовалась санкция суда. В-третьих, были усилены меры ответственности судей, которые, по сути, лишились права несменяемости. Ответственность судей теперь устанавливается не только квалификационной коллегии судей (ККС), но и судом по вновь установленной процедуре.

По последним двум вопросам прошла активная дискуссия. Судейское сообщество посчитало, что независимости судей нанесен сильный удар. Дмитрий Козак отвечал, что независимость и несменяемость во всем мире автоматически означают и ответственность: если верить судебной статистике за 2000 год, 20 тыс. российских судей получили всего 15 взяток (Московские новости. 2001. № 26). Я тогда высказал мнение: хорошо уже то, что мы спорим по подобным вопросам. Дальнейшее развитие событий склонило меня скорей к позиции судейского корпуса: для гарантий независимости суда не может быть излишних мер.

Инициативы Сергея Миронова

Вслед за предложениями президента о назначении губернаторов и переходе на пропорциональную избирательную систему по партийным спискам спикер Совета Федерации С. Миронов выступил с инициативой, согласно которой Высшая квалификационная коллегия судей (ВККС), символ независимости судебной власти, также должна быть поставлена под контроль президента. По мнению судейского сообщества, подобные инициативы доводят тезисы Козака об ответственности судей перед обществом до абсурда: если в устах Козака эти идеи звучали более или менее приемлемо, то в исполнении Миронова они бесспорно означали открытую и непристойную претензию бюрократии легализовать уже существующую зависимость суда от прихотей власти.

Суть этих предложений такова. В 2002 году был принят Закон «Об органах судейского сообщества», по которому в ВККС входят 29 человек — 18 судей, избираемых съездом судей, 10 представителей общественности, назначаемых Советом Федерации и один представитель, назначаемый президентом. Миронов предложил сократить число членов ВККС до 21: один представитель президента, 10 судей и 10 представителей общественности, которые в полном составе назначаются Советом Федерации. В чем был смысл подобной инициативы?

Обоснование Сергея Миронова: «Мы сталкиваемся с фактами, когда один известный банк обанкротился, суд на две недели вернул ему лицензию, за эти две недели куда-то исчезли все активы банка, а судья уходит в отпуск на три года по уходу за ребенком, и при этом ВККС не делает ничего. При всей независимости трех ветвей власти в России они не могут действовать несогласованно. Ни одна из ветвей власти не должна оставаться полностью бескон-

трольной. Это будет вести к злоупотреблениям. Мы хотим большего контроля над ВККС, потому что именно Совет Федерации назначает всех высших судей» (Время новостей. 2004 30 ноября). Как мы видим, Миронов воспроизводит почти все аргументы Козака, различие их проектов состоит только в том, что в результате реформы Миронова независимость суда практически исчезнет. Власти следует подумать о причинах проблемы, а не рассматривать различные прецеденты: нельзя же всякий раз искать выход в ужесточении правил игры вплоть до полной их отмены!

Как и следовало ожидать, предложение Миронова не вызвало большого энтузиазма у судей. Еще за день до общего съезда, который состоялся 1 декабря 2004 года, почти все представители судебной власти были категорически против нововведений. Помимо прочего, Миронов предложил вернуть ВККС отнятое в 2001 году право пересмотра решений нижестоящей коллегии, что позволило бы при желании уволить любого судью. ВККС лишилась этого права потому, что при действующем порядке определения ее состава коллегия могла принимать негодные власти решения. При изменении правил можно вернуть отобранные прежде полномочия, как и в случае с губернаторами и Советом Федерации!

Ю. Сидоренко, председатель Совета судей, сказал накануне съезда: «Я категорически против изменения состава ВККС. Ну скажите, какой смысл менять процедуру, если коллегия еще не поработала в составе, определенном действующим законодательством... Нам говорят, что надо реформировать процедуру формирования ВККС, так как в том составе, который прописан в действующей редакции, она не способна бороться с коррупцией. Но позвольте, откуда же авторы проекта знают, на что способна ВККС, если она еще и дня не проработала в этом новом составе» (Время новостей. 2004. 30 ноября).

Съезд судей состоялся, на нем выступил сам президент и произнес «правильные» слова о необходимости обеспечить независимость суда. Относительно инициатив Миронова Путин определенно высказаться не захотел, хотя именно этого от него и ждали собравшиеся на съезде. Дело так и осталось нерешенным и, судя по особенностям нынешнего правления, его внесли в лист ожидания: протесты постепенно утихнут, люди привыкнут к идее, казавшейся неприемлемой, со временем она будет восприниматься иначе. Сразу после Беслана Путин произнес сакраментальную фразу: мы «позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную

сферы». Однако в качестве меры противодействия власть предлагает по сути полностью ликвидировать независимый суд. Таков финал судебной реформы.

Я думаю, судебные инициативы власти преследовали иные цели, нежели борьба с коррупцией. Если под контролем президента окажутся высшие судебные инстанции, то ситуация сама собой решится. *Если нарушение закона в суде возможно по указанию сверху или же за справедливое решение судья может подвергнуться неприязнностям, то уместно предположить, что рано или поздно судья уступит хорошо оплачиваемым предложениям поступиться совестью.* Я не раз слышал, как судейские и прокуроры, потупив взор, соглашались: да, попадают в нашей среде нечестные люди, однако мы боремся с этим явлением и осуществляем «намеченные в этом направлении мероприятия». Но почти никогда не приходилось слышать публичные заявления о том, что источником искушения является именно исполнительная власть.

Независимость суда от других ветвей власти не гарантирует искоренение коррупции — это справедливо. Очевидно, впрочем, что в отсутствие независимого суда победить коррупцию не удастся никогда.

11.2. Прокуратура

Незадолго до принятия нового УПК Генеральная прокуратура приняла решение об аресте В. Гусинского и ряда других лиц. Тогда это казалось произволом, поэтому положение, согласно которому аресты и обыски отныне будут производиться только по решению суда, рассматривалось как большой шаг вперед. Однако законодательство не всегда совпадает с реальной практикой.

Возможна ли независимая прокуратура?

Со времен Петра I обер-прокурор Сената получил прозвание «государева ока». В советское время образ генерального прокурора был долго связан с именем А. Вышинского, обвинителя на процессах «врагов народа» в 1937 году. В нашу эпоху многое изменилось, в том числе и статус прокуратуры. Процитирую слова Д. Козака, сказанные накануне принятия нового УПК: «Что такое „независимость прокуратуры“ в нашей стране? В Конституции такого принципа нет. Он закреплен в Федеральном законе, в соответствии с которым прокуратура у нас функционирует в качестве по сути четвертой ветви государственной власти, обладая при этом обширными властными

полномочиями... Прокуратура в отличие, например, от исполнительной власти не подвержена никакому контролю. Сегодня это замкнутая, централизованная — что правильно — система. Однако механизм и основания политической и юридической ответственности руководителя, на которого замкнута эта система, в законе не сформулированы вовсе или весьма расплывчаты...

И это при том, что у прокуратуры сегодня есть полномочия и судебные, когда, например, речь идет об ограничении свободы граждан на досудебной стадии уголовного преследования (эти полномочия как раз и упразднил новый УПК. — *Е.Я.*). При том, что прокуратура обладает монопольными правами при расследовании наиболее тяжких преступлений: сама расследует преступления и сама осуществляет надзор...

Мировая практика закрепила два основных варианта статуса прокуратуры. Либо она составная часть судебной власти — и тогда должна функционировать в ее составе и по ее законам. Либо — исполнительной. Последнее означает, что прокуратура, как это происходит в некоторых странах, занимается расследованием уголовных дел на досудебной стадии, а в судебном процессе от имени государства представляет сторону обвинения, равноправную защите» (Общая газета. 2004. 13–19 декабря).

В интервью газете «Коммерсантъ» от 13 декабря 2003 года Козак продолжил: «Тут можно провести параллель с регулированием финансовых рынков: как там ЦБ, например, должен быть лишен полномочий одновременно устанавливать правила для банков и надзирать за их исполнением, так и Генпрокуратура не должна и вести следствие, и выступать обвинителем в суде».

«Государево око»

В конце 2003 года после того, как Генеральная прокуратура вошла в дело ЮКОСа, стали поговаривать, что она не переживет административной реформы: либо окажется подразделением Министерства юстиции, обладающим контрольной функцией, либо станет частью судебной системы с исключительно обвинительными полномочиями. Самим следствием должны заниматься следственный комитет Министерства внутренних дел или Федеральное бюро расследований как самостоятельное ведомство — по аналогии с США.

Пока Д. Козаку удалось лишь отнять у прокуратуры право давать санкции на арест и обыски. В остальном реальное продвижение в данной сфере практически отсутствует. Широта и размытость

полномочий, которые сегодня закреплены за прокуратурой, власть абсолютно устраивают. Независимость прокуратуры, ее формальный статус четвертой ветви власти фиктивен. Судя по всему, задачей генерального прокурора является демонстрация лояльного отношения к первому лицу государства и его команде, готовность верно служить, подбирая юридические обоснования для любого их действия. «Государево око» бдит: услуги прокуратуры в 2000–2003 годах были столь значимы, что вряд ли в ближайшем будущем от них откажутся (как в рекламе «Билайн»: «С нами удобно!»). Что же касается лишения прокуратуры права на обыски и аресты, то в скором времени возник феномен «басманного правосудия» и стало ясно: единственная проблема власти — донести дело из прокуратуры в послушный суд.

11.3. Полиция и другие

Я умышленно прибегаю к подобной терминологии в рубрике, посвященной Министерству внутренних дел и российской милиции, которая чуть ли не с самого своего рождения милицией в точном смысле слова не являлась.

Адекватно раскрыть эту важнейшую тему на страницах настоящей книги чрезвычайно трудно. Милицейская проблема требует более глубокого рассмотрения и специальной подготовки. Здесь достаточно просто упомянуть некоторые общеизвестные факты — низкую зарплату и кадровый дефицит, коррумпированность, склонность к насилию. Отдавая должное многим честным и самоотверженным людям, работающим в этой сфере, следует все же констатировать: с одной стороны, российская милиция сегодня не является надежным орудием в руках власти, хотя и входит в команду силовиков, с другой — явно не соответствует требованиям демократического государства. Беда в том, что власть свои задачи всегда предпочитала решать с помощью служб безопасности.

Право на легитимное насилие

Из интервью «Новой газеты» с руководителем отдела психосоциальных исследований Независимого центра психического здоровья РАМН, психологом С. Ениколоповым о работе милиции: «НГ: Сергей Николаевич, действительно ли проблема пыток в правоохранительных органах — повсеместное явление? СЕ: Пытки в милиции нельзя выделять в

отдельную проблему, потому что пытки — это производное от проблемы насилия вообще в правоохранительных органах, причем это проблема не только нашей страны. С насилием сталкиваются везде, оно существует во всех странах, где есть полиция — люди, наделенные властью и оружием. Возникает эта проблема не случайно. Ее корни — в самой

природе правоохранительных органов. Эти органы — органы легитимного, узаконенного насилия. Милиционер имеет право делать то, на что не имеет права обычный гражданин. Он может разогнать демонстрацию, пользуясь водометом и дубинками, он может заломить руки и дать в морду буйствующему хулигану, обезвредить опасного преступника. Но существует тонкая грань между выполнением служебных обязанностей и превышением полномочий...»

НГ: Как различить эту грань?

СЕ: Во всех странах работа полиции происходит под мощным контролем со сто-

роны государства и общества. Существуют государственные органы контроля — прокуратура, за этим же следит и общество — сильные гражданские организации, которые, только узнав или увидев неправомерные действия полиции, раздувают скандал. Но такая система есть только в западных странах. Проблема России и стран СНГ в том, что функция контроля как со стороны государства, так и со стороны общества потеряна. Отсюда следует вывод: рост насилия в правоохранительных органах связан с отсутствием контроля и безнаказанностью» (Новая газета. 2004. 29 ноября — 1 декабря).

Налоговая служба и таможня

В числе прочих силовых ведомств следует упомянуть налоговую службу. Не слишком понятно, впрочем, почему эта структура считается силовой? До недавнего времени, кроме налоговой службы, в России существовала ныне упраздненная налоговая полиция, которая брала на себя силовую часть операций по изъятию неуплаченных налогов. Впрочем, налоговая служба силовые функции не получила, в сотрудничестве со спецслужбами и судом она стала выполнять роль своего рода прокуратуры.

Проблемы налогового администрирования в стране стоят весьма остро. Ранее уже приводились данные о том, что налоги собираются плохо, отчетность фальсифицируется, теневые доходы ряда предприятий растут. Как это происходит во многих слаборазвитых странах, российская власть вынуждена вводить грубые, но простые в администрировании налоги. Уровень коррупции в России — один из самых высоких в мире, поэтому усилия по улучшению организации сбора налогов и выполнению налоговых обязательств следует признать необходимыми и важными. Впрочем, предпринимаемые меры могут быть разными. Можно, например, шаг за шагом повышать качество налогового администрирования, квалификацию работников, делать неотвратимыми наказания за налоговые преступления. Но наряду с этим или вместо этого можно применять грубые «наезды», по 2–3 раза приходиться по поводу одних же налогов, уплаченных несколько лет назад, предъявлять какие угодно претензии отдельным компаниям, по тем или иным причинам негодным, в расчете на то, что суд все равно примет решение в пользу государства. И при этом не возвращать положенные суммы

по НДС. Опыт войны с ЮКОСом и «Вымпелкомом» в 2003–2004 годах стал распространяться подобно лесному пожару. Практика налоговых изъятий стала наносить прямой ущерб экономике.

Нужно заметить, что новое силовое ведомство, Роснарконтроль, по сути пошло по аналогичному пути. Победить наркотрафик трудно, поэтому борьбу с наркобаронами власть начала с ветеринарных врачей, применявших кетамин в качестве обезболивающего лекарства для кошек и собак (дело доктора Дуки), причем во время следствия использовались откровенные провокации. Ведомство получило громкую рекламу, правда, сомнительного свойства.

На таможне — иное дело, там за клиентом ходить не надо, он приходит сам. Уровень коррупции здесь с самого начала, как только ввели таможенные тарифы, был одним из самых высоких.

Вообще, если тарифы низкие, скажем 3–4% от стоимости товара, то и злоупотребления таможни не будут масштабными. Если же проводится протекционистская политика — обычно в странах со слабой, неконкурентоспособной экономикой, если тарифы достигают 20–30%, то премия за беспошлинное пересечение границы возрастает. Кроме того, в России таможня взимает и некоторые налоги, например НДС с импортируемых товаров, и в целом в настоящее время собирает до 40% всех доходов федерального бюджета. А поэтому ситуация здесь не может не быть коррупциогенной.

Но коррупция — это одно, а использование силового ведомства в качестве орудия власти — другое. В этом смысле таможня малоэффективна. Более того, бывают случаи конфликтов между силовыми ведомствами, например таможней и ФСБ, когда последняя прикрывает незаконный ввоз товаров. Я имею в виду широко освещавшееся в печати дело фирмы «Три кита». Она обвинялась в массовом импорте мебели без уплаты пошлины, и, по слухам, ее «крышевали» сотрудники ФСБ. Судя по тому, что пострадала не фирма, а некоторые работники таможни, против которых прокуратура выдвинула обвинения в вымогательстве и превышении служебных полномочий, а следователь Зайцев, пытавшийся разобраться в сути дела, был уволен и даже осужден, эти слухи, видимо, не лишены оснований. Пострадала также бывший заместитель председателя Мосгорсуда О. Кудешкина, которая вела это дело, поскольку отказалась выполнять указания своего начальника О. Егоровой и вынести приговор в пользу фирмы «Три кита», о чем Егорова доложила (!) в Генпрокуратуру. Теперь О. Кудешкина — домохозяйка...

11.4. Спецслужбы

В начале новой демократической волны КГБ продолжал выполнять охранные функции: напомним, что его глава В. Крючков в 1991 году был по сути главным организатором заговора ГКЧП. Казалось, что КГБ разделит судьбу КПСС, шли разговоры о люстрации, о введении запрета на некоторые профессии для сотрудников КГБ, по крайней мере тех, кто преследовал диссидентов. Так, например, сделали в Чехословакии. По признанию А. Яковлева, в России подобные запреты ввести намного труднее: слишком много людей сотрудничали с КГБ, входили в его штат или работали осведомителями. Тот же феномен свойственен бывшей ГДР, где шпальца Stasi дотягивались едва ли не до каждого.

Б. Ельцин, я думаю, боялся и не доверял КГБ, именно поэтому он разделил некогда единый Комитет на ряд служб — СВР, ФСБ, ФАПСИ, служба охраны, пограничники. Впрочем, Ельцин не стремился к полному уничтожению спецслужб и предпочитал держать их под контролем. Тайная полиция всегда опасна для правителей, особенно в том случае, когда специальные подразделения образуют мощный корпус во главе с авторитетным лидером: в высшей степени характерен пример Ю. Андропова, вернувшего КГБ утраченный было престиж. Опасны спецслужбы и тогда, когда подвергаются преследованиям со стороны власти: они могут стать врагами режима, опирающегося на прекраснодушных либералов и революционных романтиков, не владеющих искусством интриги и организации спецопераций.

Не сомневаюсь, в КГБ было немало по-своему честных и порядочных людей, профессионалов. Некоторые из них готовы были служить новой власти, например А. Коржаков. При всей сложности его судьбы, мотивов его поступков и однозначности моего личного отношения к нему, он не предал Ельцина, оставленного прежними товарищами, и стоял рядом с ним на танке 19 августа 1991 года. Коржаков служил Ельцину верой и правдой, разумеется, в меру своего понимания этой правды. Последнее интересно прежде всего потому, что позволяет лучше понять не персональный характер Коржакова, а менталитет людей из спецслужб. Коржаков неожиданно для себя получил огромную власть, которую корыстные люди, пытавшиеся использовать ее в собственных интересах, стремились раздуть все больше.

Многие видные сотрудники КГБ, искавшие применения своим талантам, пошли работать в службы безопасности «новых

русских». Вспомним хотя бы Ф. Бобкова и А. Кондаурова, сотрудничавших с Гусинским и Ходорковским. В их числе встречаются и успешные самостоятельные бизнесмены, например А. Лебедев.

Демократизация спецслужб в Чехии

Из интервью «Еженедельного журнала» с Ярославом Баштой, послом Чехии в России, в прошлом диссиденте и активисте бархатной революции 1989 года, одним из тех, кто проводил реформу спецслужб в Чехии: «ЯБ: Из нескольких тысяч (в ГБ ЧССР служило 5 тыс. офицеров) сотрудников госбезопасности на государственной службе осталось около ста человек. ЕЖ: А осведомителей, агентов, „доверенных лиц“?

ЯБ.: До 20 тысяч, но не одновременно. Не так уж много, если сравнивать с другими странами, например ГДР... За редким исключением не пригодны оказались кадры. Они учились совсем иному и умели вовсе не то, что от них потребовалось в новое время, их сложно было перевоспитать. И они оказались не состоянии понять, что уже невозможно работать так, как раньше, когда офицер ГБ куда-то пришел, показав удостоверение — и ему все поднесли на блюдецке.

Можно было реформировать так же постепенно, как, например, Польша и Венгрия, но мы пошли своим путем, проведя реформы — и увольнение прежних кадров — быстро. А через 10 лет оказалось, что Польша и Венгрия в итоге пошли по тому же пути. И там точно так же не осталось практически никого, кто служил бы в прежней госбезопасности. И даже процент оставшихся „бывших“ почти такой же, как у нас, — около двух.

Закон о лustrации действует до сих пор: есть списки сотрудников госбезопасности и их агентов. И закон говорит: если вы значитесь в этих списках... то вы, начиная с определенного уровня госслужбы, не можете на ней состоять. Зато если вы сейчас посмотрите на список самых богатых людей в Чехии, то увидите в нем очень много тех, чья связь с ГБ задокументирована» (Еженедельный журнал. 2004. № 128. С. 38–40).

Естественно, что многие сотрудники спецслужб горько переживали события 1990-х годов: развал империи, ослабление государства, приватизацию, обогащение немногих, ставших хозяевами новой жизни, воспринимали эти события как национальное унижение и подозревали, что все произошедшее есть результат заговора, разворовывание страны. Естественно, этим людям присуща жажда реванша. Подходящий момент наступил тогда, когда Ельцин избрал своим преемником выходца из спецслужб, главу ФСБ Владимира Путина: структура выжила, и спрос на ее услуги вновь появился.

В начале путинского правления спецслужбы активно доказывали необходимость своего существования: была сфабрикована череда дел с обвинениями в шпионаже, в разглашении государственной тайны — А. Никитина, Г. Пасько, И. Сутягина, В. Данилова и другие, которые тянутся годами без надежды на представление убедительных доказательств вины подсудимых, только чтобы поддержать честь мундира ведомства, внушающего смирение и страх.

К разряду таких дел следует также отнести преследование ряда организаций молодых левых радикалов, таких, как П.О.Р.Т.О.С. (Поэтизированное Объединение Разработки Теории Общенационального Счастья) или религиозно-философского общества «Нави» (Общая газета. 2001. 7–13 июля). Впрочем, это все были «тренировочные» процессы, дальше пошли дела гораздо более серьезные, в том числе дела «Медиа-Моста» и ЮКОСа.

Альфред Кох о спецслужбах

«Вообще, на мой взгляд, нет ничего более опасного для гражданского общества, чем спецслужбы у власти. Я в данном случае не конкретизирую — КГБ там или ФСБ, ЦРУ, МИ-6 или Моссад. Просто — спецслужбы.

Ведь что такое сотрудник спецслужб, если он хороший сотрудник спецслужб?

Во-первых, он хорошо усвоил, что он — элита нации. При этом не имеет значения, элита он на самом деле или не элита.

Во-вторых, его приучили к конспирации. Он любит конспирацию, он верит в конспирацию, он ею живет. Он не понимает необходимости публичности власти. Он не верит, что политик может публично заявлять свои мотивы и они истинны. Его учили, что публичные заявления делаются только для отвода глаз, а на самом деле мотивы человека, как правило, низменны и просты: жрать, спать, совокупляться, над золотом чахнуть. Он презирает людей.

В-третьих, его научили любить абстрактное государство и абстрактный народ. Просто как термин. При этом для него очевиден приоритет интересов государства над интересами народа. Или иначе: интересы государства и есть интересы народа, а у народа не может быть интересов, отдельных от интересов государства.

В-четвертых, именно в силу специфики спецслужб его приучили презирать закон. Нет такого преступления, на кото-

рое бы он не решился ради интересов этого абстрактного государства. Закон — это для плебеев, а он — элита. Он охраняет безопасность государства, населенного маленькими неразумными существами (народ). Ради безопасности этого народа он держит его в неведении относительно своих помыслов и действий и готов брать на себя страшные грехи. Плебеям этого не понять. Он небожитель, и для него есть один закон — его начальник.

Из этих четырех пунктов вытекает необходимость жесточайшего контроля власти над спецслужбами. Властей, не интегрированных со спецслужбами...

Если же спецслужбы находятся в подчинении структур, сформированных из выходцев из спецслужб, то сама метода управления становится непрозрачной... Государство превращается в филиал спецслужб. Власть не опускается до политики даже с конструктивной оппозицией, а на всякие неудобные вопросы отвечает: „Вот вы спросили, зачем мы заложили в бюджет инфляцию не 15, а 12%? Так позвольте вам заметить, что мы знаем истинные мотивы вашего вопроса. Вы ведь не интересуетесь инвестиционным процессом в стране. На самом деле вы прелюбодей и тайно посещаете любовницу. Так-то“. (Занавес. Полемика закончена)» (Кох, Свинарченко 2003: 73–75).

Можно было бы попытаться воссоздать картину роста влияния спецслужб и выходцев из них в различных сферах жизни России — в бизнесе, внешней и внутренней политике, на региональном уровне. Я не намерен заниматься этим. Здесь для нас принципиально важно то, что этот процесс идет, причем весьма интенсивно.

Процесс противоречивый и неоднозначный, имеющий порой и позитивные моменты. Возьмем смену «красных» губернаторов офицерами ФСБ в Смоленске и Воронеже, схватку банкира Веремеенко с президентом Рахимовым в Башкирии и т.п. Однако наряду с этим в общественном сознании возрождается и распространяется все шире свойственная этим людям ментальность. Трудно ожидать в этих обстоятельствах успешной судебной реформы и повышения роли закона, хотя соблюдение закона, пусть формальное, требуется сегодня даже от спецслужб.

Я представляю себе, каков ныне механизм принятия и исполнения некоторых важных политических решений. Вначале — некий диалог между властными органами (условно Кремлем) и спецслужбами, который завершается постановкой задачи и выдачей указаний. Затем разработка спецслужбами плана операции. Затем утверждение плана операции и выдача поручений другим исполнителям — МВД, прокуратуре, налоговой службе, суду. Далее исполнение плана, в процессе которого Кремль и спецслужбы обычно стараются держаться в тени. Исполнители же принимают на себя удары общественности. Если операция многошаговая, то за каждым шагом, если позволяет время, следует период выжидания, пока реакция общества утихнет или не подействуют предусмотренные меры контрпропаганды. Так или примерно так сегодня действует главное орудие власти.

Плохие прецеденты

Ну и что плохого, скажете вы. Ничего, только практически все подобные действия в последнее время, по сути, направлены против демократии, против гражданского общества, против правового государства. Печально известные уголовные дела *создают прецеденты, мешающие становлению в России системы современных продуктивных институтов и ценностей, необходимых для конкурентоспособности и процветания страны в глобальном постиндустриальном мире.*

Если в стране преобладают позитивные прецеденты, формирующие соответствующие привычки и стереотипы поведения, то следом складываются и новые институты и ценности. Если же преобладают прецеденты негативные, способствующие отторжению или игнорированию полезных нововведений, то движение вперед прекращается, возможны откат назад или извращенное развитие, ведущее в тупик. В последние годы в развитии российской

правовой системы принимаемые полезные законы, формальные институты уступали негативным прецедентам, таким, как ликвидация старого НТВ или разгром ЮКОСа. В политике укрепления государства значение независимости суда уступало традициям спецслужб. И это позволяет власти, не считаясь с обществом, даже не стараясь убедить его в целесообразности своих действий, делать что угодно, опираясь только на послушный аппарат государственного насилия.

Такие дела!

Часть III | Россия перед вызовом

Глава 12 Общество

Если в целом оценивать итоги развития страны за последние пять лет, опираясь на материал предыдущей части книги, можно сделать следующий вывод: подъем экономики вследствие реформ 90-х годов и благоприятной мировой конъюнктуры, а также политическая стабилизация сопровождаются утратой значительной части демократических завоеваний. Нам говорят, что общество не готово к демократии. Общество как бы согласно с этим: демократия не входит в число его ведущих приоритетов. Не без влияния административного и медийного ресурсов, хотя и по доброй воле, большинство населения голосуют за тех, кто ограничивает его права и свободы. Говорят также, что таково общество, таков менталитет русских, им, может, и вовсе не нужна демократия. И ничего другого, кроме уже бывшего в истории, в этой стране не будет. Демократия появилась на революционной волне и исчезла, вызвав разочарование.

Так ли это? Пришла пора хотя бы бегло разобраться в том, насколько справедливы подобные выводы, таковы ли действительно свойства общества, в котором мы живем.

12.1. Мнения о демократии в России

В этом разделе меня интересует современное российское общество не вообще — тема необъятная, — а только с точки зрения его способности воспринимать демократические институты и ценности. С точки зрения того, как оно будет развиваться в зависимости от его отклика на выдвижение демократической альтернативы в противовес традиционному политическому устройству. Здесь я буду опираться на книгу Т. Заславской (Заславская 2004), в которой, во-первых, обобщен богатейший материал, а во-вторых, содержатся многие близкие мне мысли. Заславская рассматривает ряд противоположных мнений специалистов на интересующую нас тему (Там же, 26–29). Я позволю себе их сгруппировать и несколько видоизменить.

Либеральная позиция

Институциональные изменения происходят медленно, но они возможны. В экономической сфере реформы начала 90-х годов уже произвели кардинальные изменения институтов: введение свободных цен, конкурентного рынка, частной собственности. Россия получила возможность уйти от традиционного, усиленного советской властью института «власть — собственность» и уже далеко продвинулась по пути наиболее развитых процветающих стран. Что касается демократии, то здесь достижения более скромные, а в последнее время возникают опасения по поводу возможности закрепления авторитарных тенденций. Но, вероятнее всего, будет действовать механизм маятника: усиление авторитаризма при сохранении и развитии свободной открытой экономики рано или поздно вызовет обратную реакцию.

Нельзя сказать, что все либералы и демократы столь оптимистичны. Некоторые полагают, что «управляемая демократия», переходящая в авторитаризм, таит в себе угрозу закрепиться надолго в силу ее близости российской исторической традиции. Это повлекло бы за собой ограничение возможностей развития и растущее отставание страны.

Опасения вызывает также то, что на каждом шагу мы сталкиваемся не с реальными позитивными институциональными изменениями, а с их имитацией и с негативными прецедентами. Имитируется все: демократия, конкурентный рынок, правосудие, гражданское общество, права человека. За этим скрываются практики, характерные для советского, а то и дореволюционного прошлого (Левада 2003: 9). То же явление можно понимать как преждевременное введение формальных институтов и дальнейшее длительное их усвоение или отвержение, которое происходит в процессе формирования неформальных институтов и социальных практик, более соответствующих принятым нормам. Но так или иначе основное содержание этой позиции состоит в том, что *формирование в России институтов рыночной экономики и политической демократии возможно.*

Консервативная позиция

Суть ее в том, что Россия не может быть настоящей демократической страной с рыночной экономикой, так как ей имманентно присуща иная «институциональная матрица». Реформы, если и нужны, должны быть направлены не на усвоение западных институтов

и ценностей, а на совершенствование исконно русских институтов. У России свой особый путь, западные же институты не принесут ей пользы. Среди серьезных исследований наиболее последовательно эта позиция представлена О. Бессоновой и С. Кирдиной. Опираясь на известные работы К. Полањи, относящиеся еще к 40-м годам (Полањи 2002), Бессонова рассматривает жизнеспособные «раздаточные» и дистрибутивные экономики с высокой ролью государства и без рыночных отношений (Бессонова 1999). Кирдина считает, что России, как и другим странам Востока, присуща институциональная матрица, включающая авторитарную государственную власть, раздаточную экономику и коммуитарную идеологию (Кирдина 2001; Кирдина 2004а; Кирдина 2004б). Согласно этим концепциям, наблюдаемые тенденции возрождения в России элементов советской системы закономерны и будут усиливаться (Заславская 2004: 29). Либеральные реформы чужды русскому национальному характеру, который будет воссоздавать, хоть и в новых формах, авторитаризм. Ясно, что с этой точки зрения *демократия в России не приживется никогда*.

Известно, что подобных взглядов придерживаются не только названные авторы, но и многие политики, не всегда афиширующие свои истинные убеждения, а также профессиональные «патриоты». А. Зиновьев, на чью книгу «Зияющие высоты», как на блестящее обоснование несостоятельности советской системы в 70-х годах молилась советская либеральная интеллигенция, ныне сделал поворот на 180 градусов. Теперь именно ту систему он считает наиболее подходящей для России, а либеральные реформы и изменения в жизни общества, пришедшие с ними, — «деградацией, разрушением всех основ жизни народа» (Зиновьев 1996: 57).

Эволюционная позиция

Рыночные реформы и демократия в России признаются необходимыми, но они могут быть успешными только при эволюционном развитии, с учетом особенностей национальной культуры, менталитета народа, традиционных институтов. То, что было сделано, сделано неправильно, привело к деградации или по меньшей мере не принесло никаких существенных изменений. Именно из-за того, как проводились реформы, как строилась внутренняя политика в 90-е годы, сегодня возрождается авторитаризм, а судьба демократии в России поставлена под угрозу.

Р. Нуреев: «Сегодня российское общество оказалось дальше от западной институциональной правовой свободы, чем накануне реформ» (Нуреев 2001: 41).

Л. Григорьев: «Неизбежным результатом гайдаровско-ельцинской „модернизации“ стал достойный занесения в Книгу рекордов Гиннеса небывалый для мирного времени обвальный кризис... По сути дела это была политика „антимодернизации, отбросившая Россию на несколько десятилетий назад“».

В. Федотова: «Итогом гайдаровско-ельцинских преобразований стала модернизация, отбрасывание страны в феодализм» (Заславская 2004: 91).

О. Шкаратан: «В отличие от большинства восточно-европейских стран в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики. Присущие этакратическому обществу слитные отношения „власть — собственность“ получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными... Многое в истории и перспективах развития России задано. Никуда не уйти от менталитета россиянина, доминантно представленного восточным христианством, причем в его русской версии. Не уйти от национальной культуры со следами влияния восточных культур (Шкаратан 2004: 44–45).

Этот список цитат можно было бы продолжить, ибо подобные взгляды разделяет значительная часть российской интеллектуальной элиты. Я не буду здесь ставить оценки. Замечу только, что последняя позиция, близкая по духу и идеям к либеральной, на деле солидаризуется с консервативной, ибо считает — вольно или невольно — шанс для развития демократии в России утраченным, если не навсегда, то надолго.

Кто же прав?

12.2. Национальный характер и культура

Изложенные выше позиции ставят перспективы российской демократии в зависимость прежде всего от особенностей национального характера русских, от их культуры, основанной на традиционных институтах и ценностях. Различия в этих позициях состоят в том, что сторонники первой, видя проблемы, связанные с особенностями менталитета большинства населения, не считают их неразрешимыми. Вопрос во времени и политике. Остальные же, исходя из имеющегося опыта модернизаций в России, считают эти проблемы

непреодолимыми. Они предлагают проводить политику, которая опиралась бы на сложившийся национальный характер, на менталитет, не пытаясь решать непосильную задачу их изменения. Нельзя изменить, значит, будем жить так, как нам позволяет наш характер. Пить не брошу, хоть и врачи запрещают, но, может быть, с водки перейду на виски и бормотуху.

Семь свойств

Каков наш национальный характер? Т. Заславская выделяет следующие основные его черты:

- 1) сакральное восприятие власти и государства. Установка на сильное государство, способное поддерживать общественный порядок даже суровыми методами: «с нами иначе нельзя»;
- 2) анархические склонности: понимание свободы не как ответственности, а как воли, вседозволенности — «поэтому с нами можно только палкой»;
низкая цена человеческой жизни и личности, интересы коллектива ставятся выше интересов индивида; подавление прав личности допустимо;
- 3) слабое уважение к законам, глубокая укорененность в культуре и практике норм поведения, противоречащих формальному праву; правовой нигилизм;
- 4) сдержанное отношение к частной собственности и богатству: «честным трудом и риском разбогатеть нельзя, а можно только обманом и несправедливостью»; напротив, больше ценятся социальная справедливость, равенство, взаимопомощь;
- 5) относительная слабость достижительных ценностей — образования, профессионализма, карьеры, известности, успеха; невысокий престиж предпринимательства; неумение, а часто нежелание рационально вести хозяйство, склонность к бессмысленному риску («русская рулетка»), кутежам и тому подобное;
- 6) значительно более низкая, чем во многих странах, ценность труда, склонность к чередованию периодов интенсивного труда с предельным напряжением и длительного отдыха с пьянством, загулами; низкая трудовая и технологическая дисциплина, неспособность к строго регламентированному труду.

К. Касьянова и Е. Майминас отмечают также склонность к подавлению инстинктивных влечений, личных целей ради высших ценностей (духовность). Отсюда появляются характерные качества: смирение и долготерпение. Это, правда, не очень органично сочетается со вседозволенностью и нежеланием действовать рационально. Скорее, смирение — ценность, внушенная религией, чтобы удерживать безудержные страсти, а духовность — в противовес стяжательству, зависти и другим порокам.

Эти свойства национального характера обуславливают слабую отзывчивость на любые изменения, консерватизм.

Апокалиптический тип сознания ориентирован на сопротивление изменениям (как у староверов-раскольников). Либо, если перемены все же происходят, культурные скрепы распадаются полностью, и изменения приобретают разрушительный характер. Сама Заславская комментирует это так: «Разве понимание свободы как воли или бесконечное терпение, прерывающееся время от времени апокалиптическим (а по Пушкину — „бессмысленным и беспощадным“) бунтом, не характерны в первую очередь для рабов?» (Заславская 2004: 58–61).

Первая мысль от знакомства с этим списком: а за что тут держаться? Если наш особый путь состоит в том, чтобы лелеять и возносить такую национальную культуру, то у России нет будущего. У нее не будет конкурентоспособности ни по каким продуктам, кроме нефти и газа. Может быть, это, наоборот, перечень недостатков, от которых нужно избавляться любым способом? Или это невозможно?

К счастью, дело обстоит не так безнадежно. Мне тоже приходилось заниматься этой проблематикой (Ясин 2004б: 332–393) и я пришел к выводу, что, во-первых, перечисленные выше свойства русского национального характера в основном относятся к дореволюционному периоду и, во-вторых, их перечень неполон. В него следовало бы включить и оригинальность мышления, и изобретательность, и склонность к творческому труду как к удовольствию, а не способу заработка. Недостаток рационализма восполняется довольно распространенным артистизмом, богатством воображения, образностью видения мира. Кстати, исследования труда на оборонных предприятиях в 1987–1990 годах показали весьма высокие качества работников, близкие к лучшим мировым стандартам (Шкаратан 2002: 44–47). Названные черты могут быть весьма полезными в постиндустриальном обществе.

Факторы формирования

Если мы проанализируем возможные истоки перечисленных свойств национальной культуры, то обнаружим, что они в основном относятся к сфере политических факторов, организации власти в стране и особенностям российского феодализма.

Т. Заславская называет следующие факторы, повлиявшие на формирование национальной культуры:

- *гигантская, слабо заселенная территория*, представляющая, с одной стороны, свободу (как волю), а с другой — требующая больших расходов на защиту границ и централизации власти. Первая часть утверждения кажется бесспорной, а вторая — сомнительной. Скорее, наоборот, для обороны границ не требовалось больших расходов, иначе не получилась бы такая большая территория;
- *географическое положение между Западом и Востоком*, влияние их культур. От Востока мы взяли соединение власти-собственности, государство-вотчину. В Киевской Руси князь с дружиной перемещались из города в город, согласно «лествичному праву», т. е. меняли друг друга, и города, волости не становились их наследственным владением. Собрание земель вокруг Москвы превратилось в процесс формирования самодержавия и порабощения подданных;
- *суровые природно-климатические условия*. С этим не поспоришь. Еще В. Ключевский писал о напряженном коротком трудовом лете и безделье во все остальные времена года, перемежаемом отходными промыслами.

К этим факторам можно прибавить православие, ориентированное на пассивные ценности — терпение, смирение, аскезу, а также многовековую традицию рабства (Заславская 2004: 56–57). Из перечисленных выше семи основных черт национального характера только одна (низкая производительность труда, привычка к чередованию короткого напряжения с длительным расслаблением, отсутствие склонности к систематическому труду) отчасти связана с объективным фактором — климатом. Еще можно предположить, что анархичность — российский вариант свободолобия — как-то обусловлена размерами территории. Остальные, самые негативные черты (сакрализация власти и государства, низкая цена жизни человека, долготерпение, правовой нигилизм) обусловлены либо го-

сударственным деспотизмом, либо (такие, как недоверие к частной собственности и низкая достижимость) характерным для русского феодализма и советской системы отношением «власть — ответственность», иерархической социальной организацией. По сути это тоже государственный деспотизм.

Я хотел бы заметить, что многие названные выше свойства нашей национальной культуры, признаваемые недостатками, обнаруживаются в культурах других стран, больших и малых, расположенных в разных климатических зонах. Это Латинская Америка, Ближний Восток, Индия. У всех них есть одна общая черта: это страны с пережитками аграрной полуфеодальной экономики, с устойчивыми традициями деспотизма. Мы в их числе выглядим далеко не худшими, я бы сказал, совсем не безнадежными.

Необходимо видеть связь между спецификой нашего перехода к рыночной экономике и этими чертами национальной культуры: теневая экономика, рост преступности, хаотическая приватизация, коррупция — разве они не обусловлены анархичностью, недоверием к государству, правовым нигилизмом. Сравнительно низкий уровень безработицы в самые тяжелые годы трансформационного кризиса, терпеливое отношение к невыплатам зарплаты, длительное сохранение формально убыточных предприятий — способы выживания с помощью теневой экономики при уверенности, что власть не сможет побороть традиционную анархию и игнорирование законов. Впрочем, нечто подобное наблюдалось и в других странах, например в Германии после Второй мировой войны.

Устранение этих недостатков жизненно необходимо. *Но можно ли решить эту задачу с помощью государственного насилия, возобновления традиционной системы распоряжения властью и восстановления контроля власти над собственностью? И стоит ли таким образом учитывать национальные культурные традиции? Мне кажется очевидным, что в данном случае бессмысленно выбивать клин клином. Наш исторический опыт свидетельствует о том, что борьба со слабостью государства подобными методами неизменно приводила к восстановлению деспотического правления, которое и плодило эти недостатки, порождая новые кризисы. Только изменение государственных институтов распоряжения властью и последовательная защита прав частной собственности без ущерба для самобытной русской культуры могут способствовать преодолению пережитков феодализма и самовластья.*

Как меняются институты?

Но возможно ли это? Не правы ли те, кто придерживается консервативной позиции о неизменности институциональной матрицы определенного этноса, определенной культуры, в конечном счете отвергающей все попытки нововведений?

Мы имеем тысячи примеров, подтверждающих, что институты и культуры разных народов, хоть и медленно, но эволюционируют. В этом процессе можно уловить и некоторые закономерности.

В первую очередь стоит различать *естественный процесс* институциональных изменений и процесс искусственный, предполагающий насаждение, *выращивание полезных институтов*, включая их импорт или трансплантацию, т. е. заимствование институтов, успешно функционирующих в иных культурах.

В первом случае неформальный институт обычно вырабатывается практикой. У него появляются сторонники, которые иницируют установление формального института и принятие соответствующего закона. После этого на подготовленной почве институт преодолевает барьеры и распространяется. Так когда-то был принят 8-часовой рабочий день, бывший многие годы лозунгом массового рабочего движения.

Во втором случае ситуация более сложная. Нередко выращивание института начинается с принятия законодательного акта. Цитирую еще раз Д. Козака: «Правильно сконструированный закон не только отражает сложившийся уровень общественного сознания, но и может тащить его вперед. Зафиксированное нормой процесса правило превращается в привычку, привычка — в стереотип, поведение переносится в мышление, вырастает цивилизация. И это в России уже было. Судебная реформа 1864 года, может быть, была тем локомотивом, который вытащил Россию за полвека на европейский уровень сознания» (Московские новости. 2001. 26 июня. № 26).

Я бы несколько усложнил схему. Во-первых (не могу расстаться с марксистским воспитанием, да и не всегда хочу этого), вспомним об объективно складывающихся *производственных отношениях*, развитие которых рано или поздно преодолевает любые препятствия. Так, плановый социализм препятствовал свободным ценам и частной собственности, в нашу жизнь их вернули реформы Е. Гайдара. А ведь это *базовые институты*, которые дают импульсы к развитию всех институтов рыночной экономики. После этого развитие идет необратимо, хотя постепенно и не без трудностей. Закон, регламентирующий подобные институты, как раз «тащит вперед».

Следующий ключевой момент схемы — *прецедент*. Исполнение закона — это дополнение формального института институтом неформальным, который возникает в результате ряда прецедентов. Прусский король Фридрих II издал декрет о введении независимого суда. Через неделю ему принесли иск крестьянина, подавшего на короля в суд за незаконное отчуждение принадлежавшей ему земли. Король не вмешивался в судебный процесс, проиграл дело и вернул землю крестьянину. Он создал прецедент, который, повторившись многократно, породил доверие к суду, а заодно и к королевской власти, уверил подданных в том, что законы подчинены все, включая Его Величество. Немцы говорят, что почитают Фридриха II Великим не только за его военные победы, но и за то, что он способствовал становлению в Германии полезных институтов. Он понимал важность прецедента, особенно создаваемого властью.

Бывает, что закон принят, но на пути его реализации постоянно оказываются не только положительные, но и отрицательные прецеденты, которые создает власть или ее представители. Тогда полезный институт, естественно, не приживается, отторгается или извращается. Практика идет в сторону его приспособления к старым нормам, к выхолащиванию полезного содержания. Как раз по этой причине усвоение новых продуктивных институтов затрудняется.

Следующий важный момент в схеме — преодоление барьера *распространенности нормы* (Олейник 2000: 198–199) или, как я бы назвал его, *барьера большинства*. Этот момент хорошо известен в институциональном анализе. Суть его состоит в том, что, когда новый полезный институт входит в практику, сначала большинство агентов использует старые нормы и нередко это дает им преимущество перед теми, кто уже перешел к новым. Так, выход из тени, прозрачность бизнеса сначала невыгодны тем, кто идет на это: надо платить больше налогов, выше вероятность того, что обнаружатся просчеты в деятельности компании. Конкуренты же получают преимущество. Для преодоления барьера большинства в случае выращивания продуктивных институтов и, наоборот, устранения институтов, вредных для государства или общественных организаций, чаще всего нужно применять специальные меры. Возможно, иногда будет достаточно профессионально выстроенной пропагандистской компании, которая введет своего рода моду на новый институт: скажем, модно пить пиво вместо водки. В других случаях

придется методично повышать риски, связанные с применением «вредных» норм, по сравнению с рисками тех, кто перешел к новым. Например, повышение эффективности налогового администрирования, делающее наказание за налоговые преступления практически неотвратимым. В Испании, чтобы избавиться от взяток на дорогах, приняли закон, запрещающий использовать в суде свидетельские показания офицеров дорожной полиции. Интересно, что эта на первый взгляд абсолютно неразумная мера принесла успех. В 70-х годах в Швеции Союз предпринимателей принял решение о верхнем пределе заработной платы: бизнесмены, нарушавшие соглашение, обязаны были внести сумму превышения со штрафом в бюджет Союза.

Иной раз полезные институты возникают достаточно случайно, в силу стечения обстоятельств, но затем закрепляются рядом прецедентов. К. Поланьи считает, что рынок со свободной конкуренцией никогда не появился бы сам собой, в результате эволюционного развития, если бы английский парламент, воодушевленный идеями А. Смита, И. Бентама и У. Таунсенда, не принял бы в 1800–1830 годах законодательство, утвердившее принципы *laissez-faire* (Поланьи 2002: 203).

Т. Заславская считает, что преодоление барьера большинства реализуется прежде всего социально продвинутыми слоями общества. Они обеспечены необходимыми ресурсами и используют новые правила для инновационно-предпринимательской деятельности. В нашем случае это, видимо, крупный бизнес. Затем в процесс вовлекаются массовые слои, непосредственно не причастные к инновационной активности, но вынужденные приспосабливаться к новым условиям. Далее модели адаптационного поведения подвергаются естественному отбору (Заславская 2002: 508).

А. Олейник, говоря об импорте институтов, отмечает важность их совместимости (конгруэнтности) с институтами воспринимающего общества. Он подчеркивает как раз то, о чем пишет С. Кирдина: институты индивидуалистской (западной) культуры не совместимы с институтами коллективистской культуры (восточной, в том числе российской) (Олейник 2000: 206–208). В силу характерного для нас разрыва между формальными и неформальными нормами при эволюционном развитии в российской экономике образуется не классический рынок, а *корпоративный*, как существовавший в 30–40-е годы во Франции, Испании, Португалии и ныне распространенный в Юго-Восточной Азии, или *сетевой*, характер-

ный для Южной Италии (Там же, 213). Это структуры неоптимальные и ущербные. Но Олейник также пишет об институциональных реформах в послевоенной Японии, проведенных по американскому образцу: реорганизации дзайбацу — семейных концернов — в акционерные общества с распылением контроля, внедрении американских систем внутрифирменного управления, американского профсоюзного законодательства. В сочетании с демократизацией и традициями японской общинной культуры эти реформы стали одним из ключевых факторов феноменального экономического подъема Японии в 50–70-х годах (Там же, 205).

Можно продолжить ряд подобных примеров. Все они показывают, насколько трудна задача выращивания новых институтов, с каким изощренным прогиводействием приходится порой сталкиваться и какая изобретательность требуется, чтобы его преодолеть. Но главное, из этого можно сделать вывод, что институциональная структура изменчива. Чем больше принята в обществе культура равновесия и согласия, чем больше радиус доверия и, стало быть, чем больше развита демократическая система, тем выше гибкость и пластичность институциональной структуры. В переходный период традиционное государство и бюрократия являются главным препятствием на пути становления полезных институтов. Они, как правило, ограничивают свободу маневра участников процесса и сферу использования нововведений. Но государство своей политикой может и содействовать институциональным изменениям. Для этого обычно и проводятся реформы.

Современные тенденции

Кроме того с дореволюционных времен национальные институты и ценности претерпели существенные изменения. В упомянутом выше исследовании, проведенном совместно со старым ВЦИОМом, мы с И. Клямкиным и Т. Кутковец и выделили, с одной стороны, традиционные, советские, и, с другой, пореформенные, либеральные, ценности, чтобы выяснить их соотношение. В советские годы произошел весьма важный сдвиг в оценке образования, и сейчас практически во всех слоях населения наблюдается сильная тяга к нему. Что касается других ценностей, то советские и традиционные ценности различаются мало, очевидно, потому, что в советский период была воспроизведена и усилена иерархическая социальная структура с характерным для нее доминированием отношения господства–подчинения.

Отношения «власть — собственность», присущие восточным деспотиям, в России начали разлагаться еще со времен ухода от государства-вотчины, а после реформ Александра II началось активное развитие частной собственности и капитализма. Но в советскую эпоху под видом общенародной собственности они были полностью восстановлены и даже укрепились по сравнению с тем временем, когда был издан Манифест о вольности дворянства. Это способствовало и сохранению тех норм поведения, которые относят к традиционной русской культуре, и укреплению мифа о неизменности русского национального характера, его природном консерватизме.

Напротив, исследования многих российских социологов, включая Ю. Леваду, Н. Лапина и других, позволяют уловить явную, хотя и постепенную тенденцию к изменению неформальных институтов и ценностей российского общества в сторону более продуктивных, рыночных. Хотелось бы, чтобы это происходило быстрее, но что поделаешь: это институты, им не прикажешь удвоиться к 2010 году.

Исследования Н. Лебедевой в рамках международного проекта профессора С. Шварца показали, что российская студенческая молодежь по оценкам предпочтений профессионализма (мастерства) и достижительности (личного успеха) за 1992–1999 годы обогнала молодежь Восточной и даже Западной Европы (Лебедева 2000). Однако понесла потери по части гуманистических ценностей, социальной солидарности в пользу предпочтений порядка (Ясин 2004б: 377–378). Этого следовало ожидать, но зато мы яснее видим изменчивость культуры в наиболее динамичном слое общества. Это, конечно, только мнения, а не поступки, но все же.

В исследовании Института комплексных социальных проблем РАН (Граждане новой России 2004: 70) выделяются три общественные группы в зависимости от разделяемых ими ценностей — традиционалисты, «промежуточные» и модернисты. Первые большей частью убеждены, что России не подходит западный тип развития. Они соединяют исторические российские и советские ценности, являются противниками либеральных реформ, склонны к патернализму и державности. Модернисты, напротив, поддерживают реформы, являются сторонниками инноваций и инициативы, высоко ценят индивидуальную свободу. Промежуточная группа занимает промежуточные позиции. Ее представители зачастую непоследовательны, но больше тяготеют к традиционализму. Процентное соотношение этих групп в 2004 году таково: традиционалисты — 41%, модернисты — 26, «промежуточные» — 33%.

Таблица 12.1. ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ПО ВОЗРАСТНЫМ КОГОРТАМ, %

Возраст, лет	Традиционалисты	«Промежуточные»	Модернисты
16–25	29,3	33,4	37,3
26–35	31,6	36,3	32,1
36–45	38,5	34,2	27,3
46–55	49,0	31,9	19,1
56–65	58,5	28,2	13,2

Источник: Граждане новой России 2004: 76.

Таблица 12.2. ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ПО ВИДАМ ПОСЕЛЕНИЙ, %

Вид поселения	Традиционалисты	«Промежуточные»	Модернисты
Села	51,3	33,7	14,9
Райцентры, малые города	40,4	33,7	25,9
Республики и областные центры, крупные города	32,2	32,9	34,9
Москва и Санкт-Петербург	36,5	27,6	35,9

Источник: Граждане новой России 2004: 75.

Вывод авторов: рассчитывать на быструю смену существующей сегодня в России социокультурной модели взаимоотношений личности и государства в обозримом будущем не приходится (Там же, 76). Но в то же время есть достаточно устойчивое ядро модернистов. Мы видим, что к этой группе относятся по большей части молодые люди, живущие в крупных городах. Это позволяет предвидеть распространение либеральных ценностей и большую активность их сторонников. Значит, *небыстро можно*. А если будут происходить события, подталкивающие эволюционное развитие, то возможно и повышение темпа. Впрочем — как и замедление, уход в сторону, в тупик, что уже происходило в нашей истории.

Наше исследование показало, что либеральные ценности среди опрошенных имели наибольшее число последовательных сторонников. 7,9% опрошенных из высказываний по всем пяти предлагаемым темам выбрали либеральные варианты; традиционные и советские ценности получили менее 2% (0,7 и 0,9% соответственно) последовательных сторонников (остаток — 90,4%). Три однотипных высказывания из пяти тем выбрали: либеральные варианты — 43,6%; традиционные — 9,8; советские — 16,7%, (остаток — 29,9%) (Ясин 2004б: 381). Большинство опрошенных проявили смешанное отношение к разным типам ценностей. Последовательных либералов, консерваторов (традиционалистов) и коммунистов оказалось немного. «Болото» — это почти повсюду

значительная доля избирателей, склонная голосовать за ту партию, которая обладает более сильными средствами внушения. Я думаю, это свидетельствует о том, что *современное российское общество в целом является нормальным*. Да, у него дурная наследственность, оно болеет врожденными болезнями, прежде всего культурной отсталостью¹, но оно излечимо, если выбрать правильное лечение (политику).

Мое мнение: несмотря на серьезные проблемы в плане продуктивности социальных институтов и ценностей, которые создает не самобытность культуры, а культурная отсталость России, наше общество готово к развитию демократии. Более того, наряду с либеральными реформами и развитием рыночных отношений демократизация может и должна стать важнейшим фактором преодоления этой отсталости. Никакой фатальной предопределенности авторитаризма и консерватизма для России нет. Есть только миф об этом, порождающий пассивность и пессимизм у значительной части интеллигенции и очень удобный для властей.

12.3. Бедность и неравенство

Существует, пожалуй, общее убеждение, что демократия — удел достаточно богатых стран. По нынешним условиям надо иметь душевой ВВП примерно на уровне 15 тыс. долларов в год. В России сейчас, по паритету покупательной способности (ППС), — 8,0–8,5 тыс. долларов. Ф. Закария считает, что демократия становится жизнеспособной, начиная со среднегодового дохода в 6000 долларов (Закария 2004: 64). Конечно, это условная цифра, «средняя температура по больнице». Устойчиво демократических стран с меньшим доходом очень мало (например Индия).

Главная же проблема — бедность и неравенство. Если доля бедных в общей численности населения высока и велика дифференциация по доходам и материальной обеспеченности, то, конечно, возможности укоренения демократических ценностей будут ограничены. Повседневные материальные заботы будут превалировать над оценкой свободы, равенство и социальная справедливость будут иметь приоритет перед политическими правами и свободами, включая право частной собственности. Тем более это верно,

¹ Культурной отсталостью я называю незрелость социальных институтов и ценностей, соответствующих рыночной экономике и демократии, изобилие пережитков архаичных полуфеодальных и советско-феодальных институтов.

учитывая охарактеризованный выше менталитет россиян. Явное или завуалированное пренебрежение интересами большинства населения, а иногда и прямое их подавление, неизбежны для поддержания порядка и спокойствия в обществе. Но если игнорируется воля большинства, о какой демократии может идти речь?

Мера и профиль бедности

Казалось бы, если признать справедливость этих утверждений, о демократии в России говорить рано. Но, во-первых, зависимость между материальным достатком и масштабами неравенства, с одной стороны, и готовностью разделять демократические ценности — с другой, далеко не так прямолинейна, как можно было бы подумать. Пример Индии говорит о многом, хотя значительная часть населения из общественной жизни там просто исключена (эксклюзия очень высока).

Во-вторых, надо объективно оценить меру бедности и неравенства в современной России. Как только вопрос ставится таким образом, по крайней мере относительно бедности, мы сразу обнаруживаем, что есть ряд показателей для ее оценки. Они весьма различаются по значениям, и мы либо должны посчитать их все и как-то взвесить, либо выбрать какой-то один с учетом наших вкусов и мировоззрения.

Так, в 2000 году, по официальным данным, в России доля бедных в общей численности населения составляла 28,9% или 41,9 млн. человек, но по методике, рекомендованной Всемирным банком (Всемирный банк 2004б: 122), те же показатели были равны соответственно 35,9% и 52,1 млн. человека. Если брать за основу принятые международные критерии оценки бедности, то показатели будут такие (пересчет по ППС):

Таблица 12.3. БЕДНОСТЬ В РОССИИ ПО РАЗЛИЧНЫМ КРИТЕРИЯМ ОЦЕНКИ, 2000

Порог бедности, доходы на человека, доллар в день	Индекс уровня бедности*, %	Количество бедных, млн. человек
1,075	1,8	2,6
2,15	12,8	18,5
4,3	46,5	67,4

* Уровень бедности — отношение численности имеющих среднедушевой доход ниже прожиточного минимума ко всему населению.

Заметим, что первый критерий применяется для наименее развитых стран в жарком климате. Для наших климатических условий бо-

лее приемлем второй критерий. На 2002 год по оценке Всемирного банка черта бедности по ППС в России составила 3,54 доллара в день. Ей соответствуют показатели уровня бедности и количества бедных, приведенные в таблице 12.4.

Таблица 12.4. БЕДНОСТЬ В РОССИИ ПО ОЦЕНКАМ ВСЕМИРНОГО БАНКА И ОФИЦИАЛЬНЫМ ОЦЕНКАМ, 1997–2002 годах

	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Индекс уровня бедности, %						
Официальная оценка	20,7	23,3	28,3	28,9	27,3	25,0
Рекомендованная методология	24,1	31,4	41,5	35,9	26,2	19,6
Количество бедных, млн. человек						
Официальная оценка	30,3	34,0	41,2	41,9	39,4	35,8
Рекомендованная методология	35,3	45,8	60,5	52,1	37,8	28,1

Приведенных цифр мы и будем придерживаться. Но надо иметь в виду, что, по данным Л. Овчаровой, оценка уровня бедности, сделанная на основе бюджетных обследований по показателю доходов в 2000 году, составила 49,3%. Если отталкиваться от объема располагаемых ресурсов (здесь к денежным доходам добавляются натуральные поступления от личных подсобных хозяйств, дотации и льготы), оценка снизится до 40% (Овчарова 2002: 5). О. Шкаратан принимает международную черту бедности — 4 доллара в день, и, по его подсчетам, уровень бедности для России в 2002 году повышается до 80–85% (Шкаратан 2004: 8).

Л. Овчарова также приводит рассчитанные по данным Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) за 2000 год уровни постоянной бедности в течение пяти лет — 10–13% и в течение восьми лет — 5–7%. Это очень важные показатели. Они характеризуют масштабы социальной эксклюзии.

Эксклюзия означает «привыкание значительной части наших соотечественников к бедности, включение их в культуру бедности... Чувство безнадежности, апатии, суженное воспроизводство потребностей — типичные качества этого социального dna... Сама возможность развития общества с неуклонно растущим слоем социально исключенных весьма сомнительна. Увеличивающаяся масса таких людей делает общество социально разобщенным» (Там же, 8–9).

Н. Тихонова также отмечает важность этого явления: «Если человек из положения сирого и убогого за пять–семь лет не выкарабкался, то к нему теряется всякий интерес. Меняется структура

социальных контактов. Иначе говоря, человек становится изгоем. Таких изгоев в России — 12 миллионов (что примерно совпадает с оценкой Л. Овчаровой [Овчарова 2004: 39]. — Е.Я.). Это не бомжи. Это нормальные люди, которые пытаются свести концы с концами. Наиболее типичные представители этого слоя — беженцы. Их шансы на полноценное включение в общество практически равны нулю... Это реальная проблема катастрофического характера, которой никто не занимается» (Новая газета. 2004. 29 апреля). Для демократии нынешнее поколение социально исключенных потеряно: оно обычно не участвует в общественной жизни и не представляет угрозы для стабильности, так как политически пассивно. Но у этих семей есть дети, которые зачастую бросают школу, становятся беспризорниками, а через 5–10 лет образуют массу «неквалифицированных, но амбициозных и озлобленных молодых людей» (Там же, 8). Они либо опустятся на дно вслед за родителями, либо будут пополнять криминальную сферу.

В России профиль бедности включает также сельскую местность и города с населением до 20 тыс. человек. Село дает показатель уровня бедности 30,4% против 19,6% в среднем; в малых городах бедных около 25%. В селах живут 45% всех российских бедных, еще 12% — в малых городах (Всемирный банк 2004б: 61).

По возрастным группам наиболее бедными в России, как ни странно на первый взгляд, являются *дети* младше 16 лет: уровень бедности — 26,7% против 18,8% у работающих и 15,1% у пожилых. Наибольшую долю в числе бедных составляют члены работающих семей с низкой зарплатой, главным образом занятые в бюджетной сфере. Это видно из таблицы 12.5.

Таблица 12.5. РАБОТНИКИ С МЕСЯЧНОЙ ЗАРПЛАТОЙ НИЖЕ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА, %

	1995	1999	2002
Промышленность	32,5	26,5	18,9
Сельское хозяйство	80,2	82,0	75,0
Строительство	27,8	29,3	18,7
Транспорт	15,5	19,2	11,5
Здравоохранение	63,7	67,2	38,8
Образование	64,6	70,5	41,4
Культура	70,8	72,2	51,2
Наука	53,7	49,6	21,6

Мы видим, что наихудшее положение сложилось в здравоохранении, образовании и культуре. В науке дело несколько поправилось к 2002 году, но все равно недостаточно.

Для России характерно, что значительная доля населения относится к категории «почти бедных» (их доходы не намного выше прожиточного минимума) — 9,3%. С другой стороны, глубина бедности (отклонение средней величины дохода бедных от прожиточного минимума) тоже сравнительно невелика — 5,1%.

Надо также учесть теньные доходы. Официально признано, что они составляют не менее 25% формально начисленной зарплаты (Овчарова 2004: 28). Другая оценка: в 1999 году официальная зарплата составляла 36,3% доходов домохозяйств, а с учетом ее скрытой части — 65% (Там же, 21). Но мы не знаем, как распределяются теньные доходы — в пользу бедных или богатых.

Доходы и расходы

Таблица 12.6. СООТНОШЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ, 2000, % от числа обследованных семей

Децильные группы	Доходы ниже расходов	Соответствуют	Доходы выше расходов
1 (самые бедные)	77	9	14
2	59	11	30
3	58	11	31
4	56	13	31
5	52	17	31
6	50	19	31
7	45	18	37
8	40	15	45
9	34	15	51
10 (самые богатые)	32	14	54
Итого	50	14	36

Источник: Овчарова 2004: 28 (по данным RLMS).

Монотонность, с которой убывает превышение расходов над доходами по мере роста состоятельности семей, наводит на мысль о том, что, чем люди беднее, тем выше у них доля теньных доходов. Точно так же с ростом состоятельности растут сбережения. Однако не исключено, что богатые больше, чем бедные,

скрывают и доходы, и расходы. В то же время в докладе Всемирного банка приводятся результаты обследования домохозяйств в Пакистане: богатые занижают доходы на 50%, тогда как среднее занижение доходов составляет 25% (World Bank 2004: 41). Возможно, это различия в культуре.

За 1999–2002 годы в России произошло резкое сокращение основных показателей бедности — примерно вдвое. Теперь поставлена задача сократить бедность еще вдвое за последующие три года. Задача очень непростая. Но даже если она будет решена за более продолжительный срок, то уже при уровне в 12–15% бедность перестанет быть препятствием для демократизации России.

Бедность и демократия Амартия Сен и Фарид Закария об Индии

«Принижение политических прав и свобода определенно является частью системы ценностей правящей элиты во многих странах „третьего мира“, однако придерживается ли население тех же взглядов — большая и нерешенная проблема. ... Когда индийское правительство, возглавляемое Индирой Ганди, попыталось опробовать подобный аргумент на индийцах в целях оправдания „чрезвычайных мер“, которые оно необдуманно провозгласило в середине 70-х годов, общество на проведенных выборах разделилось именно по вопросу о правах и свободах. На тех судьбоносных выборах, с помощью которых правительство намеревалось подтвердить приемлемость „чрезвычайных мер“, подавлению фундаментальных политических и гражданских прав был дан твердый отпор; индийский электорат — один из беднейших в мире — протестовал против ущемления фундаментальных прав и свобод с тем же пылом, с каким жаловался на экономические лишения» (Сен 2004: 174–175).

«На резкое падение рождаемости, наблюдаемое в более образованных штатах Индии, во многом повлияли публичные дискуссии о тяжелых последствиях высокого уровня рождаемости. ... В штате Керала уровень рождаемости ныне 1,7 (близкий к уровню рождаемости Британии и Франции и много ниже китайского 1,9) был достигнут без всякого принуждения, в основном по причине возникновения новых ценностей — процесса, в котором политические и социальные диалоги сыграли огромную роль» (Там же, 177).

«Демократия дала Индии определенную стабильность и безопасность вопреки пессимистическим прогнозам, звучавшим в 1947 году, когда страна стала независимой. В ту пору в Индии было неопытное правительство, смута по поводу раздела территорий и несформировавшиеся политические блоки в сочетании с широко распространенным насилием в общинах и общественными беспорядками. Тогда нелегко было поверить в будущее объединенной и демократической Индии. И все

же полвека спустя мы видим демократию, добившуюся путем проб и ошибок немалых успехов. Политические различия были смягчены посредством конституционных процедур. Правительства приходили к власти и смещались в соответствии с электоральными и парламентскими правилами. Индия — огромный, невероятный, удручающий клубок противоречий — выстояла и функционирует достаточно успешно в качестве политического единства с демократической системой — по сути, действующая демократия и держит ее на плаву» (Там же, 180).

Правда, Ф. Закария считает, что в Индии бедность сочетается с демократией, потому что в этой стране благодаря англичанам привился конституционный либерализм. Он ссылается на работу М. Вайнера 1983 года: все без исключения страны „третьего мира“, приобретшие достаточно продолжительный демократический опыт, являются бывшими колониями Великобритании, которая оставила наследие права и капитализма (Закария 2004: 50–51). Но мы договорились включать в минимальный набор признаков демократии, кроме выборов, те, которые составляют содержание конституционного либерализма.

«Когда я сам рос в Индии, — пишет Закария, — я не считал индийцев способными к большим успехам в экономике. Помню день, когда в Нью-Дели легендарный член индийского парламента Пилу Модии во время „часа вопросов“ задал премьер-министру Индиру Ганди следующий вопрос: „Может ли госпожа премьер-министр дать ответ, почему индийцы, как можно наблюдать, процветают в материальном отношении при любом правительстве в мире, за исключением своего собственного?“»

Интересный вопрос, его можно поставить и в отношении русских. Но если Индия в 2001 году экспортировала программных продуктов на 14 млрд. долларов, то Россия — на 0,5 млрд. Повод подумать.

Неравенство

У нас считается общепризнанным, что в России уровень неравенства очень высок, в 3–4 раза выше, чем в Европе. Выводы доклада Всемирного банка иные: «В сравнении с другими развивающимися странами со средним уровнем доходов уровень неравенства в России является умеренным» (Всемирный банк 2004б: 72). Чтобы подтвердить это, в таблице 12.7 мы приводим данные о коэффициенте Джини (степени отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны), которым обычно измеряют неравенство и распределение доходов, и доле доходов по 20-процентным группам в ряде стран.

На самом деле проблема заключается в резком переломе в распределении доходов, который произошел в 90-х годах. В 1992 году, по официальным данным, коэффициент Джини у нас составлял 26%, а в 2002 году — 40%. По данным RLMS он подскочил с 37% в 1992 году до 46% в 1994-м и к 2002 году снизился до 42%. А по расчетам Всемирного банка с поправкой на различия в ценах по регионам в 2002 году он снизился даже до 35%. Другой показатель — коэффициент фондов (децильный коэффициент дифференциации доходов — показатель отношения доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных) — до реформ составлял 4,9, сейчас уже несколько лет, по официальным данным, составляет 14–14,5 (уровень США), а по расчетам, основанным на данных RLMS, — до 20 (Овчарова 2004: 19). Другие исследователи дают еще более высокие цифры, но обычно используют менее представительные выборки.

Таблица 12.7. СТЕПЕНЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАССЛОЕНИЯ, %

	Коэффициент Джини	Доля доходов, приходящихся на каждую из 20% доходных групп				
		1	2	3	4	5
Великобритания, 1991	36,1	6,6	11,5	16,3	22,7	43,0
Латвия, 1998	32,4	7,6	12,9	17,1	22,1	40,3
Словения, 1995	26,8	8,4	14,3	18,5	23,4	35,6
Россия, 1999	39,4	6,2	10,6	14,9	21,0	47,3
Казахстан, 1998	34,7	6,1	10,4	16,4	25,0	42,1
Киргизия, 1998	43,2	4,9	9,5	14,5	22,5	48,6
Китай, 1998	40,3	5,9	10,2	15,1	22,2	46,6
Бразилия, 1996	60,0	2,5	5,5	10,0	18,3	63,8
Мексика, 1995	53,7	3,6	7,2	11,8	19,2	58,2
США, 1997	40,8	5,2	10,5	15,6	22,4	46,4
Канада, 1994	31,5	7,5	12,9	17,2	23,0	39,3

Источник: Овчарова 2004: 20.

Так или иначе, проблема социального неравенства как препятствия к демократизации России представляется преувеличенной. Конечно, переход от социалистической уравниловки к раннекапиталистическому разрыву между уровнями благосостояния богатых и бедных вызвал у многих шок, однако в какой-то степени именно он составляет необходимое условие сильной мотивации трудовой и хозяйственной активности. По мнению уже цитированной выше Н. Тихоновой, среди населения нет явно выраженного неприятия богатых. Отрицательная реакция населения даже по отношению к ЮКОСу и Ходорковскому доминировала прежде всего у самой неквалифицированной и отсталой части общества: «инициаторы этого дела просто сыграли на темных инстинктах», как уже не раз это делали подобные им политики перед выборами (Новая газета. 2004. 29 апреля. № 30. С. 8).

Что делать?

Мой общий вывод таков. В России, конечно, слишком много бедных и слишком велико социальное расслоение, чтобы создать благоприятные условия для доверия и сплоченности в обществе — тех условий, которые являются предпосылками для устойчивой демократии. Но эти проблемы не столь драматичны, чтобы считать их непреодолимым препятствием.

Достаточно понятно и то, как их следует решать. Прежде всего, ясно, чего не следует делать — *отнимать и делить*. Снижение бедности и неравенства в масштабах, совместимых с условиями открытой рыночной экономики, защитой прав собственности и вместе с тем необходимых для демократизации, достижимо в конечном итоге только *за счет роста производства и повышения его эффективности на основе частной инициативы*. Совершенствование механизмов распределения, как показывают мои собственные исследования (Ясин 2004б: 245–331), целесообразно в следующих направлениях:

- существенное повышение оплаты труда в бюджетном секторе — не менее чем в 1,5–2 раза — при повышении эффективности его деятельности;
- существенное повышение пенсий и пособий по инвалидности — до уровня, превышающего прожиточный минимум — при повышении пенсионного возраста до 63–65 лет;
- повышение жилищных субсидий при ужесточении доступа к ним. При этом они должны составлять не более

10–15% от иных денежных доходов семей, чтобы не прерывать мотиваций к труду;

- существенное повышение пособий на детей (до прожиточного минимума), также с ужесточением условий доступа к ним;
- реформа образования с увеличением расходов на образование не менее чем до 5% ВВП;
- реформа здравоохранения с переходом на финансирование медицинских учреждений из бюджета через систему обязательного медицинского страхования не менее чем на 80–90%; развитие дополнительного медицинского страхования;
- разработка и реализация политики регулирования миграции, включая поддержку беженцев и вынужденных переселенцев, а также иммиграцию квалифицированных работников;
- отмена всех остальных льгот и удешевленных услуг для населения; повышение заработной платы и пенсий должно компенсировать как минимум 80% суммы отменяемых льгот, а для 20% наименее состоятельных домохозяйств — все 100%. Нынешние проблемы с монетизацией льгот, действительно необходимой, возникли потому, что изначально уровень компенсаций был занижен, и это наложило на относительное снижение пенсий: в 2004 году коэффициент замещения зарплаты пенсией составил 28,6% против 37% в 2000 году;
- направление доходов государства от повышения внутренних цен на газ, дополнительных поступлений от налогообложения нефтяной промышленности и других добывающих отраслей на покрытие возросших социальных расходов. Кроме того, на эти цели следует направить средства от прекращения дотирования ЖКХ.

Бедность и неравенство будут уменьшаться при условии роста экономики через повышение зарплаты бюджетников и пенсий, которое затронет наиболее уязвимые социальные слои. Жилищные субсидии и пособия на детей должны ликвидировать наиболее глубокие ниши бедности, образуемые многодетными и неполными семьями. Реформы образования и здравоохранения, предусматривающие более высокое и эффективное государственное финансирование этих услуг в сочетании с растущими расходами населения,

позволят сделать образование и медицину доступнее для менее состоятельных слоев населения. Всю эту программу можно было бы осуществить за 5–6 лет.

И больше ничего не надо.

12.4. Средние классы

Необходимым условием демократии и стабильности повсеместно признается наличие в обществе среднего класса (или средних классов), которому есть что терять и который невосприимчив к призывам радикалов. Между тем многие утверждают, что в России среднего класса нет. Как подсчитал О. Шкаратан, у нас семьи, которые можно было бы отнести к среднему классу, составляют всего 2,1% населения (Шкаратан 2004: 34–35). Отсюда вывод: «В современной России среднего класса как несущей опорной конструкции общества нет и быть не может» (Там же). Если прибавить к этому оценку уровня бедности в России, сделанную тем же автором (80–85%), становится ясно, что демократии у нас тоже быть не может. Я твердо знаю, что мой друг О. Шкаратан — настоящий сторонник демократии. Просто он, как и многие российские интеллигенты, придерживается третьей позиции из тех, что были упомянуты в начале этой главы. Он ищет подтверждения своему мнению о том, что неправильное проведение реформ надолго погубило демократическую перспективу России.

Посмотрим, насколько российская действительность соответствует подобным заключениям. Начнем с попытки уточнить, что имеется в виду под понятием «класс». В свое время К. Маркс предложил концепцию классового общества, разделяя классы по признаку основного источника доходов и средств существования. Буржуазия существует за счет капитала; наемные работники — за счет продажи своего труда, единственного товара, которым они располагают; землевладельцы, остатки сословия феодалов — за счет ренты от земельной собственности; мелкая буржуазия и крестьянство — за счет продажи продуктов собственного труда с привлечением в ограниченных размерах наемной рабочей силы. Простая и ясная схема!

Потом эта ясность показала свою теневую сторону. Мне кажется, что идея среднего класса, а также теории более сложной социальной стратификации появилась как реакция на марксистскую схему, чтобы подчеркнуть, что не все так просто. Общество изменилось, классовые перегородки в нем утрачивают значение, и классовая борьба теряет смысл. Да, пролетариату нечего было терять, кро-

ме своих цепей. Но сейчас большинство в обществе составляет средний класс, которому есть что терять, и он является опорой социальной стабильности.

В таком понимании средний класс (или средние классы) оказывается весьма расплывчатым понятием. Его чаще всего и определяют, перечисляя различные категории граждан, выделяемых по разным признакам: уровень и источники доходов, характер потребления, профессии, уровень образования, тип социального поведения и другое.

Три подхода к определению

Поскольку нам нужны количественные оценки, я могу представить три подхода к определению среднего класса. Первая — по уровню доходов. Условимся, например, что домохозяйства с доходами менее 4,3 доллара в день образуют слой бедных (бедные по высшему критерию Всемирного банка, включая «почти бедных»). В 2000 году это составило 46,5% населения. Богатые — не более 3–3,5% населения. Тогда 50% населения между этими группами — средние слои. Назвать их средними классами я не решаюсь. Но все же, по российским меркам, это большинство населения. Конечно, это определение малосодержательно, для того чтобы видеть в нем опору демократии.

Второй подход. Условимся, что мы рассматриваем группу стран с устойчивой демократией, например группу стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития. Возьмем их усредненное распределение населения по доходным группам. В середине распределения выделяем часть, представляющую большинство населения, и смотрим, какими показателями характеризуется их образ жизни. В США, например, представители этих слоев составят 70–80% населения, в Западной Европе — 50–60%. Потом попробуем оценить, какая доля населения России имеет сравнимые характеристики образа жизни и потребления. Мне кажется, что авторы опубликованных в 2001 году в журнале «Эксперт» материалов по изучению среднего класса в нашей стране использовали примерно такую методологию. Их оценка — около 7%.

Третий подход состоит в том, что средние классы определяются набором признаков и их численность оценивается как совокупность домохозяйств, обладающих этими признаками. Такой подход принят, в частности, коллективом авторов книги «Средние классы в России» под редакцией Т. Малевой (Средние классы 2003). Они выделяют три группы признаков: 1) материальные ресурсные

признаки — доходы, расходы, потребление, накопленные сбережения, имущество; 2) нематериальные ресурсные признаки — уровень образования, профессионально-квалификационная позиция, должностная позиция; 3) признаки социального самочувствия (самоидентификация) — самооценки успешности экономического поведения, успеха, комфортности нынешней жизни (Там же, 31). Численность и доля средних слоев определяется как пересечение (логическое произведение, конъюнкция) множеств с соответствующими признаками. Следует предположить, что в пересечении должен браться какой-то один признак из каждой группы.

Ядро, полуядро и совокупный средний класс

Авторы выделяют ядро средних классов — пересечение трех признаков и полуядро — парные комбинации признаков. Совокупность домохозяйств, обладающих по крайней мере двумя из трех признаков, образует обобщенный средний класс. В обследованной выборке в ядро вошли 6,9% домохозяйств (12,9% — в городах). Обобщенный средний класс — 20% домохозяйств, в том числе в городах — 30%. Еще вводится совокупный средний класс — множество домохозяйств хотя бы с одним признаком среднего класса — 52,2% (в городах — 62,3%) (Там же, 214–217). Вот некоторые интересные выводы этого исследования, связанные с его методологией:

- около трети семей, субъективно относящих себя к средним классам, не имеют соответствующего материального достатка: самооценка выше объективных оснований;
- не более трети семей, умеющих зарабатывать, достаточно образованны;
- только треть образованных научились зарабатывать.

Примерно в рамках той же методологии действует О. Шкаратан и М. Авилова. Они берут пересечение множеств, выделенных уже по пяти признакам (материальное положение, образование, профессиональный статус, качество жизни, самоидентификация) и одиннадцати показателям (Шкаратан 2004: 35). В итоге доля средних классов составляет у них 2,1%, при том что каждому из отдельно взятых показателей соответствует от 17,4 до 76,7% выборочной совокупности. Можно было бы добавить еще пару признаков и вообще обнулить долю среднего класса. Но я бы сказал, что выводы М. Авиловой и О. Шкаратана свидетельствуют о внутренних противоречиях методологии Т. Малевой. Возникает подозрение, что, манипулируя набором признаков, можно получать разные результаты.

Тем не менее мы, не входя в профессиональные тонкости, будем исходить из того, что в России примерно 7% домохозяйств отвечают западным стандартам среднего класса (в городах — 12–13%), а 20% — российским представлениям о нем (в городах — около 30%). Примерно такова же доля населения (25–30%), готового поддерживать демократию. Совокупный средний класс — примерно те же 50%, которые мы сразу определили по одному признаку — материальному положению.

В работе Т. Малевой средний класс разделяется на три слоя: высший средний класс — 19,1% (3,8% всего населения); средний слой — 70,2%; низшие слои — 10,8% (2,2%) (Средние классы 2003: 226). Можем ли мы идти к демократизации с таким ресурсом? Трудно сказать однозначно. Тем более что, даже если средний класс был бы много больше, все равно, учитывая наш менталитет и всю совокупность российских условий, гарантии социальной стабильности не было бы. Мой вывод таков: если не идти к демократии, то расти будет не средний класс, а только бедность, да и менталитет тоже не улучшится.

12.5. Демография и здоровье

Пока шла речь об объективных предпосылках или препятствиях становления российской демократии — менталитете, бедности и социальной структуре общества. Теперь пора поговорить об объективных факторах, понуждающих Россию к демократии, ставящих российское общество перед выбором: свобода и демократия или национальный суицид. Я имею в виду глубокий демографический кризис, а также здоровье нации.

Причины демографического кризиса

В последние годы тема сокращения продолжительности жизни россиян и высокие темпы депопуляции постоянно обсуждались как пагубное следствие либеральных реформ. Подтверждение находят в том, что с 1992 года у нас началась прямая убыль населения.

Однако исследования демографов показывают, что влияние трансформационного кризиса — лишь малозначительный эпизод длительной тенденции.

Основной фактор — смена режима воспроизводства населения, которая произошла во всех странах, перешедших от аграрной, преимущественно натуральной экономики к индустриальной, рыночной, от сельского общества — к городскому. Сейчас населе-

ние практически всех развитых странах — стационарное, т. е. не меняющееся, слаборастущее или слабоубывающее.

В России на эту общую тенденцию наложились такие специфические факторы, как три жесточайшие войны: Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная, стоившие стране колоссальных, невиданных более нигде в мире жертв. К жертвам войн надо добавить жертв социалистического строительства — индустриализации, коллективизации и политических репрессий.

Геноцид по-советски

Только учтенные потери регулярной Советской армии за 1918–1989 годы составляют около 10 млн. человек. Это втрое больше военных потерь любой другой европейской страны за три столетия (Вишневский 1998: 115).

За один 1933 год число умерших от голода выросло по сравнению с неблагоприятным 1932 годом на 6,7 млн. человек. По оценкам С. Максудова, число преждевременно умерших составило:

- 1918–1926 годы — 10 млн. человек (в основном Гражданская война и голод 1921 года);
- 1926–1938 годы — 9,8 млн. человек (голод и репрессии);
- 1939–1953 годы — 22,5–26,5 млн. человек (более поздняя оценка Госкомстата только за 1941–1945 годы — 26–27 млн. человек).

В общей сложности потери сверх естественной смертности за 1918–1953 годы составили 40–50 млн. человек (Там же, 117). К этому надо добавить тех, кто мог родиться от убитых и умерших от голода.

Напомню, что население России составляло:

- 1913 год (в границах Российской империи без Польши и Финляндии) — 155,4 млн. человек;
- 1926 год (СССР в границах до 17 сентября 1939 года) — 147 млн.;
- 1929 год — 154,3 млн. человек;
- 1933 год — 165,7 млн. человек;
- 1937 год — 162,5 млн. человек;
- 1939 год (в границах СССР 1946–1991 годов) — 188,8 млн. человек;
- 1940 год — 194,1 млн. человек;
- 1950 год — 178,5 млн. человек (Там же, 84–88).

Потери только от преждевременных смертей за 1918–1953 годы составляют от 22 до 30% населения. По расчетам А. Вишневского и возглавляемого им Центра демографии и экологии человека, при отсутствии потерь Россия в 1995 году имела бы 269,6 млн. человек, фактически — 148,3. Потери — 121,3 млн. (Население России 1996: 8; Вишневский 1998: 126). Чудовищно!

Урбанизация и сокращение рождаемости

В 1913 году доля городского населения составляла 15%, в 1939 году — 32,9%. За 10 лет (1929–1939) в города переселились 25 млн. человек. За 1940–1960 годы прирост городского населения составил 40,5 млн. человек, а всего за 50 лет — 127,5 млн. человек. В 1962 году доля городского населения перевалила за 50%. Таких темпов урбанизации тогда не знала ни одна страна мира.

Новые горожане попадали в крайне тяжелые условия жизни. На время пикового роста городского населения (1929–1937) пришлось снижение жилищного строительства на 40% по сравнению с 1918–1928 годами, когда оно тоже было невелико. Массовое строительство жилья началось только с 1955 года. За 1956–1989 годы в СССР было построено свыше 76 млн. квартир. Но условия все равно не располагали к многодетности.

В 1913 году 85% населения жило в сельских домах, как правило, в больших патриархальных семьях с числом детей 5–8 человек. В 1989 году 83% населения СССР жило в отдельных городских квартирах или домах, в нуклеарных семьях со средним числом детей 1,2.

Патриархальная семья была средой обитания и постоянного воспроизведения исконных русских традиций и обычаев. Ее отмирание лишило их почвы. Они еще продолжали жить в умах выходцев из этой среды, но уже не воспроизводились на естественной основе. Еще в 1939 году средний размер семьи составлял 4,1 человека (2,1 ребенка на семью), а в 1989 году — уже 3,2; доля семей с пятью и более членами за это время снизилась с 35,5 до 12,6% (Вишневский 1998: 138).

В новой малочисленной городской семье проявились новые нормы социального поведения — эмансипация женщин, сильное стремление к повышению материального благосостояния, сексуальная революция и более поздние браки, рост числа разводов и неустойчивости семьи. Все это вело к сокращению рождаемости. Накануне войны в России рождалось ежегодно 4 млн. детей, в 1999 году был достигнут абсолютный минимум — 1,2 млн. рождений (8,3 человека на 1000 жителей). В 2002 году — 1,4 млн., кривая пошла

вверх. Но с 1949-го по 1965 год число родившихся сократилось с 3 до 2 млн. Потом пошла новая демографическая волна, обусловившая максимум 1987 года — 2,5 млн., и затем новый спад. Здесь явно сказался трансформационный кризис, в самые трудные его годы число рождений на 1000 жителей опустилось ниже 9.

Следует сказать, что уровень рождаемости России характерен для многих развитых стран. Так, число детей на одну женщину в 2000 году равнялось: в России — 1,25, в Чехии — 1,14, Италии — 1,23, Латвии — 1,24, Польше — 1,34, Германии — 1,36, Японии — 1,41. Однако во Франции — 1,9 (Население России 2001: 35). Снижение рождаемости — в целом общая тенденция, и мы в ней уже перешли точку минимума.

Смертность высока

А вот смертность в России высока и не снижается. В 2002 году она составила 16,3 человека на 1000 против 13,6 в 1998 году и 11,2 в 1985 году. *Сегодня Россия оказалась в числе стран с самым высоким показателем депопуляции* — минус 0,078% в 2002 году, 935 тыс. человек за год в абсолютном выражении. Причем процесс депопуляции идет у нас еще с 1964 года! Особенно высока смертность мужчин в трудоспособном возрасте, что явно связано с распространением пьянства. Ее рост более существенно повлиял на сокращение продолжительности жизни, чем смертность пожилых (Там же, 102). Высока роль несчастных случаев, включая ДТП, травматизма, случайных отравлений алкоголем. Роль алкоголя особенно четко проявляется при знакомстве с результатами антиалкогольной кампании 1985–1988 годов: в 1988 году продолжительность жизни мужчин по сравнению с 1980-м выросла на три года, но затем стала снижаться (Там же, 119).

Здесь мы вступаем в область охраны здоровья, организации и финансирования здравоохранения. Снова можно сослаться на развал советской системы медицинского обслуживания, что, казалось бы, подтверждается и данными таблицы 12.8.

Таблица 12.8. ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

	Ожидаемая продолжительность жизни, лет		Выигрыш по сравнению с 1896–1897 годами, лет	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1896–1897	29,4	31,7	–	–
1964–1965	64,6	73,4	35,2	41,7
2002	58,5	72,0	29,1	40,3

Источник: Вишневский 2004: 5.

Но на деле ситуация вновь выглядит не так. Ожидаемая продолжительность жизни росла до 1964 года, а затем стала медленно снижаться. У мужчин за 1966–1981 годы она снизилась с 64,3 лет до 61,5. Затем несколько выросла во время антиалкогольной кампании, но потом довольно резко упала: в 1990 году до 63,8 лет; в 1994 году до 57,6 года. К 1998 году поднялась до 61,3 и снова стала снижаться — до 58,5 в 2002 году. Все это время в развитых странах ожидаемая продолжительность жизни росла и сейчас в среднем для мужчин и женщин составляет 75–80 лет, в Бразилии — 68 лет, в Индии — 63 года, в Китае — 71 год.

Цена человека и реформа здравоохранения

В чем дело? А. Вишневецкий дает следующее объяснение. Борьба за здоровье и жизнь человека в XX веке проходила во всем мире в два этапа. На первом этапе эффект получался в основном за счет расширения профилактических мероприятий, финансируемых государством, при низкой активности самого населения. На этом этапе были достигнуты успехи и в СССР: организация здравоохранения по модели Семашко получила признание во всем мире. Но к середине 60-х годов возможности этой стратегии были исчерпаны. Нужна была новая, нацеленная уже не столько на борьбу с инфекционными заболеваниями, от которых в основном умирали люди в начале века, сколько на противостояние сердечно-сосудистым болезням, раку, несчастным случаям и так далее. Требовалось более активное отношение к своему здоровью и здоровью каждого человека и одновременно существенный рост затрат на охрану здоровья. Развитым странам через какое-то время удалось выработать и реализовать такую стратегию. Нам — нет. Наше отставание стало нарастать. «В результате в последней трети XX века страна несла огромные людские потери. Подсчитано, что приостановка снижения смертности обошлась России примерно в 14 млн. преждевременных смертей за 1966–2000 годы. Далеко не всякая война способна нанести такое разорение даже очень большой стране (Вишневецкий 2004: 4).

От себя добавлю, что выбрать современную стратегию охраны здоровья, как и вообще сменить демографическую и социальную политику, советская власть просто не могла: нужна была иная экономика, надо было по-другому платить за труд и привлекать работающих к участию в страховании своей старости и здоровья. И сейчас еще, спустя десятилетие после начала рыночных реформ, мы не очень продвинулись в этом направлении.

В сущности, речь идет о фундаментальном повороте не только в политике, но в образе жизни, в менталитете народа. Всю свою историю Россия исходила из того, что «жизнь человека — копейка», что «бабы еще нарожают»; можно посылать под пули, гнать в концлагерях, топтать человеческое достоинство, особенно если это нужно (якобы нужно) жуткому молоху — Государству. А теперь приходит время, когда нас будет все меньше и меньше. А значит, цена человеческой жизни — все выше. Народы России и прежде всего русский народ заплатили десятками миллионов жизней за социальные эксперименты, за престиж государства. Надо извлечь уроки из этого страшного опыта.

Прогнозы

А теперь о прогнозах, которые, кажется, у всех на слуху. В таблице 12.9 приведены некоторые показатели демографического прогноза Центра демографии и экологии человека на 2025 и 2050 годы.

Таблица 12.9. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ДЛЯ РОССИИ (доверительный интервал — 95%)

	2025	2050
Численность населения, млн. человек	118–137	71–127
Трудоспособное население, медиана, млн. человек		
нынешнее определение	53	47,7
международное определение (16–65 лет)	66	61,1
Численность женщин репродуктивного возраста (15–49 лет), млн. человек	21	20,1
Демографическая нагрузка на 1000 трудоспособных		
нынешнее определение	965	1062
международное определение	583	608

Источник: Население России 2001: 182–191.

Таким образом, с вероятностью 95% численность населения России, ныне равная 145,5 млн. человек, в 2025 году снизится до 124 млн., а к 2050 году — до 98 млн., т. е. примерно до уровня 1950 года. Конечно, не все предопределено, и меры по повышению рождаемости, снижению смертности и увеличению миграции в пределах, обеспечивающих культурную ассимиляцию мигрантов, могут улучшить этот прогноз, но вряд ли больше, чем до 130 млн. в 2025 году и 127 млн. — в середине XXI века. Однако возможно, что эти резервы не будут использованы. Напротив, мы найдем способы убивать самих себя — например, пьянством, наркотиками или искоренением инородцев. Тогда нас станет еще намного меньше.

Демография и демократия

В любом случае объективность глубоких качественных изменений, неизбежность дальнейших демографических сдвигов и связанных с ними последствий очевидны уже сегодня. Можно что-то делать, чтобы учитывать их в политике и деятельности гражданских организаций. Беда в том, что эти качественные изменения уже произошли, а наше восприятие мира и самих себя осталось в основном прежним: человека не ценим, не жалеем. Мы не думаем о том, как максимально использовать его способности. Между тем чем меньше нас, тем больше цена каждого.

Я не хочу сказать, что демократия немедленно и без всяких трудностей позволит изменить положение дел. Как мне кажется, ясно одно: без нее невозможно оценить по достоинству личность и способствовать развитию народа как множества личностей, уважающих собственное достоинство и достоинство других сограждан. Рабство, подавление прав и свобод человека, насилие над личностью ради абстрактных интересов государства ведут в новых обстоятельствах не к порядку и стабильности (ценимыми нами настолько высоко, что мы готовы заплатить за них своей свободой), а к самоуничтожению нации.

Однажды я слушал по «Эхо Москвы» беседу с А. Прохановым и С. Белковским. Первый повторял: «Русские — имперский народ, у нас имперское сознание, и мы иными быть не можем». Другой рассуждал: «Наполеон жил недолго и умер в ссылке, тогда как Людовик XV — в своей постели. Но славу Франции принес Наполеон: герои, поднимающие народ, не бывают уравновешенными, и они требуют от народа жертв».

Наверное, многие из моих сограждан откликнутся на эти слова. И мало кто подумает, что эти слова о вчерашнем дне: если продолжать так думать и дальше, то наша страна не сможет ответить на вызовы нового века. К счастью, большинство из нас уже давно не такие, как единомышленники Проханова, и нам не нужны герои, которых жаждет Белковский. Слишком недавно у нас были Ленин и Сталин, слишком высокая цена заплачена за это Россией.

Кстати, в городе Реймсе я видел памятник Людовику XV, который граждане поставили в 1850 году, через 100 лет после его смерти, — именно за то, что в его правление жизнь французов была мирной и благополучной.

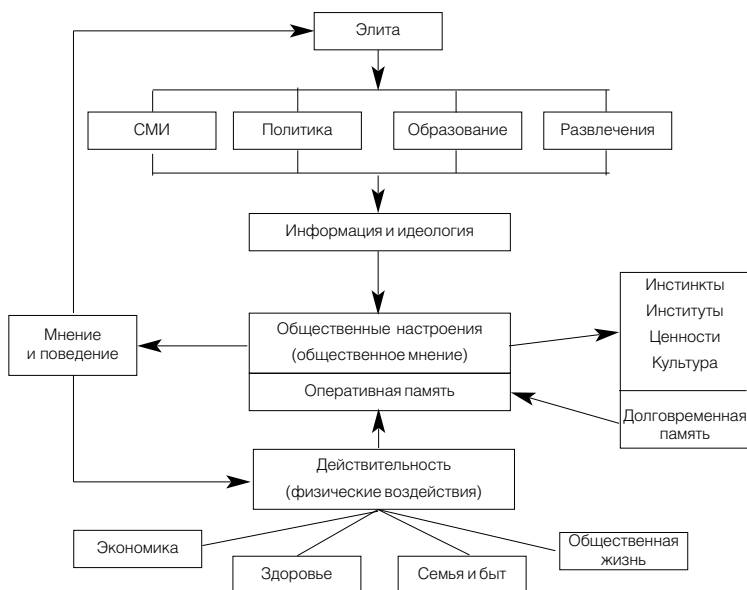
12.6. Динамика общественных настроений

Оперативная и долговременная память

Говоря ниже об общественных настроениях (общественном мнении), мы будем понимать под этим восприятие обществом всей совокупности объективных событий (фактов) и субъективных идеологических, информационных воздействий. Восприятие, которое влияет на выражаемые мнения и избирательное поведение, а затем и на поступки, на трудовые, деловые и потребительские мотивации.

Это поверхностный слой знаний, заложенный, если так можно выразиться, в оперативной памяти граждан, играющий роль своего рода фильтра оценки (по важности и качеству, позитивно — негативно) всего происходящего вокруг. Также предполагается наличие глубинного слоя долговременной памяти (инстинкты, институты, ценности, культура), которая действует на интуитивном, подсознательном уровне и существенно менее изменчива. Долговременная память воспринимает из оперативной устойчивые серии

Рисунок 12.1. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

повторяющихся сигналов, создающие образы институтов и ценностей, и возвращает в поверхностный слой данные для работы фильтров оценки и отсеечения, в основном почерпнутые из прошлого опыта, традиций и обычаев.

Общественные настроения могут более или менее адекватно отображать действительность, соответственно, верно или неверно, хорошо или плохо мотивируя поведение. На рисунке 12.1 я попытался схематически изобразить свое представление о том, что такое общественные настроения.

В данном случае нам важно понять, насколько общественные настроения, а через них институты и культура российского общества восприимчивы к демократическим ценностям. Стало быть, можем ли мы рассчитывать на то, что демократия приживется в России, какой для этого должна быть наша действительность и какую работу должна выполнить российская элита.

Демократия в ряду ценностей

Приведем некоторые данные социологического опроса ВЦИОМа (нового ВЦИОМа под руководством В. Федорова), проведенного накануне президентских выборов 2004 года:

Таблица 12.10. «НА РЕШЕНИИ КАКИХ ЗАДАЧ ДОЛЖЕН СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ БУДУЩИЙ ПРЕЗИДЕНТ?», % от числа опрошенных

Преодоление бедности	42
Борьба с бюрократизмом, преодоление коррупции во власти	41
Наведение порядка и законности	36
Борьба с алкоголизмом и наркотиками	36
Рост благосостояния граждан	29
Повышение уровня медицинского обслуживания	26
Повышение качества и доступности образования	24
Улучшение жилищных условий	21
Экономический рост, подъем производства	21
Национализация (возвращение государству) незаконно приватизированных предприятий	11
Развитие местного самоуправления	3
Развитие демократических институтов (свободных СМИ, политических свобод граждан)	2

Источник: Известия. 2004. 5 марта.

Развитие демократии — на последнем месте. 2% опрошенных считают, что демократическим завоеваниям в России ничего не угрожает, наличие такой угрозы признает 30%, 19% затруднились ответить.

Только 8% опрошенных согласились с тем, что свобода, демократия и права человека — это те ценности, которые способны объединить наше общество. Но 6% опрошенных считают такими ценностями религию и лозунг «Россия для русских». А первые строки в ответах на вопрос об идеях и ценностях заняли повышение уровня и качества жизни (36%), стабильность и порядок (28%), равенство всех перед законом (24%), сильная держава (23%).

51% опрошенных присоединились к мнению о том, что итоги приватизации должны быть пересмотрены, 36% с этим не согласны, 13% затруднились ответить.

52% опрошенных посчитали, что въезд в Россию граждан из других стран должен быть ограничен, 38% с этим не согласны, 10% затруднились ответить.

50% опрошенных думают, что страна нуждается в стабильности и нужны реформы только эволюционного характера, за быстрые кардинальные реформы и перемены — 39%, 11% не ответили.

Но зато только 36% опрошенных считают, что государство Россия должно выражать интересы русских, а 55% выступают за то, чтобы все народы России имели равные права и возможности.

Таблица 12.11. «ЕСЛИ ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО УГРОЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ЗАВОЕВАНИЯМ В РОССИИ ЕСТЬ, ТО В ЧЕМ ОНА ПРОЯВЛЯЕТСЯ?», % от числа опрошенных

Никакой угрозы нет	26
В большом разрыве между богатством и бедностью	30
В отсутствии равенства всех перед законом	18
В неумении и нежелании самих людей бороться за свои права и интересы	16
В сращивании власти и капитала	15
В отсутствии в Госдуме реальной оппозиции	9
В сосредоточении всей власти в руках президента	6
В том, что СМИ теряют свою независимость	5

Источник: Известия. 2004. 5 марта.

Оставим формулировки вопросов на совести их авторов. Но все же ответы позволяют сделать важные выводы об общественных настроениях накануне выборов. Высшие приоритеты — преодоление бедности и неравенства, стабильность и порядок, борьба с властью бюрократии и богатых. Пересмотр итогов приватизации не в первом ряду, но большинство признает его необходимым; националистические настроения разделяет от 30 до 50% опрошенных. Я бы сказал, что демократия не вызывает ни возражений, ни энтузиазма. Никто за нее не станет бороться: ведь нет даже особого желания отстаивать свои права.

Экономика растет, приверженность к демократии снижается

Думаю, если провести контент-анализ передач на основных телеканалах, а также наиболее массовых печатных СМИ, то мы увидели бы, что по крайней мере с начала 2003 года именно такие общественные настроения формировались и культивировались. Не скажу, что это делалось навязчиво, скорее, между прочим, усилиями в первую очередь Жириновского, Глазьева, Рогозина, а уж следом за ними — лидерами «Единой России».

Обратимся к исследованию общественного мнения, проведенного Институтом комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ) в 1995–2004 годах:

Таблица 12.12. «К КАКИМ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ТЕЧЕНИЯМ ВЫ ОТНОСИТЕ СЕБЯ?»,
% от числа опрошенных

	1995	1998	2001	2004
К либералам, сторонникам рыночной экономики	17,2	7,2	7,0	5,7
К сторонникам коммунистов	14,0	10,0	12,4	7,5
К сторонникам обновленного социализма	1	5,2	4,4	4,9
Самостоятельный русский путь развития	10,5	15,6	5,6	12,8
К центристам, за сочетание разных идей	17,2	16,6	16,0	11,6
Не являются сторонниками каких-либо идейных течений	41,1	44,6	54,6	56,4

Источник: Известия. 2002. 16 апреля; Граждане новой России 2004: 93.

В общей сложности сторонниками конкретных идеологий в 2001 году себя назвали 29,4% опрошенных, в 1995 году — 41,7%, причем либералов тогда было намного больше. А голосовали, кстати, больше за коммунистов (22,3%) и ЛДПР (11,2%). В моем исследовании, цитированном выше, последовательных сторонников трех названных идейных течений (пять ответов одной направленности из пяти) — 9,5%, непоследовательных (четыре из пяти) — 31, совсем непоследовательных (три из пяти) — 70,1% (Ясин 2004б: 381). Я думаю, что присутствие в обществе колеблющегося, неполитизированного и одновременно легко поддающегося манипулированию массива граждан, составляющих большинство в 60–70%, совершенно нормально. Они чувствительны к внушениям политиков, СМИ, индустрии развлечений и к воздействиям событий реальной жизни. Именно они сегодня образуют социальную базу, поддерживающую режим Путина, а не какой-то особый социальный слой с преобладанием консервативной идеологии. Коктейль из либерализма, национализма и социального популизма — вот та идейная пицца,

которую сегодня правящая элита и обслуживающая ее часть интеллектуальной элиты предлагают российскому гражданину и которую он с удовольствием проглатывает
Вернемся немного назад.

Таблица 12.13. «СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С УТВЕРЖДЕНИЕМ, ЧТО ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ ОЧЕНЬ ВАЖНЫ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ?», % от числа опрошенных

	1995	1997	2001
Да	56,0	51,0	50,5
Нет	13,6	17,9	12,4
Затруднились ответить	30,4	31,1	37,1

Источник: Известия. 2002. 16 апреля (результаты опросов ИКСИ).

Мы видим, что демократию все эти годы одобряли более половины опрошенных, но доля одобрительных ответов со временем падала. В последнем из исследований ИКСИ 66,6% опрошенных считали, что демократические процедуры — пустая видимость и реально страной управляют те, у кого власть и богатство. Но россияне в основном беспокоились не «элитизация» политики, а то, что «российский вариант демократии» не обеспечивает рост жизненного уровня населения. Они готовы делегировать свои права и полномочия элите, если она добьется успеха в решении этой задачи. На данном этапе социальные права представляются важнее политических и гражданских. Мы ясно видим это и по приведенным выше данным ВЦИОМ, и по реакции населения на решение о монетизации натуральных льгот уже после президентских выборов.

Вернемся в 1989 год. Опрос ВЦИОМ относительно итогов 1988 года показал, что 34% опрошенных посчитали главной политической проблемой невозможность влиять на развитие событий, т. е. на необходимость демократизации. Тот же вопрос, заданный в тогда еще демократической «Литературной газете» (выходившей тиражом 6 млн. экземпляров!), вызвал 200 тыс. откликов образованной аудитории, из которых 64% выбрали тот же ответ (Левада 2000: 564). Теперь посмотрим на результаты голосования на выборах в парламент (табл. 12.14).

При всех колебаниях усиление партий центра и националистов очевидно: двугорбое распределение голосов, свидетельствующее о расколе общества, сменяется распределением «нормальным» (в математическом смысле), с постоянной, но усилившейся в последнем избирательном цикле державно-националистической со-

ставляющей. В то же время очевидно снижение доли сторонников демократии. Эти тенденции устойчиво сохранялись вплоть до закона о монетизации льгот, Беслана и сентябрьских инициатив президента. После этого опросы свидетельствуют о некотором изменении: то ли временной флюктуации, то ли переломе — пока неясно.

Таблица 12.14. РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ В РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ, 1993–2003, голосования по партийным спискам

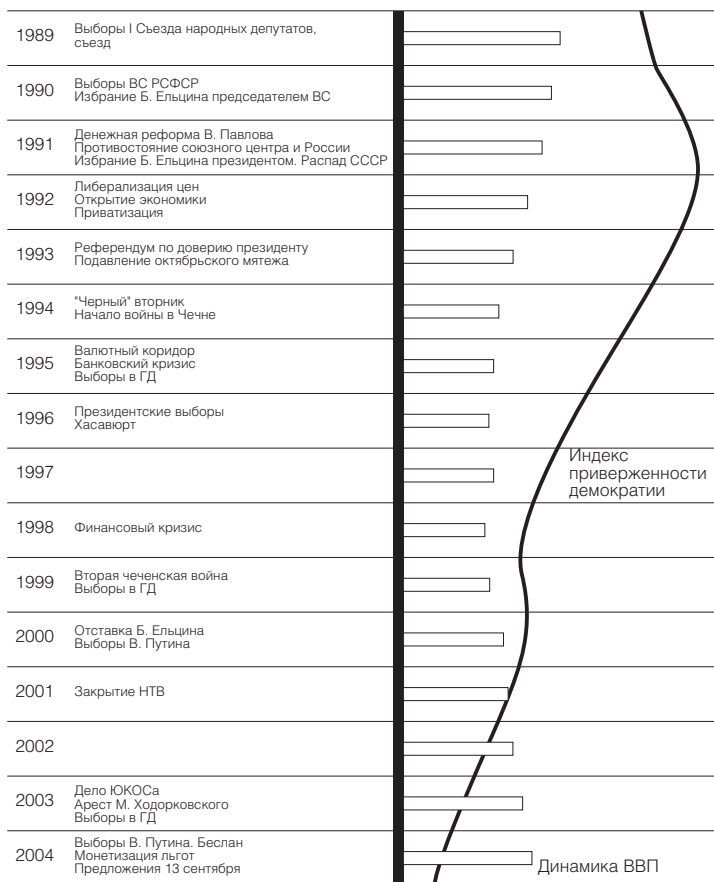
Год выборов	Центр	Левые партии (социалисты)	Демократические партии (либералы)	Националистические партии
1993	15	22	33,0	23
1995	14,7	30,1	11,7	11,2
1999	36,6	24,3	14,4	6,0
2003	37,1	12,7	8,3	20,7

Примечание: Это оценки автора с учетом его понимания природы российских партий. Я сознаю некоторую условность этих оценок. Например, «Родина» — партия и левая, и националистическая, но я посчитал более важным ее национализм и для 2003 года суммировал ее результаты с результатами ЛДПР в столбце «Националистические партии».

Я не располагаю достаточно надежными данными о том, что российские граждане разделяют демократические ценности, которые могли бы характеризовать их желание жить в условиях демократии как политической системе, способствующей росту их благосостояния. Но полагаю, что совокупность приведенных выше сведений позволяет (в качестве гипотезы) сделать некий график, отображающий динамику симпатий российских граждан к демократии. Я представляю себе кривую, отражающую результаты гипотетического опроса, проводившегося с 1989 года и далее. Вопросы: «Разделяете ли вы демократические ценности? Считаете ли вы, что демократия — это наиболее подходящий политический строй, для того чтобы обеспечить благосостояние и свободу граждан России, процветание страны? Готовы ли вы поэтому голосовать за партии, которые будут последовательно отстаивать демократию?» Кривая в верхней части рисунка 12.2 показывает мою оценку положительных ответов на этот вопрос, будь такие обследования проведены. Кривая в нижней части рисунка 12.2 показывает динамику ВВП, за 100% принят уровень 1989 года.

Смысл изображенного: пик демократических настроений достигнут в 1991 году, примерно в период от путча до распада СССР. Демократическая волна нарастала с 1988–1989 годов под влиянием гласности и политики демократизации М. Горбачева на фоне усилившегося спада в экономике и нарастающего товарного дефицита. После распада СССР и начала рыночных реформ начинается

Рисунок 12.2. ДИНАМИКА ВВП И ПРИВЕРЖЕННОСТЬ К ДЕМОКРАТИИ

спад демократических настроений, усиливающийся по мере углубления трансформационного кризиса в экономике и усиления неравенства, распространения практики политических и экономических манипуляций в элите с целью укрепления ее власти и накопления богатств.

Низшая точка экономического кризиса — 1998 год. В 1999 году наблюдалось наиболее глубокое снижение уровня жизни. Но если экономика с этого времени пошла вверх, то демократические настро-

ения после короткого оживления в связи с выборами 1999–2000 годов вновь начали затухать. В первой фазе, до 1998 года, очевидно разочарование в демократии и демократах по экономическим причинам. Но что произошло во второй?

Можно предположить, что на фоне подъема экономики стали сказываться недемократические действия властей, направленные на укрепление порядка, на усиление государственной власти, повышение авторитета президента. Это как бы убеждало граждан: нам нужна не демократия, не свободы, которые лишь позволяют богатым обогащаться, а порядок и сильная власть, способные восстановить величие державы. Но как будут меняться настроения, если упадут темпы экономического роста, положение в экономике ухудшится?

Мы, таким образом, видим, что, во-первых, общественные настроения меняются под влиянием событий реальной жизни, прежде всего в экономике, особенно если она переживает кризис. Во-вторых, в связи с информацией, идеями, политикой элиты. Правящая элита всегда воспринимает данные о настроениях в обществе и вырабатывает свои ответы, свои сигналы обществу, нацеленные на то, чтобы поддержать стабильность и укрепить свою власть.

Вопросы, на которые нам следует дать ответ, таковы: наступит ли и при каких условиях новая волна демократических настроений? когда это может случиться? нужен ли для этого новый экономический кризис? какие действия должна предпринимать элита и будет ли она их предпринимать? что может понудить ее к подобным действиям?

Глава 13 Элита

Выше мы говорили об элитарной демократии как форме демократии, в ближайшей перспективе, видимо, наиболее доступной для России. Отсюда роль элиты.

Авторы литературы, посвященной этой теме, в основном рассматривают элиту как субъекта управления обществом, правящую элиту. Мне хотелось бы поговорить об элите как конструктивном компоненте демократической политической системы, о свойствах, которыми она должна обладать для выполнения своих социальных функций, и о том, насколько она этим требованиям соответствует.

13.1. Определения

Собрание лучших

Этимологически слово «элита» означает «собрание лучших». Не «верхушка», не «высший свет», а «лучшие». Я буду исходить из того, что в каждом сообществе всегда есть небольшое число людей, обладающих влиянием в силу авторитета, профессиональных качеств, занимаемых позиций. Они определяют качество всего сообщества и возможности его развития. Говорят, что если из каждой сферы деятельности удалить 2–3% лучших специалистов, то понизится качество всей работы этой сферы — возможно, на порядок. Нацистская Германия, потеряв несколько десятков виднейших физиков, надолго лишилась одной из лучших в мире физических школ, хотя Германию никогда не покидал Гейзенберг. Видимо, «климат» в любой сфере формирует некоторое количество людей, всегда небольшое, но превышающее некую критическую массу, необходимую для создания интеллектуальной среды и конкуренции, поддерживающих стимулы развития.

В этом смысле элита — *абсолютно необходимый элемент общественного развития*. Элита, таким образом, — совокупность лучших, тех, кто оказывает наибольшее влияние на развитие общества в целом или в отдельных сферах его жизни.

Я абсолютно убежден, что неравенство между людьми неизбежно и в известных пределах очень полезно. Для нас важно лишь

равенство возможностей. Лучшие, наиболее одаренные, талантливые, способные оказывать влияние на окружающих, должны иметь возможность попасть в элиту, это в интересах общества. Отсюда понятна важность механизмов пополнения и обновления элиты, рекрутирования в нее новых членов и естественный вывод тех, кто не соответствует требованиям, предъявляемым к элите. Действительно, правит элита, но вход в нее должен быть открыт достойным этого.

Балласт

Обычно элита, особенно если речь идет о позициях, связанных с властью, богатством, привилегиями, притягивает к себе многих, в том числе недостойных, которые, раз заняв какие-то позиции, стараются на них удержаться активной других или возвыситься еще больше. Таким образом, *в составе элиты неизбежно образуется балласт, который не меняется, если механизмы обновления действуют неэффективно*. Доля балласта, т. е. людей, неспособных выполнять требуемые социальные функции, думающих исключительно о собственных карьерных или корыстных интересах, а не о служении обществу, не о своей миссии, в составе элиты наряду с другими показателями характеризует ее качество.

Виды элит

Существует множество профессиональных и локальных элит. Обычно на уровне общества, страны выделяются элиты политическая (политический класс), интеллектуальная, деловая (бизнес-элита) и другие. В составе политической элиты выделяется правящая элита — совокупность лиц, по занимаемым позициям и другим причинам участвующая в принятии решений, в формировании политики государства. Правящую элиту можно формально определить по списку позиций. Но кроме них, в политическую элиту входят люди, в данный момент не принимающие участия в управлении, находящиеся в оппозиции, но готовые сменить правящую элиту и предложить альтернативную политику. Прежде всего, это лидеры и активисты оппозиционных политических партий и независимых гражданских организаций.

Интеллектуальная элита, как и бизнес-элита, персонально может пересекаться с политической и правящей элитами, но у каждой из них свои функции. Функции первой — это производство и распространение знаний и идей, формирование интеллектуального потенциала общества, информирование его о событиях и по-

мощь в их оценке. Функции второй — развитие экономики, повышение ее эффективности, формирование философии, стратегии, этики предпринимательства.

Есть определенные связи между политической, интеллектуальной и деловой элитами, возникшие из-за их особого влияния на благосостояние общества и общественное сознание и в результате того, что в элите представлено большое число людей соответствующих занятий. Рабочих, бухгалтеров, артистов в политической элите намного меньше, чем чиновников, бизнесменов топ-менеджеров, ученых и журналистов.

О бюрократии я бы сказал отдельно — чтобы подчеркнуть принадлежность силовых структур к этому сословию, что порой вызывает сомнение. По аналогии с французской монархией накануне революции 1789 года здесь можно говорить о «*бюрократии шпаги*» — военных, спецслужбах, полиции, а также прокуратуре, и о «*бюрократии мантии*» — белых воротничках, столоначальниках государственной службы. Их роднит то, что формально они находятся на службе у государства и призваны блюсти государственные интересы, полагая, что за это им больше позволено. В принципе бюрократия должна быть деполитизирована, но такое бывает не всегда — особенно у нас, поскольку верхушка административной иерархии и формирует политику, а политики становятся чиновниками. Поэтому бюрократия составляет органическую часть правящей, а значит, и политической элиты.

В зависимости от формы правления можно выделить две базисные модели формирования политической элиты:

1) бюрократическая, существующая в авторитарно-иерархических системах, где правящая и политическая элиты практически идентичны, а оппозиция находится за пределами системы, иерархии и подавляется. Интеллектуальная и бизнес-элиты в таких системах имеют второстепенное значение и делятся на две части — внутри- и внесистемную. Политическая оппозиция нередко включается в интеллектуальную внесистемную элиту. Ведущая социальная сила — бюрократия. Обновление правящей элиты производит первое лицо (так Сталин обновлял номенклатуру посредством чисток и репрессий) либо — при его смене — это делает его окружение типа политбюро. Либо революция. Так или иначе, это всегда чревато потерей стабильности;

2) демократическая. В демократических странах политическая элита включает руководство партий, участвующих в политической конкуренции и выборах, верхушку бюрократии, обслуживающей политический процесс и управление государством, представителей интеллектуальной и бизнес-элиты, влияющих на формирование и реализацию политики.

Солидарная ответственность и игра по правилам

Вернемся к модели элитарной демократии. Напомню, что в ней политические партии предлагают вопросы повестки дня, программы действий и политических лидеров. В результате политической конкуренции после победы на выборах какая-то из них получает мандат на управление страной в течение установленного срока и, стало быть, на реализацию своей программы. Весь процесс выработки решений и программ, подбора и смены лидеров происходит в рамках элиты. Остальное население либо в силу своей пассивности, либо в силу трудностей продвижения в элиту в этом процессе не участвует или на результаты практически не влияет. Его роль — выбрать на политическом рынке один из продуктов, предлагаемых партиями. Такое разграничение ролей предупреждает хаос и не дает влияния политической некомпетентности, которые могут привести к дестабилизации, сделать демократические механизмы неэффективными. Одновременно это означает, что *плюрализм и конкуренция в рамках элиты дополняются солидарной ответственностью ее перед обществом.*

Я вспоминаю свою поездку в Индию в 1990 году на семинар Всемирного банка по бюджетному федерализму. Там я разговаривал с крупным индийским ученым и бизнесменом (имени не помню) и задал ему, наверное, дилетантский вопрос: как вам удастся в такой большой многоязычной, многоконфессиональной стране поддерживать устойчивую демократию? Ответ я запомнил навсегда. Во-первых, все представители индийской элиты оканчивали английские университеты, здесь или в Британии, у них есть общий язык, английский, и британское понимание правовых институтов. Во-вторых, к какой бы партии они ни принадлежали, они все исповедуют один принцип — не обращаться к темным инстинктам толпы. Лучше проиграть на этих выборах, надеясь на последующие, остаться в элите, чем возбудить массы и толкнуть их на беспорядки. Мне это кажется принципиально важным: ответственность элиты — необходимое условие демократии.

Напомню один эпизод нашей новейшей истории: в октябре 1993 года, за два дня до стрельбы по Белому дому, глава КПРФ Г. Зюганов выступил по телевидению с призывом не поддаваться эмоциям, решать политические проблемы политическими методами. Кто-то его посчитал, наверное, трусом, отказавшимся от борьбы, или предателем интересов трудового народа. Его коллеги по Верховному Совету А. Руцкой и А. Макашов поступили по-иному, они повели людей на штурм мэрии и «Останкино». Зюганов является моим политическим оппонентом, но с тех пор я отношусь к нему как к ответственному политику, понимающему миссию элиты.

Другое требование к членам элиты в демократическом обществе — уважение к праву и демократическим процедурам. И не просто по форме. Очень важно, чтобы все играли по правилам. Если они стараются выиграть за счет нарушения или изменения правил, демократия невозможна.

Теперь поговорим о нашей российской элите, о ее готовности к строительству реальной демократии.

13.2. Судьба номенклатуры

Номенклатура — это, как известно, обозначение советской правящей элиты. Есть точка зрения, согласно которой либеральные реформы в России ничего не изменили, ибо власть и собственность как принадлежали номенклатуре, так ей и принадлежат. Процитирую снова О. Шкаратана: «В советском обществе только административно-командная номенклатура имела осознанные интересы и обладала всеми чертами социального слоя, включая самоидентификацию. Благодаря этому в ходе реформ номенклатура сохранила контрольные позиции во власти и трансформировалась в крупную квазибуржуазию. Таким образом, в постсоветской России в трансформированном виде сохранилось этакратическое общество, которое приобрело форму номенклатурно-бюрократического квазикапитализма» (Шкаратан 2004: 44).

О. Крыштановская, один из наших лучших исследователей элиты, акцентирует внимание на том, что у истоков российского бизнеса стояли выходцы из номенклатуры, а едва ли не все первые частные компании имели номенклатурные привилегии (Крыштановская 2002: 12). В этих констатациях чувствуется оттенок осуждения. В связи с этим у меня возникает вопрос: *откуда, собственно, могла появиться в постсоветской России новая элита?*

Напомню, что в СССР, по сути, было не классовое, а кастовое общество. Статус человека определялся почти исключительно позицией в служебной иерархии. Номенклатура, высший слой этой иерархии, и была элитой. Она же стала инициатором реформ, так как больше выступить в таком качестве было некому. Не было иных политических субъектов и иных социальных сил. Не считать же таковыми крошечное число интеллектуалов-диссидентов. В составе номенклатуры было немало продвинутых, глубоко мыслящих людей. Они понимали необходимость преобразований и хотели провести их, разумеется, без ущерба для своих интересов, а лучше — с пользой. Это вполне естественно. Иной исход был возможен только при кровавой революции с полной сменой элит и с еще большими материальными потерями в процессе трансформации.

Вопрос не в том, сменились ли люди в высших слоях общества, хотя это важный момент, но в каких отношениях, в какой институциональной среде они оказались в итоге преобразований. Акцент следует делать не на том, что во главе рыночных компаний оказались люди, занимавшие высокие позиции в номенклатуре, или их дети, а на том, стали ли эти компании рыночными, смогли ли эти люди приспособиться к новым формам отношений, к новым ролям, смогли ли они измениться. Разумеется, это верно с точки зрения интересов общества, а не отдельных лиц, желающих занять место в элите, вытеснив других. Несомненно, в советской номенклатуре был высок удельный вес балласта, особенно для новых рыночных условий (Гаман-Голутвина 1998: 334–337).

В новую эпоху представители советской номенклатуры разделились на три группы: 1) бизнес, 2) новую бюрократию — эти две группы с высокой вероятностью сохраняли старой номенклатуре место в элите; 3) оппозицию — группу, с высокой вероятностью исключавшей эту часть номенклатуры из элиты. Некоторая часть номенклатуры просто опустилась в более низкие социальные слои, а кто и вовсе не смог приспособиться — попали на дно.

Также в бизнес-элику и в новую высшую бюрократию пришли люди из других слоев — научные работники, инженеры, врачи, учителя, чиновники более низких рангов, деятели демократического движения. Так что новую политическую и бизнес-элику нельзя отождествлять со старой номенклатурой. По крайней мере, произошло ее сильное обновление и, естественно, омоложение. Но важнейшим источником формирования новой элиты действительно была элита прежняя. Иначе и быть не могло. И в этом нет

ничего предосудительного. Наоборот, я считаю это заслугой лидеров реформ, которые стремились к гражданскому миру, к тому, чтобы как можно лучше использовать наличный человеческий капитал. Закон о люстрации в России в силу многочисленности прежних функционеров принес бы больше вреда, чем пользы. Хотя были и немалые издержки, связанные с этим, прежде всего для становления демократии.

13.3. Деловая элита

Мы уже несколько раз принимались обсуждать российский бизнес как новый класс. И в главе об элите естественно, казалось бы, снова поговорить об олигархах. Но я не буду этого делать — по двум причинам. Во-первых, олигархов больше нет. Даже такие предпочитаемые властью крупные предприниматели, как Дерипаска, Алекперов или Абрамович, могут в лучшем случае лоббировать во власти свои корпоративные интересы, но не влиять на политику. И все они боятся, что их минет барская любовь. Поэтому я, пожалуй, не соглашусь с О. Крыштановской, относящей к бизнес-элите крупных предпринимателей, вовлеченных в политический процесс (Крыштановская 2004: 5). Это как раз олигархи. Крупный бизнес всегда вовлечен в политику, вопрос в том, пытается ли он навязывать свои представления власти. Однако я согласен с ней в вопросе об относительной независимости бизнес-элиты, ее способности оказывать на политиков сдерживающее влияние.

Во-вторых, нас интересует элита, ее нравы, установки, ощущение миссии, а не просто большие деньги. Хорошие примеры здесь — Бендукидзе, Мордашов, Коркунов и, конечно, Ходорковский с его гражданскими проектами.

Миссия бизнес-элиты вовсе не в том, чтобы нести социальную ответственность, понимаемую как расходы на общественные нужды, не предусмотренные налоговым законодательством. Ее цель — прибыль, но зарабатываемая законным путем. Агрессивность, напор, изобретательность — ее достоинства. Ее долг — платить налоги, создавать рабочие места, осуществлять инвестиции. Бизнес-элита должна быть прозрачной, должна дорожить своей репутацией и стараться избегать демонстрации своего богатства.

Русский бизнес далек от этих идеалов. У него хватает напоистости и нахальства, но он не отличается законопослушностью. Он склонен коррумпировать чиновников и уходить от налогов. Он жаден, как ему и положено быть в эпоху первоначального накопле-

ния. Он далеко не един: его раздрает острая конкуренция, в которой нередко используются недозволенные приемы. Есть бизнес-элиты, называемая компрадорской из-за ее ориентации на внешние рынки, на экспорт — в основном сырья. Есть бизнес-элиты, которая рада, когда ее называют национальным капиталом — из-за ориентации на внутренний рынок и инвестиции в стране.

Я хочу подчеркнуть здесь одно важное обстоятельство: русский бизнес в последние годы обнаруживает *позитивную тенденцию* приближения к цивилизованным стандартам предпринимательской деятельности, к прозрачности и законопослушности. Но его культурному созреванию препятствует врожденное недоверие к власти, ею специально подогреваемое. Отсюда пристрастие к оффшорам и жизни в тени, диктуемое далеко не одним только стремлением к наживе, но и желанием сохранить нажитое. Легитимность собственности в нашей стране по-прежнему находится под вопросом. Поэтому бизнес порой боится высовываться и проявлять излишнюю активность. Тем не менее я все больше убеждаюсь в том, что *российский бизнес и в первую очередь бизнес-элиты готовы выполнить свою миссию в большей степени, чем другие социальные силы. Более других они готовы и к демократии.* Бизнес-элиты просто взрослеет, быстро выходя из пубертатного возраста.

13.4. Интеллектуальная элита

Роль интеллектуальной элиты своеобразна. Она лишена власти, не располагает никакими реальными ресурсами ее осуществления. В отличие от бизнес-элиты она лишена денег, не располагает орудиями насилия, как правящая политическая элита и бюрократия. Но ее влияние основывается на информации, идеях и оценках, которые она продуцирует и распространяет. Она питает своими продуктами и власть, и бизнес, а также общество, формируя его настроения и сознание. В интеллектуальную элиту входят наиболее влиятельные представители науки — естественной и гуманитарной, искусства и культуры (в узком смысле), образования и здравоохранения, СМИ, религии. Экспертное сообщество, ныне часто упоминаемое, — тоже ее часть.

Нас будет особо интересовать та часть интеллектуальной элиты, которая влияет на формирование идеологии, социальных институтов и ценностей, с точки зрения ее способности создавать стимулы для движения российского общества к демократии, пожелать к этому другие элиты, прежде всего политическую.

Три идейных течения

В настоящее время (да и длительное время в прошлом) в нашей интеллектуальной элите преобладают, постоянно конкурируя, три основных идеологических направления: традиционное, оно же государственно-националистическое; социалистическое, оно же левое, популистско-гуманистическое; и третье, либерально-демократическое. Они уже упоминались выше в разных контекстах. У каждого направления есть множество оттенков, переходных форм. Как некие константы именно они воспроизводятся в общественном сознании по меньшей мере с середины XIX века. Напомню, что до революции господствовало первое направление, бывшее идеологией правящей элиты. За будущее России боролись либерализм и социализм. Победил социализм в крайних, как сказала бы Т. Заславская, апокалиптических формах. Национализм и либерализм какое-то время сосуществовали в подпольной оппозиции, даже, можно сказать, вместе боролись против социалистического тоталитаризма. Но по мере его ослабления их пути расходились: А. Сахаров и Л. Копелев двигались в одну сторону, А. Солженицын и И. Шафаревич — в другую.

Я не хочу вкладывать в слово «национализм» обидный, оценочный смысл, наклеивать ярлык, просто оно наиболее точно обозначает определенное идейное течение. Слово «патриотизм» мне кажется здесь неуместным: всякий, кто публично объявляет себя патриотом, на мой взгляд, является националистом. Подлинный же патриотизм, понимаемый как любовь к Родине, желание добра ей и живущим в ней людям, стремление что-то делать ради этого, — дело интимное, не требующее рекламы. Я либерал, но считаю себя патриотом. Уверен, что большинство сторонников социализма, включая многих оголтелых революционеров-интернационалистов, — тоже патриоты. Просто каждый по-своему представляет, что нужно делать для блага родины.

Национализм, или государственно-националистическая, имперская идеология, так или иначе выдвигает на первый план национальные особенности, традиции, особый путь России, в том числе сильную власть, опирающуюся на служебную иерархию, послушное управляемое общество. Сила этой идеологии — в вековой укорененности, в поддерживающих ее неизжитых феодальных институтах. Кроме того, крах коммунизма, потеря огромной сферы влияния и затем распад СССР породили в русском народе чувство ущемления национального достоинства. Что-то подобное наблю-

дается у англичан, чья империя рухнула и сделала их подданными хоть и по-прежнему великой, но уже небольшой державы.

В своей стране русские часто сталкиваются с национальными меньшинствами, отличными от них по культуре, зачастую более достижительными, сплоченными между собой и возбуждающими потому чувства национализма и ксенофобии.

Естественно, в элите находятся люди, которые придают всей гамме этих чувств идеологическое обоснование в виде определенных теорий, доктрин, учений. Подобные теории вступают в резонанс с чувствами множества людей, что находит отклик в формировании определенных общественных настроений. Уже поэтому к ним прислушиваются политики разных толков, стремящиеся поднять свой рейтинг, привлечь голоса избирателей. Национализм — одно из них.

То же можно сказать о социалистическом направлении. Оно всегда будет иметь почву и сторонников, привлекая людей идеями социальной справедливости и солидарности, защищая интересы социальных низов, прибегая к популистским лозунгам. В недавнем прошлом и до настоящего времени в России сторонники этого направления отступали, ибо на них лежит несмываемое пятно провала коммунистического эксперимента. Но в то же время всегда находятся мыслители, готовые утверждать, что советский социализм был плох, а они знают другой, более человечный и более эффективный социализм, который надо построить. Пока главная движущая сила этого направления — ностальгия. Возрождение левых настроений наблюдается у молодежи. Это говорит об одном: о живучести социалистических идей и о том, что попеременно с антиглобализмом в определенных слоях они становятся новой идейной опорой протестных настроений.

Следует подчеркнуть, что сегодня социализм не является антитезой демократии, как это было в начале XX века. Тогда буржуазная демократия противопоставлялась пролетарской диктатуре. Но времена изменились: коммунизм покрыл себя позором, а социал-демократия доказала, что способна существовать в рамках демократического правового государства. Пока, правда, не у нас. Тем не менее, если говорить о демократической перспективе России, сторонники социализма, я думаю, должны стать важной составляющей демократического движения.

Либеральное направление в России с середины XIX века всегда было сильно представлено в интеллигентских кругах и гораздо меньше — в обществе в целом. Как мы видели, у него не было

корней: либеральные идеи противоречили аграрно-феодальным традициям. На демократической волне 1980–1990-х годов были осуществлены либеральные рыночные реформы, и с тех пор либеральная идеология лежит в основе российской экономической политики. Что касается иных сфер, то либерализм, как и демократия, пока отстывает. Отмечу, что политический либерализм, тесно связанный с защитой гражданских прав и свобод, в Европе и в Америке скорее наблюдается на левом фланге, а в России он еще не нашел себя. Возможно, бедность больше препятствует усвоению либеральных ценностей (свободы и достоинства личности), чем демократических в изложенной выше трактовке. Демократия как равновесие, достигаемое политической конкуренцией, предполагает сосуществование разных идеологий. Либерализм — идеология сильных, он более элитарен; социализм — эгалитарен. Либерализм представляет творческое начало, динамизм, активность, успех; социализм — справедливость, равенство, спокойствие. Либерализм создает, социализм распределяет. Борьба этих противоположностей будет постоянно присутствовать в обществе, пусть и под разными масками.

Национализм, а в данном контексте скорее — традиционализм, тоже, видимо, полезен для равновесия, но не как властная сила. Важно, чтобы все направления, друг за другом приобретающие влияние на общество, держались в рамках, исключающих их экстремистские проявления. Чтобы их представители приходили к власти, когда соответствующие взгляды более всего адекватны национальным задачам. Сейчас, кажется, наступает время национализма, приправленного популизмом. Это беда, ибо он противоречит национальным задачам страны более, чем когда бы то ни было. И как идеология правящей элиты он, пожалуй, уже не будет соответствовать им никогда. В сущности, у национализма в отличие от социализма и либерализма нет аргументов. Он превратился в предрассудок, легко возбуждающий толпу, основанный на древнем инстинкте, разделяющем своих и чужих. Национализм порождает лишь недоверие и закрытость, препятствующие развитию.

Павел Милюков о государственности и трех основных идейных течениях в России

«„Политика“ строго преследуется и жестоко наказуется в течение всего царствования Николая I. До самого конца жизни он не может забыть урока, данного декабрьским восстанием. Зато процветают —

и до 48 года терпятся, одно время даже поощряются — два течения: националистическая философия и социальная утопия, славянофильство и фурьеризм. Причина такой классификации политических тече-

ний ясна. Во-первых, и национализм, и социализм были принципиально враждебны либерализму, как направлению космополитическому и недемократическому. Во-вторых, оба они одинаково сторонились от текущей практической политики и довольствовались туманными мечтами о будущем величии русского народа, что русская натура не вмещает юридических начал, что государство и дружина в России суть начала чужие, наносные, а народ русский признает одно начало — любовного христианского общения в крестьянском мире, и такого же любовного, нравственного, формально необязательного общения „земли“ с государством в земском собрании. Другой, социалистической

половиной лица тот же Янус смотрел в будущее и предрекал, что наступит время, и крестьянский мир скажет Европе и всему свету свое новое славянское слово, положив безгосударственный добровольный союз народных миров в основу социального и нравственного обновления человечества. Когда пришлось смотреть не в прошлое, и не в будущее, а в настоящее, как это было в эпоху реформ, на сцену опять явилось не славянофильство, и не социализм, а либерализм, воскресший в одежде западничества и предложившей власти стройную, хорошо продуманную и блестяще исполненную программу актуальных „великих реформ“ (Миллюков 1912: 138–139).

В реальности названные идейные течения переплетаются. Так, коммунисты берут на вооружение националистические и традиционалистские лозунги, появляются идеи либеральной империи. В последнее время, уже в годы правления Путина, все активнее пропагандируются идеи особого консервативного течения, сочетающего либеральные и религиозные православные ценности с патриотизмом и державностью. Некоторые социологи уже отмечают рост числа его сторонников (Бызов 2002: 117). Тем самым как бы утверждается официальная идеология и определяется социальная база путинского режима.

СМИ и развлечения: медиакратия

В разговоре об элите надо отдельно сказать о роли СМИ и индустрии развлечений. Идеи мыслителей разных направлений, изготовителей «смыслов», до широких масс не доходят. Они производятся для элиты, в расчете на то, что из этих идейных концентратов позже будут изготавливаться легко усваиваемые продукты. Это как раз и делают СМИ и индустрия развлечений: шоу-бизнес, поп-культура и тому подобное. Индустрия развлечений, с одной стороны, отвлекает публику от трудностей и неприятностей реальной жизни, помещает ее в вымышленный, более привлекательный или более эмоциональный мир. Жизнь в этом мире позволяет человеку меньше задумываться о своих интересах и правах, о том, насколько его удовлетворяет работа государственных органов. Это функция деполитизации. С другой стороны, индустрия развлечений выполняет

политическую и идейно-воспитательную функции. В доходчивой, ненавязчивой и непритязательной форме, без принудительного морализаторства она проповедует идеи, которые легко усваиваются, особенно в молодом возрасте. Не помню, у кого я прочитал мысль о роли «средней литературы», которую высоколобые интеллектуалы отрицают как значимое явление. А откуда юноша усваивает элементарные представления о добре и зле? Автор писал, что он усвоил их из романов Лидии Чарской, писательницы модной перед Первой мировой войной среди юных невзыскательных читателей. В американских вестернах культивируются тип одинокого, сильного и в то же время справедливого человека и одновременно идеи насилия, сексуальной распущенности, романтики криминального мира. Индустрия развлечений — это бизнес. Она подчиняется законам рынка, старается нащупать то, на что откликается потребитель и за что он готов платить деньги. Но способность индустрии развлечений влиять на умы, формировать ценности заставляет общество если не ставить перед литературой и искусством прямых воспитательных задач, как это было при советской власти, то по крайней мере налагать на ее продукцию определенные содержательные ограничения. Так каким-то образом в американском кинобизнесе утвердились правила политкорректности: в паре с белым сыщиком всегда выступает симпатичный афроамериканец и т.п.

Естественно, наиболее сильное орудие воздействия на общественные настроения — это СМИ. То, что пишут о них сегодня, в первую очередь, на мой взгляд, имеет целью убедить нас: СМИ в информационном обществе — всемогущее орудие против демократии, свобода СМИ противостоит свободе слова и информации. Мы живем в мире медиократии, где СМИ управляют миром, навязывая ему представления и настроения, а ими, в свою очередь, управляет либо бизнес, либо государство. То есть свободы нет, а демократия может носить только манипулятивный характер.

Сергей Марков о манипулятивной демократии и СМИ

Сергей Марков, известный политолог, которого считают прокремлевским, написал примечательное предисловие к книге В. Третьякова «Как стать знаменитым журналистом»: «Еще недавно все было просто: СМИ были рупором общества, они балансировали властью правительств; позиция интеллектуала всегда была в поддержке СМИ. Сейчас все изменилось:

СМИ, контролируемые сильнейшими группами интересов, не столько защищают общество, сколько манипулируют им. Все больше и больше мыслителей придерживаются точки зрения, что СМИ превратились в недемократическую силу.

Современная политическая система со все большим правом может быть названа манипулятивной демократией. Вита-

лий Третьяков больше любит употреблять выражение „управляемая демократия“, которое с его легкой руки фактически вошло в наш лексикон. С одной стороны, демократии в мире становится все больше и больше — правительства многих стран формируются по итогам всеобщих выборов, на рынке тоже вроде бы свободная конкуренция — покупай все, что пожелаешь. Но, с другой стороны, этот выбор, который делают своими избирательными бюллетенями и своими деньгами миллиарды людей, все меньше становится свободным и все больше управляемым с помощью СМИ» (Третьяков 2004: 21).

«СМИ все меньше становятся полем для информирования и все больше — полем для управления. При этом самоуправление осуществляется не одним субъектом, не правительством, а многими субъектами... В каждом отдельном медиакондинге, а точнее — новейшей информационной партии, — тотальная дисциплина, диктатура. Но в информационно-политическом пространстве в целом — плюрализм и описанная нами своеобразная демократия. А вот пользуются этой демократией, т. е. способны делать свой выбор сами, только те, кто обладает:

либо властью — деньгами, чтобы самому участвовать в борьбе (олигархи);
либо те, кто оперирует обширными знаниями, позволяющими избежать участи оказаться объектом для все более изощренных манипуляций (таким иммунитетом обладают обычно интеллектуалы, читающие толстые книги без картинок и диалогов). Большинство населения, естественно, ничем таким не защищено, не может активно пользоваться демократическими институтами и вполне закономерно становится объектом и жертвой манипуляций.

Все это мы наблюдали во время наших недавних информационных войн. Это то, что Роберт Даль, анализируя новый политический режим в США и других странах развитых демократий, называет полиархией (Там же, 25–26).

«Мир становится все более управляемым. И это правильно и неизбежно. Прогресс состоит в том, что человечество все больше контролирует... не только природную среду обитания, но и социальную среду развития. Миссия информационного общества и его политического режима, манипулятивной демократии, — контролировать развитие человечества...» (Там же, 27).

«Существует несколько направлений... несколько уровней управляемой социализации:

образование формирует общую цивилизационно-культурную матрицу, основные идеологемы, главные мифы...

шоу-бизнес и прежде всего кинематограф, в том числе при участии ТВ, естественно, формируют основные стереотипы и матрицы социального поведения...

книги, журналы формируют идеологические позиции, т. е. более развернутую общественно-политическую карту мира...

медиа (СМИ) манипулируют непосредственно поступками и реакциями человека на актуальные события» (Там же, 28–29).

«Крепнущая манипулятивная демократия решает и проблему масс, так поразившую в свое время Ортегу-и-Гассета... Это сочетание массовой демократии и меритократии — правления талантливых... Общество все больше и больше делится на две части: 90% большинства и 10% меньшинства, большинство телевидения и меньшинство книги. Телевидение несет рабство, книга — свободу» (Там же, 30–31).

Можно ли утверждать, что в мире повсюду царит медиократия, что если и есть демократия, то только манипулятивная, а стало

быть, ее нет, как нет и свободы слова? Если подобные утверждения формируются в России в наше время, то в первую очередь возникает мысль: не говорится ли все это, чтобы оправдать наши отечественные порядки? И точно! В приведенной врезке С. Марков производит небольшую подмену: термин «управляемая демократия» применяется В. Третьяковым для обозначения нашего нынешнего режима. И это не манипулятивная демократия в западном смысле. Сам он отмечает, что для последней характерны жесткость контроля внутри медиакорпорации и одновременно плюрализм за ее пределами, т. е. наличие экономической и политической конкуренции, позволяющей гражданину самому составлять суждения. Конечно, потребителю СМИ всегда навязывается повестка дня, но только до тех пор, пока он сам не уловит существенного для него разрыва между медиарядом и реальностью. Это, как было показано выше, характерно для элитарной демократии, которую Марков и называет «манипулятивной». Управляемая же демократия отличается от элитарной, как мы видели, тем, что политическая конкуренция в ней сводится к нулю, к видимости. Если разнообразие, то только для элиты, для ее внутреннего потребления, как изысканная литература, опера и «кино не для всех».

Уже поэтому управляемость СМИ со стороны олигархов не столь опасна, во всяком случае, если их несколько и они конкурируют между собой. За этим должны следить антимонопольные органы, а также партии и парламент. А вот управляемость СМИ со стороны государства в отсутствие независимых от него предпринимателей, в том числе олигархов, представляет угрозу, так как убивает конкуренцию.

Следует признать: управляемость общественных настроений и более глубоких слоев культуры возросла под воздействием СМИ и других продуктов интеллектуальной элиты. Это означает, что институты и ценности стало возможно формировать в желательном направлении в большей степени, чем раньше, — в том числе и в направлении реальной демократии и гражданского общества. В этом смысле я готов признать, что манипулирование полезно для всего общества. Понимаю, что манипулировать через СМИ могут не только либеральные идеологи, но и их противники, например националисты. Но это иной вопрос: какова элита, особенно интеллектуальная, насколько в ней укрепятся нормы солидарной ответственности перед обществом, насколько ее действия в национальных интересах будут едины и насколько она признает демократические правила игры.

Российский опыт последних лет подтверждает способность интеллектуальной элиты посредством СМИ и других своих продуктов влиять на общественные настроения, а затем на институты и ценности. Стало быть, при условии минимальной степени доверия со стороны общества она могла бы выполнять свою миссию.

Надо учесть взаимоотношения между интеллектуальной и политической, в том числе правящей, элитами. Обычно политическая элита питается продуктами интеллектуальной и на их основе строит свои программы. В свою очередь, получив власть, та или иная группа политического класса стремится взять себе на службу интеллектуальную элиту, способствует доминированию тех идейных течений, которые считает наиболее выгодными для себя. Наступает момент, когда меняются объективные обстоятельства, возможно, не сразу улавливаемые. Правящая элита и служащие ей интеллектуалы начинают терять доверие общества, все хуже отражают его интересы, поскольку больше думают о собственных. Тогда перемены улавливают другие течения в интеллектуальной элите, которые начинают менять общественные настроения. Новые продукты берет на вооружение оппозиция. И в конце концов она приходит к власти.

Я хочу подчеркнуть, что *интеллектуальной элите имманентно присуще разнообразие, в ней не может быть единства. Если такое случается, это беда.* Наличие многих идейных течений — не порок, а показатель ее продуктивности. Стало быть, если вы видите сегодня преобладание какого-либо идеологического течения, которое вам, скажем, не нравится, не считайте интеллектуальную элиту ни на что не годной. Лучше обратите внимание на то, насколько это течение выгодно правящей элите — такое преобладание может объясняться именно ее предпочтениями. А завтра ситуация изменится.

13.5. Политическая элита и бюрократия

Если деловая и интеллектуальная элиты показывают растущую зрелость и готовность к выполнению своей социальной миссии, то политическая элита, на мой взгляд, демонстрирует противоположную, негативную тенденцию. Ее качество в последние годы снижается.

К началу перестройки в советской номенклатуре накопилось много балласта, и она перестала справляться с миссией политической элиты. Большая часть интеллектуальной элиты покинула ее, все больше разделяя оппозиционные настроения. Даже те, кто работал на власть, включая и высшие слои бюрократии, не разделяли официально декларируемые ценности, ощущали возрастающий

отрыв от реальности, утрату доверия общества. Только страх, точнее, инерция страха, по выражению известного диссидента В. Турчина, да желание жить в комфорте заставляли этих людей придерживаться принятых правил. Отсюда советское двоемыслие: думаю одно, делаю другое.

Ельцинский призыв

И все же в конечном итоге номенклатура оказалась на высоте задач эпохи, выдвинув из своей среды лидеров перемен.

В последующий период в состав правящей элиты влилось множество новых людей, начиная с Е. Гайдара и А. Чубайса, пришедших с честолюбивой мечтой изменить судьбу страны, помочь ей выбраться из трясины.

Здесь я объясню, почему объединил политическую элиту и бюрократию. При советской власти высшие слои бюрократии — партийной, советской, хозяйственной — собственно, и составляли правящую элиту. Поскольку формально политической оппозиции не было, то она же составляла и всю политическую элиту. Только потом, с появлением политических партий и парламента, стало возможно говорить о том, что в политическую элиту, кроме высших чиновников, входят депутаты, руководители крупнейших партий и так далее. Из состава членов Верховных Советов СССР и РСФСР, Государственной Думы, руководителей регионов выдвинулось немало ярких людей, сыгравших заметную роль на этом отрезке отечественной истории: Г. Попов, Ю. Лужков, А. Собчак, Г. Бурбулис, Р. Хасбулатов, Г. Зюганов, И. Рыбкин, Г. Явлинский, С. Юшенков, Г. Старовойтова, Н. Травкин, Б. Немцов, М. Прусак, К. Титов, А. Лисицын, В. Кресс, Д. Аяцков, С. Степашин, С. Глазьев, В. Жириновский, О. Румянцев, В. Исаков, В. Рыжков. Разные люди, разные взгляды. Среди них немало таких, которые пришли в политику не только ради личных целей, но и с ощущением своей миссии. Рядом были и другие люди, думавшие главным образом о карьере, об обогащении или просто старавшиеся сохранить или повысить свой статус. Были и такие, которые с чистыми намерениями пытались что-то сделать для новой демократической России. За помыслы, за верность идеалам их и выдвинули в элиту, но, как оказалось, зачастую они в должной мере не обладали способностями и квалификацией. Поэтому они быстро исчезали. В 1989–1991 годы я работал в аппарате Правительства СССР и видел, как окружавшие меня люди, большей частью высококвалифицированные специалисты, опытные чиновники, пережи-

вали появление во властных структурах новых людей, скорее политиков и комиссаров, чем профессионалов, не обладавших нужными знаниями и организационными навыками. Но затем старая номенклатура и новые люди перемешались, и в целом к 1995–1996 годам уже сложилась новая политическая элита, обладавшая в целом, по моему мнению, более высокими качествами, чем советская.

Поколение Путина — политический пейзаж

В начале правления Путина расширился круг людей, втянутых в публичные обсуждения социальных проблем, и это увеличило выбор людей, вовлекаемых в правящую элиту. Затем, я полагаю, ситуация вновь стала ухудшаться. Согласно исследованиям О. Крыштановской, доля людей с погонами и выходцев из спецслужб выросла с 11% при Ельцине до 25,1% накануне административной реформы 2004 года. После ее проведения, точнее, после реорганизации правительства, их число формально даже сократилось — до 24,7%. Но если учитывать и тех, кто не служил в КГБ, но работал в аффилированных с КГБ структурах, например, числился в первых отделах разных учреждений, то, по сенсационным, я бы сказал, подсчетам Крыштановской, доля силовиков поднимется до 77% (Независимая газета. 2004. 31 августа. № 185).

Процесс смены команды не привел к повышению качества элиты. Сам принцип подбора кадров — питерцы, чекисты, соученики Путина — гарантировал обратный результат. Их компетенция и жизненный опыт были специфичны. Эти люди пользовались доверием президента, но этого было недостаточно, чтобы справляться со стоящими перед страной проблемами. Даже если, предположим, поначалу это были честные люди, уверенные в том, что именно их честности главным образом не хватает для наведения порядка, что только они могут справиться с коррупцией, очень скоро они изменили приоритеты. Деньги и власть — великий искуc.

Политическая жизнь становилась все менее публичной, на сцене оказывалось все меньше заметных фигур. Власть не участвует в дебатах, ей это не нужно. Государственная Дума, сформированная после выборов 1999 года, казалась сносной. Нынешняя же — с «Единой Россией», «Родиной», ЛДПР и полуразгромленной КПРФ — выглядит удручающе.

Самый сомнительный продукт — «Единая Россия», партия власти. Аппарат для «нулевого чтения» и послушного голосования. Даже если там есть мыслящие люди, они предпочитают не показы-

вать себя, этого от них не требуется. История с А. Ермолиным, изгнанным из «Единой России» за несогласие с отменой губернаторских выборов и публичный рассказ о характере отношений В. Суркова с депутатами этой фракции, говорит о многом. Могут сказать, что избрание Ермолина оплачено Ходорковским, он был человеком ЮКОСа и проявил таким образом свою сущность. Но я сам хорошо знаю этого человека: если таких людей выгоняют, у такой партии нет будущего. Конечно, он мог не подставляться, и ему не напомнили бы о ЮКОСе. Но он предпочел открыто заявить о своей позиции. Я знаю многих других членов «Единой России», депутатов, которые солидарны с ним. Порочащих связей с ЮКОСом они не имеют, но все равно молчат.

А. Вешняков бросается на помощь: в разработанном Центризбиркомом варианте законопроекта о введении пропорциональной системы выборов по партийным спискам уже предполагается, что депутат будет изгоняться из парламента, если решит перейти из выдвинувшей его партии в другую фракцию (Российская газета. 2004. 29 октября. № 1362).

12 декабря 2004 года состоялось два интересных мероприятия. Одно — Всероссийский гражданский конгресс «Россия за демократию — против диктатуры», первая попытка объединить оппозиционные силы, преимущественно демократического направления, а также КППФ. «Яблоко» было представлено как партия, СПС — рядом членов руководства в личном качестве. Б. Немцов был самокритичен: «Мы, политики демократического движения, не отвечаем потребностям нового времени. Амбиции наших лидеров, включая меня, запредельны. Нам надо уходить или меняться».

Все понимают, что необходимо объединение сил. Без него неизбежен провал на очередных выборах, еще более сокрушительный, чем в 2003 году, когда отказ СПС и «Яблока» от единого, объединенного списка привел к тому, что ни одна из этих партий не прошла в Думу. А сейчас Г. Явлинский предлагает свою партию как основу объединения. Его заместитель С. Митрохин комментирует: «Сейчас никто нам не позволит создать новую партию, да и технически это сложно сделать. А мы предлагаем для этого свою структуру. Мы некоторым политикам даже готовы на дом привезти все необходимые документы для вступления в нашу партию».

Владимир Рыжков: «Мне не нравится эта секта под названием „Яблоко“. Многие хорошие люди имели печальный опыт сотрудничества с этой структурой».

Борис Надеждин, член политсовета СПС: «Сейчас есть два варианта: либо объединение СПС и „Яблока“, либо создание новой партии. И тот, и другой сценарии мало реалистичны. Короче говоря, на следующие выборы мы пойдем порознь» (Газета. 2004. 14 декабря).

Так обстоят дела на правом, либерально-демократическом фланге нашей политической элиты.

Второе мероприятие — Всероссийский конгресс в защиту прав нации и гражданина, организованный партией «Родина» в пикет Гражданскому конгрессу. В отличие от последнего, собравшего представителей со всех концов России, сюда пришли тысяча студентов МГТУ имени Н. Баумана. Председатель «Студенческой общины» МГТУ М. Мищенко говорил: «Где моя рыба? (это оратор вспоминает, как в детстве ездил к бабушке в Туркмению на канал, который тот строил, ловить рыбу. — Е.Я.). — Я вас спрашиваю, японская дама с короткой стрижкой, и вас, рыжеволосый мужчина из Прибалтики (надо думать, А. Чубайс. — Е.Я.)? Где мой ваучер? Где моя Туркмения? Вы накололи нас... Не ждите 2008 года! Драпайте как Березовский. А если вы захотите взять власть в 2008 году, то мы выйдем на улицы».

Фиксируем основные позиции:

- 1) ностальгия по империи;
- 2) национализм: ведь японская дама и рыжий из Прибалтики — нерусские. Вспомним, что позже 20 депутатов Думы от «Родины» подписали антисемитское письмо генпрокурору;
- 3) агрессивность.

Николай Павлов (напомню, бывший депутат Верховного Совета РСФСР, активный противник Б. Ельцина): «Вы любите Кудрина? ... И я нет! Это он обозначил минимальный заработок в 700 рублей. Предлагаю провести пикет у здания Минфина с лозунгом „Нам нужен не либерализм, а государственный фундаментализм“. В его основе все то, что высмеивают либералы. Например, чистая любовь. Девушки, помните, девственность не вам принадлежит, а будущим поколениям. Берегите ее!»

Фиксируем основные позиции:

- 4) популизм. Минимальный размер заработной платы (МРОТ) повышен с 600 до 720 рублей, но его экономическое значение сегодня, с точки зрения наемного работника, равно нулю. Это знает каждый мало-мальски грамотный экономист;

5) державность, стремление подчинить граждан государству;

6) демагогия насчет чистой любви и девственности.

Владимир Добренков, профессор, декан социологического факультета МГУ: «Холодная война между США и Россией перешла в новую фазу. Наступила фаза либеральной глобализации. Америка — центр мирового зла. Надо усилить обороноспособность и захлопнуть дверь России, чтобы США сами приползли к нам на коленях».

Основные позиции:

7) антизападничество: враги — на Западе;

8) милитаризм.

И наконец, сам лидер, Дмитрий Рогозин: «Это попытка олигархического реванша (про Гражданский конгресс. — *Е.Я.*). Реванш под видом создания лево-правой оппозиции, опирающейся на поддержку зарубежных спонсоров и национал-предателей». Рогозин предложил провести операцию «Оборотни в штатском» по выявлению коррупционеров в правительстве. Каждый чиновник должен пройти проверку с помощью детектора лжи на предмет связи с олигархами. «Олигархи — более террористы, чем бен Ладен в паре с Басеевым. Очистим правительство от коррупционеров — будет вам рыба, Максим!»

Программа возрождения национальной экономики — пересмотр итогов приватизации. Первый шаг — создание национально-освободительного комитета. «Поможем президенту, поднимем национально-освободительное движение против диктатуры олигархов» (Газета. 2004. 14 декабря).

Основные позиции:

9) против олигархов, т. е. против крупного бизнеса, поскольку олигархов давно нет;

10) против рыночных реформ, против частной собственности;

11) за президента.

Таков националистический левый фланг. Я представляю себе, как от этих будоражащих призывов загораются сердца молодых: вот это да, есть выход молодой энергии, есть почва для уже почти забытого энтузиазма. Ну, скажет читатель, чего только не говорят на митинге, не стоит делать далеко идущих выводов. Но я намеренно выделил основные позиции. Вспомним доклад С. Белковского, написанный в мае 2003 года. Это принципиальная линия.

Где же опасность? Такой политический пейзаж удручает.

13.6. Социальный лифт

Мы уже отмечали: чтобы элитарная демократия оставалась демократией и не вырождалась в олигархию или бюрократию, в ней, кроме политической конкуренции, должен исправно работать социальный лифт. Иначе говоря, элиты должны регулярно пополняться притоком лучших, им необходимо обновление, предупреждение накопления балласта. Должно быть социальное перемешивание, восходящая мобильность — я привожу весь известный мне пакет терминов, обозначающих функции социального лифта.

Основные каналы его действия — образование, карьера в бюрократической иерархии, успех в бизнесе, политическая карьера через выборы, политические партии, парламент, органы местного самоуправления, наука, литература и искусство, СМИ. Открытость каналов, обмен между ними, естественно, интенсифицируют процессы обновления элиты. Очень важно внимание СМИ: в сущности, сегодня свидетельство успеха, признание принадлежности к элите — это признание в СМИ. Важно, чтобы какая-то часть граждан вас узнавала, в лицо или по почерку.

Мой опыт: пока я не стал министром и не замелькал на экранах телевизоров, меня никто не знал и не интересовался моим мнением. Уже много лет я не в правительстве, но из-за того, что периодически я выступал по телевидению, иногда меня узнают на улице, в общественных местах.

Работа социального лифта — это вовсе не расстановка на постах новых людей, привлекаемых новыми лидерами. Вот Путин привел в правящую элиту своих доверенных людей. Такого рода единовременные вливания бывали и при Горбачеве, и особенно при Ельцине, когда позиции в политической, деловой и интеллектуальной элитах открылись для людей, которые ранее не имели доступа в номенклатуру. Демократические назначенцы тоже нередко оказывались не на месте, не справлялись с порученным делом. Значит, и в этом случае была высока доля балласта. Именно поэтому такие вливания неспособны заменить нормальный социальный лифт.

В советское время, надо сказать, социальный лифт работал. Прежде всего, он поддерживался демократичной системой образования, которая пополняла средние слои, образующие непосредственную подпочву формирования элиты, новыми людьми независимо от их происхождения и достатка. Далее, правда, возникали фильтры, отсеивавшие непослушных и недостаточно гибких. Но все же карьеру можно было сделать, прежде всего, при известной гиб-

кости, поднявшись по партийно-комсомольской и советской иерархии, по хозяйственной линии, через науку и искусство. С годами, однако, номенклатура все больше замыкалась внутри самой себя, на сети личных связей, на принципе «ты мне — я тебе». Складывалась своеобразная аристократия, напоминая феодальную, где были свои правила продвижения родственников, «приличных» браков и тому подобное.

Реформа образования

Некоторое обновление и повышение качества элиты в период продемократии не исключает того, что в годы реформ социальный лифт стал работать хуже. В первую очередь из-за *фактического введения платного образования*. Формально образование оставалось общедоступным, но реально хорошее образование, открывавшее дорогу для карьеры и для входа на рынок высококвалифицированного труда, становилось все дороже. Оно оказалось доступным лишь состоятельным семьям или семьям со связями. Очевидно, что главная функция социального лифта — вводить в элиту не избалованных детей «новых русских», а лучших, самых одаренных, наделенных общественным темпераментом. Если эта функция выполняется плохо, значит, элита и общество рано или поздно начнут деградировать.

Именно поэтому в России крайне актуальна проблема реформы образования. Суть ее отнюдь не во введении платного образования, как любят утверждать ее противники, а напротив, в обеспечении доступа к бесплатному высококачественному образованию всех достойных, способных людей, продвижение которых важно для общества. Отсюда идея деперсонализированного единого государственного экзамена (ЕГЭ), позволяющего снизить коррупцию, отсюда принцип реформы «деньги идут за учеником», воплощенный в идее государственного именованного финансового обязательства (ГИФО), право на получение которого имеет каждый сдавший ЕГЭ на конвенционально определяемый минимум баллов. Другой канал выделения достойных — олимпиады, победители которых могут поступать в избранные вузы без экзаменов. Возможны и иные каналы, но только неперсонифицированные. Платность не отрицается, но только для менее способных, показавших худшие результаты, а также для второго, дополнительного высшего образования.

Дело не терпит отлагательства, но между тем реформа встречает сопротивление. И это понятно: кроме обычного консерватиз-

ма, есть желание более состоятельных семей иметь гарантии, обеспечиваемые деньгами против талантов. Речь идет о теневом рынке услуг, чей объем только в части взяток при поступлении в вузы оценивается примерно в 1–1,5 млрд. долларов (оценка Я. Кузьминова). Поэтому находятся все новые мотивы, чтобы не торопиться, чтобы «годить», как говорил М. Салтыков-Щедрин.

Следовало бы внимательно изучить и другие «шахты» социального лифта с точки зрения улучшения качественного пополнения элиты. В большинстве случаев *речь будет идти прежде всего о расширении границ свободы, здоровой конкуренции*. В бизнесе и политике, в СМИ и культуре.

13.7. Раскол и консолидация

Главная задача настоящего раздела — выяснить, способна ли современная российская элита выполнить свою миссию — определить стратегию развития нашего общества, соответствующего формирования общественных настроений и модернизации более глубоких слоев общественного сознания — ценностей и институтов. Будет ли наша элита служить обществу в деле развития свободы и демократии?

Элита и общество

Большинство специалистов оценивают российскую элиту, сложившуюся в основном в 90-е годы, весьма низко. Главная претензия — это преобладание у нее корыстных интересов, стремление лоббировать их в качестве общественных. Будь то бюрократия, желающая получать привилегии за службу, или же бизнес-группы, олигархические кланы, стремящиеся использовать власть для дальнейшего обогащения, или же политики, ищущие возможности трансформировать свой политический капитал в капитал реальный — все они и не помышляют об общественном служении. Утилитаризм, цинизм, низкий нравственный уровень также присутствуют в оценках исследователей.

Андрей Здравомыслов и Татьяна Заславская о российской правящей элите

«Новый политический класс... стал реальным субъектом построения особого мира, в котором политический капитал, возникший вначале как капитал доверия, быстро превращался в такие ресурсы, как

недвижимость и государственные ценные бумаги, обретение жилья и связей в столице, деловые поездки за рубеж и на отдых на престижные курорты, заграничное образование для детей и внуков и так

далее. Обмен политического капитала на ресурсы личного благосостояния стал основной реальностью, с которой столкнулся политический деятель новой России. И он стремится не упустить представившейся возможности, инстинктивно чувствуя их недолговечность» (Здравомыслов 2000: 14).

«Большая часть новой российской элиты оказалась на вершине общества не вполне легитимным, если не криминальным, путем. В Генеральной прокуратуре РФ находятся сотни уголовных дел против депутатов Государственной Думы, действующих и бывших министров РФ, руководителей и ведущих сотрудников правоохранительных органов. Все эти дела (кроме политических) лежат без движения и даже не отражаются в отчетах Прокуратуры (Новая газета. 2003. 6–12 марта). Какие бы „преступления века“ ни совершались представителями властной элиты, они остаются безнаказанными, а в тех редких случаях, когда дело доводится до суда, за приговором сразу же следует амнистия. Причина заключается в том, что серьезное расследование любого из этих дел неизбежно вызвало бы грандиозный скандал и скомпрометировало всю правящую элиту... Отсюда — круговая порука представителей власти. ...Из сказанного ясно, что стратегический потенциал современной правящей элиты весьма ограничен. Формально

она должна выполнять роль „впередсмотрящего“, уполномоченного обществом защищать его интересы, повышать жизнеспособность России. Фактически же она сконцентрирована на собственных интересах, не продвигает новых идей... К тому же ей удалось установить такие правила игры, которые обеспечивают ее бесконтрольность и безответственность перед обществом. Результатом являются углубление взаимного отчуждения власти и общества, проявляющегося, с одной стороны, в равнодушии власти к бедам народа, а с другой — в тотальном недоверии народа к представителям и институтам власти» (Заславская 2004: 293–295).

Т. Заславская, ссылаясь на томского политолога А. Щербинина, замечает также, что в силу сращивания высшей бюрократии и капитала верхушка элиты «никогда не будет оппозиционной, она не способна стать российской Фрондой» (Щербинин 2000: 212).

«Безоговорочная, почти подобострастная преданность президенту, а с другой стороны — своекорыстие, устойчивый приоритет, отдаваемый клановым интересам по сравнению с общенациональными. Беспринципность, сочетание своекорыстия и холопства служило родовой чертой российских вельмож. Люди, не обладающие этими качествами, на вершине власти здесь не выживают» (Заславская 2004: 293).

Несомненно, заново сформированная российская элита, сохраняя преемственность по отношению к элите предшествующей — советской номенклатуре, получила гораздо большие возможности и столкнулась с гораздо большими соблазнами. Возможности она старалась использовать. А что до соблазнов, то, по-моему, элита следовала известному принципу: лучший способ преодолеть искушение — поддаться ему. Она познакомилась с западными стандартами престижного потребления и старается им соответствовать. Но выработанные там же нормы самоограничения, хорошего тона не были восприняты также быстро — ни в отношении зарплаток, в ни в отношении трат. Видимо, надо было на своем опыте убедиться, что излишняя свобода нравов вредна и в бизнесе, и в политике, и в интеллектуальной жизни. Советы посторонних в таких случаях воспринимаются плохо, тем более если они исходят от «промотавшихся отцов».

Следствием этого, безусловно, был нарастающий разрыв между уровнем и образом жизни элиты, как ее не понимай, и состоянием общества. Большинство россиян испытывали серьезные трудности в приспособлении к новым условиям, включая угрозу обнищания и эксклюзии, и были убеждены в том, что элита все меньше следует общественным интересам, что с ее стороны бесполезно ждать помощи или даже сочувствия. Либеральные реформы поначалу шли на пользу только богатым и влиятельным. Доверие падало. Российская элита заслужила все негативные оценки, которые ей дают.

В. Путин, казалось, несколько изменил ситуацию: уровень жизни стал повышаться, хоть и у всех по-разному; олигархов «равноудалили», а некоторых принудили уехать или посадили. Пусть от этого никто не разбогател, все равно приятно. Определенные державно-патриотические и популистские нотки в государственной риторике также воспринимались большинством благожелательно.

Однако затем тенденция снова стала меняться. Социальное расслоение, о котором мы писали как об умеренном, после кризиса 1998 года стало расти: децильный коэффициент вырос 13,8 до 14,8; коэффициент замещения заработной платы пенсиями упал с 37 до 28%. Бедных стало меньше, но они продолжали беднеть. А острая реакция на монетизацию льгот, на Беслан, на идею отмены отсрочек от службы в армии и «сентябрьские» предложения президента показала, что отрыв элиты от общества не только сохраняется, но и воспринимается самим обществом все более негативно. Граждане продемонстрировали готовность выходить на улицы в случае, если их мнение не доходит до власти через нормально работающие демократические институты. Подавление политической оппозиции и ее робость приводят к тому, что связь между элитой и обществом ослабевает — так же как ослабевает и способность элиты к исполнению своей миссии.

Вспоминается стихотворение К. Рылеева «Гражданин»:

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет нас в объятьях праздной неги.
И в бурном мятеже, ища свободных прав,
В нас не найдет ни Брута, ни Риери¹

Выходит, плохо дело?

¹ Риерио — герой борьбы испанского народа против армии Наполеона.

Я еще вспомнил бы любимого нашим президентом телевизионного аналитика М. Леонтьева. Выступая по «Эху Москвы» 14 сентября 2004 года, на следующий день после того, как В. Путин внес свои предложения по реформированию государственной власти, Леонтьев сообщил, что элита у нас — просто отвратительная, что она вся, подчеркиваю, *вся* ненавидит Путина, очевидно, за то, что он хочет ее поменять. Запомним эти слова. Если это так, эта элита ни на что не годится, кроме воровства и угодничества, и поэтому она уж конечно не поведет нас к демократии и демократия нам не светит. Да и не надо: главное — порядок навести да сохранить державу. Думаю, примерно таков ход мыслей у многих лиц из путинского окружения, и, разумеется, в интеллектуалах, которые быстро улавливают и озвучивают его, облекая в складные слова, нет недостатка. Любопытно заметить, как различаются высказывание Леонтьева и Рылеева. Рылеев упрекает элиту в том, что она не хочет служить народу, в то время как Леонтьев подозревает, что она не хочет служить власти, конкретно — Путину.

Но я бы не делал чересчур пессимистических выводов. Суждения М. Леонтьева полезны тем, что, доводя логическую линию до абсурда, они заставляют усомниться в ее состоятельности, усмотреть в ней тайный умысел, оправдывающий власти. Надо различать элиту и верхушку общества, лучших и балласт в элите. Не следует выносить оценки, опираясь лишь на нравственные критерии. Мне кажется, именно это делают А. Здравомыслов и Т. Заславская.

Элита и общество — части одного организма, но вместе с тем между ними всегда есть противоречия. В условиях нормального стационарного развития большинство граждан предпочитают аполитичность, обычные житейские радости, не желая заниматься общественными делами. Они не испытывают неудобства от своего невежества и лени, довольствуются правом голоса, чтобы сменить своих избранных, если они не оправдают надежд. Если их лишит этого права, они не сразу повысят активность, их терпение велико. Но их доверие к власти и к элите будет падать.

Люди, занявшие позиции в элите — деловой, интеллектуальной, политической, так или иначе получают известные привилегии — деньги, власть, влияние, возможность удовлетворять любопытство за общественный счет. Это неизбежно: большинство стремится занять эти позиции именно ради привилегий, материальных или духовных. Такова человеческая натура. Важно, чтобы эти мотивы в конечном счете не оказались единственными или прева-

лирующими в деятельности избранных, чтобы нормы этики и закона обеспечивали приоритет служения элиты общественным интересам. И это тоже хорошо вознаграждается — славой, собственным удовлетворением — конечно, в случае успеха.

Но иногда общество сталкивается с вызовами и ответить на них должна именно элита. Если элита неспособна выполнить свою миссию из-за отсутствия в ее составе достаточного числа компетентных людей, из-за неадекватности работы социального лифта, да к тому же если правящая элита цепляется за власть и отказывается от законных механизмов ее смены, то она вступает в противостояние с обществом. Тогда возникает социальное напряжение, угроза социального взрыва. Собственно, демократия и нужна, чтобы не доводить до этого.

Многие друзья и единомышленники считают меня неправдачным идеалистом, склонным смотреть на мир сквозь розовые очки, через которые не видны мерзости российской жизни. Жена называет меня простоватым. Наверное, они правы. Поэтому к сказанному мной ниже нужно относиться со здоровым скептицизмом. Но все же я скажу то, что хочу сказать. Я считаю себя принадлежащим или хотя бы принадлежавшим к российской элите: все же я был министром федерального правительства, до сих пор пользуюсь авторитетом в качестве эксперта по экономике. Так вот, большинство людей, которые меня окружают, — высококлассные профессионалы — экономисты, юристы, социологи, политологи, преданные своему делу, несомненно принадлежат к интеллектуальной элите. Они не чужды заботе о своем благосостоянии, что естественно, но я не могу сказать, что материальный интерес — главный мотив их деятельности. Скорее, напротив, большинство из них не согласится на выгодный заказ вопреки своим убеждениям. Российские интеллектуалы сегодня гораздо более интегрированы в мировую науку и общественные связи, чем в советское время, и, стало быть, в массе своей, если говорить о социально-политической проблематике, более компетентны и более подготовлены к исполнению своей миссии. Они и более независимы, чем тогда, хотя и со многими оговорками. Но далеко не всегда востребованы.

Я думаю, что современная российская элита — закономерный результат той трансформации, которую пережила Россия. Она сложилась из того материала, который был в наличии, и использовала те возможности, которые появились при смене плановой экономики на рыночную. Иначе и быть не могло. Революцию начинают

идеалисты, а заканчивают жулики и мародеры, приобретающие потом респектабельность. И если смотреть на вещи реально, а не с позиций нравственного идеала, то выносить приговор нашей элите исходя из приведенных оснований нельзя. Мало ли как повернется жизнь.

Четыре раскола

Напомню, консолидация элиты с признанием необходимости придерживаться демократических правил, недопустимости возбуждения инстинктов толпы, — определяющий признак ее дееспособности. Но сегодня элита расколота, и ее правящая часть не готова придерживаться этих принципов.

Давайте оглянемся назад. Советская номенклатура, казалось бы, отличалась монолитным единством. Затем произошел раскол: в августе 1991 года Ельцину противостоял ГКЧП во главе с В. Крючковым. Этот раскол в элите существовал до 1993 года в форме неразрешимого конфликта, а затем — в более спокойной форме — до 1999 года. Он обуславливал и поляризацию общества.

Когда В. Путин пришел к власти, он обеспечил политическую стабилизацию и консолидацию элиты. Были противоречия, были партийные разногласия, но прежнего раскола, непримиримого конфликта не стало. С 2000 по 2003 год мы жили в благоприятной в этом отношении обстановке. Конечно, каждый ждал от Путина своего, он никого не лишал надежды. Ясно, что так не могло продолжаться вечно, уже хотя бы потому, что демократические процедуры как рамки для разрешения конфликтов в элите и в обществе, формально существуя, на деле не признавались основными социально-политическими силами в качестве реально работающих инструментов. Или признавались только на словах. Каждый думал: пусть противник соблюдает правила, а я их нарушу и благодаря этому выиграю.

Первый раскол в элите, раскол на коммунистов и демократов, был понятен: его корни — в противостоянии прошлого и будущего. Он представлялся уже преодоленным: от первоначального заигрывания с коммунистами до спровоцированного падения влияния коммунистов, как представителей прошлого, посредством внесения раздоров в их ряды. Но коммунисты представляют не только прошлое, они — левая политическая сила, защитники социальной справедливости и интересов трудящихся, и эта их роль еще будет возрастать. Вероятно, уже не через непреодолимый конфликт, пронизывающий все общество, а через политическую конкуренцию в рамках демократических процедур. А сейчас левая часть элиты,

привлеченная Путиным, отошла от него, оказалась отброшенной в оппозицию.

Затем началось дело НТВ, подавление свободы СМИ. Оно оттолкнуло от Путина значительную часть интеллектуальной элиты, которая ценит все, что связано со свободой творчества, со свободой слова. Это был *второй раскол* в элите, еще сильнее уменьшивший число сторонников президента. Впрочем, эту потерю, казалось бы, легко перенести.

В середине 2003 года в элите произошел следующий, уже *третий раскол*, на этот раз более глубокий, — раскол между бюрократией и бизнесом. Поводом стал ЮКОС. Затем из правящей элиты были удалены представители ельцинской «семьи» — А. Волошин и М. Касьянов. Определенная часть бюрократии посчитала возможным обратиться к инстинктам толпы: народ против олигархов. А новая правящая группа проигнорировала правила элиты. Краткосрочные выгоды власть получила. А что дальше?

Хочу еще раз подчеркнуть важность произошедшего с точки зрения эффективности элиты, ее способности выполнять свою миссию.

Второй и третий расколы элиты — расколы с нарушением базового консенсуса, с размежеванием в интеллектуальной элите и с использованием популистской демагогии — это *противостояние сценариев будущего развития страны*: модернизации сверху, традиционного государственного консерватизма с националистическим привкусом, с одной стороны, и модернизации снизу, с опорой на частную инициативу, свободу, демократию, через преодоление феодальных пережитков — с другой.

В основе четвертого раскола — конфликт федеральной бюрократии и региональных и местных элит. Он начался еще с усмирения губернаторов и обозначился более жестко после сентябрьских предложений Путина, после отмены губернаторских выборов. Вначале это было просто наведение порядка и создание единого правового пространства во всей России: губернаторы могли ворчать, но в душе признавали справедливость шагов федеральной власти. Далее, однако, начался передел власти и финансовых ресурсов, в итоге которого региональные и местные элиты утратили значительную часть самостоятельности, им оставалось все меньше места для маневра и инициативы. Последние шаги — монетизация льгот, поставившая локальные бюджеты в труднейшее положение, а также отмена губернаторских выборов — обозначили качественное углубление

противоречий. Никто прямо не будет выступать против президента, хотя М. Шаймиев и Н. Федоров позволили себе некую фронду. Ю. Лужков в очередной раз обрушил свой гнев на правительство (так безопасней), но ясно, что сейчас недовольство направлено не только против него. Конфликт будет зреть. Федерализм — важная сторона демократизации, без него не решить важнейшие проблемы развития страны, прежде всего — не добиться активизации местной инициативы для сокращения региональной дифференциации.

Не исключаю, что новая инициатива Путина сделает региональные элиты более послушными, но она не сделает их более преданными. Конечно, будут и такие, кто почувствует, что их судьба отныне связана с этим президентом. Тем не менее еще одна важная часть элиты откололась, затаив несогласие и избегая его демонстрации, но чувствуя свое унижение, теперь уже не вынужденное какой-то реальной необходимостью. И сегодня региональные элиты, жаждущие самостоятельности, превращаются в силу, рано или поздно готовую под демократическими лозунгами вступить в коалиции с оппозиционными интеллектуалами и бизнесом, желающим освободиться от бюрократического давления.

Я верю: Путин и его конфиденты убеждены, что действуют в интересах страны. Вопросы удержания власти, передела собственности и пошлой наживы пока оставим в стороне. Ведь надо же бороться с коррупцией, с разлагающим влиянием олигархов на законность и порядок, бороться за единство страны. Но избранные методы автоматически влекут за собой и непреодолимость раскола элиты в ее нынешнем составе и, главное, выбор пути дальнейшего развития России.

Демократия — основа новой консолидации

Страна не может справиться с вызовами эпохи, если ее элита не консолидирована. Но на условиях, предложенных сегодня властью, т. е. полном подчинении элиты верхушке бюрократической иерархии, консолидация невозможна. Только страх и стремление избавиться от конкурентов, сохранить недавно обретенный комфорт еще будут какое-то время удерживать элиту в покорности. Но ненадолго. И вот почему.

Во-первых, бюрократия не может уступить бизнесу, ибо это означало бы не только потерю власти, но и приватизацию государства, его подчинение интересам частных групп. Это неприемлемо для общества.

- Бизнес может уступить бюрократии, то есть выживет под ее господством, но эффективным и конкурентоспособным не будет. Стало быть, не будет процветать и страна. Уступка бизнеса мнимая: он будет угодничать, подстраиваться, платить взятки и откаты, но доверия и конструктивного сотрудничества с властью не получится. Наоборот, будут предприниматься попытки сопротивления и установления контроля над властью.
- Региональные элиты тоже могут уступить федеральной бюрократии, но, как и бизнес, за счет перекладывания проблем и ответственности на Центр, снижения активности, а порой и саботажа, за счет утраты способности стимулировать развитие регионов.

Следствие этого — утрата стабильности, периодические более или менее острые конфликты, всякий раз явно или неявно наносящие ущерб экономике, социально-политической сфере, имиджу страны, создающие прецеденты беззакония и произвола. Все стороны в этих конфликтах, разумеется, будут нести потери.

Постоянные противоречия между властью и бизнесом, интеллигенцией и властью, левыми и правыми, центром и регионами — дело обычное. Вопрос в том, чтобы лишить эти противоречия разрушительной силы, ввести их в законные рамки и добиться от всех сторон понимания, что жизнь в этих рамках — в интересах каждой из сторон и общества в целом. Единственная известная форма примирения этих противоречий — демократические процедуры, демократия как процесс достижения равновесия и согласия сил, имеющих разные интересы, но готовых принять разумные правила игры. Поэтому в конечном счете *демократия — это единственная возможная основа консолидации элиты и тем самым единственная надежда России на развитие и процветание.*

Когда мы дойдем до этого, не знаю. Боюсь, в нынешнее правление этого уже не произойдет.

Такие расколы чреваты немалыми угрозами еще по одной причине. До них в начале правления Путина доли недовольных властью в элите и обществе были сравнительно невелики и практически одинаковы. По моим предположениям, после дела ЮКОСа, выборов и «черного понедельника» 13 сентября *доля недовольных в элите резко возросла и будет расти дальше. В обществе же еще преобладает поддержка авторитарной власти.* Но дальше, если ситуация не изменится, возможны два варианта ее развития.

Либо недовольная часть элиты будет различными способами менять настроения в обществе в свою пользу и добьется этой перемены. Появится пользующаяся поддержкой избирателей оппозиция, которая в конце концов получит власть и с ней возможность преодолеть раскол в элите, изменив введенные Путиным порядки. Правда, возможна победа национал-социалистической оппозиции (Рогозин с Зюгановым), способной еще больше углубить раскол в элите и обществе. Но тогда и выбор пути фактически не изменится, разве что даже попытки либеральных реформ прекратятся, а огосударствление экономики плюс «борьба за справедливость» приведут к ее стагнации и кризисам. Но и факторы, побуждающие к смене вектора развития, будут усиливаться.

Либо, чтобы не упустить власть, правящая элита пойдет на еще большее закручивание гаек, на репрессии против недовольной части элиты. Трудно сказать, какими могут быть эти репрессии, но опасность их становится все более реальной. Тогда и пример Ходорковского никому не покажется исключением.

Предпочтительный вариант для власти — не прибегать к репрессиям, а внушить страх перед ними, влияющий на поведение всех основных игроков на политической арене. Эта цель уже во многом достигнута, но не ясно, насколько устойчив этот страх. Увеличение числа недовольных будет вести к снижению запуганности, а стало быть, и к повышению риска репрессий с целью поддержания градуса страха. Но в подобных оценках есть и повод для оптимизма: тот факт, что власть в сложившихся обстоятельствах оказалась перед необходимостью запугивания или чистки элиты, свидетельствует о том, что правящая группа сама себя изолирует и способствует консолидации элиты. Вопрос в том, на какой платформе она возможна. Демократов маловато, но реальная консолидация возможна только на демократической платформе. Любой другой вариант влечет за собой углубление раскола и новые неразрешимые конфликты, пагубные для страны, поскольку не решает ее проблем.

Настроения элиты. Декабрь 2004 года

«На протяжении последних недель думающие люди активно обсуждают неожиданную инициативу галериста Марата Гельмана — проект „Россия-2“.

В России стало грустно и неинтересно. Про Россию стало все понятно. Грустно даже не то, что все независимые ве-

тви власти (парламент, судьи и губернаторы) стали очевидно, хоть и неявно, подчинены Кремлю. Грустно даже не то, что население бездумно продолжает любить президента, несмотря ни на какие происходящие в стране события. Расстраивает не обилие упоминаний президента в эфи-

ре федеральных телеканалов, а отсутствие критики в его адрес.

Больше всего расстраивает *абсолютная, клиническая беспомощность тех, кого еще несколько месяцев назад было принято считать интеллектуальной элитой нации*. Заговоры олигархов, одновременные угрозы со стороны США, Китая и международного терроризма, непреходящая шпионская сущность гражданских организаций — вот и вся мудрость, которую родила эта элита. Вместо того чтобы смотреть в будущее, лучшие аналитические и экспертные умы ищут аналог текущему моменту в жизни страны в прошлом — кто в монархии, кто в сталинских, кто в брежневских, кто в горбачевских временах. Те редкие интеллектуалы, которые рискуют заглянуть в будущее, выбирают лишь между китайским и чилийским вариантами, в крайнем случае строят прогнозы не дольше, чем на следующий год.

На фоне интеллектуальной импотенции экспертного сообщества государство пытается объединить рассыпающееся в отсутствие культурной платформы общество как умеет — обращаясь к Церкви. В школах вводится изучение основ православия, Церкви бесплатно передаются земли, религиозные праздники становятся выходными.

Культура тем временем продолжает разрушаться дальше. Министерство культуры превращено в агентство по выдаче нищенских зарплат музеям и библиотекам, вместо культурной политики у него теперь сметы. На очереди Академия наук. Художников судят за выставки, писателей — за художественную литературу. Искусством считается то, что прославляет власть, либо то, что может украсить собою концерт после съезда.

В такой ситуации человеку, адекватно воспринимающему действительность, остаются только три выхода:

1) попытаться встроиться в систему власти. Это практически невозможно, поскольку строящаяся властная вертикаль — клановая и состоит только из „своих“;

2) попытаться бороться со сложившейся системой. Это бессмысленно, поскольку в сложившейся системе власти участвует не какая-то клика из нескольких десятков человек, а миллионы заинтересованных и вовлеченных в нее людей — чиновники всех уровней, милиция, губернаторы, мэры, генералитет. Любое противодействие этой системе всего лишь сильнее сплотит ее перед лицом общей опасности;

3) уйти — в эмиграцию, в подполье, в андеграунд. Попытаться существовать вне системы. Для человека внутренне свободного это может быть вариантом, но такой уход непременно приведет к разного рода лишениям — жить в эмиграции тяжело, подпольный художник не сможет участвовать в выставке, писатель не сможет издать свою книгу, музыкант не даст концерт, а ученый не сможет экспериментировать.

Когда жизнь в существующей системе становится невозможна, а жизнь вне системы чревата лишениями и ограничениями, естественной мыслью становится идея создания новой системы. Эта система не должна быть оппозиционна существующей (поскольку борьба, как мы заметили выше, бессмысленна, да и оппозиция — атрибут существующей системы), она не должна быть альтернативной существующей (поскольку культура, замыкающаяся на сиюминутных социальных и политических проблемах недолговечна). Эта система просто должна быть параллельна существующей, находиться от нее на приличном расстоянии и быть полностью автономной. Таким образом, человеку, адекватно воспринимающему действительность, предлагается четвертый путь — поучаствовать в деятельности, никак не связанной с существующей вокруг социальной ситуацией. Жить в сегодняшней России отстраненно от ее проблем, наблюдать за ней, как за экзотическим зрелищем. И попытаться понять, какой могла бы быть Россия будущего, заняться проектированием этого будущего. Россия-2, расположенная в географических рамках России-1, тем не ме-

нее, существует в совершенно иной реальности. В России-2 жизнь не делится на президентские сроки. В России-2 2008 год не является годом истины и ничем не отличается от 2007 или 2009 года. Поскольку в существующей действительности СМИ России-1 производят все меньше и меньше новостей, интерес публики будет непроизвольно переключаться на СМИ России-2. И чем больше будет сужаться Россия-1, тем активнее Россия-2 будет заполнять собой образующиеся пустоты.

И в тот день, когда Россия-1 рухнет — по простой причине, что любая статичная вертикальная система рано или поздно ржавеет и рушится, освободившееся место окончательно займет сформировавшаяся и окрепшая Россия-2» (Буржуазный журнал. 2004. Декабрь).

Такие сегодня настроения у элиты. Снова речь зашла о внутренней эмиграции?

Глава 14 Альтернативы и перспективы

14.1 Стартовая площадка

Прежде чем обсудить альтернативы и перспективы дальнейшего развития России, попробуем бегло подвести итоги изложенных размышлений.

Революция: три фундаментальных изменения

В последние 20 лет Россия пережила колоссальную политико-экономическую трансформацию, последствия которой рано оценивать: в 1985 году к власти пришел М. Горбачев, положивший начало экономическим реформам и, главное, демократизации. Его сменили более радикальные реформаторы во главе с Б. Ельциным, которые осуществили важнейшие рыночные реформы и в 1993 году, приняв новую Конституцию, завершили революционный этап процесса трансформации.

Можно обсуждать, была это революция или нечто иное, но надо напомнить, что революция — это не столько кровь и потрясения, сколько решение каких-то проблем, которые не решаются эволюционным путем.

В 1989–1993 годах три ключевые, наиболее болезненные проблемы развития России были решены:

- *экономическая*: взамен закрытой планово-распределительной экономики появилась открытая рыночная, хотя и со всеми родовыми травмами;
- *политическая*: взамен тоталитарной коммунистической системы появилась система демократическая, поначалу бывшая протодемократией и затем ставшая демократией управляемой, но при всех недостатках и сейчас несравнимая с тем, что было до 1985 года;
- *национальная*: из многонационального и мультицивилизационного Советского Союза, бывшего продолжением Российской империи, появилась несравненно более однородная Российская Федерация: 85% русского населения и практически повсеместное доминирование русской на-

циональной культуры. Болезненный постимперский синдром проявился сразу, преимущества монокультурной страны до сих пор прочувствованы далеко не в полной мере, а ностальгия по империи мешает выбрать между национальным государством и гражданской нацией.

Тем не менее три названные проблемы, которые трудно себе представить решенными «сверху», мирно, по плану, были решены, хотя и не полностью. Самый тревожный момент — политическая проблема: кое-какая демократизация по сравнению с тоталитаризмом произошла, но демократия так и не была достигнута. Российская традиция распоряжения властью, моносубъектность и иерархичность политической системы сохранились или были реставрированы. Но, думается, даже эта проблема, вызывающая наибольшую озабоченность, ныне выглядит иначе, чем 20 лет назад. Говорю об этом, потому что определенные возможности для борьбы за гражданские права и свободы сегодня — в отличие от времен СССР — есть и, чтобы не потерять их окончательно, их нужно использовать.

Но так или иначе в этих трех крупнейших сферах национального развития произошли и продолжают происходить радикальные и необратимые изменения, как бы кто не пытался обратить время вспять. Именно это и придает российской трансформации конца XX века пусть не завершенный, но *революционный и фундаментальный характер*.

Управляемая демократия приводит к нестабильности

Постреволюционная ситуация требовала политической стабилизации. Это, в силу предпочтения, отданного тогда экономическим реформам, а не демократии, вкупе с российской традицией распоряжения властью («только царь справится с хаосом», а «царь» всегда с этим согласен), привело к формированию режима управляемой демократии. Такой режим особенно усилился с приходом к власти президента В. Путина. Мы видели, по каким направлениям и в какой форме это делалось.

Обществу все эти шаги объясняются крайней степенью его неуправляемости. Есть подозрение, что неуправляемостью считается всякое проявление свободы и независимости.

Власть может позволить себе подобные действия, поскольку пока она опирается на поддержку большинства населения, с тех пор как с 1999 года идет подъем экономики и достигнута политическая стабилизация. *Поддержка населения является фактом первостепен-*

ного значения, она делает режим легитимным, даже при свертывании демократических институтов, которые еще не успели доказать гражданам свою полезность и которые общество еще не готово отстаивать.

Но, как было показано, только демократия способна обеспечить долговременную политическую стабильность, а попытки ее достижения авторитарно-бюрократическими методами рано или поздно приводят к дестабилизации. Казалось бы, к настоящему времени уже достигнута послушность всей политической системы воле одного президента. Каждый следующий шаг в этом направлении — посредством ли юридического оформления практики контроля со стороны государства (отмена губернаторских выборов), путем ли расширения реальной сферы его контроля (захват собственности, контроль над бизнесом) — нацелен на то, чтобы еще больше увеличить управляемость общества. Но, увы, точка перегиба достигнута, дело начинает двигаться в противоположную сторону. Сама власть это чувствует, иначе бы она не искала, какие гайки еще закрутить. Важные сигналы стали поступать и от экономики.

Экономическая динамика: мотор сломан?

До сих пор экономика была важнейшим аргументом в пользу Путина. Не имеет значения, в какой мере это заслуга именно его деятельности, но факт остается фактом. Именно при нем начался ощутимый экономический рост, причем после десяти лет острейшего трансформационного кризиса. Утвердилось мнение, что реформаторы и олигархи все эти годы вели экономику к упадку, растаскивая народные богатства и проводя неправильную политику. Это казалось очевидным, а тонкости — дело профессионалов.

На самом деле реформы 90-х годов, создавшие частный сектор экономики, который быстро креп, стали приносить плоды. Сыграли свою роль глубокая (в 4,5 раза) девальвация рубля в 1998 году и невиданный рост цен на нефть. На этой основе сложился своеобразный механизм восстановительного роста: повышение деловой активности при быстром увеличении денежного предложения. Окрепший частный сектор смог воспользоваться открывшимся окном возможностей. За короткое время была снята казавшаяся неразрешимой проблема неплатежей и бартера, разрешен бюджетный кризис, улучшился сбор налогов.

Монетизация экономики (отношение денежной массы — агрегата M2 к ВВП) выросла с 14% в 1998 году до 25% в 2003 году.

Заметим сразу, это не так много, что обусловлено борьбой с инфляцией в 1992–1998 годах, в развитых странах с рыночной экономикой этот показатель составляет 70–100%. В странах Восточной Европы, недавно переживших трансформационный кризис и инфляцию, уровень монетизации в 2004 году составил (по данным ИК «Тройка-Диалог»): в Латвии — 25%, в Болгарии — 27, в Эстонии — 30, в Польше — 38, в Венгрии — 40, в Словении — 40%.

В Чехии этот показатель превышал 60%, но там переход к рынку проходил при самых низких темпах инфляции. Ни одна из этих стран не имела в последние годы столь благоприятных условий для роста, как Россия, поскольку только она имела выгоды от высоких цен на нефть и могла повышать монетизацию с опорой на масштабный прирост валютных доходов. А это значит, что мы могли быстро и без особых рисков наращивать объемы займов и кредитов, привлекать инвестиции посредством активной эмиссии других ценных бумаг. Так оно и было в последнее время. В августе 2004 года объем предоставленных кредитов по сравнению с 1 января 2000 года вырос в 6 раз. При этом инфляция снижалась: быстрый рост денежной массы нейтрализовался высоким темпом роста экономики.

В 2003 году президент Путин с подачи своего экономического советника А. Илларионова выдвинул задачу удвоения ВВП к 2010 году. Я выступил с критикой этой установки, прежде всего, потому, что полагал ее вредной с точки зрения структурных реформ, которые все откладывались, и по причине несогласия с политикой ускорения, основанной на стимулировании роста доходов обрабатывающих отраслей посредством поддержания низких цен на газ и энергию. Но сам по себе быстрый рост в сложившихся условиях был возможен. Высокий уровень деловой активности при огромных экспортных доходах позволял продолжать практику наращивания денежной массы при умеренных рисках и годовой инфляции 7–10% еще примерно 3–4 года, пока монетизация не поднимется в 2–2,5 раза. При этом годовые темпы роста ВВП могли достигать 8–12%.

Даже если принять во внимание степень долларизации российской экономики (с учетом оборота долларов уровень монетизации составляет сейчас где-то 30–35%), все равно увеличение монетизации в 1,5–2 раза оставляло возможность быстрого роста в течение 2–3 лет просто за счет дальнейшего повышения активности бизнеса при возможности привлечения финансовых ресурсов.

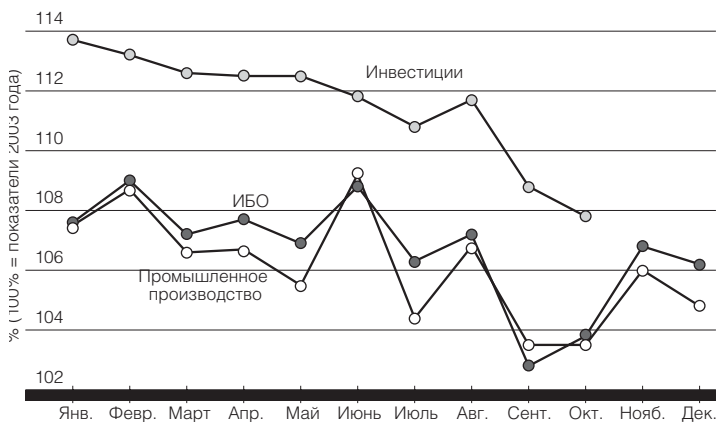
Потом бы понадобился переход к иным, более стабильным факторам роста, из которых самый важный — повышение радиуса доверия за счет совершенствования институтов. Но на это у нас еще был резерв времени.

События развернулись иначе. После начала акции против ЮКОСа и усиления давления на бизнес в целом деловая активность пошла на убыль. Несмотря на то что цены на нефть достигли исторического максимума, темпы роста экономики и инвестиций стали снижаться. Застопорились и реформы. Сначала это объяснялось предстоящими президентскими выборами, но и после них реальные усилия предпринимались только в части административной реформы и монетизации льгот, вызвавших негативное отношение населения. Эти инициативы действительно трудно признать успешными. Другие реформы — реализующие сентябрьские предложения Путина, — казалось бы, отношения к экономике не имеют.

Поначалу было неясно, как отреагирует экономика на такой поворот событий. Но к концу 2004 года ситуация стала проясняться. В целом за год рост ВВП составил 6,8% против 7,3% в 2003 году. Правда, потом Госкомстат объявил даже о достижении 7,1%, но уже с учетом изменения методологии подсчетов. Рост промышленности — 6,1%, только торговля росла быстрее экономики в целом. Но в III квартале рост остановился, в августе и сентябре в промышленности даже имел место небольшой спад. Упали инвестиции, прежде всего в нефтедобыче. Возобновился отток капитала. За год он составил 9,4 млрд. долларов против 2,3 млрд. в 2003 году. И, видимо, будет еще больше. Можно сказать, что подобные заминки случались и прежде и что в дальнейшем прежняя позитивная тенденция возобладает. Однако более вероятно, что мы имеем дело не со случайной флуктуацией, а с устойчивым явлением.

На рисунке 14.1 приведены помесечные данные о динамике показателей промышленного производства, выпуска базовых отраслей и инвестиций в основной капитал в 2004 году по сравнению с 2003 годом. Тенденция совершенно определенная. Динамика ВВП оказалась менее чувствительной к деловому климату еще из-за роста в сельском хозяйстве, где был получен урожай, на 15% превышающий прошлогодний. В ноябре и декабре показатели улучшились, но в это время обычно происходит сезонное улучшение, подобное январскому росту инфляции. Посмотрим, что произойдет в марте–апреле 2005 года.

Рисунок 14.1. ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ, 2004

Примечание: ИБО — индекс базовых отраслей

В таблице 14.1 приведены данные, показывающие, как рост денежного предложения влиял на рост инфляции и ВВП.

Таблица 14.1. ЭЛАСТИЧНОСТЬ ИНФЛЯЦИИ И ВВП ПО ПРИРОСТУ ДЕНЕЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

	2003	2004
Денежное предложение (M2), темпы прироста, %	55	11,8
Инфляция (ИПЦ), темпы прироста, %	12	32,3
ВВП, темпы прироста, %	7,3	6,8–7,1
Эластичность инфляции по денежному предложению	0,22	0,36
Эластичность денежного предложения по ВВП	13,3	21,1–22

Таким образом, в 2003 году прирост денежного предложения на 1% приводил к росту инфляции на 0,22%, а в 2004 году — на 0,36%. Следовательно, риск инфляции заметно увеличился. В 2003 году, чтобы получить 1% роста ВВП, надо было увеличить денежное предложение на 13,2%, а в 2004 году — на 21–22% (в зависимости от того, какому показателю роста ВВП доверять).

При этом следует учесть, что активы банковской системы и кредитные вложения в реальной сфере в 2004 году росли примерно теми же темпами, как и годом ранее, но денежный мультипликатор (отношение агрегата M2 к денежной базе, характеризующее увеличение денежной массы банками) вырос с 2,28 в январе 2003 года до 2,60 в январе 2005-го (оценка ИК «Тройка-Диалог»). Иначе говоря, выросла кредитная эмиссия: располагая все большими ресурсами,

банки вынуждены искать варианты их доходного размещения. Либо такие варианты находятся, либо возрастают риски. Поэтому рост активов в 2004 году, если даже он сам по себе показывает динамику не хуже, чем в 2003 году, по-видимому, скрывает увеличение доли рискованных кредитов. Это подтверждается тем, что, согласно данным Банка России, с мая 2004 года идет устойчивый рост остатков средств банков на корсчетах, т. е. ухудшение их использования. Стало быть, спрос на деньги уменьшается, а это прямой сигнал снижения деловой активности. Послекризисный механизм роста перестает работать.

Прогнозы в экономике — дело неблагодарное. Возможно, борьба правительственных либералов увенчается успехом, а бизнес еще раз поверит в то, что власти умерят пыл. Но если подтвердятся предположения о переломе тенденции высоких темпов роста и переходе на гораздо более скромные показатели (3–4% в год) плюс усилится инфляция (12–15%), то надо будет делать политические выводы. Об удвоении ВВП к 2010 году придется забыть. Эти явления рукотворны в полном и точном смысле слова. Именно политика давления на бизнес, инициированная силовиками, демонстрация незащищенности прав собственности и произвола властей нанесли невосполнимый ущерб деловому климату и экономике страны.

Я думаю, этот в общем заурядный эпизод российской экономической конъюнктуры имеет шанс войти в учебники экономики. Такой явный удар по собственному развитию со стороны государственного давления трудно найти в истории.

До этого можно было думать, что конфликты бизнеса и власти носят локальный характер и на позитивные тенденции развития существенно не влияют: всегда хочется верить в лучшее. Сейчас, как бы ни повернулись события, думать так уже нет оснований. Авторитарные методы управления экономикой приобрели четко различимый знак «минус». Пусть и дорогой ценой, но в пользу демократии появляются дополнительные и притом очень доходчивые, в том числе для простых избирателей, доводы. Такова ситуация на сегодня — начало 2005 года.

14.2. Две главные альтернативы

За последние 20 лет Россия прошла немало судьбоносных развилок, которых хватило бы и на 200 лет доброму десятку стран. Напомню некоторые из них:

- *демократизация или империя*: выбор сделан Горбачевым, в итоге распался СССР;

- *централизованное планирование или рыночная экономика*: выбор сделан Ельциным, в итоге либеральных реформ мы имеем рыночную экономику;
- *демократия или реформы*: выбор сделан Ельциным в 1993 году в пользу реформ, в результате мы получили управляемую демократию и незавершенные реформы;
- *бюрократия или олигархия*: конфликт проявился в 1997 году и медленно развивался до 2003 года. Выбор сделан Путиным, в итоге победила бюрократия, государство в лице исполнительной власти поставило под свой контроль практически все ранее независимые общественные силы. Управляемая демократия поставлена на грань перехода в авторитарный режим.

Я преднамеренно упростил перечисленные развилки до двухполюсной схемы, чтобы подчеркнуть их суть. На деле, конечно, в каждом случае альтернатив было больше, да и результаты выбора не столь однозначны. Последствия лежат между крайностями и носят противоречивый характер, таящий в себе массу новых возможностей.

Ныне страна вновь оказалась на развилке, перед выбором — выбором пути модернизации. И снова, понимая, что действительность сложнее любых схем, а развитие в будущем зависит от массы случайностей, от непрогнозируемых результатов взаимодействий разных социальных сил, я предлагаю для анализа предельно упростить ситуацию выбора, описав ее парой крайних альтернатив:

- *модернизация «сверху»*, на основе инициатив государства и под его контролем, стало быть, со ставкой на бюрократию, с опорой на авторитарный режим;
- *модернизация «снизу»*, на основе инициатив бизнеса и гражданского общества, стало быть, со ставкой на экономическую и политическую конкуренцию, на демократизацию, на преобразование в течение исторически короткого срока национальной культуры в сторону более продуктивных институтов и ценностей — *демократическая модернизация*.

Я привожу эти альтернативы, потому что уже можно сделать вывод: попытка соединения либеральных реформ и бюрократического укрепления государства, проводившаяся с 2000 года, не удалась. Или по крайней мере исчерпала свои возможности в современной России. По-моему, это стало окончательно очевидным после 13 сентября. И можно понять почему. Каждый из альтернативных вариантов требует складывания определенной целостной социально-полити-

ческой структуры, способной реализовать избранную стратегию, включая экономику, политику, идеологию, правовую систему, компоненты которой поддерживали бы друг друга или по крайней мере были взаимно нейтральны, а не оказывались в конфликте, разрешимом только силой, авторитетом. Именно такой конфликт мы и наблюдали последнее время.

Возможно, у авторов и участников путинского проекта еще есть иллюзии насчет того, что политика после президентских выборов 2004 года сохраняет преемственность к курсу, проводившемуся в первый срок полномочий Путина, — сочетанию либеральных реформ и управляемой демократии. Но, на мой взгляд, дело ЮКОСа, арест Ходорковского, отставка Волошина и снятие Касьянова, а затем сентябрьские предложения Путина ознаменовали принципиальный поворот, выразившийся в первую очередь в отказе от многих ограничений, с которыми до той поры власть считалась. Почему, какие объективные обстоятельства или субъективные мотивы подтолкнули ее к этому, можно только догадываться. Но я полагаю, что одно из оснований заключается в том, что конструкция «либеральные реформы и управляемая демократия» была изначально неустойчива — в силу внутренней противоречивости, отсутствия целостности. Это, видимо, и сказалось в наших условиях. В конце концов все равно пришлось бы выбирать: либо демократизация, и тогда либеральные реформы логичны; либо авторитаризм, вертикаль власти, и тогда рано или поздно логично усиление вмешательства государства в экономику.

С помощью игрового метода рассмотрим названные альтернативы по содержанию и в плане последствий реализации. Хочу обратить внимание читателя: я не случайно в главе 2 приводил примеры из А. Пшеворского. Ниже следует не обычный прогноз, не изложение моей позиции, но попытка проанализировать развитие событий, представляя его как игру. Взаимодействие игроков, представляющих основные социальные силы, по разным сценариям: сначала — модернизации «сверху», потом — модернизации «снизу».

14.3. Игра в модернизацию «сверху»

Вводные замечания

Угроза перехода к этому варианту развития постоянно витала над Россией в эпоху реформ: сначала как угроза реставрации, затем в форме призывов левой оппозиции к повышению роли государ-

ства, к активизации промышленной и социальной политики, к пропаганде националистами и консерваторами особого пути, противостояния Западу и защиты традиционных ценностей. В 2001 году, в начале правления В. Путина, когда, казалось, либеральная идеология доминировала, я писал (прошу прощения за самоцитирование): «Определим поле политического выбора Путина, оттолкнувшись от его программы из двух пунктов:

- сильное государство;
- либеральные экономические реформы.

Строительство сильного государства — болевая точка, ибо оно может пониматься в двух вариантах:

- сильное государство с равной властью закона для всех;
- сильное государство, в котором власть ради государственных интересов, „ради дела“ позволяет себе манипулировать законом. Есть „вертикаль власти“, и в ней указания «сверху» важнее закона.

Хотя сейчас заявлен либеральный курс экономической политики, с точки зрения интересов потенциальных сил поддержки, их отношения к Путину и к возможным сдвигам в его политике, *мы обязаны предусмотреть вариант усиления государственного вмешательства в экономику*» (Ясин 2004а: 204). В 2004 году эта догадка, увы, стала актуальной. Во всяком случае, реализация идеи государственного контроля в ТЭКе, казус с ЮКОСом, практика реформ естественных монополий и банковского сектора теперь превращают эту догадку в факт.

Мне кажется, что в размышлениях Путина в 2003–2004 годах произошел поворот, подобный повороту Сталина в 1928 году, после поездки в Сибирь, когда он резко отбросил идеи НЭПа, разорвал союз с Бухариным и бюрократически-репрессивными методами взял курс на индустриализацию и коллективизацию. Видимо, он пришел к выводу, что консерватизм и корыстолюбие российских крестьян иначе не одолеешь, что в России только крутые меры могут привести к успеху.

Владимир Путин о демократии (в изложении Сергея Тарасова)

«Старая квазидемократическая политическая система начисто скомпроментирована олигархами. Но отбросить демократическую идею — значит поставить Россию в число стран-изгоев. Нельзя.

Даже из чисто прагматических соображений. Даже если забыть, что В. Путин был ближайшим сподвижником А. Собчака, о чем забывать все же не следует.

Разница между В. Путиным и радикальными демократами — в степени реализма. Они, будучи прекраснодушными идеалистами, верят, что демократию в нашей стране можно установить немедленно. А это, увы, не так. Любый социолог скажет, что сегодня самые популярные в народе идеи — националистические: антикавказские, русских шовинистов, а кое-где, наоборот, антирусские. А еще в обществе очень сильно раздражение против богатых. Мы вместо демократии легко можем получить нацизм. Или большевизм. Хрен редьки не слаще.

Ошибка радикальных демократов состоит в их полном отождествлении себя с народом — на этом основании они считают себя вправе говорить от имени народа. А у простых людей и образование поуже, и зарплаты в среднем, как правило, пониже, и интересы несколько иные: сперва благополучие и стабильность, затем все остальное. Демократия придумана для тех, кто осознал свои экономические интересы и готов бороться за них методами эволюции, а не революции. Путин, борясь с нищетой и обеспечивая стабильность, методично создает условия для будущей демократии.

Если процесс осознания интересов и формулирования их в политическую программу (а затем на базе программы партии) пустить на самотек — это будет

слишком долго и опасно из-за весьма возможных экстремистских уклонов. Политический полуфабрикат безопаснее, да и приготовить его, когда возникает потребность, можно гораздо быстрее. Полуфабрикаты — это кремлевские политпроекты: бери что по вкусу, добавь соли и перца и — вперед, в парламент.

Путин на недавнем совещании с думской фракцией „Единой России“ уже сказал, что неплохо было бы подумать об организационном оформлении внутри партии различных платформ — это зародыши будущих партий. На наших глазах возникает новая политическая система, которая будет не разжигать национальную и социальную рознь, а наоборот, сглаживать противоречия в обществе, способствовать поиску компромиссов. Без этого не восстановить страну» (Новая газета. 2004. 29 ноября — 1 декабря. № 88).

В. Путин, конечно, ничего подобного не говорил. В выступлении 13 сентября он произнес только следующие слова: «Мы живем в условиях переходной экономики и не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системы». Последнее я понял так: мы еще не созрели для демократии, при Ельцине и Горбачеве ее ввели преждевременно. Но сочувственный взгляд С. Тарасова, как я полагаю, Путину близок.

Многие высказывали мысль, что России подошла бы китайская модель развития или довольно близкая к ней корейская модель Пак Чжон Хи, где диктаторская власть государства сочетается с развитием рыночной экономики и бизнеса, с широким применением государственных льгот и субсидий. Ну и, конечно, «модель Пиночета». В основе этой мысли лежит простое соображение: в России народ пассивен, не склонен к предприимчивости и достижительности, но зато вороват и незаконопослушен. Ему нужен кнут, жесткая рука, либеральничание же может привести только к развалу. Даже управляемой демократии мало, доходят только прямые приказы и угрозы суровых наказаний. В борьбе с коррупцией, при наведении порядка со сбором налогов необходима прежде всего жесткость, без оглядки на дух и букву законов. Культурный Запад должен понять, что у нас без этого нельзя.

Отсюда недалеко до прямого вмешательства государства в экономику, то ли в форме установления контроля над стратегическими секторами, то ли в осуществлении масштабных инфраструктурных и иных проектов на базе частно-государственного партнерства. Такие инициативы ныне подогреваются огромными нефтяными доходами, быстрым наполнением стабилизационного фонда и обилием дыр, которые никак не удастся закрыть силами частного бизнеса. Последний упрямо норовит заниматься только тем, что ему выгодно.

Мне также представляется, что на второй президентский срок Путин решил расстаться с амбициозными планами первого правления, когда упор, по крайней мере на словах, делался на институциональные реформы стратегического характера, плоды которых созрели бы нескоро, в течение 20–30 лет. Предпочтение отдано более краткосрочным и конкретным задачам: удвоение ВВП за десять лет, сокращение бедности вдвое за три года, вывод армии из кризиса. Заметим, эти задачи можно решать без утомительной, с неясными результатами, работы по изменению институтов, реальному переустройству общества в духе требований XXI века, опираясь в основном на технологические нововведения и организационные меры. Именно так действовали и Петр I, и Сталин — авторы более ранних модернизаций России «сверху». И уж точно для реализации такого проекта никакая демократия не нужна.

Мыслим ли такой проект для решения современных проблем страны? Безусловно, тем более что соответствует духу российских традиций и, стало быть, будет воспринят обществом как естественный.

Может ли он привести к успеху, подобному достижениям Пинчота и Пак Чжон Хи? Это более сложный вопрос, требующий анализа разных аргументов, какой бы ответ ни подсказывали эмоции.

Опыт Кореи: диктатура и догоняющее развитие

Остановимся на опыте Южной Кореи, на мой взгляд, наиболее убедительном. Напомним исходные позиции: после войны 1953 года страна, и до того бывшая отсталой японской колонией, лежит в руинах. Годовой ВВП на душу населения — 150 долларов, как в Нигерии (но без нигерийской нефти). При режиме Ли Сын Мана неимоверно расцвела коррупция. К власти приходит генерал Пак Чжон Хи, сильный и

неподкупный человек левых взглядов. Он начинает беспощадную войну со взяточниками. В то же время правительство «назначает своих олигархов» — ряд крупных компаний, так называемых чеболей, которые получают большие льготы и субсидии, чтобы, следуя примеру Японии, поднять производство и вывести Корею на мировые рынки. Проводится жесткая протекционистская политика.

Корейцы — очень трудолюбивый, дисциплинированный и способный народ. «Рисовая» культура. В то время — с низким уровнем образования, но с огромной тягой к знаниям. Самая бедная корейская семья прежде всего готова вкладывать деньги в учебу детей. Государственная система социальной поддержки практически отсутствует, нет государственных пенсий. Отпуск даже на крупных фирмах — неделя в год. Очень дешевая и качественная рабочая сила — изначальное конкурентное преимущество. В 1964 году выпускается первый корейский телевизор. А через 40 лет первоклассными корейскими телевизорами заполнены магазины во всех странах, включая наиболее развитые. Открытые рынки Запада — вторая сторона «корейского чуда»: они делают возможным экспорт дешевых товаров, качество которых быстро повышается, дает растущий приток доходов. Они постоянно реинвестируются. До последнего времени в Корею в основном осваивались западные или японские технологии, сейчас же здесь создана и собственная база прикладных исследований и разработок — уже после того как «чудо» произошло. Накануне азиатского кризиса 1997 года душевой ВВП в Корею достигает 13,4 тыс. долларов (World Bank 1999: 13). После острого кризиса, во время которого корейцы отдавали стране даже личные драгоценности (во уровень национальной солидарности!), уже в 1999 году душевой ВВП поднялся до 15,5 тыс. долларов (World Bank 2001: 13) — это уровень Португалии и Греции.

При Пак Чжон Хи не было никакой демократии. Он был убит в конце 1979 года начальником своей разведки, который опасался наказания за жестокость при подавлении волнений среди студентов и рабочих в городе Пусан. В 1980 году произошла резня в Кванджу, во время которой военные и полиция убили несколько сот демонстрантов. Пак правил 18 лет. После него были еще два военных президента —

Чон Ду Хван и Ро Дэ У. Последний был вынужден провести в 1992 году свободные выборы и отдать власть. В 1995 году их обоих судили за коррупцию и убийства политических противников.

Ли Куан Ю, знаменитый премьер Сингапура, так характеризует корейский опыт. Во-первых, он считает, что корейцы копировали японцев, в том числе в создании «чеболей» (корейский вариант японских конгломератов), в борьбе за доли на рынках, порой в ущерб прибыли, в протекционизме, тогда как Сингапур и Гонконг следовали скорее опыту Англии и США (Ли Куан Ю 2005: 511).

Во-вторых, он обратил внимание на жесткость корейской конфронтации между властью и оппозицией: «Корейцы люди страстные, не идущие на компромиссы, и когда они борются с властью, то... не останавливаются перед насилием (Там же, 506).

В-третьих, Ли Куан Ю, сам авторитарный правитель, осудил судебные процессы над Чон Ду Хваном и Ро Дэ У: «Они унизили людей, которые помогли создать современную Корею», «которые играли по принятым в то время в Корею правилам» и по этим правилам не являлись преступниками. Другие же авторитарные лидеры «получили неверный сигнал» о том, «как опасно передавать власть» (Там же, 510–511).

Таким образом, Корея — канонический образец реализации модели догоняющего развития. За послевоенные годы она осуществила индустриализацию, освоила производство современной продукции по импортированным технологиям, использовала открытость рынков Запада, откуда получала средства для индустриализации. Качественная и дешевая рабочая сила во многом заместила недостаток собственного капитала. Сама модернизация привела к событиям в Пусане и Кванджу, и только после этого — и все равно не без жертв — оказался возможным переход к демократии.

Можем ли мы сегодня, а точнее, уже завтра и послезавтра использовать корейскую модель? Или китайскую, подобную корейской, но только примененную к экономике больших масштабов?

Во-первых, эти страны осуществляли индустриализацию в период аграрно-индустриального перехода, имея при этом возможность практически неограниченно черпать из деревни дешевую рабочую силу. У нас аналогичный процесс шел в 20–30-х годах. Индустриализация и урбанизация пройдены. И хотя есть кого догонять, есть что заимствовать, ресурсов, с помощью которых они решали задачу индустриализации, у нас уже нет.

Во-вторых, индустриализации в Корее предшествовала разрушительная война и огромное желание людей мирно трудиться и лучше жить. У них никогда не было планового хозяйства и социализма. И никогда, как и у нас, не было демократии. У нас позади 74 года тоталитарного режима и централизованного планирования, которые привели страну к катастрофе. Сходство в том, что Пак Чжон Хи, как и Путину, предшествовали хаос, коррупция, незаконие. Но более важно различие — в том, что у нас именно тоталитарный режим привел к революции и установлению протодемократии, а в Корее их истоки были совсем иного рода. Поэтому авторитаризм у них пришелся ко двору. Наши же беды происходят от диктатуры, и поэтому она не может быть нашим спасением.

В-третьих, наш менталитет, худшие свойства которого были усилены тоталитаризмом и плановым хозяйством, серьезно подорвавшим хозяйственные мотивации и мораль российского населения, существенно понижает качество рабочей силы, особенно те ее свойства, которые важны для догоняющего развития. Насколько это существенно, видно на примере Восточной Германии, где через 15 лет после объединения производительность труда все еще не превышает 80% западногерманской. А была вообще ниже 50%. И конечно, на примере Южной и Северной Кореи. Корейцы начали производить автомобили намного позже нас, но сегодня их и наши машины не сравнить по качеству и конкурентоспособности. Изменить ситуацию у нас могут только конкуренция и открытая экономика, сильный бизнес, но не авторитарный режим. Надо задать себе вопрос, сможем ли мы наладить массовый экспорт готовых изделий на рынки развитых стран, как это сделала Корея, а потом и Китай, и сколько на это понадобится времени.

В четвертых, *наша модернизация теперь будет проходить не на индустриальной стадии развития мировой экономики*, когда конвейерная организация массового производства, монополизация и политический авторитаризм соответствовали друг другу по духу и органически друг друга дополняли, *а на стадии постиндустриаль-*

ной, хотим мы того или не хотим. А это значит, что модель догоняющего развития с авторитарным режимом не подходит для решения задач современной модернизации, основанной на знаниях и инновациях.

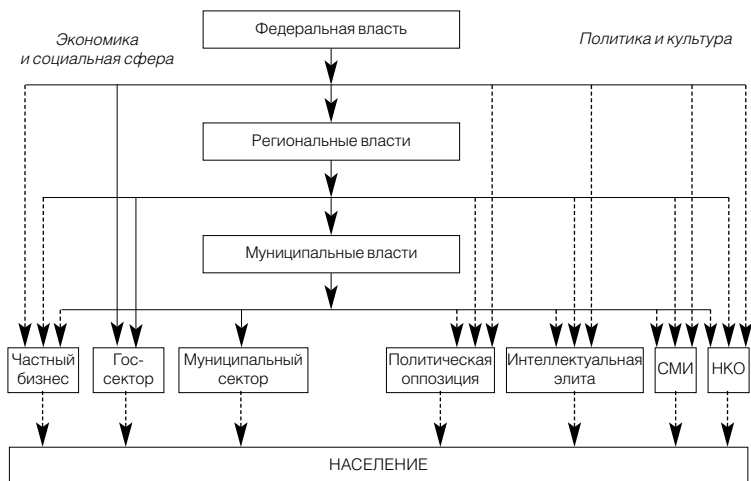
Теперь подумаем, к каким последствиям может привести еще одна модернизация «сверху» в России.

Первый раунд

Попробуем со всеми оговорками и предосторожностями представить себе развитие событий как игру между основными силами российской политики и экономики в духе ситуаций, рассмотренных выше, в главе 2. Сначала вариант первый: модернизация «сверху». Схема основных взаимодействий игроков показана на рисунке 14.2. Это федеральная власть, региональные власти и власти муниципальные (местное самоуправление), бизнес, политическая оппозиция (левая и правая), неправительственные некоммерческие организации — НКО (институты гражданского общества), интеллектуальная элита (в том числе СМИ), а также население — конечный объект всех воздействий и формально источник власти.

Предполагается централизация власти в руках *федерального центра*. Он выступает активным началом, инициатором всех основ-

Рисунок 14.2. МОДЕРНИЗАЦИЯ «СВЕРХУ». СХЕМА ОСНОВНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

ных начинаний. Следует исходить из того, что заявленные 13 сентября инициативы реализованы — президент назначает губернаторов, мэров больших городов, судей и даже президента Российской академии наук. Действует новая избирательная система — по партийным спискам с порогом 7 или 12%.

Можно ожидать, что намеченные реформы — образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, монетизация льгот — будут проводиться без нажима, чтобы не вызывать напряжения. Но в силу страхов и недоверия населения эти реформы получатся чересчур компромиссными.

Административная реформа и реформа госслужбы формально будут проведены, последняя ближе к французской модели карьерной бюрократии. Но эффекта, скорее всего, они не дадут, прежде всего в силу отсутствия реального общественного контроля — ведь свобода слова и политическая конкуренция отсутствуют. Будет создана Общественная палата. Но она в лучшем случае станет играть роль клапана для выпуска пара: решений она не принимает, а узаконить независимые парламентские расследования даже при послушной Думе власть не согласится, как не согласилась до сих пор. Ведь это означало бы наделение парламента реальными контрольными функциями, шаг к реальному разделению властей и, следовательно, к слову «вертикали власти».

Логично ожидать крупных мер по борьбе с коррупцией, ряда шумных процессов, которые позволили бы оправдать антидемократические действия. Хотя и подобные оправдания власть может счесть излишними. Но в любом случае главные орудия авторитарной власти — спецслужбы и подконтрольные им органы МВД, прокуратуры, юстиции и правосудия — будут сохранять, а скорее, даже усиливать свои позиции. Реформы в этой сфере будут формальными, в основном организационного характера. Судебная реформа, естественно, не приведет к независимости судебной власти. Будет лишь имитация независимости, оставляющая власти возможность влиять на судебные решения во всех случаях, когда она сочтет это целесообразным. Вообще, в этом варианте нет никаких реальных послаблений контроля бюрократии, только если для видимости.

Будет усиливаться контроль над бизнесом и увеличиваться прямое вмешательство государства в экономику посредством государственного предпринимательства. Под хорошим предлогом — структурных сдвигов, диверсификации экономики. При-

ватизация некоторых государственных унитарных предприятий и продажа госпакетов в акционерных обществах будут заторможены. Будут предприняты попытки налаживания государственно-частного партнерства: кто согласится, получит статус «равно-приближенного».

Во внутренней политике следует ожидать шагов по созданию ручной оппозиции и имитации политической конкуренции. Начало положено, партии Жириновского и Рогозина уже на сцене, хотя последний пообещал, что не будет «спецназом Кремля». Теперь нужны послушные и достаточно радикальные правые. Что касается независимой политической оппозиции, способной претендовать на власть, то правящая элита будет давить и шельмовать ее посредством подконтрольных СМИ и имитации народных движений типа «Идущих вместе», стремясь не допустить усиления ее влияния на избирателей. Точно так же будут поставлены в рамки НКО, их финансирование со стороны бизнеса и иностранных фондов будет дозироваться и регулироваться, неугодных станут закрывать под предлогом налоговых и иных нарушений.

Поскольку таким образом бюрократия избавится от какого-либо контроля, кроме контроля начальства и спецслужб, свойственные ей неэффективность, пренебрежение к людям и коррупция будут нарастать, даже при проведении кампаний против бюрократизма.

Региональные власти будут внешне послушны Кремлю, поскольку смена губернаторов станет определяться там, ведь их судьба отныне в руках президента, а не избирателей или политических конкурентов. Поэтому их произвол и мздоимство возрастут. Они будут душить все проявления независимости в сфере своего влияния тем скорее, что смогут сослаться на интересы и указания центра.

Центр, конечно, получит некоторые выгоды — он будет застрахован от случайностей народного волеизъявления, от воздействия на региональные выборы местных групп бизнеса и преступности. Но одновременно избиратели лишатся социальной практики, позволяющей им усваивать нормы демократии и гражданского общества. Центр мог бы в этом раскладе выступать против манипуляций на выборах, в защиту прав избирателей, но, назначая губернаторов, он и вовсе не будет иметь к этому стимулов.

По сути, будет воспроизведен советский вариант административной иерархии. Чтобы завершить его строительство, регио-

нальные власти окончательно подчинят себе *власти муниципальные*. На местном самоуправлении, скорее всего, окончательно поставят крест, останутся одни государственные полномочия. В каком-то смысле все усилия Д. Козака по разграничению полномочий и формированию системы местного самоуправления, пусть и в государственном варианте, поставлены под вопрос: местных начальников назначают, чтобы они выполняли указания «сверху», а не настаивали на собственных полномочиях.

Кто-то из аналитиков заметил, что до сих пор Россия напоминала относительную демократию феодальных владык: в регионах и ранее никакой демократии не было. Это наблюдение интересно, но далеко не верно. Картина на местах была весьма пестрой, хотя, конечно, в ряде регионов власть президентов или глав администраций была близка к абсолютной. Но все же Ходырева в Нижнем Новгороде, Титова в Самаре или Кресса в Томске не поставишь в один ряд с Шаймиевым, Аяцковым или Рахимовым. Теперь организация властной вертикали должна будет стать более монотонной: в Москве видимость демократии исчезнет, здесь свой владыка, но и на местах различия в степени демократического контроля в значительной мере будут стерты.

Госсектор, представленный прежде всего естественными государственными монополиями — «Газпромом», РАО «ЕЭС» (если оно останется), РЖД, «Транснефтью», а также ГУПами разных уровней — в этой модели останется важнейшим рычагом в руках бюрократии. И его сила только будет увеличиваться — как с присоединением «Юганскнефтегаза» или «Гута-банка». Но вряд ли он может быть локомотивом экономики и тем более двигателем модернизации.

Частный бизнес формально будет предметом забот властей, ибо рыночная риторика, вероятнее всего, сохранится. Налоги вряд ли повысятся вновь. Однако бизнес окажется под контролем, ему будут навязывать социальную ответственность и частно-государственное партнерство. Ему самому придется откупаться — посредством коррупции, попадая тем самым в еще большую зависимость от властей. В этой обстановке наиболее вероятная стратегия всех видов частного бизнеса — крупного, среднего и мелкого — не высываться, не привлекать внимания, угодничать. Если так, то и он тоже не сможет быть активным проводником модернизации.

Бизнес также, видимо, не будет очагом сопротивления бюрократии. Он не может подставляться. Как и по сей день, если ис-

ключить примеры некоторых олигархов, он будет искать выгоды в сотрудничестве с ней, в поиске привилегий, в связях с конкретными чиновниками. Стало быть, вероятней всего укрепление бюрократической традиции и подавление активности бизнеса, сохранение неравных условий конкуренции. Все же до сих пор некоторые предприниматели пытались время от времени воспользоваться демократическими институтами — то выдвигались в депутаты сами, то выдвигали и «проплачивали» других. Теперь такие попытки должны прекратиться или резко уменьшиться в масштабе.

Политическая оппозиция разделится на «ручную» и маргинальную. Попытки ее консолидации в первом раунде вряд ли окажутся удачными: левые не договорятся с правыми, «Яблоко» с СПС. Объединение всегда требует времени и преодоления амбиций. Самое же главное — от оппозиции потребуются активная работа в массах, СМИ для нее будут закрыты. Все это большой труд, требующий большого мужества. Нынешние функционеры оппозиции скорее привыкли к парламентским дискуссиям, к разговорам, нежели к поступкам. А поступки обязательно вызовут реакцию властей.

Больше всего шансов мобилизоваться у левых и националистов. Именно они больше всех пытались поднять свой рейтинг, эксплуатируя недовольство людей монетизацией льгот. И в первом раунде они, видимо, смогут активнее влиять на население. Либералам, как и широкой демократической коалиции, если дело пойдет как сейчас, потребуется больше времени. Первый раунд они, скорее всего, проиграют, власти не почувствуют серьезного противодействия.

Интеллектуальная элита будет разделена. Меньшая часть по убеждениям и/или за деньги будет поддерживать власть. Большая часть предпочтет демонстрировать лояльность, но без энтузиазма. Усилятся левые и государственно-националистические течения. Доля открыто недовольных будет непрерывно расти, так как на деле подавление прав и свобод больше всего ударяет по элите. А ее недовольство вместе с антиправительственными идеологиями постепенно будет передаваться населению.

Представители СМИ, разумеется, как часть элиты, будут разделять ее настроения, и их придется все жестче контролировать. Консервативным и националистическим идеям такой контроль проходить будет легче. Однако идеи свободы и демократии тоже станут проникать в общество в большей степени, хотя бы через хорошо знакомый по советским временам подтекст и эзопов язык подцензурной печати.

НКО, если они устоят под давлением властей, будут сохранять независимость и активность с высокими шансами дожить до новой оттепели, сопротивляясь свертыванию демократии. Возможно, они первыми перейдут в наступление, открыв новый этап формирования гражданского общества.

Население, являющееся конечным объектом воздействий остальных участников игры, несомненно, будет испытывать влияние идеологических и иных инструментов власти. Возможно усиление консервативных и националистических настроений, увеличение проявлений экстремизма. Но поддержка власти населением может сохраниться только при очевидно позитивном развитии экономики и повышении благосостояния большинства.

В данном варианте, как мы видим, шансы на подобную динамику будут падать. А это значит, что начнут нарастать недовольство и недоверие, в том числе к ручной оппозиции, интеллектуальной элите и той части СМИ, которые будут поддерживать власти. Сначала пассивно, в форме сомнений относительно недавних кумиров, потом активнее. Если демократическая оппозиция сможет воспользоваться сменой настроений, у нее есть шанс начать укрепление своих позиций уже к концу первого раунда.

Общий итог первого раунда. Полная победа централизованной федеральной власти, создание бюрократической иерархии, предназначенной для того, чтобы реализовать замыслы этой власти. Подавление сопротивления всех других сил, послушность всех уровней власти, госсектора, частного бизнеса, СМИ.

Вместе с тем экономика сначала снижает темпы роста, а затем переходит в фазу стагнации. Главная причина этого — снижение активности бизнеса. Подобный результат ожидается и при снижении цен на нефть, и при их высоком уровне. Если они снизятся, такой исход очевиден. Если они останутся высокими или даже еще вырастут в силу нежелания бизнеса «высовываться» из-за высоких политико-бюрократических рисков, может увеличиться вывоз капитала. Либо власти будут вынуждены интенсифицировать усилия по стерилизации избыточного денежного предложения, чтобы привести его в соответствие с низким денежным спросом и не допустить роста инфляции. Другой исход: повысится инфляция, что вызовет новую волну роста бедности и неравенства. Такой поворот будет означать, что вариант модернизации «сверху» на базе полулиберальной экономики и жестко управляемой демократии не проходит. Мы уже наблюдаем его в начальной стадии. И в принципе его

исход уже ясен. Известен еще один способ спасти игру: это рост государственных расходов, включая инвестиции, и расширение госсектора. Он тоже весьма вероятен. Но этот путь мы уже проходили, и вряд ли он принесет успех, если пройти его еще раз.

Второй раунд

При варианте модернизации «сверху» во втором раунде вероятна *утрата инициативы* федеральной властью: предел политико-административного контроля достигнут, но в экономике ситуация начинает ухудшаться. Растут недовольство и недоверие *населения*. Его настроения подхватывает *интеллектуальная элита*, усиливается *политическая оппозиция*, теперь уже скорее на либерально-демократическом фланге.

Региональные и местные власти, вынужденные в какой-то мере считаться с положением в своих регионах и городах, предъявляют к центру все больше требований и стремятся повысить свою самостоятельность.

Госсектор демонстрирует низкую эффективность.

Частный бизнес, вероятнее всего, избегает повышения деловой активности и стремится уйти в тень, если бюрократическое давление усиливается; либо, если оно ослабевает, начинает оказывать сопротивление, перехватывает инициативу и увеличивает поддержку политической оппозиции и НКО.

Федеральная власть, а точнее, обслуживающая ее бюрократия, все более оказываются в изоляции. Недоверие к элитам может вызвать новое закручивание гаек, волну репрессий и чисток, стремление удержаться у власти любой ценой. В этом случае агония режима может затянуться, хотя всем будет ясно, что проект модернизации «сверху» не состоялся. Также возможен раскол в правящей элите — в случае, если снизится авторитет первого лица и у части этой элиты возникнут соблазны уступить оппозиции. А в подобной ситуации уступки ведут к поражению и смене режима. Тогда события будут развиваться быстрее. Бесславный конец представляется неизбежным. Это только вопрос времени, которого у страны, правда, очень мало.

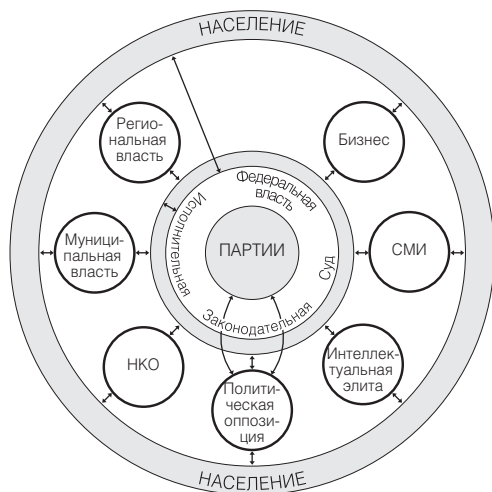
Отсутствие демократических механизмов и необходимости считаться с намерениями оппозиции грозят привести к потере равновесия, политической нестабильности и угрозе потрясений при неизбежной смене правящей элиты и проводившейся ею политики.

Я старался избежать предвзятых оценок и прогнозов. Боюсь, в полной мере мне это не удалось. Но все же надо иметь в виду, что приведенный выше сценарий модернизации «сверху» вполне реален.

14.4. Игра вторая: демократическая модернизация «снизу»

На рисунке 14.3 показана схема основных взаимодействий во второй игре. Этой схемой я попытался подчеркнуть главное отличие от первого варианта: это *не иерархия*, не подчинение, а *сеть* взаимодействий равноправных партнеров, каждый из которых выполняет определенные роли, действуя в рамках закона. Приспособление к этому порядку происходит трудно. Властные органы — федеральные, региональные, муниципальные (местное самоуправление) — поначалу нередко пополняются не теми людьми. Какое-то время сохраняется риск избрания персон, способных вывести из равновесия всю систему. Сказывается некомпетентность, культурная отсталость, политическая безответственность. Иначе говоря, на первых этапах в руках авторитаризма, управляемой демократии, весьма сильные аргументы — в таком варианте развитие экономики и продвижение реформ сначала может идти медленнее.

Рисунок 14.3. МОДЕРНИЗАЦИЯ «СНИЗУ»: СХЕМА ОСНОВНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Очевидные недостатки демократии, особенно заметные при низкой готовности элиты и граждан к последовательному применению демократических принципов изживаются и сводятся к приемлемому минимуму, к сожалению, только посредством социальной практики. Политическая конкуренция и свобода печати, пусть с подъемами и падениями, шаг за шагом формируют механизм поддержания равновесия интересов, о котором мы говорили выше (в главе 2) как об основном достоинстве демократии, делающим ее лучшим из способов управления государством. В начале пути у нас, видимо, возможна только элитарная демократия. Отсюда важность консолидации элиты, национального консенсуса в отношении основных принципов демократии при гарантированном праве всех партий и движений отстаивать свои взгляды и бороться за власть в пределах этих принципов. Любое поощрение активного участия граждан в общественных делах, особенно на уровне местного самоуправления, с увеличением возможностей продвижения наверх также необходимо, как способ легального проявления инициативы, позволяющего избежать экстремизма.

Первый раунд

Проанализируем возможные действия основных игроков. Первые шаги так или иначе должны быть связаны с демократизацией. Это может происходить по инициативе *федеральной власти*, при ее персональной смене после выборов или *под давлением снизу*, на волне противодействия властям. В любом случае демократизация, видимо, должна быть исходным пунктом модернизации «снизу». Собственно, она будет открывать источники инициативы для различных слоев общества.

Лучшим вариантом была бы активная реформаторская политика авторитарного режима до начала демократизации, тогда наиболее непопулярные экономические меры были бы проведены заблаговременно. За ними могут следовать меры властей по восстановлению доверия бизнеса: прекращение преследования предпринимателей с применением незаконных методов (типа ситуации с ЮКОСом), снижение срока давности разбирательств по делам о приватизации 90-х годов, налоговая амнистия. Эти меры должны быть достаточно энергичны — чтобы бизнес снова почувствовал уверенность в будущем. Хотя, как и в первой игре, начальные шаги здесь — за федеральной властью, демократизация спускает инициативу вниз, и все игроки получают возможность активно действовать.

Поэтапный переход к конкурентному бюджетному федерализму повысит самостоятельность и ответственность *региональных властей*, но поначалу их инициатива часто будет малоэффективна и даже вредна. Чтобы функционирование новых институтов стабилизировалось, нужно терпеливо использовать передовой опыт, лучшие практики.

Муниципальные власти также повысят свою самостоятельность. Для них самым трудным моментом во взаимоотношениях с населением будет усиление ответственности перед ним, реальное утверждение принципов местного самоуправления. Привычная пассивность избирателей вкупе с произволом чиновников столкнется с необходимостью самоорганизации граждан для решения собственных проблем. Возможно, это *критическая точка успеха всей модернизации «снизу»*. Вопрос в том, кто пересилит: новые условия, позволяющие населению и принуждающие его активно участвовать в установлении налогов и сборов, в формировании программ улучшения публичных услуг, или протекционизм и сетования против коррупции, как прежде.

Не исключено, что в данном случае потребуются специальные меры по преодолению барьера большинства: активная пропаганда, эксперименты, обучение и тому подобное.

Частный бизнес — главный агент модернизации «снизу». Его доверие, его активность и в то же время законопослушность — основная забота властей. Бизнес, безусловно, откликнется на шаги государства навстречу ему, если действия последнего вызовут доверие. Будут попытки и лоббирования частных интересов, и подкупа чиновников, но в борьбе с этими неискоренимыми пороками бизнеса надо исходить из того, что укрепление законности и здоровая конкуренция — в его объективных интересах. Поэтому спрос на законность и прозрачность будет расти, а масштабы злоупотреблений — сокращаться.

Демократизацию позитивно встретит большая часть *интеллектуальной элиты и СМИ*, все *НКО*. Они смогут внести свой вклад в модернизацию, в выращивание новых институтов и ценностей. Более того, они, вероятнее всего, смогут стать активным началом в консолидации элиты, в выработке национального консенсуса по соблюдению принципов демократии.

Политическая оппозиция и вообще политическая жизнь — более сложный вопрос. Укорененность в России феодальной традиции распоряжения властью и неразборчивости в методах ее

достижения и впредь, видимо, будет серьезным тормозом. Демократизация ослабит позиции партии власти. Как уже отмечалось, возможно усиление левых, консервативных и националистических партий, которые никогда не были сторонниками демократии, а только стремились использовать ее в своих целях. Эта тенденция, по-видимому, будет проявляться в любом варианте развития событий. В таких условиях залогом успешного продвижения к демократии и модернизации станет сильное и достаточно сплоченное демократическое движение. Разброд в среде российских сторонников либеральной демократии, когда-то допустимый, теперь, в случае модернизации «снизу», делается трагедией, способной привести к провалу. Но в первом раунде эта ситуация, видимо, еще будет сохраняться: разногласия и борьба амбиций вспыхнут при любом обострении, при необходимости принятия важных общих решений.

На этом этапе каждый из игроков нередко будет продолжать действовать по принципу «пан или пропал», «победа или смерть», в духе феодально-тоталитарных традиций. И здесь тоже придется преодолеть барьер «распространенности нормы», и в этом деле власть не помощник. Поможет только договор, национальный и социальный пакт наподобие испанского «пакта Монклоа».

Население в целом к новому циклу перемен, скорее всего, отнесется настороженно, а порой и негативно, особенно в том, что касается экономических новаций, которые до сих пор почти всегда (в этом уверено большинство) наносили ущерб простым людям. Но будут и немалые различия в реакции разных слоев населения.

Общий итог первого раунда. Сначала население поддержит перемены, особенно демократизацию. Затем возможно замедление темпов роста экономики, поскольку структурные реформы потребуют времени, а повышение доверия не сразу повлияет на активность бизнеса и не сразу позитивно отразится на экономической динамике. Но со временем бизнес будет наращивать деловую активность и показатели инвестиций, производительности пойдут вверх.

Второй раунд

У властей, у бизнеса, да и у всех игроков, будет много поводов для того, чтобы отступить, вернуться вспять к привычным нормам жизни. Но в этом варианте стратегии всякий раз, когда будут возникать подобные искушения, активные игроки начнут задумываться

о ценностях и вероятностях успеха при соблюдении новых норм или при их нарушении. Механизмы поддержания равновесия на основе экономической и политической конкуренции должны со временем действовать все более слаженно, все более эффективно. А по мере повышения их эффективности с накоплением позитивных прецедентов в социальной практике будет все активнее усваиваться новая, более продуктивная система институтов и ценностей. Россияне, может быть, наконец почувствуют на своем опыте достоинства независимого суда и поверят в возможность его существования. В этой обстановке должен проявиться эффект *роста доверия* — главный ресурс «русского чуда», которое возможно в XXI веке; прежде всего доверия к собственным публичным институтам, а также к бизнесу, к согражданам, к самим себе. Следом пойдет рост деловой и социальной активности, частной инициативы, открывающий России путь в высшую лигу развитых стран. Я не могу сейчас предугадать проблемы, могущие возникнуть в то время, — думаю, это будут те же проблемы, с которыми сталкиваются и другие развитые страны. Подчеркну только одно: я пытался не фантазировать, а показать те механизмы, которые в случае стратегии демократической модернизации будут успешно работать.

14.5. А как будет на самом деле?

Реалистический прогноз

Две рассмотренные альтернативы — это как бы чистые варианты национальной стратегии модернизации, предназначенные для сравнения в качестве границ диапазона возможностей. На рисунке 14.4 изображены предположительные итоги их реализации в виде кризисных динамики душевого ВВП.

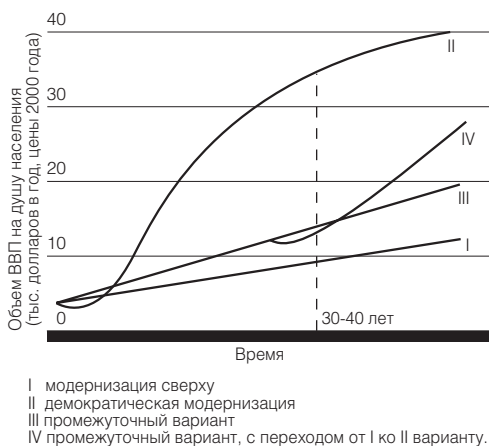
Сравнение вариантов

Наш анализ показывает, что в сложившихся условиях вариант модернизации «сверху» в России не проходит, иными словами, такая модернизация не состоится. Хотя именно этот вариант сейчас пытаются реализовать.

Более того, он, возможно, еще только набирает инерцию, и каких-то заметных изменений курса ожидать не следует ни до 2008 года, ни после, если осуществится вариант смены власти, устраивающий правящую ныне группу.

Если придерживаться нынешней политики, в обозримой перспективе душевой ВВП будет расти минимальным темпом (кри-

Рисунок 14.4. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА ВВП
ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТАХ МОДЕРНИЗАЦИИ

вая I), с 8 до 12 тыс. долларов за весь период. Иного не позволит сохраняющаяся косная институциональная структура.

Вариант демократической модернизации, реализуемый при условии консолидации элиты и смене политики, напротив, позволяет за 30–40 лет поднять душевой ВВП до уровня стран, находящихся по меньшей мере в нижней части списка высшей лиги, стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (35–40 тыс. долларов). Здесь главный ресурс — свобода и доверие, мобилизующие частную инициативу.

Наиболее вероятен по сравнению с первым и вторым вариантами промежуточный вариант (кривая III), лежащий между ними и не очень отличающийся от первого.

Что это будет означать для страны? Хочу подчеркнуть: на мой взгляд, не следует ожидать никаких острых кризисов и потрясений. Все же рыночная экономика работает, она достаточно открыта, а зависимость экономики от политики сейчас много меньше, чем прежде. Поэтому основная угроза как третьего варианта, так и близкого к нему первого состоит в том, что мы *останемся такими же, как сейчас и как раньше*. Медленные и частичные институциональные изменения будут происходить, но если их темп станет ниже или таким же, как в странах-лидерах, если эти изменения не наберут

критической массы, то *экономическое и культурное отставание страны сохранится*, наши позиции в мире по душевому ВВП, по производительности, конкурентоспособности и благосостоянию будут прежними. *Это означает, что модернизация сорвется, Россия не сможет дать достойный ответ на вызовы XXI века. По складывающимся обстоятельствам этот вариант пока представляется наиболее реалистичным.*

Еще один вариант (кривая IV на рисунке 14.4) обозначает качественный перелом сложившейся динамики с вынужденной сменой правящего режима и переходом к стратегии демократической модернизации. Этот вариант в России может вступить в действие достаточно быстро и, пожалуй, в любой точке периода моего прогноза.

Непопулярные реформы

Пессимизм увеличивается, если вспомнить, что ряд реформ, жизненно необходимых для страны, придется проводить при любом варианте развития событий. В России сейчас все реформы непопулярны, само слово «реформа» вызывает тревоги и сомнения, а уж проведение реформ наталкивается на более или менее активное противодействие. Но я полагаю, что предстоящие реформы в принципе можно проводить, даже в первое время не нанося ущерба интересам каких-либо слоев населения. Самое большее, речь может идти о вынужденном изменении привычного образа жизни, но не о прямых материальных потерях. Хотя, конечно, мы умеем организовать дело так, что любой шаг будет чреват лишениями и угрозами. Но объективно без подобных эксцессов можно обойтись.

Реформы, стоящие первыми в повестке дня, хорошо известны. Кратко рассмотрим их в порядке убывания важности.

1) *пенсионная реформа*, включая мягкое повышение пенсионного возраста и введение вклада наемных работников в их собственные пенсионные накопления. Меры абсолютно необходимые, чтобы избежать тяжелого кризиса пенсионного обеспечения уже в ближайшие десять лет и создать источники долгосрочных инвестиций.

2) *реформа жилищно-коммунального хозяйства в увязке с либерализацией рынков газа и электроэнергии*. Необходима для нормализации условий развития этих отраслей, создания рынка доступного жилья и формирования естествен-

ных рыночных мотиваций труда и сбережений во всех категориях домохозяйств. Компенсация подорожания соответствующих услуг для населения должна производиться через рост оплаты труда, в первую очередь бюджетников, через рост пенсий, а также жилищные субсидии и пособия на детей.

3) *реформа образования* с целью повышения качества и доступности образования, увеличения и мобилизации человеческого капитала, обеспечения эффективной работы «социального лифта».

4) *реформа здравоохранения* с целью повышения продолжительности жизни, на базе принципов медицинского страхования, прежде всего обязательного, финансируемого государством и работодателями. Страховые компании должны на конкурентных началах стимулировать повышение эффективности работы лечебных учреждений.

5) *военная реформа* — переход на профессиональную контрактную армию существенно меньшей численности с лучше вооруженными и обученными, более «дорогими» солдатами и офицерами. Если требуется массовая военная подготовка, то обязательная служба для всех по месту жительства, на срок не более шести месяцев. Принятый вариант военной реформы — слишком компромиссный, чтобы реально решить проблемы вооруженных сил.

6) *монетизация льгот* — практика ее осуществления вызвала массовые протесты, но эта реформа необходима. И время для ее проведения выбрано правильно — начало второго президентского срока Путина. Но план ее, видимо, был плохо продуман, пожалели денег на компенсации, в результате пришлось идти на уступки, отложить реформу в важнейшей жилищной сфере, в которой основное бремя монетизации приходится как раз на состоятельные слои. В результате денег было потрачено много больше, чем следовало. И все равно дело надо доводить до конца.

7) *административная реформа* тоже начата неудачно: работа госаппарата дезорганизована минимум на полгода. Но идеи в эту реформу заложены разумные. Надо только иметь в виду, что достичь основных целей реформы — повысить эффективность управления, радикально снизить уровень коррупции — невозможно без демократиза-

ции, без реального общественного контроля над бюрократией.

Хочу еще раз подчеркнуть: эти реформы необходимо проводить немедленно, при любом режиме, не ради бюджетной экономии, но в силу объективных условий вхождения в постиндустриальную эпоху. Они нужны для выживания нации, повышения эффективности экономики и улучшения жизни людей. Их непопулярность понятна, но она должна быть преодолена, во-первых, осторожной политикой, во-вторых, повседневным и систематичным разъяснением гражданам сути реформ, терпеливым диалогом, необходимым до тех пор, пока не будет достигнуто общественное согласие. Элита и сторонники демократии не могут снять с себя ответственность за эти дела.

Напомню, что перечисленные реформы планировались на период «окна возможностей» после вторых президентских выборов Путина. Из них начали проводиться только монетизация льгот и административная реформа.

Пенсионная реформа, начатая до этого, по сути, оказалась свернута, в основном из-за чрезмерного снижения единого социального налога. Из-за этого не только образовался дефицит пенсионного фонда, но из программы пенсионных накоплений пришлось исключить возрасты с 1953-го по 1967 год рождения, т. е. самые продуктивные. О пенсионном возрасте больше не говорят, об участии работников в формировании собственных пенсионных накоплений тоже. А ведь это самые главные пункты. Реформа образования практически встала (надеюсь, это временно), реформа здравоохранения и не начиналась. Но против них уже ведется кампания в прессе, в основном с консервативных позиций. А «окно возможностей» уже наполовину закрылось.

Структурные реформы, если их придется проводить в рамках демократической модернизации, объясняют некоторое замедление темпов роста в ее начальный период, отмеченное на рисунке 14.4 (варианты второй и четвертый). Они, несомненно, усложнят процесс демократизации. Если же их откладывать, то поначалу возникнет видимость снятия определенного бремени, но со временем проблемы, которые эти реформы должны решить, потребуют еще больших жертв. Это классическая ситуация стратегического выбора, который способно сделать только ответственное правительство. Или любое другое, но уже в условиях жесткого кризиса, под давлением обстоятельств.

Реальности политики

Наш анализ показывает, что демократическая модернизация является лучшим вариантом национальной стратегии.

Хорошо бы выйти хотя бы на промежуточный вариант, близкий ко второму, а также приступить к его реализации как можно скорее. Предположим, мы сторонники этого проекта. Как нам действовать, каковы реальные проблемы и как их надо решать? Замечу, что с 1991 года и до середины 2003 года многие были убеждены, что именно этот проект и осуществлялся, пусть не последовательно и половинчато, с трудом преодолевая препятствия. Другие скажут: да ничего подобного, уже давно было ясно, что в ходе реформ 90-х годов были допущены такие ошибки, которые сделали демократическую модернизацию невозможной; нынешний откат — прямое следствие этих ошибок, все придется начинать сначала.

Разбирательства по этому поводу я считаю, как теперь говорят, контрпродуктивными. Ясно одно: этот проект остановлен, а нынешнее руководство, в сущности, решило еще раз испытать проект модернизации «сверху».

Впрочем, если спросить этих людей, то они, разумеется, не согласятся с тем, что работают лишь ради укрепления собственной власти и передела собственности. Они скажут, что курс либеральных реформ и демократии неизменен, просто обстоятельства потребовали некоторых корректировок с целью устранения излишнего влияния олигархов, что в свое время мы поторопились с демократией, забежали вперед.

Какие бы взгляды не высказывались, очевидно, что *проект демократической модернизации не может быть реализован без демократизации. А демократизации не произойдет без серьезного повышения влияния демократических сил*, тех, кто готов бороться за демократические принципы и затем придерживаться их в практической политике.

Чтобы не питаться эмоциями и мифами, а стоять на почве реальной политики, предлагаю поразмышлять над следующими вопросами.

1. *Если бы в ближайшее воскресенье в России состоялись свободные парламентские выборы, кто одержал бы на них победу?*

Если бы использовалась новая избирательная система по партийным спискам с барьером 7% или даже прежняя система, несомненно, победила бы «Единая Россия», возможно с результатом, близким к нынешнему распределению мест в Госдуме. На «Единую

Россию» сегодня работают все ресурсы: административные, медийные, финансовые. Но даже при исключении каких-либо манипуляций результаты были бы похожи. Это подтверждают социологические опросы.

В стране происходит изменение общественных настроений, и, хотя, возможно, не в пользу партии власти, вряд ли эти изменения уже вскоре получат ощутимое электоральное выражение. А если и получат, то, скорее всего, не в пользу демократических сил («Яблока», СПС и других демократических партий), а в пользу националистов и популистов (Рогозина, Жириновского).

Сегодня в российском обществе преобладают консервативные, пропутинские, или левые, патриотические, настроения. Последние часто основаны на национализме, ксенофобии, имперской ностальгии. Эти настроения культивируются официальной пропагандой. Даже если сегодня, как мы видели, в поддержку демократии готовы голосовать 25–30% избирателей, нынешние демократические партии способны собрать не более 7–8% голосов. Они в меньшинстве, причем таком, с которым считаться никто не будет. Доля сторонников либеральной демократии в элите наверняка выше, думаю, до 40–50%, хотя никто не проводил пока специальных исследований на эту тему. Но не элита определяет итоги выборов.

2. Считает ли большинство избирателей, что в России идет свертывание демократии? Или же они полагают, что это недовольные Путиным отставные деятели и либеральная интеллигенция выдают свои настроения и тревоги за интересы общества?

Выше мы показали, что российский избиратель в массе своей не против демократии, но не придает ей важного значения и не видит угрозы со стороны Путина, полагая его самого либералом и демократом. Просто у него более жесткий и последовательный стиль, чем у Ельцина, сочетающий демократию с утверждением законности и защитой государственных интересов России. А это хорошо. И поэтому единодушие большинства не случайно, как и потери правых на выборах.

Но дело не только в этом. Если разобраться, что мы и попытались сделать во части 2 этой книги, Путин избегает прямого нарушения закона, а его законодательные инициативы почти всегда опираются на опыт демократических стран. Во Франции президент назначает региональных начальников, в Германии органы местного самоуправления загружаются государственными полномочиями, пропорциональная избирательная система по партий-

ным спискам действует в Нидерландах и Швейцарии. Если власть и нарушает закон, то под юридическим прикрытием, полагая, что если это делает государство в интересах всего общества, то российские граждане воспримут его действия с пониманием. Кроме того, централизация власти осуществляется постепенно, шаг за шагом, так что с каждым из них в отдельности удается смириться даже оппозиция.

Прочитую читателя «Новой газеты» (2004. 3 июня. №39.) С. Пиковского, высказавшегося по поводу увольнения Л. Парфенова с НТВ: «Путинский метод — дернуть за ниточку, потом за веревочку. И посмотреть на вас из-за угла. Схавали? Можно закручивать дальше. Через год, может, доносики начнете писать: „Когда пришли за мной, никого уже не было рядом, способных защитить меня“».

Сегодня мы имеем как бы демократическую политическую систему, почти каждая деталь которой имеет зарубежный аналог (своего рода политико-юридический бенчмаркинг, собрание «лучших» бюрократических практик). Все как в лучших домах! При этом правящая элита, которая опирается на российские традиции распоряжения властью, полностью освобождена от контроля общества и может позволить себе все, что захочет. Большинство граждан уверены, что это и есть демократия, что в годы правления Путина гражданские права и свободы уважаются в России больше, чем в любой иной период российской истории. Только либеральные министры, которых президент почему-то все еще любит, придумывают козни против народа.

3. *Могут ли сторонники демократии объединиться?* Речь идет об объединении, которое позволило бы привлечь максимум голосов демократически настроенных избирателей. Возможна ли у нас еще одна демократическая волна наподобие движения 1990–1991 годов или «оранжевой» революции в Украине 2004 года?

Что касается последнего, полагаю, что такого рода народные движения случаются редко и никогда не бывают следствием чьего-либо заговора. Нужно стечение обстоятельств, создающих революционную ситуацию. Мы ее уже пережили, используя, вероятно, не лучшим образом. На самом деле, это очень опасное явление, чреватое разрушительными последствиями, для установления демократии вовсе не обязательное. Что обязательно, так это относительное равновесие сил, наличие у них массовой и активной поддержки избирателей. Это мы и наблюдали в Украине. Для того и нужно объединение демократов.

Думаю, однако, что, несмотря на ясно осознаваемую необходимость объединения, на объективную исчерпанность прежних разногласий период междоусобных разборок и борьбы за лидерство еще не закончился. Должны произойти какие-то экстраординарные события, чтобы ситуация изменилась. Явлинский считает самым важным разобраться в том, кто виноват в снижении доверия к реформам и демократии, и предлагает свою партию в качестве центра объединения. Другие демократы в «Яблоко» не пойдут. И «яблочники» не готовы поступиться принципами. СПС, в свою очередь, предпочитает использовать возможности сотрудничества с властью, опираясь на своих союзников — либералов в правительстве. Он опасается усиления национализма и популизма больше, чем усиления путинского авторитаризма: говоря словами «малявы» Ходорковского, Путин — больший либерал и демократ, чем 80% населения России. Хотя уже очевидно, что национал-социалистические настроения подогреваются путинскими «силовиками», контролирующими СМИ.

Другие группы, даже выдвинувшие заметных лидеров, таких, как В. Рыжков, Г. Каспаров, И. Хакамада, пока не располагают оргструктурами, которые позволили бы им самостоятельно, в федеральном масштабе вести успешную избирательную кампанию в конкуренции с другими демократическими партиями. Потенциал гражданских и правозащитных организаций, готовых поддержать демократические партии, не может быть использован, пока нет объединенного политического отряда. База возможной финансовой поддержки непрерывно сокращается: бизнес боится раздражать власти, опасаясь репрессий, подобных проводившимся против ЮКОСа.

Непонятно, наблюдаем ли мы начало нового демократического подъема или арьергардные бои сил, сходящих со сцены.

Ситуация удручающая: сторонников демократизации много, число их растет, но организовать их некому. Что-то должно произойти, чтобы перегородки оказались сломаны. Возможно, неизбежна внутривидовая борьба, которая вначале нанесет ущерб всем, в том числе и делу. Возможно, это некий Народно-демократический фронт, в котором можно было бы собрать максимум участников, готовых к соглашению о совместных действиях. Гражданский конгресс 12 декабря 2004 года — некий прообраз такого фронта, желательно же в конечном итоге создание объединенной массовой, условно говоря, Народно-демократической партии, способной привлечь голо-

са минимум 25–30% избирателей. Хорошо бы уже в 2007 году, но это, видимо, нереально. Значит позже — когда получится.

Хочу подчеркнуть необходимость массовой партии, с каким угодно названием и обязательной солидной долей популизма и демагогии, без которых массовые партии не получаются. Поэтому вопрос вовсе не в чистоте риз. Выиграет не тот, кто умнее, праведнее, «белее и пушистее», а тот, кто проложит дорогу к чувствам избирателей и сможет нейтрализовать противодействие властей.

Еще раз: кто препятствует объединению либерально-демократических сил, кто ищет в этом процессе каких-то выгод или проявляет своего рода либеральное сектанство (с этим сяду, с этим ни за что), тот демонстрирует крайнюю безответственность перед лицом настоящего исторического вызова. Быть или не быть — этот гамлетовский вопрос стоит не перед той или иной партией, лидером, а перед страной, именем которой все мы клянемся каждый день.

4. Кто политические противники, а кто возможные союзники демократов?

По сути, главным их противником является довольно узкая группа, находящаяся внутри правящей бюрократии и стремящаяся сконцентрировать в своих руках максимум власти и финансовых ресурсов, чтобы держать в подчинении правоохранительную и судебную систему, СМИ и бизнес с целью увековечения своего господства. Модернизация — лозунг для прикрытия этих действий.

Эту группу поддерживает, не только за деньги, но и по убеждению, определенная часть интеллектуальной элиты, выражающая консервативные и националистические взгляды. В группе поддержки и часть бизнеса, склонная подчеркивать свой национальный характер, прежде всего с целью ограждения себя от конкуренции и в расчете на государственные преференции.

Сила этих кругов состоит в том, что в их руках оказалась власть, не подвергаемая общественному контролю, и что, как обычно в таких случаях, значительная часть различных слоев общества по разным причинам — страх, корысть, инерция, конформизм, желание прислониться к силе — проявляет по отношению к ним лояльность. Но эта лояльность неустойчива: в поменявшихся обстоятельствах те же люди перейдут под другие знамена. Шаг за шагом противники демократии сами себя подвергают все большей изоляции. Но надо ясно понимать, что за власть эти люди будут бороться любыми методами. Вспомним украинские выборы.

Союзники. Сегодня к их числу относятся все, кто независимо от взглядов по иным вопросам готов бороться за демократию. Правые, левые — не столь существенно. Принципиально важно создать критическую массу сил, способную принудить нынешний режим к уступкам в направлении демократизации, чего до сих пор он, по сути, ни разу не делал. Нужна широкая *демократическая платформа* с минимумом требований, к которому могло бы присоединиться как можно больше людей и организаций. Возможны и временные союзники. Мирный характер демократического движения в рамках конституционного поля — принципиальная установка: Россия исчерпала все лимиты на революции, хотелось бы обойтись без новых потрясений.

Кроме того, стратегия демократической модернизации предполагает консолидацию элиты. Поэтому нельзя исключать сотрудничества и с определенными группами в партии власти, в правящей бюрократии. И в этих кругах есть немало сторонников либеральных реформ и демократии, просто стремление держаться поближе к власти и пользоваться проистекающими из этого привилегиями сейчас сильнее. Легче всего осудить этих людей, показать свою бескомпромиссность, но вряд ли это пойдет на пользу делу.

Позволю себе выразить мысль, которая многим искренним сторонникам демократической модернизации, наверное, покажется еретической. Я о кремлевских планах создания ручной правой партии или правой фракции внутри «Единой России». Полагаю целесообразным всемерно поддержать эти планы и способствовать их реализации. Напомню, перед выборами контакты с Кремлем были чуть ли не главным «грехом» демократических кандидатов.

Основания этой еретической идеи таковы. Если многие избиратели голосуют за Путина и партию власти как за демократов, если при этом власть хочет выделить управляемый правый фланг из своих рядов, то этому стоит способствовать хотя бы для того, чтобы полнее идентифицировать электоральную поддержку либеральной демократии. Если такой блок выделится, он поневоле должен будет поддерживать демократизацию. «Ручной» характер ему необязательно прописан навечно: ситуация меняется. Выделение этого блока усилило бы фронт сторонников демократической модернизации, сотрудничество с ним представляется весьма полезным.

Таким образом, настоящих противников мало, но они сильны; настоящих союзников тоже мало, хотя со временем может стать

много больше. Большинство наших сограждан не определилось в этом вопросе, не может или не хочет до поры определяться. Это нормально. В этом тревога, и в этом надежда.

Таковы реальности политики в современной России.

Три сценария для начала проекта

Демократическая модернизация — единственный вариант национальной стратегии, который позволяет преодолеть отсталость страны посредством усвоения более продуктивной системы институтов и ценностей, необходимой в XXI веке и в то же время совместимой с *лучшими чертами самобытной национальной культуры*. Так случилось, что этот проект остановлен и к нему придется вернуться. Когда?

Рассмотрим три сценария с точки зрения сроков нового начала его реализации.

1) *сценарий краткосрочный* — инициативу берет на себя нынешняя власть, сам Путин. В конце лета, накануне Беслана, желательность такого сценария обсуждала известный политолог Л. Шевцова. Оптимальный для страны вариант: авторитарная власть проводит непопулярные реформы, а затем до 2008 года предпринимаются шаги к демократизации, например, ослабляется контроль над СМИ и манипулирование административным ресурсом.

2) *среднесрочный сценарий* — смена курса происходит со сменой лидера, возможно в 2008 году, и только после этого проводятся реформы и демократизация. Но смена лидера и курса возможна, видимо, только при свободных выборах, а переход к модели демократической модернизации предполагает победу на них демократов.

3) *долгосрочный сценарий* — правящая элита делает все, чтобы удерживать власть как можно дольше и уступает ее только в результате своего ослабления и/или сильного нажима снизу. В этом случае серьезные шаги к демократизации не просматриваются в перспективе пяти–десяти лет.

Повторю, сценарии различаются в зависимости от времени начала демократической модернизации — проекта национального развития, реализация которого требует нескольких десятилетий.

Понятно, что правящая элита заинтересована в реализации третьего сценария. Вряд ли необъятная власть Путина будет брошена на то, чтобы использовать «окно возможностей» после выборов,

осуществить обещанные либералам непопулярные реформы. Эффект от них скажется далеко не сразу, зато сразу понизится рейтинг власти. Мы уже отчасти наблюдаем это в связи с монетизацией льгот. После таких реформ вероятность демократизации еще больше снизится. Поэтому первый сценарий кажется не только самым лучшим, но и самым нереалистичным.

Впрочем, в случае продвижения реформ его, безусловно, надо поддерживать. Мир никогда не бывает одноцветным, отдельные позитивные институциональные изменения могут происходить даже в неблагоприятных условиях.

Среднесрочный сценарий предполагает, что в период до следующих парламентских выборов правящая группа либо начнет терять влияние, либо расколется, тогда как оппозиция сумеет организоваться. Странники демократии должны объединиться хотя бы на широкой платформе. У них практически нет шансов пройти в Думу поодиночке, тем более занять там сильные позиции.

В любом случае сторонники демократии должны сделать все возможное, чтобы использовать и развить позитивные для них изменения в общественных настроениях, добиться максимальных результатов на выборах 2007 года, остановить рост влияния национал-популистов. Вероятность относительного успеха среднесрочного сценария существенно выше, чем краткосрочного, но и она не слишком велика. Думаю, сейчас демократы еще не прошли нижнюю точку ослабления. Если они пойдут на выборы 2007 года тремя-четырьмя партиями, которые вместе соберут 4–5% голосов, тогда они, видимо, и поймут, что в начале 2005 года дело обстояло несравненно лучше и что они сами несут полную ответственность за такой провал. Надо также иметь в виду вероятное изменение позиций других сегментов политического спектра — коммунистов и националистов.

Поэтому *долгосрочный сценарий, к сожалению, может оказаться наиболее вероятным*. Если это так, то сторонники демократии в течение восьми–десяти лет должны систематически наращивать свое влияние в обществе и основательно готовить условия для осуществления своих планов и поддержки их избирателями. Я бы сказал, надо тренироваться на стайерских дистанциях. Но реалистичность в оценке сроков не должна обернуться расслаблением. По российской формуле «спячка — раскачка — горячка» вряд ли что-то получится.

Разумеется, возможны события и процессы, которые будут способствовать смене одного сценария другим. Возможны неужи-

данности. Обычно они как раз и побуждают к крутым социально-политическим сдвигам. Только предсказать их нельзя, и рассчитывать на них пока не стоит.

Период неустойчивого развития

Когда трезвая оценка перспектив оставляет слишком мало места для оптимизма, я стараюсь улучшить свое настроение, поставив текущие события в более широкий контекст. Речь идет о представлении об истории как чередовании темных и светлых полос: если сейчас полоса темная, то со временем неминуемо наступит и светлая. Чем сейчас темнее, тем светлее будет потом. Принцип понятен, остается дополнить его конкретным материалом.

Многие исследователи отмечают, что после революции, после глубоких перемен в общественном строе следует более или менее *длительный период неустойчивого развития*. Стабилизация, наступающая непосредственно вслед за революционными событиями и трансформационным кризисом, оказывается еще одним качанием маятника, эпизодом, порой выглядящим как реставрация. И таких колебаний следует ожидать и дальше; по идее, их амплитуда должна сокращаться. «Чем более сильная перестройка требуется системе для приспособления к новым требованиям, тем меньше вероятность, что адаптация осуществится за один шаг, даже если этот шаг — радикальная революционная ломка сложившихся отношений» (Стародубровская, Мау 2001: 50). Но само содержание этого периода неустойчивости или переходного процесса может интерпретироваться по-разному. Так, цитированная выше С. Кирдина предлагает следующую трактовку событий российской истории с середины XIX века (Кирдина 2004б: 94). Российская культура основана на институциональной X-матрице, идентичной или близкой восточным культурам. Модернизаторы всякий раз пытаются навязать стране чуждую ей Y-матрицу, свойственную Западу. В итоге каждая модернизация, осуществляемая в целях усвоения норм либерализации, частной собственности и прав личности, заканчивается реставрацией традиционной X-матрицы. Советский эксперимент — это консервативная реакция на либеральные реформы, начатые с отмены крепостного права, с попыток внедрения в российскую практику таких западных институтов, как парламент, политические партии и так далее. Соответственно события 1980–1990-х годов — еще одна попытка модернизации, которая вывела систему из равновесия, а нынешнее

свертывание демократических институтов — закономерное восстановление традиционной X-матрицы. Смысл подобной трактовки в следующем: модернизация в духе вестернизации все равно не получится, страна придет в состояние устойчивого равновесия только на основе X-матрицы.

Другую интерпретацию дают И. Стародубровская и В. Мау (Стародубровская, Мау 2001: 50). Они исходят из эволюционной парадигмы, которая предполагает, что наиболее полезные нововведения, созданные в рамках одной культуры, могут распространяться и усваиваться другими культурами. Если этого не произойдет, культуры, неспособные к генерации или усвоению нововведений, рано или поздно отстают и приходят в упадок. Революции — это способ расчистки устаревшей институциональной структуры. Но даже радикальная расчистка не может гарантировать адаптацию за один шаг. Напротив, я думаю, что, чем радикальнее ломка, тем при прочих равных условиях продолжительнее период неустойчивого развития.

Те же авторы отмечают, что если после революции удастся установить политическую систему, способную саморазвиваться, отражать складывающиеся политические и экономические интересы, то далее развитие может идти эволюционным путем. Так это случилось в Англии, где после революции 40–50-х годов XVII века, реставрации и последовавшей «славной революции» 80-х годов сложился строй конституционной монархии с сильным парламентом — политическая система, основанная на равновесии сил, основа демократии. Французская революция конца XVIII века, гораздо более радикальная, чем Английская, вызвала целую цепь революционных потрясений, растянувшихся почти на 100 лет, чередовавшихся периодами стабилизации и потрясений, пока после Франко-прусской войны не сложился демократический режим Третьей республики (Там же). Россия в XX веке оказалась в положении, которое ближе к Франции, но, видимо, с еще более длительным периодом неустойчивого развития, начиная с революций 1905 и 1917 годов, советского строя, его краха в августе 1991 года и нового цикла свертывания демократических институтов при Путине. Поскольку демократический механизм равновесия и согласия еще предстоит создать и его создание явно затягивается, следует ожидать, что у нас период неустойчивости еще далек от завершения.

Выводы из рассуждений И. Стародубровской и В. Мау, с одной стороны, и С. Кирдиной — с другой, ровно противоположны.

Одни полагают, что модернизация, в том числе институтов, возможна, а длительный этап неустойчивого развития завершится, когда приживутся демократические нормы. Другая утверждает, что модернизация институтов в западном направлении невозможна, поскольку невозможно заменить традиционную X-матрицу. Стало быть, и демократия не приживется, ибо она в X-матрицу не вписывается. А значит (этот вывод за С. Кирдину сделаем мы), отставание сохранится, процветания не будет, и мы навсегда обречены завидовать другим.

Лично для меня позиция И. Стародубровской и В. Мау представляется более обоснованной и симпатичной. С. Кирдина, как кажется, упрощает реальность до искажения: во всяком случае, вряд ли советскую эпоху можно считать реставрацией дореформенных порядков. Но, хоть этого и не хочется, следует признать, что исчерпывающих аргументов не дает ни одна сторона. Мы осуществим демократическую модернизацию или же останемся в плену традиционных институтов — вот выбор, перед которым стоит Россия.

Процесс развития всегда содержит неопределенность, и, стало быть, есть основания для оптимизма. Мы переживем еще одно колебание маятника, за которым последует движение в обратном направлении. Но все понимают, что это не происходит автоматически, в силу неумолимых «железных» законов истории. Таковых нет. Исход определяется столкновением и равновесием различных общественных сил, организацией, наличием лидеров, напряжением ума и воли, стратегией и тактикой, способностью договариваться. А время покажет, кто кого.

Демократия начинается

Заканчивая эту книгу, я не могу ответить на вопрос, вынесенный в ее заглавие, — приживется ли демократия в России. Не знаю. Но я пытался показать, какие условия необходимы, чтобы демократия у нас состоялась, и что большая часть этих условий у нас уже есть. Есть и трудности, препятствия, весьма значительные, способные удерживать Россию в русле традиционного для нее образа жизни и правления, а стало быть, законсервировать ее низкую конкурентоспособность, экономическую и культурную отсталость.

Мы рассматриваем достоинства демократии наряду с ее издержками. Лично я, пока писал, понял наконец глубину знаменитого высказывания У. Черчилля — демократия очень плохая система, но ничего лучше нее нет.

Мы сравнили типы демократических систем и пришли к выводу, что один из них, элитарная демократия, характерен для большинства развитых стран, вступивших в постиндустриальную эпоху. Она приемлема и для России на современном этапе ее развития, особенно учитывая опасения многих по поводу неподготовленности нашей страны к свободе и демократии. Но даже при достаточно жестком контроле, основанном на праве, неопределенность, свойственная свободным выборам, реальная многопартийность, политическая конкуренция, свобода печати, независимость суда, разделение властей и защита прав собственности изначально составляют тот минимум, при котором демократия, пусть не сразу, но со временем, станет органическим свойством российского государства. Минимум, благодаря которому она позволит нам воспользоваться выгодами, возникающими в результате сочетания стабильности и динамичности, свойственных современной демократии.

Я напомнил, что для всего мира современная демократия сравнительно молода. Мы не очень опоздали и можем наверстать упущенное.

Но надо иметь в виду, что тысячелетняя история России, кроме разве что вечевой демократии древнего Новгорода, Пскова и Вятки, не дает примеров демократической организации Российского государства, в том числе и в Новое время. Большую часть нашей истории в России сохранялось самодержавное иерархическое устройство: то абсолютная монархия, характерная для позднего аграрно-феодалного общества, то советский тоталитарный режим. Мы насчитали в *российской истории пять эпизодов*, когда у демократии, хотя бы в форме сословного представительного органа, были какие-то шансы. Все они возникали в периоды ослабления государства и исчезали при его укреплении, всегда в деспотическом варианте. Разумеется, на Руси во все времена хватало вольнодумцев, либеральных мыслителей, поборников народной свободы. Но в целом о наличии укорененной российской демократической традиции говорить не приходится. По сути, задачу строительства демократии надо решать заново.

Однако, учитывая молодость демократии вообще и то, что ее устойчивое функционирование требует определенных предпосылок (в том числе достаточного развития рыночной экономики, частной собственности, определенного уровня благосостояния населения, более или менее устоявшейся социальной структуры общества), мы можем сделать следующий вывод: до сих пор в нашей

истории этих предпосылок в достаточном объеме не было. Сейчас они сложились впервые. Объективно общество подготовлено к демократии.

Так что же, демократическая революция конца XX века в России — это *начало новой эры в нашей истории*, истории демократической страны, в которой путинская реставрация лишь эпизод, что-то вроде возвратного тифа? Или это только *шестой эпизод*, уже закончившийся? По логике вещей, если в России, как и в большинстве других стран, действует эволюционная парадигма — закономерность развития культуры от простого к сложному, которая в мире до сих пор работала безотказно, — для нас демократия только начинается.

Я постарался показать, что для демократии в России есть минимум необходимых условий. Уровень бедности высок, это неблагоприятное обстоятельство. Но он не является экстремальным и может быть достаточно быстро снижен за счет роста производительности и развития экономики. Уровень неравенства, социального расслоения резко вырос с советского времени, но это было неизбежно, и ныне он не превышает показатели стран, сходных с нами по уровню развития, и даже многих развитых стран. Я признаю, что для становления демократии это серьезные препятствия, но убежден, что преодолеть их можно только с помощью свободной экономики и демократии.

Национальный характер, национальный менталитет, укоренившаяся система ценностей и социальных институтов — куда более серьезная проблема, ибо у нас эти социальные характеристики носят по преимуществу архаический характер, доставшийся нам от феодально-советского строя. Они требуют изменения, и на это понадобится не менее 30–40 лет. Прошло еще мало времени, чтобы понять, могут ли они измениться в сторону большей продуктивности или же мы обречены жить с этим наследием, ограничивающим наше развитие. Вопрос в том, можно ли содействовать их изменению, и если можно, то как лучше: давлением «сверху», со стороны государства, или сделав ставку на свободу и демократию?

Здесь говорилось не только о возможностях, но и о необходимости демократических перемен, которые помогут ответить на, возможно, самый трудный национальный вызов конца XX века, — демографический кризис и ухудшение здоровья населения. Нельзя утверждать, что демократия — панацея для решения этой проблемы. Но ясно, что цена человеческой жизни должна радикально вы-

расти, а это неразрывно связано с уважением к человеку, к его достоинству, правам и свободам.

Колоссальная роль в этих переменах принадлежит элите российского общества, элите как совокупности лучших сил нации, а не просто верхушки, составленной из самых богатых и влиятельных. Элите, для которой служить стране — долг, призвание и привилегия.

Я пришел к выводу, что качества российской элиты, ныне весьма и весьма низко оцениваемые большинством специалистов, все же позволяют надеяться на то, что она способна найти в себе силы, чтобы выполнить свою историческую миссию. Дать ответ на вызовы эпохи, выработать долгосрочную национальную стратегию демократической модернизации России в постиндустриальную эпоху, достичь базового консенсуса по основным ее положениям; внушить обществу доверие к себе и здоровое понимание необходимости и благотворности перемен; и затем, в течение того времени, которое потребуется, обеспечивать выполнение этой стратегии.

Прогноз развития России на ближайшее время не оптимистичен. Правящий режим пользуется поддержкой населения, но для модернизации и демократизации обстановка отнюдь не благоприятна. Более того, несмотря на высокие нефтяные цены и большие доходы от экспорта, механизм роста экономики стал давать сбои. Главная причина — падение деловой активности из-за давления государства на бизнес. Если эта тенденция подтвердится, всем станет ясно, что политика сочетания либеральных реформ и усиления государства бюрократическими методами себя не оправдывает.

Однако вряд ли руководители режима признают то, что будет ясно всем. Ведь это означает признать ответственность за драматические просчеты и ослабить собственную власть, причем как раз тогда, когда им больше всего будет необходимо сохранить ее, чтобы обеспечить преемственность для команды Путина, команды «силовиков». Если это так, то перспективы демократической модернизации могут оказаться весьма далекими.

И все же сегодня еще сохраняются определенные каналы влияния на общественные настроения, которые могут использовать демократические силы. Эти каналы будут расширяться по мере падения популярности режима, утраты им доверия избирателей. Нужно использовать все возможности, чтобы сохранить и нарастить эти каналы влияния, чтобы, оставаясь в правовом поле, противодействовать авторитарным поползновениям власти.

Понятно, что это можно делать только в случае преодоления нынешней удручающей разобщенности всех сторонников демократии. Я не знаю, как это сделать. Но выход должен быть найден.

В одном я твердо уверен: нужна, во-первых, широкая демократическая платформа, которая содержала бы минимум условий, которая сплотила бы самые разные общественные силы, готовые бороться за демократию, побеждать в конкурентной политической борьбе, предлагать избирателям свои программы и реализовывать их, находясь у власти.

Во-вторых, нужна сплоченная политическая сила, возможно, та самая массовая Народно-демократическая партия, которая предложила бы обществу программу демократической модернизации, выступила бы инициатором консолидации российской элиты с целью реализации этой программы.

Ниже в приложениях приводятся проекты широкой демократической платформы и программы демократической модернизации. Эти тексты не затрагивают деталей, они выделяют лишь то существенное, что должно привлечь внимание рядового гражданина, в чем его можно и нужно убеждать. Это не пропагандистский материал, а скорее, материал для пропагандистов и пиарщиков, из которого они еще должны сделать продукт, привлекательный для избирателей. Самое главное — показать, что их конкретные проблемы можно решить только через борьбу за демократию, за гражданские права и свободы.

Реформаторов всегда упрекали в том, что они мало занимались разъяснением своих идей, а если и делали что-то в этом направлении, то в выражениях, не понятных избирателям, далеких от их повседневных забот и чаяний. Такие слова всегда содержат в себе опасность стать неисполненными обещаниями. Я старался наряду с общими положениями формулировать и раскрывающие их более конкретные предложения

Впрочем, все мои предложения — только мое личное мнение.

В 2003 году я подготовил доклад о системе ценностей (Ясин 2004б: 332–393), в котором подробно рассматривал опыт Испании по модернизации системы институтов и ценностей после ухода Франко. Я обратил тогда внимание, что какой-то специальной работы по выращиванию институтов в этой стране не велось. Все меры, которые осуществлялись в Испании во второй половине XX века и которые привели эту страну к впечатляющим успехам, укладываются в трехчастную формулу: «демократизация — свободная эко-

номика — гуманизация». Предлагаю программу демократической модернизации России построить по этой формуле.

В сущности, вся эта книга посвящена обоснованию этих предложений.

Верю, рано или поздно найдутся люди, которые смогут организовать их осуществление. Потому что демократия в России только начинается. А если будет демократия, будет и Россия.

Два приложения
вместо заключения

Приложение I. Широкая демократическая платформа (проект)

Настоящий проект предлагается принять, чтобы к широкой демократической платформе могло присоединиться наибольшее число граждан и организаций, придерживающихся разных взглядов, но разделяющих демократические принципы и готовых добиваться их осуществления в России на основе духа и буквы ее Конституции.

Эти принципы:

- *свобода печати, отмена негласной цензуры;*
- *свободные честные выборы:* исключение всех манипуляций общественным мнением в ходе избирательных кампаний и в процессе подсчета голосов;
- *разделение властей,* обеспечение независимости законодательной и судебной ветвей власти;
- *общественный контроль над службами безопасности и правоохранительными органами,* обеспечение их работы в интересах государства, а не в интересах лиц, которые в данный период управляют ими;
- *независимость суда,* устранение негласного влияния исполнительной власти на его решения;
- *свобода предпринимательства, защита собственности;* исключение возможностей давления на бизнес посредством незаконных действий служб безопасности, прокуратуры, правоохранительных органов, налоговой службы и суда; создание равных условий конкуренции на рынках.

Нынешний этап борьбы за демократию в России состоит в том, чтобы заставить власти scrupulously выполнять Конституцию и законы Российской Федерации, не прибегая к юридическому крючкотворству в расчете на управляемость судебных решений. С теми же требованиями выступали советские диссиденты 70-х годов. К сожалению, мы наблюдаем возвращение к практике правления тех лет. Граждане, если они хотят быть свободными, должны защищать свои права и свободы.

Приложение II. Программа демократической модернизации (проект)

Демократизация, свободная экономика, гуманизация

1. Демократизация

Наша задача состоит в том, чтобы выстроить политическую систему, обеспечивающую выражение и равновесие интересов различных общественных групп и гарантирующую стабильное и динамичное развитие страны, защиту прав и свобод граждан, предупреждение злоупотреблений властью.

Демократия — общественный порядок для свободных людей. Свобода и доверие создают процветание, особенно в постиндустриальном обществе XXI века. Но демократия — это такой вид спорта, в котором мало быть болельщиком, тут нужно участвовать. Свободен тот, кто пользуется своей свободой.

Для нас это вновь. Но если мы хотим выжить как нация, хотим пользоваться всеми благами современной цивилизации и занимать достойное место в мире, нам предстоит самим измениться, добавить к самобытной национальной культуре новые ценности и институты.

Программа демократической модернизации включает и рашифровывает требования широкой демократической платформы.

1.1. Свобода печати

Общество нуждается в свободе слова как средстве общественного контроля за государством, за бюрократией. В современном обществе эту функцию выполняет СМИ, содержание которых формируют журналисты и редакторы. Их права по выполнению этой функции должны быть защищены. Свобода печати сопряжена с определенными рисками, но риски, проистекающие из ограничения свободы печати для общества, намного больше. Цензура в России запрещена законом, но для себя власть считает законы не обязательными. Обычной практикой в отношениях государства и СМИ стал негласный контроль и административные санкции. Под пред-

логом невозможности экономической независимости СМИ в нынешних условиях устанавливается государственный контроль над ведущими телеканалами. Другие живут в постоянном страхе лишиться прав на вещание.

Демократия нуждается в общественном российском телевидении. Она настаивает на воссоздании ОРТ и независимом финансировании его за счет специального сбора по любой из известных схем. Управление ОРТ в части содержания программ должно определяться редакторами и журналистами с учетом их ответственности согласно закону и нормам общественной морали. Контроль над ОРТ должен осуществлять Общественный наблюдательный совет, независимый от исполнительной и законодательной власти, составленный из авторитетных общественных деятелей. ОРТ может быть обременено подготовкой и выпуском программ, формирующих в обществе уважение к закону и демократическим ценностям.

Необходимо *принять новый Закон о СМИ в редакции, учитывающей как интересы их владельцев, так и права авторов и редакторов.* Обременения прав собственности на СМИ должны включать право творческих коллективов СМИ на свободу информации и трактовку событий при условии ненасечения коммерческого ущерба владельцам.

Любая цензура, включая неформальный контроль с санкциями со стороны властей, должна преследоваться по закону.

1.2. Свободные выборы, политическая конкуренция

После победы «Единой России» на парламентских выборах 2003 года и формирования на ее основе конституционного большинства в Государственной Думе — при полной подконтрольности фракции «Единой России» Администрации Президента — разделение властей в России практически ликвидировано. Отмена губернаторских выборов завершит эту картину. В отсутствие свободы слова и независимого суда политическая система России лишена системы сдержек и противовесов, действующей в демократическом государстве. На смену ей приходит «вертикаль власти», административная иерархия, привычная для российских правителей, но архаичная, неэффективная, еще больше прежней подверженная коррупции.

Важнейшая причина такого положения — отсутствие свободных, честных выборов и политической конкуренции. Президент объявляет о намерении содействовать последней формированием сильных конкурентоспособных партий. На деле же «Единая Россия»

на выборах в Думу пользовалась неограниченным административным, а также информационным и финансовым ресурсом. ЛДПР и «Родина» «раскручивались» Кремлем, и время их присутствия на ТВ не лимитировалось. Правые партии вообще не прошли в парламент — ведь именно в Администрации Президента решали, кого из их лидеров и когда пускать в эфир. Против КПРФ с участием Кремля был затеян и осуществлен настоящий заговор, приведший к серьезному подрыву ее позиций. Даже если непосредственно во время выборов число манипуляций было сравнительно невелико, вся избирательная кампания организовывалась Администрацией Президента как «спецоперация», исход которой был заранее predetermined. Губернаторы получали разрядки на процент голосов «Единой России». Обязательные телевизионные дебаты между партиями, которым часто нечего делить друг с другом, при отказе от участия в дебатах партии власти делаются бессмысленными, а другие формы бесплатного использования ТВ не предусмотрены — все это превращает предвыборные дебаты в неприличное шоу.

Необходимо принять *Закон об Администрации Президента*, ограничивающий ее полномочия во внутривластной области. В настоящее время она, по сути, представляет собой штаб политической партии президента: формально ее нет, но в действительности это именно она манипулирует деятельностью других партий, парламента, региональных властей и правительства, используя колоссальный административный ресурс. По сути это реинкарнация ЦК КПСС. Пока будет сохраняться такое положение, политическая конкуренция невозможна. Политическая борьба, предложение программ и лидеров суть исключительная прерогатива политических партий или граждан, участвующих в выборах. Государственные органы должны быть политически нейтральны.

Лидер партии, получившей большинство на выборах, должен получить право формировать правительство, опираясь на свою фракцию в Думе или на межпартийную коалицию. Пока по меньшей мере пост премьера не станет призом, за который соревнуются партии, их роль в политической жизни поднять не удастся.

Во время избирательной кампании *партии сами должны выбирать форму использования предоставленного им времени на ТВ*. Они вправе вызывать на дебаты конкурирующие партии или отказываться от участия в таких дебатах.

Пропорциональная система выборов по партийным спискам в виде, предложенном президентом, *неприемлема. Избиратели дол-*

жны иметь возможность голосовать за конкретных кандидатов. Предпочтительна система, при которой партии в каждом округе выдвигают своих кандидатов, а поданные за них голоса суммируются по стране и на их основе определяется число мандатов, полученных данной партией. В Думу проходят кандидаты, получившие наибольшее число голосов. Приемлем также вариант, применяемый в Германии: избиратели подают свой голос дважды — за кандидата и за партию.

Необходимо понизить избирательный барьер до 5%. Практика показала, что при той степени незрелости партийной системы, которую мы имеем, и при нашем уровне политической культуры, когда еще не установилась достаточно ясная для избирателей связь между деятельностью каждой партии и интересами социальных слоев, которую она представляет, в парламенте следует иметь более широкое представительство партий и интересов. Наличие в Думе 4–5 партий не приводит к серьезному понижению эффективности ее работы — скорее, напротив, тогда как отсутствие представительства интересов значимых групп населения снижает доверие к парламенту. Когда ситуация устоится, можно будет вернуться к вопросу о мажоритарной системе.

1.3. Независимость суда

Независимый суд можно представить себе и без демократии, например в Пруссии Фридриха II. Но демократия невозможна без независимого суда. Состояние российской судебной системы после 12 лет ее реформирования по-прежнему остается плачевным. Как никогда, она подвержена давлению различных групп интересов — прежде всего властей всех уровней. Большая часть населения не доверяет суду, хотя это во многих случаях несправедливо. Но власти, создавая прецеденты вроде дела ЮКОСа, исключают возможность повышения авторитета системы правосудия.

Изменить положение дел, учитывая многовековую традицию подчиненности суда сиюминутным интересам исполнительной власти, крайне сложно: кроме изменения институтов и материальной базы, нужно обновление *корпуса судей, нужна политика государства, направленная на создание прецедентов, укрепляющих независимость суда, и недопущения иных негативных прецедентов.*

1.4. Федерализм

Федерализм в России является одной из важнейших сторон демократического устройства государства. Он призван содействовать са-

модельности населения регионов, в максимальной степени способствовать выражению их своеобразия, выявлению и преумножению потенциала развития. Мы исходим из того, что после распада СССР сепаратистские тенденции внутри России, исключая чеченский анклав, удалось преодолеть. Единству страны по большому счету ничего не угрожает. В этой связи унитаристская политика федерального центра, выразившаяся в отказе от выборности глав исполнительной власти регионов, в чрезмерной централизации финансовых ресурсов, перешла границы разумной необходимости с точки зрения укрепления государства и обеспечения единства правового пространства России. Теперь она, по существу, подрывает социальное равновесие и конституционные основы федеративного устройства государства.

Необходимо вернуться к прямым, как правило, выборам глав исполнительной власти регионов, причем на партийной основе, по аналогии с федеральными выборами. В то же время в регионах, особенно национальных, при формировании органов власти должна в большей мере учитываться местная специфика — с целью минимизации трений на почве ущемления национальных особенностей и традиций, но, разумеется, на основе соблюдения Конституции РФ, основных гражданских прав и свобод.

То обстоятельство, что на посты региональных руководителей иногда избираются случайные люди или представители определенных групп интересов или, что однажды избранные губернаторы стремятся пожизненно оставаться на своих постах, есть, во-первых, следствие отсутствия политической конкуренции, нежелания федеральных органов добиваться соблюдения общепринятых демократических норм, которые они и для себя не считают обязательными. Во-вторых, здесь, несомненно, сказывается недостаток политической культуры. Но этот недостаток устраним только в социальной практике, а не посредством возврата к бюрократической иерархии.

Интересы единства государства сейчас достаточно защищаются институтами федеральных округов, полномочных представителей президента и федеральных инспекторов, наличием в регионах федеральных служб, в том числе правоохранительных, налоговых, антимонопольных и других. Для чрезвычайных случаев следует сохранить при более точном определении условий возможность отстранения губернатора от должности и введения *прямого президентского правления.*

Административно-территориальное деление страны целесообразно сохранить. Имеющиеся предложения об укрупнении субъектов Федерации, в том числе с целью упразднения национальных республик, а также улучшения управляемости и передачи укрупненным субъектам значительной части функций по поддержке более отсталых территорий, не лишены оснований. В дореволюционной России границы губерний не совпадали с границами расселения этнических меньшинств, и поэтому вопросы национального самоопределения вплоть до отделения не возникали. Но Российская империя не была федерацией. Многие области входили в нее на основе личной унии, например на основе признания российского императора монархом Польши и Финляндии. Это была другая эпоха.

Мы исходим из того, что *высший приоритет имеют гражданские права и свободы личности. Право на национальное самоопределение отступает перед правами личности и может быть полностью реализовано в рамках культурно-национальной автономии*, без создания угроз территориальной целостности страны. Мы также считаем, что нынешнее административно-территориальное деление России во многом сложилось под влиянием случайных обстоятельств, включая идею В. Ленина о выделении национальных территорий, а затем о предоставлении национальным областям и округам в рамках краев РСФСР статуса субъектов Федерации.

Но вместе с тем сложившееся административно-территориальное деление уже имеет свою историю, оно во многом стало традицией. На его основе сложились территориальные экономические и культурные взаимосвязи, сформировалась инфраструктура. Для населения традиция в этом смысле играет важную роль. Кроме того, признание регионов субъектами Федерации уже определенным образом закрепило их права. Совершенно верно, что возвращение национальных областей и округов в более крупные регионы (Пермь, Красноярский край) осуществляется сейчас достаточно деликатно, с учетом интересов территорий и волеизъявления населения. Разрушение традиций без острой надобности, игнорирование любой субъектности в обществе — это привычные для нас формы бюрократического произвола, раз за разом создающие барьер непонимания и отчуждения между властью и обществом.

Конечно, может быть Администрации Президента или Минфину удобнее иметь 30 крупных губерний взамен 89 или 80 субъектов Федерации. Но подобными удобствами стоит пренебречь ради сохранения сложившихся связей и центров тяготения,

традиций самостоятельности. Тем более что уже созданы федеральные округа и они могут в дальнейшем играть важную роль в территориальном управлении.

Конкурентный бюджетный федерализм. Рыночное и демократическое решение проблем межбюджетных отношений Федерации и ее субъектов состоит в последовательном проведении принципа самостоятельности бюджетов и *наделении властей субъектов Федерации правом установления собственных налогов и сборов*, в повышении ответственности местных властей за состояние экономики и финансов своих регионов в рамках установленного законом разграничения полномочий. Тем самым реализуется правило «один бюджет — один налог». Между субъектами Федерации возникает конкуренция за создание лучших условий для бизнеса.

Такой подход противостоит используемой ныне практике централизации финансовых ресурсов и последующего их перераспределения в виде трансфертов с целью выравнивания бюджетной обеспеченности регионов. Эта практика, предполагающая возможность ежегодного пересмотра источников и норм распределения налогов, закрепленных за бюджетами разных уровней, подрывает ответственность регионов, способствует усилению иждивенческих настроений и ослаблению стимулов развития.

Конкурентный бюджетный федерализм, напротив, усиливает стимулы развития. Против него выдвигается тот довод, что в России существуют очень глубокие различия в экономическом развитии и доходной базе регионов, которые обуславливают необходимость масштабного перераспределения средств. Но конкурентный бюджетный федерализм не исключает трансфертов из федерального бюджета отстающим регионам. Мы считаем целесообразным *использование целевых трансфертов*, например, на поддержание федеральных стандартов здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения. В особо сложных случаях в отдельных регионах возможно введение на определенный срок федерального финансового управления. Используя эти методы, можно свести к минимуму риски, связанные с повышением финансовой самостоятельности регионов, и в то же время воспользоваться ее плюсами.

1.5. Гражданское общество и самоуправление

Демократия рассматривает гражданское общество как свою естественную основу, а местное самоуправление и некоммерческие гражданские организации — как школу первой ступени для гражданина.

Гражданское общество, предполагающее готовность граждан защищать свои права и свободы, уважая права и свободы других, участвовать в общественных делах и организоваться в этих целях, не является для России чем-то чужеродным. У нас издавна были сильны традиции общинной жизни, которые активно использовались и государством. Во второй половине XIX века большое развитие получило земское движение. И при советской власти поначалу граждане через Советы и другие общественные организации проявляли высокую гражданскую активность. Но всегда преобладало стремление деспотического государства подчинить себе людей, добиться их покорности, превратить гражданина в раба или подданного. Это постоянное давление в конце концов сформировало особый тип человека, в котором пассивность и покорность властям сочеталась с воровством и бунтарством, со стремлением укрыться от закона и государства в тени, в частной жизни.

Поэтому общепринятым можно считать представление, что в России нет гражданского общества, и, стало быть, мы не готовы к демократии. Иной раз утверждается, что россиянам вообще не присущи качества, необходимые для гражданского общества и демократии. Такая позиция очень удобна для власти, для бюрократии.

Мы решительно отвергаем подобные утверждения. У нас есть разные традиции и национальные черты, в том числе и те, от которых лучше избавиться. Российские демократы не должны потакать порокам нашей национальной культуры. Напротив, следует прямо говорить о них согражданам, не боясь не понравиться. В этом состоит подлинный патриотизм, а не в том, чтобы, не глядя, превозносить все свое. Только открытость, свобода и практический опыт демократии способны формировать и развивать гражданское общество. Оно и сейчас у нас есть, хоть и слабое: годы реформ и даже неразвитой демократии уже оставили свой неизгладимый след. Имеющиеся ростки гражданского общества нужно всемерно укреплять и развивать именно в социальной практике, ставя людей перед необходимостью самим решать свои проблемы, защищать свои права. Два основных поля такой практики — местное самоуправление и НКО.

В области местного самоуправления необходимо:

- сопротивление замещению функций местного самоуправления государством. Если есть нужда в государственном воздействии на уровне поселений или районов, должны

быть и соответствующие государственные органы — префекты во французском варианте, а органы самоуправления должны существовать независимо от них;

- решительное противодействие любым попыткам ликвидировать или ограничить выборность органов местного самоуправления;
- отстаивание финансовой независимости: местное самоуправление должно иметь *независимые финансовые источники* — налоги и сборы, устанавливаемые местными представительными органами или референдумами. Это продолжение системы конкурентного бюджетного федерализма и прямой канал влияния населения на избираемых им представителей местной власти, а одновременно — основа для формирования ответственности, необходимой, чтобы быть гражданами;
- всемерная поддержка НКО — населением (добровольное участие), бизнесом (спонсорство), государством (необременительное налогообложение), поощрение всех форм общественной активности граждан, включая защиту гражданских прав и свобод от посягательства властей. Следует выступить решительно против ужесточения законодательства об НКО.

Демократы должны понимать и достоинства демократии участия, и то расстояние, которое отделяет нас от ее наиболее развитых форм. Наша задача состоит в том, чтобы сокращать это расстояние и создавать наилучшие условия для участия граждан в общественных делах — тогда, когда они этого пожелают. Нужно активно работать над тем, чтобы вовлекать людей, особенно молодежь, в деятельность на благо общества.

1.6. Общественный контроль над бюрократией

Общественный контроль за государственными органами и бюрократией, которая их обслуживает, — важнейшая задача демократии, которую только она и в состоянии решать. Именно для этого создаются основные демократические институты — свобода печати, разделение властей, многопартийная система и политическая конкуренция, НКО. Многовековой опыт показывает, что злоупотребления властью, произвол и деспотизм являются одним из наиболее опасных пороков в жизни общества, препятствующих его благосостоянию и развитию. Они создают разрыв между большей частью об-

щества и его элитой, который может перерасти в разрушительные социальные конфликты и революционные потрясения.

Институты государственной власти и бюрократия необходимы и неизбежны. А раз они есть, то неизменно их стремление уйти из-под контроля общества, заменить его при нужде имитацией, безопасной для себя, но усыпляющей внимание граждан к их деятельности, в крайнем случае позволяющей «выпустить пар» недовольства.

Россия нуждается в эффективной и честной бюрократии, в высокопрофессиональной и хорошо организованной государственной службе. Поэтому демократы должны в принципе приветствовать административную реформу, проводимую ныне в стране. Но они подчеркивают, что она обречена на провал, если не будет сопровождаться восстановлением и развитием институтов общественного контроля над бюрократией, т.е. демократизацией. Создание Общественной палаты, предложенное президентом, без этого следует расценить как имитацию, учитывая, что СМИ, парламент, суд лишены сегодня возможности нормально выполнять свои функции. Эффективная администрация бывает только в демократических странах.

Исходя из сказанного мы будем настаивать на следующих мерах.

Обеспечить *публичную отчетность и общественный аудит всех органов государственной власти* — федеральных, региональных, местных — перед представительными органами, ассоциациями пользователей их услугами. Поощрять открытое информирование общества всеми ведомствами об их деятельности через Интернет.

Узаконить практику *парламентских расследований*, приняв соответствующий закон, обязывающий все органы власти содействовать их проведению. Тем самым будет восстановлена и усилена *контрольная функция парламента*.

Обеспечить действенный *общественный контроль за деятельностью правоохранительных органов и служб безопасности*, законодательно усилив их ответственность за нарушение закона. Службам безопасности должно быть запрещено заниматься политическим сыском в интересах правящей элиты. Создать специальные механизмы расследования случаев давления представителей исполнительной власти и спецслужб на суд, прокуратуру, органы юстиции с целью их использования в политической борьбе или эко-

номической конкуренции. Ввести институт *независимой прокуратуры*, обладающей правами расследования деятельности государственных органов и высших чиновников. Ускорить процесс создания *административных судов*, рассматривающих иски граждан и негосударственных организаций против государственных органов.

2. Свободная экономика

Мы исходим из того, что свободная экономика, основанная на частной инициативе, наилучшим образом решает задачи повышения народного благосостояния и развития страны, создает материальные и социальные условия для демократизации и гуманизации нашего общества. Мы не против государственного регулирования, когда это оправдано с точки зрения повышения деловой активности и эффективности экономики. Государство должно быть только там, где либо без него нельзя, либо оно эффективнее бизнеса. Это доказывает мировой опыт и новейшие тенденции развития постиндустриального общества. Надо, однако, учитывать укорененность у нас иллюзий относительно возможностей государства решать экономические и социальные проблемы, опираясь на административные методы. И одновременно недоверие к бизнесу, уверенность в том, что он, действуя в корыстных интересах, наносит ущерб обществу. Бюрократия не менее корыстна и также вызывает недоверие, но она привычна — как судьба, от которой никуда не деться, и поэтому, возможно, с ее пороками легче мириться.

2.1. Свобода предпринимательства

Правда состоит в том, что бизнес действительно движим корыстными интересами, но именно они делают его, при наличии здоровой конкуренции, мощным двигателем экономики. Поэтому, нравятся ли кому подобные мотивы или нет, именно на них можно рассчитывать с уверенностью. Уверения же в нравственных побуждениях, в бескорыстной заботе об интересах общества, как правило, вызывают обоснованные подозрения в том, что вас хотят надуть. Побудительные мотивы бюрократии, даже если они честные, все равно всегда слабее корыстных интересов предпринимателя.

Экономику поднимает бизнес, а не государство. Поэтому мы намерены делать все возможное, чтобы создать наиболее благоприятные условия для деловой активности, максимально освободить бизнес от бремени государственных регламентаций и тем более от бюрократического давления.

Сегодня бизнес и власть именно из-за этого давления оказались в состоянии глубокого конфликта. Дело ЮКОСа использовано для того, чтобы возбудить ненависть людей против олигархов, а по сути — против всего бизнеса. Но что оно действительно показало, так это способность аппарата государственного насилия, не считающегося с законом, разрушить любой бизнес, отнять ответственность, вернуть страну назад, к временам произвола и беззакония. Следствием стало падение деловой активности, превращение устойчивую тенденцию высоких темпов экономического роста.

Устранение конфликта между властью и бизнесом, создание обстановки доверия и сотрудничества между ними — задача первоочередной важности. Меры, применяемые для ее решения, должны быть адекватны задаче восстановления доверия, даже если они могут нанести ущерб престижу власти, авторитету и положению тех или иных ответственных персон.

Безусловно, бизнес также должен стать законопослушным и социально ответственным. Его деятельность должна быть поставлена в рамки, позволяющие согласовывать интересы частного предпринимательства с интересами других слоев общества и государства. Но мы должны понимать, что социальная ответственность бизнеса не может заключаться в исполнении указаний властей, наносящих ущерб его доходам, в вымогательстве у компаний средств на различные «богоугодные» дела сверх установленных налогов и т.п. Подлинно ответственный бизнес обязан соблюдать законы, поднимать эффективность производства, создавать рабочие места, инвестировать в развитие и платить налоги. Остальное — дело его доброй воли.

Свобода предпринимательства требует прежде всего *защиты прав собственности*. В последние годы властями предприняты действия, которые эти права подрывают, возвращают нас к феодальной традиции соединения власти и собственности, что ставит под удар будущее страны. Постоянное обращение к итогам приватизации 90-х годов, тревожащее общественное мнение призывами к мнимой справедливости, а на деле — к переделу собственности, подрывает доверие бизнеса к власти и общества к бизнесу.

Необходимо прекратить эту кампанию, *законодательно ограничить срок давности по делам о приватизации тремя годами*.

Лидеры демократических партий, ответственные СМИ и государственные органы обязаны всячески пропагандировать важную роль бизнеса, защищать его от необоснованных нападок. Защита прав собственности должна быть усилена в судебной практике.

Равенство прав налогоплательщиков и налоговой службы должно стать реальностью, без этого невозможно восстановление доверия бизнеса к государству. Безусловно, необходимо укрепление налоговой дисциплины, но применение схем оптимизации налогов в рамках действующего законодательства никоим образом не может вменяться в вину бизнесу, это проблема чиновников и законодательства, в которое при нужде следует своевременно вносить поправки. Принимая во внимание особенности становления российского бизнеса в 90-е годы, целесообразно *провести налоговую амнистию*.

Учитывая огромное отрицательное влияние дела ЮКОСа и его акционеров на развитие российской экономики, на взаимоотношения власти и бизнеса, *необходимо прекратить судебное преследование ЮКОСа* по налоговым делам, равно как преследование М. Ходорковского и других акционеров ЮКОСа по предъявленным им сфабрикованным обвинениям. Должно быть исключено избирательное правосудие, выполняющее указания чиновников высокого ранга. *Лица, ответственные за возбуждение этих дел и за давление на органы правосудия, должны понести наказание*. Если бы это случилось, был бы создан важнейший прецедент, продвигающий нас к правовому государству и независимости суда, к нормализации отношений бизнеса, власти и общества.

Принять в кратчайшие сроки *закон о лоббизме*, имея в виду необходимость введения в правовые рамки деятельность бизнеса по продвижению своих интересов. Мы считаем, что для устранения конфликта между бизнесом и властью необходимо движение с двух сторон. Закон о лоббизме начали разрабатывать еще в 1992 году. Его поначалу продвигали левые, затем, уже в 2003 году, его стали поддерживать правые. Но все это время его принятие блокировалось — формально — правительством, а на деле — крупным бизнесом, которому были невыгодны ограничения, которые налагал бы на них закон о лоббизме. Но уже абсолютно очевидно, что он необходим и бизнесу, и власти, принятие его назрело.

Предпринимательским союзам, всему деловому сообществу необходимо предпринять серьезные усилия по укоренению в своей среде высоких норм *деловой и корпоративной этики*, обеспечению прозрачности и законопослушности отечественного бизнеса. Следует подумать о введении в практику общественных *третейских судов* для досудебного разрешения споров хозяйствующих субъектов.

2.2. Структурные реформы в экономике

Российская экономика для своего устойчивого развития на основе частной инициативы нуждается в завершении структурных преобразований, призванных обеспечить эффективное функционирование рыночных механизмов. Наиболее болезненные рыночные реформы уже осуществлены. К сожалению, и об этом надо сказать прямо, еще остается ряд необходимых институциональных изменений, которые могут вызвать временные негативные последствия, включая потери в ряде отраслей или у некоторых слоев населения. С предельной осторожностью и в обстановке общественного диалога эти реформы все же надо осуществить.

Реформы естественных монополий, прежде всего электроэнергетики, газовой промышленности, железнодорожного транспорта. Электроэнергетика наиболее подготовлена, но процесс всякий раз останавливается как по субъективным причинам, так и в силу возможных осложнений на стыках — в газовой промышленности и жилищно-коммунальном хозяйстве (ЖКХ), где необходимые преобразования практически заморожены. Есть продвижения реформы на железнодорожном транспорте.

Надо учесть, что реальная точка реформирования (точка невозврата) в этих секторах — *либерализация рынков, прежде всего цен*, при подготовке конкурентной среды на этих рынках, которая предупредила бы неоправданный рост цен.

Реформа ЖКХ — никоим образом не может быть сведена к переложению на жильцов 100% расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, которая к тому же вырастет при либерализации рынков газа и электроэнергии. Задача заключается в том, чтобы создать конкурентные условия для производителей услуг ЖКХ и обеспечить эффективное представительство на этом рынке интересов потребителей — не муниципальных органов, а прежде всего частных владельцев жилого фонда, товариществ собственников жилья. Важная роль в решении этой задачи принадлежит местному самоуправлению.

Повышение заработной платы бюджетников и пенсий, произведенное в размерах, обеспечивающих полную компенсацию этим слоям населения роста его расходов — удорожания стоимости коммунальных услуг, прекращения бюджетных дотаций на содержание ЖКХ, монетизации большинства иных натуральных льгот, увеличения вклада населения в пенсионные накопления, медицинское и социальное страхование. Оно также должно устранить дис-

пропорции, вызываемые на рынке труда занижением зарплаты, выплачиваемой из бюджетов всех уровней, но при этом не вызывая новых диспропорций, например за счет увеличения притока занятых в бюджетную сферу.

Отчасти повышение зарплаты бюджетников и пенсий может быть осуществлено за счет увеличения доходов бюджета после либерализации цен на газ и электроэнергию, привлечения в бюджет большей доли природной ренты, особенно в газовой отрасли. Должно быть ясно, что полное решение проблемы возможно лишь на основе подъема экономики и роста производительности, в том числе в бюджетной сфере.

Реформа учреждений бюджетной сферы с целью повышения производительности и качества публичных услуг, с переходом на финансирование результатов работы, а не штатной численности и материальных затрат.

Здесь перечислены только важнейшие структурные реформы, образующие взаимосвязанный комплекс. Их осуществление позволило бы расширить сферу конкурентных рыночных отношений, сделать привлекательными для инвестиций отрасли, ныне находящиеся, как ЖКХ, в кризисном состоянии, сократить неравенство в денежных доходах населения, дать дополнительный импульс деловой активности и развитию экономики.

3. Гуманизация

Гуманизация российского общества является неотъемлемой частью ее демократической модернизации. Гуманность и справедливость, внимание к каждому человеку, его заботам и нуждам — это не только самостоятельные ценности, подобно свободе и гражданским правам, но и необходимая предпосылка решения экономических и политических проблем российского общества.

Мировой опыт показывает, что процветания и развития добиваются страны, в которых достигается высокий уровень доверия и солидарности. Они же создают благоприятную среду для демократии участия, для гражданского общества. В свою очередь, демократизация и свободная экономика способствуют доверию и солидарности.

Доверие — главный неиспользованный ресурс России: доверие между гражданами, доверие к публичным институтам, доверие бизнеса к государству, государства к бизнесу — условие снижения трансакционных издержек, роста производительности и инвестиций,

увеличения богатства. В развитых странах повсюду высокий уровень доверия, этот резерв ими использован. У нас же уровень доверия низок, но это значит, что есть возможность повысить его. Это задача не для правительства, но для всего общества, для каждого его члена.

Мировой опыт также свидетельствует, что свобода и доверие порождают *социальную солидарность* — стремление быть терпимым, понимать других, сочувствовать и помогать им.

Следует признать, что для современной России гуманизация — исключительно острая проблема, давно забытая политиками, поминаемая ими разве что для популярности. Коммунизм, провозглашая высокие нравственные цели, в действительности нанес колоссальный ущерб человеческому достоинству, морали, элементарным человеческим чувствам доброты и сострадания. В заботах о всеобщем счастье человечества он был жесток к каждому человеку в отдельности. В итоге, после десятилетий принудительного навязывания коллективизма и приоритета общественных интересов, подавления личности, уничтожения религиозной морали, он оставил страну в состоянии духовного разорения. Наше общество стало не то что индивидуализированным, а атомизированным, в нем гораздо чаще попадаются черствые эгоисты, чем в западных странах, где столетиями культивировался индивидуализм и где теперь мы видим достойные подражания примеры доверия и солидарности. Бедность, разрыв в благосостоянии между бедными и богатыми, привитая людям культура уравниловки и государственной «халявы», порождает взаимную озлобленность, зависть, нетерпимость. В последние десятилетия при повышении ценности прав личности и профессионализма эти качества усилились, а ценности доброты, сострадания, взаимопомощи, традиционные для русской культуры, оказались в упадке.

Гуманизация прежде всего требует повышения ценности человека и человеческой жизни. Она не состоит в том лишь, чтобы жалеть несчастных и помогать им подаванием, плодить иждивенцев. Ее идеал — здоровый и образованный, умелый и ответственный человек. Отсюда ее два главных направления — здравоохранение и образование.

3.1. Реформа здравоохранения

Ее главная цель состоит в том, чтобы повысить продолжительность жизни до лучших мировых показателей, прежде всего продолжительность здоровой жизни, чтобы сократить заболеваемость и смертность. Платность медицинских услуг или сокращение рас-

ходов на охрану здоровья не могут быть ее задачами. Напротив, у граждан России должна быть уверенность в доступности и эффективности медицинской помощи, когда в ней появится нужда.

В свое время советская система здравоохранения, созданная в 20-е годы, — в мире ее называли системой Семашко — была одной из передовых. Она обеспечила доступность медицинской помощи и снижение смертности от распространенных тогда массовых инфекционных заболеваний. Но примерно 30–40 лет назад развитые страны осуществили реформирование здравоохранения: сделав его более дорогим и наукоемким, они добились серьезных успехов в охране здоровья. Россия же отстала в развитии, сложившаяся у нас система здравоохранения ориентировалась на количество коек и врачей, и уже во вторую очередь — на высококачественные медикаменты и современное оборудование. По этим причинам, а также вследствие сокращения реальных объемов государственного финансирования в период трансформационного кризиса стала расти фактическая платность медицинских услуг, коррупция в этой сфере, а следом — заболеваемость и смертность.

Реформа здравоохранения началась в 1993 году на основе перехода к страховым принципам. Но смысл ее не в платности, а в том, чтобы создать конкурентный рынок медицинских услуг и механизмы экономического контроля за эффективностью лечебных учреждений. Пациенты не могут его осуществлять в силу своей неорганизованности и некомпетентности, следствием чего является так называемая асимметрия информации на рынке медицинских услуг — врачи здесь всегда более осведомлены, чем их пациенты. Интересы пациентов призваны охранять страховые компании, получающие страховые взносы от государства, организаций и населения и оплачивающие услуги лечебных учреждений. Одновременно при этом для пациентов становятся доступны дорогостоящие услуги при наступлении страховых случаев.

Замысел верный, но его исполнение оказалось плохим. Страховые компании, только что возникшие, еще не могли как следует выполнять свои функции. Сейчас через них идет примерно треть финансирования лечебных учреждений, а две трети по-прежнему поступают из бюджета. Это значит, что стимулы улучшения медицинского обслуживания и механизмы контроля за его качеством не работают. Сохраняется сложившийся ранее перекос в пользу больного лечения в ущерб профилактике и амбулаторному лечению. Реформа нуждается в новом сильном импульсе.

Необходимо повысить долю государственного финансирования лечебных учреждений по каналам обязательного медицинского страхования (ОМС) по меньшей мере до трех четвертей при заметном увеличении расходов государства на здравоохранение. Подчеркнем, что речь не идет о переходе на платную медицину.

Стимулировать повышение качества работы страховых компаний, прежде всего на основе усиления рыночной конкуренции за средства, выделяемые на ОМС.

Развивать дополнительное медицинское страхование (ДМС) на услуги сверх стандартов ОМС.

Стимулировать конкуренцию лечебных учреждений с целью повышения качества медицинских услуг, где это возможно.

Решить проблему оказания социальных услуг пожилым людям, особенно одиноким, которые сегодня вынуждены просить о помещении их в больницы и тогда, когда они нуждаются не в конкретном лечении, а только в уходе.

3.2. Реформа образования

Она должна решить две основные задачи: во-первых, повысить уровень и качество образования как фактора национальной конкурентоспособности; во-вторых, поднять культурный и интеллектуальный уровень населения, способствовать позитивным с точки зрения условий постиндустриального общества изменениям в ценностях и менталитете населения России. Воспитательные функции образования нужно повысить. Общественные институты меняются медленно, образование — один из главных способов ускорить этот процесс.

Доступность образования: каждый гражданин России должен иметь равный доступ к образованию при обязательном усвоении минимальных образовательных стандартов. Государство обеспечивает бесплатное образование определенного уровня (8 классов общеобразовательной или профессиональной школы) и, с учетом способностей и подготовки, — высшее образование.

Бесплатность высшего образования обеспечивается получением после соответствующих испытаний *государственного именованного финансового обязательства* (ГИФО). ГИФО реализует принцип «деньги идут за учеником», позволяя перейти от финансирования затрат к оплате результатов: вуз, обеспечивающий лучшее качество образования, привлекает больше студентов и с ними — денег.

Должен быть введен *единый государственный экзамен* (ЕГЭ) после окончания средней школы, дающий право на получение

ГИФО и поступление в вузы. ЕГЭ и ГИФО — это гарантии доступности образования, позволяющие поставить в равные условия молодежь из разных регионов, города и деревни, ставящие заслон коррупции при поступлении в университеты и институты и, следовательно, делающие высшее образование наряду с другими мерами достоянием одаренных и работоспособных, а не только состоятельных. Тем самым усиливаются свойства образования как социального лифта, как механизма мобилизации человеческого капитала страны и социального перемешивания.

Против ЕГЭ много возражений: университеты боятся неподконтрольного им ухудшения качества абитуриентов, родители — сокращения возможностей «купить» место в вузе, а некоторые преподаватели — сокращения возможностей его «продать». Множество претензий есть к содержанию и форме проведения ЕГЭ. На все это есть ответ. Лучшие университеты могут выставить самые высокие проходные баллы, которые нужно получить на ЕГЭ. Кроме того, возможны собеседования и собственные экзамены. Необходимо повысить требовательность в период обучения, считать 20% отсева на I курсе нормой. И далее отбраковывать тех, кто не удовлетворяет образовательным стандартам, с возможностью возобновить учебу в другом вузе. Нужно расширить практику проведения олимпиад, победители которых имеют право поступать в вуз без ЕГЭ, — дополнительный и давно применяемый метод выявления талантов.

Высказываются предложения разнообразить методы проверки знаний для поступления в вузы. Опыт показывает: единый деперсонифицированный экзамен необходим, иначе подрывается основа реформы, достижение ее целей ставится под сомнение, возникает множественность способов получения ГИФО, открывающая дорогу коррупции. Можно бесконечно совершенствовать содержание и методы проведения ЕГЭ. Но в конце концов только он и победа на олимпиаде, т. е. проявление выдающихся способностей, должны давать право на государственное финансирование.

Доступность платного первого и дополнительного образования. При недоборе баллов на ЕГЭ, а также при желании получить второе высшее или дополнительное образование поступающие должны иметь право получить его за плату, по ценам, складывающимся на рынке образовательных услуг.

Образовательный кредит. Государство обеспечивает бесплатность образования при выполнении установленных условий. На период учебы обучающиеся, не имеющие иных источников

средств существования, должны иметь возможность получать образовательный кредит на проживание с возвратом его после окончания учебы деньгами или работой по контракту. Государство может субсидировать образовательные кредиты в случаях необходимости привлечения специалистов в определенные сферы. Государственные стипендии выплачиваются наиболее успешным студентам — 5–10% общего числа, но в размерах, обеспечивающих нормальную жизнь.

Соединение науки и образования. В советскую эпоху, учитывая недостаток кадров для индустриализации и уничтожение значительной части интеллектуальных сил, наука, особенно фундаментальная, и образование были разделены. В итоге, как правило, люди имели возможность подключаться к научным исследованиям высшего класса, соприкасаться с выдающимися учеными только после окончания университета и распределения в определенные научные институты. Сейчас изменившиеся условия требуют восстановления органической связи науки и образования, включения талантливых молодых людей в исследования и разработки, выполняемые с участием лучших специалистов, уже в процессе учебы. Тем самым они с самого начала могут лучше оценить свои возможности, области более успешного применения сил, сразу включить в процесс создания инноваций.

В постиндустриальном обществе XXI века, в экономике, основанной на знаниях, наиболее ценным ресурсом становится не капитал, не природные богатства, но высокообразованный человек, подготовленный к применению своих способностей и талантов. Конкурентоспособность страны будет зависеть от возможностей мобилизации наиболее компетентных, энергичных и высоконравственных граждан. Реформа образования должна сделать важнейший вклад в решение этих задач для нашей страны.

3.3. Пенсионная реформа

Это важнейшая реформа в социальной сфере, хотя ее результаты будут сказываться не сразу. Главная ее цель — обеспечить достойную старость гражданам России, оградить их от нищеты, сформировать институты, гарантирующие достаточные средства существования в тот период жизни, когда люди сами уже не могут зарабатывать. И сделать это надо с учетом демографической ситуации, в условиях стареющего населения, роста социальной нагрузки на одного работающего.

Можно ничего не менять. Но тогда все время будет падать норма замещения — отношение средней пенсии к средней заработной плате. Она сейчас уже равна 32%, а может снизиться до 20%. Практически это означает уничтожение общественной пенсионной системы, вынуждение престарелых граждан работать до последней возможности и/или полностью взять на себя формирование накоплений на старость. Именно такой подход являет пример отсутствия гуманности и солидарности. Пока, затягивая пенсионную реформу по разным вполне благопристойным основаниям, мы следуем по этому пути.

Другой выход состоит в том, чтобы решиться на институциональные изменения, поначалу непопулярные и способные вызвать недоверие людей, но необходимые и ответственные.

Пенсионная реформа должна предусматривать *участие граждан в формировании их пенсионных накоплений* наряду с работодателями и государством.

Кроме того, в мягкой форме необходимо *повысить пенсионный возраст* до 63–65 лет. Приемлем вариант, когда с нынешнего пенсионного возраста гражданин сможет получать пенсию в ее нынешнем размере (25–30% средней зарплаты), либо, при согласии выхода на пенсию с нового пенсионного возраста, он получит добавку к пенсии из накопленных на его пенсионном счете за 3–5 лет средств плюс ежемесячную премию в 2000 рублей или более (всего 60–70% средней зарплаты) от государства. Это предложение уже было внесено А. Кудриным в мае 2004 года, сразу после президентских выборов, но сейчас заморожено из-за нескоординированного решения о снижении единого социального налога сразу на 10,5 процентных пунктов, в силу чего образовался дефицит Пенсионного фонда, который в перспективе — без реформы — будет только возрастать. По той же причине из программы пенсионных накоплений исключены возрасты 1953–1967 годов рождения, что снизило доверие к пенсионной реформе, и без того не очень высокое. Между тем ее проведение представляется гораздо более важным, чем снижение налогов, тем более что его эффективность подорвана падением деловой активности в результате действий государства.

Повысить пенсии не менее чем до прожиточного минимума в течение 2–3 лет, начиная с нового пенсионного возраста.

Возобновить программу пенсионных накоплений для возрастов ныне из нее исключенных, для тех, кто пожелает добровольно делать взносы на пенсионные счета.

Ускорить процесс передачи управления пенсионными накоплениями граждан, также полностью на добровольной основе, частным управляющим компаниям и негосударственным пенсионным фондам под государственным надзором. Таким образом в стране будет создан растущий отечественный источник долгосрочных инвестиций в экономику, приносящий одновременно дополнительный доход пенсионерам. Надежность этих накоплений, минимизация рисков должны быть высшим критерием оценки эффективности реформы, для чего управляющим компаниям и негосударственным пенсионным фондам следует предоставить право вкладывать по меньшей мере существенную долю управляемых средств в самые надежные, в том числе зарубежные, формы инвестирования.

3.4. Военная реформа

Она должна привести к переходу на профессиональную добровольную армию с численностью посильной для экономики страны и позволяющей обеспечить высокую боеготовность, техническое оснащение и материальное благосостояние военнослужащих (примерно 500 тыс. человек). Сроки формирования такой армии следует сократить, комплектование вооруженных сил по призыву на основе обязательной воинской повинности должно быть отменено как можно скорее, а вместе с ним и многочисленные отсрочки и освобождения от службы, в которых тогда не будет нужды. Формирование военно-обученного резерва может обеспечиваться привлечением на сборы соответствующих возрастных контингентов в общей сложности на срок не более 6 месяцев.

3.5. Сокращение бедности. Система социальной защиты

Сокращение бедности — важнейшая задача демократической модернизации. Это не раздача вспомоществования, не возрождение уравниловки, это повышение благосостояния, целиком основанное на подъеме экономики. У нас много бедных, потому что мы бедная страна. Не в смысле природных богатств и присвоения ренты немногими: если собрать все, что имеют богатые, и раздать бедным, например повысить зарплату бюджетникам, то бедность не исчезнет. Мы уникальная страна: наше советское наследство состоит в том, что, став развитой индустриальной державой, высокоурбанизированным обществом, мы в отличие от других не стали богаче, потому что не был ликвидирован разрыв в производительности, в эффективности. И советская модель догоняющего развития оказалась не

способна эту задачу решить. Напротив, она усугубила проблему, погубила большую часть ресурсов, прежде всего человеческих, которые другие страны смогли использовать намного лучше.

Но и сейчас мы хотим за три года сократить бедность вдвое, не ставя задачу удвоения производительности в сравнимые сроки. За 2000–2003 годы снизить вдвое стандартные показатели бедности удалось, потому что она в период кризиса 1998 года резко выросла. Теперь повторить успех будет намного труднее, для этого, собственно, и нужна модернизация. А она должна опираться на частную инициативу, на частные инвестиции, которые могут осуществлять только богатые, на свободу и доверие, при которых они будут инвестировать.

Таким образом, чтобы победить бедность и добиться процветания страны, нужно осуществить предлагаемую программу — демократизацию, либерализацию, структурные реформы в экономике и социальной сфере, гуманизацию. Рост производительности труда и эффективности использования иных ресурсов позволят тогда поднять зарплату бюджетникам и пенсии, осуществить реформы здравоохранения и образования, которые приведут к непосредственно требуемым результатам. Еще остается выстроить эффективную систему социальной защиты, рассчитанную на поддержку тех, кто сам не может обеспечить себя и свою семью.

Мы считаем, что эта система должна включать следующие элементы:

- пособие по временной безработице;
- жилищные субсидии;
- пособия на детей.

Все социальные выплаты должны быть достойными по размерам и достаточно жесткими по условиям получения.

Все остальные льготы предпочтительно отменить, компенсировав потери ростом зарплаты бюджетников, пенсий и перечисленными выплатами, представляемыми по заявительному принципу.

В настоящее время в обществе идет дискуссия о монетизации льгот, вызывающей широкое недовольство. Им пытаются воспользоваться для укрепления своих позиций почти все оппозиционные партии и движения. Наша позиция с точки зрения влияния монетизации на модернизацию: отмена натуральных льгот с заменой денежными выплатами — шаг в верном направлении. Но форма, в которой проводится монетизация, — неприемлема. Скромность компенсаций, их индивидуализированный характер,

усложняющий организацию дела, отнесение на вторую очередь льгот по оплате жилья, заниженных цен за ЖКХ, выгоды от которых как раз достаются по преимуществу более состоятельным семьям, все это вызывает раздражение людей, вместо того чтобы восприниматься как социальная мера, направленная на более справедливое распределение доходов.

Особо важно реорганизовать пособия на детей. 70 рублей в месяц на всех детей до 16 лет сегодня воспринимается не как помощь, а как издевательство. Право на пособие должно иметь меньшее число детей — только в многодетных и неполных семьях, но само пособие должно позволить содержать ребенка до тех пор, когда он сам сможет зарабатывать.

3.6. Волонтеры справедливости и солидарности

Предложенные выше меры не являются изобретением демократических сил, хотя по содержанию они разрабатывались по преимуществу либералами и сегодня находятся в повестке дня правительства. Это подтверждает и степень достаточно высокая степень согласия элиты в отношении их необходимости.

Но этого недостаточно. Гуманизация — дело не только и не столько властей, государственных и муниципальных органов. Их работа — это публичные услуги, оплачиваемые налогоплательщиками.

Распространение идей гуманизма и солидарности, повышение культурного развития, смягчение нравов — это сфера взаимоотношений людей в обществе, взаимоотношений, которые меняются под влиянием активной деятельности каких-то групп или организаций гражданского общества. Наиболее характерна в этом плане деятельность НКО, гуманитарных, просветительских, благотворительных, религиозных организаций, которые демонстрируют примеры солидарности и поддержки, побуждая других людей активно защищать свои права, участвовать в общественных делах. Такие дела бесконечно разнообразны и конкретны, в каждом месте свои. Вот некоторые из возможных проектов:

- юридическая поддержка защиты гражданских и социальных прав;
- мобилизация активности жильцов для решения проблем жилищно-коммунального хозяйства, организации товариществ собственников жилья, обеспечения надежности снабжения домов газом, энергией, теплом;

- разоблачение случаев произвола избивений и пыток в правоохранительных органах;
- отслеживание ксенофобских выступлений в прессе и преступлений на национальной почве;
- содействие программам социальной адаптации инвалидов, включая установку спецустройств на коммунальном транспорте, в местах общего пользования, на улицах и в общественных зданиях и т.п.;
- организация досуга молодежи, в том числе с просветительскими и гражданскими целями, организация дискуссий по проблемам демократии и гражданского общества, условий деловой и политической карьеры;
- распространение компьютерной грамотности, обучение работе в Интернете;
- общественная поддержка школьного образования, участие в работе попечительских советов, в организации олимпиад, в иных способах выявления талантов;
- содействие устройству судьбы детей, выходящих из детских домов, защита их прав;
- содействие социальной адаптации демобилизованных офицеров;
- организация психологической реабилитации участников вооруженных конфликтов;
- поддержка лиц, начинающих заниматься собственным бизнесом, выращивание малых предприятий.

Все названные проекты взяты из практики работы НКО, правозащитных и благотворительных организаций. В большинстве случаев они выполняют работу, которая входит в компетенцию тех или иных государственных учреждений, зачастую выполняющих ее недобросовестно или даже в ущерб людям, которым они обязаны оказывать помощь. Контроль и сотрудничество со стороны НКО благотворно влияют на качество их работы. Сами же эти организации обычно существуют на весьма скромные средства, опираясь в основном на активность волонтеров, добровольных помощников, тратящих таким образом свое свободное время.

Для демократического движения имеет огромное значение деятельность этих организаций, поскольку через участие в них можно наглядно демонстрировать связь идей свободы и демократии с реальными нуждами людей.

Верно, что сегодня отношение избирателей к политическим партиям и движениям в значительной степени определяется тем, что и как часто о них говорят по телевидению. Но оно также зависит от того, знают ли избиратели их представителей по конкретным делам у себя в микрорайоне, городе, области, согласны ли они с тем, что эти люди защищают их интересы. Будущее российской демократии в сложившихся условиях во многом зависит от того, насколько активны будут демократические партии в такого рода гуманистических проектах, в сотрудничестве с НКО, в работе с простыми гражданами, в том числе в привлечении их к участию в общественных инициативах.

Влияние образования, публицистики, СМИ всех доступных видов должно быть использовано на утверждение в стране идеалов гуманизма, против всех видов социальной и национальной дискриминации, фашизма, национализма. В этих целях уместно использовать всю силу PR-технологий. Необходимо разработать и предложить обществу программу нравственного подъема, опираясь прежде всего на гражданскую активность.

Предложенный проект программы демократической модернизации — личная инициатива автора. Поэтому он неполон и нуждается в серьезных дополнениях и доработках. Но автор убежден в том, что этот проект может оказаться полезен тем, кто возьмется за подобную программу, имея возможность потом работать над ее реализацией. И еще он убежден в том:

- что демократия полезная, а порой незаменимая штука;
- что она особенно нужна России, и именно сейчас;
- что недалеко то время, когда мы возьмемся за ум и найдем в себе мужество, чтобы наконец сделать свою страну свободной и демократической.

Постскрипtum

Изложенные в этой книге размышления основаны на фактах, имевших место до конца 2004 года. 31 декабря я поставил точку — об этом сказано в предисловии.

Но с тех пор пока книга рецензировалась, редактировалась и готовилась к печати, прошло несколько месяцев, в течение которых произошли некоторые важные, по моему мнению, события. Я долго думал, надо ли их как-то отразить в книге, повлияют ли они на выводы? С одной стороны, что это за выводы, причем на длительную перспективу, которые могут меняться вследствие событий нескольких месяцев. И потом, все равно надо когда-то остановиться, а если еще через три месяца новые события окажутся значимыми и выводы надо будет снова менять? Значит, моя работа просто не выдержала испытания временем, надо успокоиться и принять еще один удар судьбы.

С другой стороны, время нынче довольно неопределенное, стабильность в обществе, достигнутая в предшествующие 4 года, оказалась подорванной. В подобной ситуации даже незначительные на первый взгляд события могут вызвать серьезные сдвиги в развитии страны. И если есть возможность, стоит учесть и последние события. После долгих колебаний я выбрал второй вариант. Поэтому появился настоящий постскрипtum.

События с января по май 2005 года, которые, как мне кажется, стоит принять во внимание, таковы.

1. С начала года вступил в действие Закон о монетизации льгот, знаменитый Федеральный закон № 122. С этим оказались связаны изменения в общественных настроениях. Почти единодушная поддержка президента сменилась почти всеобщим недовольством. Пенсионеры вышли на улицы. Следом за ними потянулись студенты, которым министр обороны обещал отмену отсрочек от военной службы. Власти впервые пошли на уступки. Другие реформы практически остановились.

2. В. Путин в феврале встретился с промышленниками и предпринимателями. На встрече были даны обещания сократить

с 10 до 3 лет исковую давность сделок по приватизации и изменить правила налогового администрирования, чтобы налоговая служба не могла использовать практику разорения ЮКОСа в отношении других компаний.

3. Глава Администрации Президента Д. Медведев дал примечательное интервью главному редактору журнала «Эксперт», в котором, кроме заверений в единстве команды Путина, содержалась констатация угрозы распада страны, более опасной чем распад СССР (хотя осталось неясным, кто именно угрожает). Одновременно Медведев призвал к консолидации элиты, надо понимать, вокруг команды Путина.

4. Демократы пытались объединиться и уже даже выступали с обнадеживающими заявлениями, но затем разошлись, кажется окончательно. Вместо объединения Г. Каспаров и В. Рыжков объявили о создании еще одной демократической партии, а вскоре Рыжков покинул своего напарника и вступил в Республиканскую партию В. Лысенко.

5. Либерально настроенные члены «Единой России» явно по инициативе Кремля выступили с предложением принять в партии власти либеральную идеологию или образовать правую платформу. «Единороссы»-социалисты ответили предложением построить противостоящую, левую, платформу. Тут же последовала реакция лидера «Единой России» Б. Грызлов: «медведям» крылья не нужны, партия власти останется монолитной.

6. На месте «Идущих вместе» во главе с тем же лидером, В. Якеменко, возникло «Молодежное антифашистское демократическое движение „Наши“», выступившее с манифестом в поддержку Путина и угрозами в адрес всех его врагов. Вслед за тем властями была организована 60-тысячная демонстрация «Наших», прошедшая по Ленинскому проспекту.

7. Был принят Закон о выборах в Госдуму, вводящий в действие пропорциональную систему голосования по партийным спискам, что при 7-процентном барьере и обязательном 50-тысячном членстве делает Думу практически недоступной для партий, кроме тех, что представлены в ней ныне. Невозможны стали и независимые депутаты: если кто покинет свою фракцию, он лишится депутатского мандата. При прохождении закона в Совете Федерации сенаторы попытались поднять бунт, ссылаясь на то, что закон нарушает конституционные права граждан быть избранными. Но после 2-часовой отлучки С. Миронова в Кремль и намек предст-

вителя президента в Совете Федерации Котенкова, что и до сенаторов дело дойдет, они смирились.

8. 25 апреля Путин выступил с посланием к Федеральному собранию. Подтвердив либеральные обещания бизнесу, он добавил к ним предложения о налоговой амнистии и отмене налога на наследство. В политической сфере также впервые с 2000 года были обещаны демократические перемены, включая узаконение парламентских расследований и предоставление возможности выступать по телевидению лидерам парламентских оппозиционных партий.

9. Приговор М. Ходорковскому и П. Лебеву должны были вынести 27 апреля, перенесли на 16 мая. Г. Явлинский так прокомментировал это событие: «Еще не принято политическое решение».

16 мая началось оглашение приговора. Оно затянулось настолько, что я решил не ждать его завершения, тем более что исход стал очевидным едва ли не в первый день. Суд признал вину Ходорковского и Лебедева практически по всем пунктам обвинения, выдвинутым генпрокуратурой, и буквально повторил речь государственного обвинителя.

В первый день перед окнами суда на Каланчевской улице № 43 прошел митинг в защиту Ходорковского, в другие дни его сторонников к зданию суда не подпускали, зато там постоянно находились 150–200 его противников с лозунгами типа «Вор должен сидеть в тюрьме», «Ходорковского — на нарты». Наконец, 31 мая Ходорковскому и Лебеву вынесен жестокий приговор — 9 лет.

Как я уже говорил, точка в конце книги поставлена 31 декабря 2004 года. С тех пор никаких изменений в текст я не вносил. Полагаю, никто не интересовался моей рукописью и не мог позаимствовать из нее какие-либо мысли. Тем не менее некоторые предложения власти, попавшие в публичный оборот в связи с отмеченными событиями последних пяти месяцев, поскольку, видимо, они давно обсуждались и были на слуху, совпадают с теми, которые упоминаются в книге. В их числе:

- снижение срока давности по сделкам приватизации;
- совершенствование налогового администрирования, точнее, исключение возможности повторных проверок, посредством которых был разорен ЮКОС;
- налоговая амнистия, а точнее, легализация перевода вывезенных за рубеж капиталов в российские банки без расследования их происхождения при условии уплаты подоходного налога;

- принятие закона о парламентских расследованиях;
- свобода слова, в частности возможность лидерам оппозиции выступать по федеральным телеканалам;
- призыв к консолидации элиты.

Не означает ли это, что власть начала еще один поворот в политике?

Экономика

Анализ показывает, что к настоящему времени правящие круги осознали в какой-то мере ошибки, которые привели к снижению темпов экономического роста и усилению инфляции. Или, может быть, решили, что поторопились. Именно поэтому власть возобновила диалог с бизнесом и старается восстановить его доверие. Влияние правительственных либералов несколько усилилось, но ненамного. Монетизация льгот, необходимость выложить на нее более 300 млрд. рублей против изначально планировавшихся 50 млрд., заставили заморозить другие реформы. У большинства населения и у бизнеса разные «аллергены» в руководстве страны: народ против Зурабова, бизнес против «силовиков».

Характер нового диалога власти с бизнесом уместно проиллюстрировать на примере с налоговым администрированием, которое в последнее время, по выражению самого президента, подобно «налоговому терроризму». Поэтому он по инициативе А. Жукова и А. Кудрина дал поручение правительству подготовить предложения об изменениях в Налоговом кодексе. Бизнес настаивал на том, чтобы повторные налоговые проверки, посредством которых разорили ЮКОС, были запрещены или введены в жесткие рамки. В ответ налоговая служба внесла предложение о безакцептном списании налоговой задолженности, ею выявленной, с возложением на налогоплательщиков бремени доказательства в суде, если они желают своей невиновности. Таково у налоговиков понимание равенства всех перед законом и презумпции невиновности. А кроме того, они предложили внести в список случаев, когда повторные проверки разрешены, те из них, которые проводятся вышестоящими налоговыми органами по отношению к нижестоящим — вдруг они занизили суммы налоговых изъятий за взятки. Еще одна идея: в ряде случаев низовые инспекции, чтобы провести проверку, должны просить разрешения в высшей инстанции своего ведомства. Это значит, что высшая инстанция может проводить любые проверки и всегда. Стало быть, если понадобится, новое «дело ЮКОСа» вполне возможно, если будет на то воля свыше.

А что возразить, разве не нужно улучшение налогового администрирования? Только вот бизнес вряд ли успокоится и станет доверять власти после такого рода «шагов навстречу». Вопрос в том, что сейчас важнее — собрать больше налогов или вернуть доверие бизнеса, поощрив деловую активность. Боюсь, приоритеты власти остаются неясными, как и исход борьбы внутри нее между либералами и силовиками. Напомню, что параллельно «Роснефть» предъявила претензии ЮКОСу еще на 11 млрд. долларов и в одно касание в обеспечение этих претензий суд заморозил активы несчастной компании. «Роснефть» также добилась того, что она вместе с «Юганскнефтегазом» не войдет в состав «Газпрома», а для повышения доли государства в последнем накануне либерализации рынка его акций найдут другие способы. Например, выкупят его акции у дочек «Газпрома» за счет Стабфонда.

Делайте выводы сами: с одной стороны, обещания Путина, вязкие затяжные бои вокруг легитимации повторных налоговых проверок, с другой — дела по добыванию ЮКОСа. Правда, Путин встречался с главой British Petroleum лордом Брауном в сопровождении М. Фридмана и В. Вексельберга и заверил его в том, что ТНК-ВР будет иметь все возможности для развития. Но убеждение в том, что власть при желании, как и прежде, может разорить любой бизнес, не только сохранилось, но, кажется, даже укрепилось. Предложения власти бизнесу сами по себе вроде правильны, но недостаточны, неубедительны. Ходорковский и Сечин пока сидят, каждый на определенном ему месте.

Политика

Уже не знаю по каким мотивам, но в послании Федеральному собранию 2005 года президент Путин впервые с 1999 года обещал какие-то шаги к демократизации. До этого, конечно, было много ритуальных высказываний на ту же тему, но реальное движение шло в обратном направлении. Еще осенью 2004 года, после Беслана, было сказано, что политическая система России не соответствует ее реалиям, что в контексте тогдашних событий однозначно читалось как декларация дальнейшего свертывания гражданских прав и свобод.

Что же случилось с тех пор, что повлияло на изменение позиции? Давление со стороны Запада, частные беседы с его лидерами, события в Грузии, Украине, Киргизии? Критические выступления российских демократов, всей оппозиции и относительно независимых СМИ? Наверное, каждый из этих факторов сыграл

свою роль. Так или иначе, но предложения по гарантиям свободы слова, по легитимизации парламентских расследований, по представлению президентом на пост губернаторов лидеров партий, получивших большинство на выборах в законодательные собрания субъектов Федерации, — все это, несомненно, обещания, хоть и робкие, шагов к демократизации, обещания, которые прежде еще ни разу не звучали.

Каждую из этих инициатив можно подвергнуть критическому анализу. Так, Г. Явлинский совершенно справедливо заметил, что институт парламентских расследований ничего не даст при нынешнем составе Государственной Думы и нынешних механизмах ее формирования. Так же критически отнеслась демократическая общественность к идее контроля Общественной палатой — органом, который еще не создан и непонятно как будет работать, — за осуществлением свободы слова. Более того, план формирования «вертикали власти» продолжает последовательно осуществляться, Закон о выборах в Думу по партийным спискам принят в жестком варианте и следующие выборы будут проводиться на его основе.

Президент в своем послании ясно дал понять, в чем, по его мнению, состоит собственный путь России к демократии: «ценой развития демократических процедур не может быть ни правопорядок, ни столь трудно достигнутая стабильность, ни устойчивое проведение взятого экономического курса». То есть к демократии будем идти, но без всяких рисков. Порядок важнее. Я, правда, с трудом представляю себе правопорядок без соблюдения демократических процедур. Как и политическую конкуренцию без рисков для стабильности. Границы демократизации определены у Путина весьма узко.

Тем не менее обещания сделаны и демократы имеют возможность настаивать на их содержательном выполнении, расширяя ниши, в которых могут жить и развиваться демократические нормы.

Думаю, важную роль сыграло и то обстоятельство, что пражская группа почувствовала свою нарастающую изоляцию от большей части деловой и интеллектуальной элиты. Эту изоляцию, ослабление собственных позиций, она пытается выдать за угрозу распада всей страны. Так следует, на мой взгляд, трактовать заявления Д. Медведева с призывом к консолидации элиты.

Я тоже говорил о важности консолидации элиты, прежде всего для реализации долгосрочной стратегии демократической модернизации. А что имел в виду Медведев? Он явно предлагал консолидироваться для модернизации, но вокруг команды Путина, ко-

торая вовсе не является единой, в которой разные группы борются за разные проекты модернизации, доказывая президенту свою правоту. А то, что выходит на поверхность, — это видимый результат их постоянных толканий вокруг тела президента.

А откуда идея о распаде страны? Да оттуда же: как угроза распада воспринимается правящей элитой ослабление собственных позиций, осуществленное ею самой, самоизоляция, вызванная злоупотреблением силой. Как урок воспринята «оранжевая революция» на Украине. Отсюда стремление восстановить позиции, нащупать почву под ногами, отсюда новое творение Администрации — движение «Наши», придуманное на смену не оправдавшим себя «Идущим вместе». Оно фашистами считает не скинхедов и шовинистов, а нацболов. А пособниками фашистов, зачисленными в разряд врагов, — либеральных политиков В. Рыжкова и И. Хакамаду. В соответствии с теорией о том, что ныне яблоки и лимоны растут на одной ветке. Все против нас, нас окружают! «Наши» должны сплотиться. В их манифесте изложено развитие этой теории: дескать, либералы защищают свободы, но готовы отдать наш суверенитет; левые патриоты за суверенитет и государство, но против гражданских свобод. А вот мы, «Наши», сторонники президента — единственные, кто защищает и свободы, и суверенитет. Интересно, что эти идеи я до публикации манифеста услышал в одном из выступлений С. Маркова, видимо, участника разработки новейших идеологических проектов Кремля. Но какое же единство, какая консолидация, если «Наши» объединились, чтобы крушить не наших. Консолидация элит необходима, но вокруг команды Путина она уже вряд ли получится.

Вместе с тем последние события говорят о начале перегруппировки сил на российской политической арене. С одной стороны, демократы окончательно разбежались, во всяком случае, к выборам 2007–2008 годов они уже вряд ли соберутся. Попытки вырастить правое и левое крылья в «Единой России» пока пресечены, хотя глубокие внутренние противоречия в устройстве этой партии рано или поздно проявятся. Думаю, праволиберальное крыло в партии власти привлечет многих, в том числе тех, кто не расстался с реформаторскими идеями. Взаимное тяготение между ними и правыми либералами вне «Единой России» будет усиливаться, тем более что у них общая социальная база — российский бизнес, те, кто платит налоги.

С другой стороны, вновь наблюдаются попытки объединения левых — «социал-патриотов» Д. Рогозина (читай социал-на-

ционалистов), КПРФ, «Патриотов России» Семигина, глазьевского движения «За достойную жизнь». Они чувствуют, что в случае объединения у них есть шанс не просто попасть в Думу, но и получить власть. Левые центристы типа Ю. Лужкова и А. Исаева пока являются их конкурентами со стороны власти, но кто знает, как повернутся события. Идейная же их близость несомненна. Их социальная база — те, кто получает деньги из бюджета.

На ближайшее десятилетие вырисовывается любопытный вариант — относительное равновесие между правыми на базе «Единой России» и левыми, возможно с консенсусом на почве державности, с отсечением маргиналов. Напомню, именно равновесие сил, а не потрясения, важны для становления демократии. Однако усиления либеральной демократии как самостоятельной силы, участвующей в схеме политического равновесия, пока не просматривается. Возможно, это единственная новость, которую можно усмотреть в последних событиях. Вряд ли ее можно считать хорошей.

Обратимся к выводам. Во-первых, значительная часть российского населения заметно изменила отношение к Путину, доказав, что власть уже не может навязать народу все, что захочет. Тем самым выяснилась и *готовность россиян к демократии: они проявили решимость защищать свои права и интересы* и вышли на улицы, когда оказались лишены возможности делать это посредством легальных демократических институтов и процедур. Конечно, они защищались от необходимых стране либеральных реформ, еще раз проявив консерватизм, — массы редко выступают иначе. Они, видимо, и дальше будут сопротивляться переменам. И разумеется, они никогда не выступили бы в защиту бизнеса, который как раз создает средства для повышения их благосостояния. Но факт остается фактом, даже популярность Путина, не очень пострадавшая от неуклюжих действий реформаторов, не смогла оградить власти от нежелания граждан вновь оказаться жертвами государственной политики.

Во-вторых, бизнес тоже отреагировал на давление бюрократии — в свойственной ему манере. Властям и на этом фронте пришлось идти на уступки. Правда, пока это уступки на словах, но ведь и предприниматели пока не поменяли образ действий, экономическая динамика остается прежней, той, что установилась в 2004 году. Такое неустойчивое равновесие, скорее всего, будет все же нарушено — в направлении навстречу друг другу, во избежание дальнейшего нанесения взаимного ущерба.

Что касается политики, то первые уступки администрации Путина в части демократизации — не более чем первая ласточка, которая не делает весны. И это в лучшем случае. Пока нет оснований считать, что нынешняя администрация готова сделать что-то значимое на этом пути. Однако и дальнейшее закручивание гаек стало менее вероятным, хотя в проблеме смены власти не стало больше ясности и, стало быть, напряжение вокруг нее в ближайшее время будет только нарастать.

Отсюда основной вывод: мы движемся по описанному выше наиболее реалистическому, варианту развития. Посмотрим еще раз на рисунок 14.4 — это вариант III, обозначающая его кривая идет несколько выше варианта I — крайнего, наиболее жесткого сценария модернизации сверху. Вариант III намного лучше, чем вариант I, но в нем политика и институциональные изменения не обеспечивают преодоление отставания. Стало быть, и выводы, сделанные в книге, не меняются.

Май 2005 года

Литература

- Автономов 2003
Автономов А. С. и др. Зарубежное избирательное право. М.: Норма, 2003.
- Алескеров, Платонов 2003
Алескеров Ф. Т., Платонов В. В. Системы пропорционального представительства и индексы представительности парламента. М.: ГУ-ВШЭ, 2003 (препринт).
- Андреев 2003
Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Беккер 2003
Беккер Г. С. Человеческое поведение: Экономический подход / Сост. Р. И. Капелюшников. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
- Бессонова 1999
Бессонова О. Э. Раздаток: Институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999.
- Бунин 2004
Бунин И. М. Власть и бизнес в новой России [Выступление на «Открытом форуме» Москва, 26 июля 2004 года].
- Бызов 2002
Бызов Л. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. 2002. № 1.
- Вишневский 1998
Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
- Вишневский 2004
Вишневский А. Г. Пять вызовов нового века // Мир России. 2004. № 2.
- Воскобойников 2002
Воскобойников И. В. Оценка совокупной факторной производительности российской экономики в 1961–2001 годах с учетом корректировки динамики основных фондов. М.: ГУ-ВШЭ, 2002.
- Всемирный банк 2004а
От экономики переходного периода к экономике развития: Меморандум об экономическом положении Российской Федерации / Всемирный банк. М., 2004.
- Всемирный банк 2004б
Оценка бедности в Российской Федерации / Всемирный банк. М., 2004.
- Гайдар 2005
Гайдар Е. Т. Долгое время: Россия в мире: Очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
- Гаман-Голутвина 1998
Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. М.: Интеллект, 1998.
- Геллнер 2004
Геллнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004.
- Граждане новой России 2004
Граждане новой России: Кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004). М.: ИКСИ РАН, 2004.
- Даль 2000
Даль Р. О демократии. М.: Аспект-пресс, 2000.
- Закария 2004
Закария Ф. Будущее свободы: Нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.
- Заславская 2002
Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002.

- Заславская 2004**
Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
- Здравомыслов 2000**
Здравомыслов А.Г. Власть и общество: Кризис 90-х годов // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000.
- Зиберт 2005**
Зиберт Х. Эффект кобры: Как избежать заблуждений в экономической политике. М.: Новое издательство, 2005.
- Зиновьев 1996**
Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия: 1991–1995. М.: Республика, 1996.
- Кастельс 2004**
Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория; Изд-во гуманитарного ун-та, 2004.
- Кирдина 2001**
Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
- Кирдина 2004а**
Кирдина С.Г. Институциональная структура современной России: Эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10.
- Кирдина 2004б**
Кирдина С.Г. X и Y экономики: Институциональный анализ. М.: Наука, 2004.
- Ключевский 1957**
Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1957. Т. 3.
- Конституция 1993**
Конституция Российской Федерации. М., 1993.
- Кох, Свиarenко 2003**
Кох А.Р., Свиarenко И. Ящик водки. М.: ЭКСМО, 2003. Т. 1.
- Козн, Арато 2003**
Козн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003.
- Крыштановская 2002**
Крыштановская О.В. Бизнес-элиты и олигархи: Итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4.
- Крыштановская 2004**
Крыштановская О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004. № 4.
- Крыштановская 2005**
Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
- Латин 2002**
Латин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России: Аналитический доклад. М., 2002.
- Лебедева 2000**
Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. № 3.
- Левада 2000**
Левада Ю.А. От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
- Левада 2003**
Левада Ю.А. Рамки и варианты исторического выбора // Экономические и социальные перемены в России: Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1.
- Ли Куан Ю 2005**
Ли Куан Ю. Сингапурская история: «Из третьего мира — в первый». М.: МГИМО, 2005
- Либоракина 2003**
Либоракина М.И. Проблемы и перспективы местного самоуправления: Независимая экспертиза реформы. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Фонд «Институт экономики города», 2003.
- Лосский 1991**
Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991.
- Малое предпринимательство 2004**
Малое предпринимательство в России: Прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Е.Г. Ясина, А.Ю. Чепуренко, В.В. Буева. М.: Новое издательство, 2004.

- Милюков 1912
Милюков П. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. СПб., 1912.
- Московичи 1996
Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
- Население России 1997
Население России' 1996 / Центр демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. М., 1997.
- Население 2002
Население России' 2001 / Центр демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. М.: Книжный дом «Университет», 2002.
- Никонов 2004
Никонов В.А. В сторону партий // Стратегия России. 2004. № 1.
- Нуреев 2001
Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: История и современность // Мир России. 2001. № 3.
- Овчарова 2002
Овчарова Л.Н. Какая политика сокращения бедности необходима для России? М.: Российско-Европейский центр, 2002.
- Овчарова 2004
Овчарова Л.Н. Вопросы социальной политики и сокращения бедности в России в контексте целей развития тысячелетия. М.: ПРООН, 2004.
- Олейник 2000
Олейник А.Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000.
- Пантин, Плимак 2000
Пантин Е.Г., Плимак И.К. Драма российских реформ и революций. М.: Весь мир, 2000.
- Поланьи 2002
Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Летейя, 2002.
- Полтерович 2002
Полтерович В. Политическая культура и трансформационный спад // Экономико-математические методы. 2002. Т. 38.
- Пшевворский 1999
Пшевворский А. Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 1999.
- Российское народовластие 2003
Российское народовластие: Развитие, современные тенденции и противоречия / Под ред. А.В. Иванченко. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003.
- Сен 2004
Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
- Соловьев 1860
Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. М., 1860.
- Средние классы 2003
Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малеевой. М.: Гендальф, 2003.
- Стародубровская, Мау 2001
Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции: От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.
- Третьяков 2004
Третьяков В.Н. Как стать знаменитым журналистом. М.: Ладомир, 2004.
- Хеллман 2002
Хеллман А. В пути к Земле обетованной // Экономико-математические методы. 2002. Т. 38.
- Шанин 1997
Шанин Т. Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997.
- Шевцова 2002
Шевцова Л.Ф. Десять лет после августа: Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2002.
- Шкаратан 2004
Шкаратан О.И. Социальное расхождение в современной России: Драма расколотого общества // Мир России. 2004. № 1.

- Шкаратан, Карачаровский 2002
Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1.
- Шумпетер 1995
Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.
- Щербинин 2000
Щербинин А.И. Человек во власти // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000.
- Экономика 2004
Экономика России: Итоги и перспективы роста / МЭРТ РФ. М., 2004.
- Яковлев 2001
Яковлев А.Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2001.
- Ясин 2003
Ясин Е.Г. Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
- Ясин 2004а
Ясин Е.Г. Новая эпоха — старые тревоги: Политическая экономия. М.: Новое издательство, 2004.
- Ясин 2004б
Ясин Е.Г. Новая эпоха — старые тревоги: Экономическая политика. М.: Новое издательство, 2004.
- Arrow 1951
Arrow K.J. Social Choice and Individual Values. N.Y.: John Wiley and Sons, 1951.
- Olson 1993
Olson M. Why is Economic Performance even Worse after Communism is Abandoned. Fairfax, 1993.
- Polterovich 2001
Polterovich V.M. Rent Seeking, Tax Policy and Economic Growth. M.: New Economic School, 2001.
- World Bank 1999
World Development Indicators 1999 / World Bank. [S.a.], 1999.
- World Bank 2001
World Development Indicators 2001 / World Bank. [S.a.], 2001.
- World Bank 2004
World Development Indicators 2004 / World Bank. [S.a.], 2004.

Summary

Evgeny Yasin's new book, *Will Democracy Survive in Russia*, is devoted to prospects for the development of democracy in Russia. Yasin examines democracy from the vantage point of political and economic theory, and analyses historical practice from Ivan III to Boris Eltsin. In the first part of the book ("Theory and history"), Yasin demonstrates the political and economic advantages of democratic government, and effectively disproves the widespread idea that it does not fit the aims and characteristics of modern Russian society. The second part of the book ("The Present") is a contemporary history of Russia: the rule of President Putin, marked by a frontal attack on democracy, the establishment of State control over mass media, the conflict between the State and big business, as well as the complete discrediting of judiciary and law enforcement agencies. The third part of the book ("Russia faces the challenge") discusses different variants of Russia's future: with and without democracy. Combining different political and economic factors, Yasin constructs several alternative scenarios of Russia's development and points out the most realistic one: in his opinion, it is a retarded, but steady development toward democracy, the only political form that would enable Russia to become competitive and prosperous. Yasin does not confine himself to theoretical speculation, excursions into the historical domain, and critical evaluation of the modern situation. At the end of the book Yasin suggests a definite scheme for the near future: a project for a wide political coalition of democratic forces and a program of democratic modernization, which includes a package of economic, political, and social reforms.

Евгений Ясин
Приживется ли демократия в России

Выпускающий редактор	Андрей Романович
Корректор	Любовь Кравченко
Компьютерная верстка	Тамара Донскова
Производство	Семен Дымант

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, улица Мясницкая 20
Телефоны: (095) 923 4056, 921 3313
Факс: (095) 923 2858
e-mail: liberal@liberal.ru
<http://www.liberal.ru>

Новое издательство
1030009, Москва, Брюсов переулок 8/10, строение 2
Телефон / факс: (095) 229 6493
e-mail: info@novizdat.ru
<http://www.livejournal.com/users/novizdat>

Подписано в печать 30 мая 2005 года.
Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитуры Minion, Helios. Объем 20,16 усл. печ. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз.
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Момент»
Химки, улица Нахимова 2